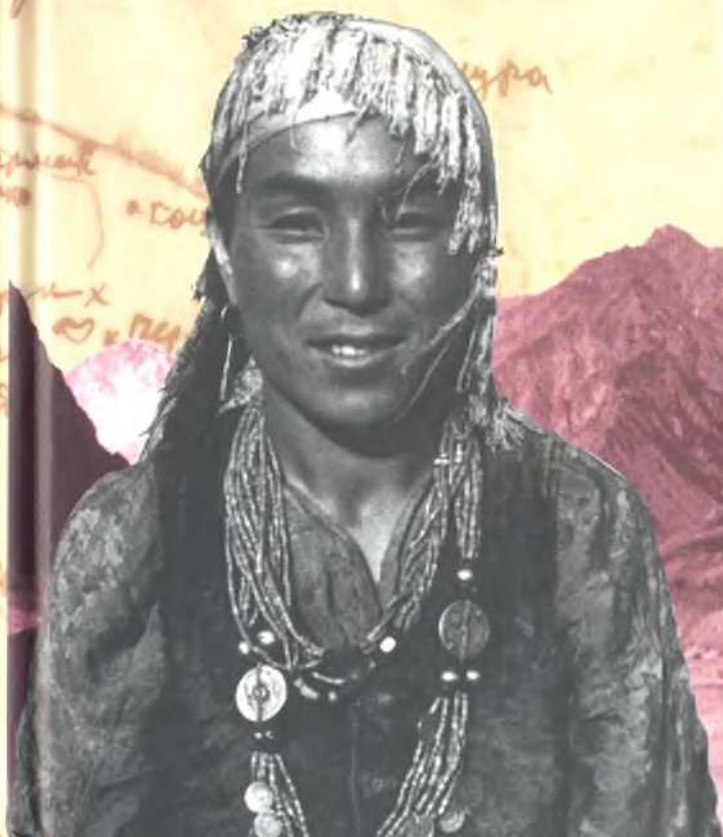

К 24 Б. Х. КАРМЫШЕВА

КАРАТЕГИНСКИЕ КИРГИЗЫ

НАУКА

Балкис Халиловна
КАРМЫШЧЕВА
1916–2000

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
ИМ. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛЯЯ

Б. Х. КАРМЫШЕВА

КАРАТЕГИНСКИЕ КИРГИЗЫ

КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ
СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
**НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА**
ИНН 01512199312054

МОСКВА НАУКА 2009

УДК 39
ББК 63.5(2)
К24

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 08-01-16116д*

Ответственные редакторы:
С.С. Губаева, С.Н. Абашиев

Составитель, автор вступительной статьи
и словаря местных терминов *С.С. Губаева*

Рецензенты:
кандидат исторических наук *Г.Ю. Ситнянский*,
кандидат исторических наук *А.А. Ярлыкапов*

На переплете:
экспедиционная карта, составленная *Б.Х. Кармышевой*;
долина реки Тамдыкуль;
киргизка из *Джиргатальского района*;
накосное украшение

На титуле:
серебряная брошь работы *джиргатальского мастера*

ISBN 978-5-02-036759-3

- © Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Микаухо-Маклая РАН, 2009
- © Кармышева Б.Х., 2009
- © Губаева С.С., составление, вступительная
статья, словарь местных терминов,
2009
- © Редакционно-издательское оформление.
Издательство "Наука", 2009

Б.Х. КАРМЫШЕВА И ЕЕ ТВОРЧЕСТВО

Имя доктора исторических наук Балкис Халиловны Кармышевой, крупного ученого, талантливого, влюбленного в свою профессию исследователя, одного из лучших знатоков этнографии народов Средней Азии, широко известно всем историкам и этнографам, изучающим этот регион. Трудно представить современную этнографию Средней Азии без трудов Б.Х. Кармышевой, но еще труднее представить, что было бы, не стань Балкис Халиловна волею судеб этнографом.

“Нет в мире ничего прекрасней бытия”. Эти слова Н. Заболоцкого могли бы стать эпиграфом ко всей жизни Балкис Халиловны. Энергичная и целеустремленная, она любила жизнь во всех ее проявлениях, и в радостях, и в печалях, и чем бы она ни занималась, она делала это с наслаждением. Кстати, слово “наслаждаюсь” было одним из любимых у нее. Только невероятное жизнелюбие помогло ей не просто выжить после авиакатастрофы, в которую она попала, возвращаясь с одной из конференций, помогло не только оправиться после сотрясения мозга, которое она получила, поскользнувшись на подмерзшем тротуаре, но и вернуться к научной работе, написать, преодолевая сильнейшие головные боли, большое число статей и капитальную монографию, отредактировать целый ряд книг.

Б.Х. Кармышева родилась 13 июля 1916 г. в г. Кульдже (Китай, провинция Синьцзян) в семье служащего частной торговой фирмы. Отец ее, Кармышев Халиль Фатыхович (1887—1960), татарин-мишар из степного Заволжья (Самарской губернии), происходил из семьи по тем временам образованной. Отец его был сельским учителем, а затем имамом, а мать происходила из семьи муэдзинов. Учителями были и его братья. Закончив медресе в своем селе, Халиль в поисках работы поехал на нижегородскую ярмарку и там нанялся на работу приказчиком к уйгурскому купцу из Кульджи.

Мать Балкис Халиловны, Галия Шахмухаммедовна Кармышева (1890—1971), татарка из Казанской губернии, также была из семьи

сельских учителей и имамов. Волею судеб ее семья тоже оказалась в Кульдже, где Галя повстречалась со своим будущим мужем и где родились их дети.

В 1923 г. Халиль Фатыхович Кармышев был направлен хозяином в Москву в качестве доверенного лица фирмы для налаживания торговых контактов. А в 1926 г. в Москву переехала и вся его семья. Никто в семье, кроме отца, не знал русского языка. Поэтому девочки не могли поступить в школу и в течение двух лет обучались дома у частных преподавателей. Затем старшие сестры Балкис Халиловны поступили в шестой класс русской школы, а Балкис — в четвертый.

В 1930 г. отец был арестован (тогда началась конфискация имущества у горожан, подобно раскулачиванию на селе) и сослан на три года в концлагерь. А мать после месячной отсидки в Бутырской тюрьме должна была с шестью детьми покинуть в трехдневный срок не только Москву, но и центральную часть России. Она уехала в г. Андижан (Узбекистан), где жили знакомые кульджинцы. А в 1934 г., после возвращения отца, семья переехала в Ташкент, чтобы дочери могли получить хорошее образование. В 1936 г. отца Балкис Халиловны арестовали снова и отправили на Колыму, обвинив теперь в пантюркизме за то, что он в 1916 г. помогал в Кульдже казахским и киргизским беженцам из России, восставшим против царского правительства.

Те тяжелые и несправедливые годы оставили неизгладимый след в душе Балкис Халиловны, и она часто с болью вспоминала о них, о безвинно пострадавшем отце, человеке высокой культуры и образованности.

Где только ни трудилась Б.Х. Кармышева в нелегкое предвоенное и военное время: и на текстильном комбинате работницей, и в сельсовете секретарем, и в заповеднике Аксу-Джабаглы (Чимкентская область в Казахстане) лаборантом, а затем метеонаблюдателем, и в школе учителем, и на курсах повышения квалификации учителей при Ташкентском облоно преподавателем.

Поступив на исторический факультет Среднеазиатского государственного университета в Ташкенте, Б.Х. Кармышева предполагала стать археологом: она закончила в 1945 г. кафедру археологии у проф. М.Е. Массона. Но по счастливой случайности после окончания университета Балкис Халиловна в связи с замужеством переехала в Душанбе (тогда Сталинабад), где начала работать в Институте истории, археологии и этнографии Таджикского филиала АН СССР, руководимом в то время легендарным А.А. Семеновым. В 1950 г. она поступила в аспирантуру при Институте этнографии АН СССР в г. Ленинграде. Научным руководителем ее стал А.П. Потапов.

Вернувшись после окончания аспирантуры в Душанбе, Б.Х. Кармышева проработала в указанном выше институте до 1956 г., сначала научным секретарем, а затем старшим научным сотрудником. С 1956 г. она работала в Институте этнографии АН СССР в Москве. По воспоминаниям самой Балкис Халиловны, М.Е. Массон, прочитав ее первую книгу ("Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период"), сказал, что теперь он не жалеет, что Балкис Халиловна изменила археологии и стала этнографом.

А этнографом она была от Бога. Как писала сама Балкис Халиловна: "К полевой этнографической работе я была подготовлена самой жизнью. Родилась я в татарской семье в городе Кульдже, в Синьцзяне, где прошли первые десять лет моей жизни. Там наша семья жила в тесном общении как с местным населением (уйгурами, казахами, дунганями), так и с пришлыми народами, особенно с русскими, немцами. В 1926—1932 гг. в связи со служебными обязанностями отца мы жили в Москве, а затем в Андижане и Ташкенте. В двух последних городах мы жили в старой части, среди узбеков, в тесном общении с ними..."². Таким образом, Балкис Халиловна уже с детства училась уважать людей иной национальности, их обычаи и культуру. Тем более, что и родители ее постоянно твердили своим детям: "Необходимо учить язык своих соседей, знать их культуру, петь их песни, но нельзя забывать и своей культуры, надо ценить ее".

Далее, ей посчастливилось, как пишет сама Балкис Халиловна, будучи студенткой, слушать лекции таких знатоков Средней Азии, как А.А. Семенов, М.С. Андреев, Н.Г. Малицкий, Л.В. Ошанин, Е.М. Пещерева, а также познакомиться с А.К. Писарчик и В.Г. Мошковой. Ей посчастливилось также быть в этнографических экспедициях с такими выдающимися этнографами, как А.К. Писарчик, Е.М. Пещерева, Н.А. Кисляков, К.Л. Задыхина, Г.П. Снесарев, археологом Б.А. Литвинским. У них она многому научилась. Балкис Халиловна была благодарна судьбе: та свела ее с такими учеными, которые были не только ее учителями, но, многие из них, — и ближайшими друзьями³. О годах, проведенных рядом с ними, Балкис Халиловна вспоминала с неизменным восторгом и предполагала написать серию статей-воспоминаний о них, но успела написать только о В.Г. Мошковой (для американского издания книги В.Г. Мошковой "Ковры народов Средней Азии конца XIX — начала XX в."). Была начата статья о Е.М. Пещеревой, которая из-за болезни Б.Х. Кармышевой, к сожалению, так и осталась незавершенной.

Балкис Халиловна вообще умела быть благодарной. В частности, всем тем, кто оказывал в экспедициях хоть какую-то помощь. Это и государственные, и партийные органы тех районов, куда она

В экспедиции. На переднем плане Б.Х. Кармышева. Самаркандская область, Узбекистан. 1961 г. (Фото Н.С. Кармазина)

Б.Х. Кармышева с информаторами Рабигой Адиловой и ее матерью. Самаркандская область, Пастдаргомский район. Узбекистан. 1961 г. (Фото Н.С. Кармазина)

ездила, которые не только не вмешивались в работу экспедиции (а те годы это было очень существенным моментом), но и оказывали всяческое содействие: давали первые важные сведения, помогали найти наиболее интересных информаторов, транспорт, устраивали при необходимости на ночлег и т.д. Но особенно она всегда была благодарна своим информаторам, к которым относилась с неизменным уважением и получала необыкновенное удовольствие от общения с ними.

С информаторами у нее вообще складывались удивительно теплые взаимоотношения. Многих из них Балкис Халиловна считала своими друзьями, постоянные связи с которыми сохранялись у нее не один год. Находясь в экспедиции, она по возможности навещала их. Некоторые из информаторов приезжали в Москву по каким-нибудь делам или на консультацию к врачам и останавливались у нее. И она, несмотря на свою безумную занятость, старалась чем можно помочь: ходила с ними по разным инстанциям, по больницам и врачам, зная, что жителю маленького глухого кишлака трудно ориентироваться в таком городе, как Москва. Балкис Халиловна в обязательном порядке отвечала на письма своих информаторов. И они отвечали ей любовью и уважением. "Какое счастье для нас быть знакомым с таким удивительным человеком. Какая честь для нас принимать у себя такого ученого", — такие или примерно такие слова читаешь почти в каждом письме информаторов к ней.

Вообще Балкис Халиловна не ленилась писать письма (качество ныне довольно редкое). Считала своим долгом ответить каждому написавшему ей, будь то близкие люди, просто знакомые или, как уже говорилось, информаторы из далекого кишлака. Причем письма ее не были формальными отписками. Уважая адресата, она вкладывала в каждую строчку частичку своей души. А это требовало не только времени, но и сил. Именно поэтому она писала письма только по утрам, пока голова была свежей, хотя понимала, что утро — самое плодотворное время для научной работы. Не случайно ее письма доставляли адресатам большую радость. Как писала ей, например, известный диалектолог Р.А. Неменова: "Для меня Ваши письма всегда радость, в них жизнь и мое любимое дело".

Б.Х. Кармышева обследовала в Средней Азии огромную территорию: весь Узбекистан (исключая Ташкентскую и Бухарскую области), весь Таджикистан (исключая Памир, Дарваз, Верхний Зеравшан), Ферганскую долину. И практически все ее поездки были плодотворны. Наслаждение, получаемое Балкис Халиловной от поездок в поле, было так велико, что они практически заменяли ей отпуск. А положенный отпуск она проводила безвылазно за рабочим столом. И снова наслаждалась, теперь уже тем, что может, никуда не выходя из дому (только разве что иногда в магазин), работать, работать, работать.

Беседа Б.Х. Кармышевой с информаторами. Кашкадарьинская область.
Узбекистан. 1978 г. (Фото С.Н. Иванова)

Б.Х. Кармышева в доме информатора. Сел. Арабхона в Ферганской долине.
1989 г.

Б.Х. Кармышева в традиционном уйгурском костюме пожилой женщины г. Яркента. 1960 г.

Самозабвенно занимаясь наукой, Балкис Халиловна, тем не менее, жила не только ею. Она любила ходить в театры, музеи, на выставки, когда выдавалась такая возможность, любила слушать классическую музыку (у нее была любимая коллекция записей) и, конечно, очень любила читать художественную литературу (и стихи, и прозу), причем предпочтительно философского плана. Времени на это у нее было мало: только час-другой перед сном, но ежедневно. Правда, асто художественная литература заменялась научной, когда надо было срочно прочитать книги, подаренные ей авторами (а ей дарили свои книги не только этнографы и не только специалисты по Средней Азии), чтобы как можно скорее сообщить автору свое мнение (а оно очень ценилось) и дать, если нужно, какие-то советы. Но все-таки чтение художественной литературы было ее хобби. Кстати, у Балкис

Халиловны была на зависть богатая библиотека как научной, так и художественной литературы (последняя хранится у ее дочери Дильбар Баскаковой).

Балкис Халиловна страстно любила природу, и при первой возможности старалась выбраться из дома в лес (зимой на лыжах). Но особенно она наслаждалась в экспедициях: горы, речные долины, холмистые степи, полупустыни и пустыни — все это неизменно приводило ее в восторг. Она вообще любила все совершенное и гармоничное, тонко чувствовала красоту.

Следует сказать, что в становлении Балкис Халиловны как гармоничного, одухотворенного и просто хорошего человека, в становлении ее как серьезного исследователя не последнюю роль сыграла семья, в которой она воспитывалась. А в семье царил дух доброжелательности к людям, независимо от их национальности, конфессиональной принадлежности и социального положения, уважались искренность, сердечность, стремление к справедливости, добросовестное отношение к труду и порицались высокомерие, жадность, леность.

Здесь высоко ценилась непреодолимая тяга к образованию. Живя в далекой Кульдже, семья Кармышевых выписывала газеты и журналы из Казани, Оренбурга, Баку, Крыма, бывших тогда центрами мусульманского образования. А вечерами, после работы, члены семьи и их друзья и соседи горячо обсуждали прочитанное. Высоко чтилась мусульманская мораль. Например, мать Балкис Халиловны говаривала: “В священный месяц Рамазан нельзя злословить, ссориться, сплетничать. Так учит наша религия. Привыкаешь всегда придерживаться этого завета”⁴.

В этой семье культивировалось почитание памяти предков, знания о них передавались из поколения в поколение. Это было свято, что, между прочим, является одним из существенных признаков общей культуры. Для детей и внуков, чтобы они знали о своих корнях, писали свои воспоминания родственники со стороны матери и отца Балкис Халиловны. Для детей и внуков писали свои воспоминания и ее родители. Причем настолько интересные, полные метких наблюдений, мудрых мыслей, юмора и вообще талантливо написанные, что читаешь их на одном дыхании. Более того, предназначенные для детей и внуков, они, тем не менее, не ограничены только сведениями о предках, а представляют увлекательный рассказ о времени, в котором жили авторы, и людям, их окружавшим.

“Сама жизнь каждого человека, — писал Халиль Кармышев, — в какой-то степени уже история. Хотя я не принадлежу к числу известных людей, но поскольку в своей жизни повидал многое, решил приступить к написанию воспоминаний, отбирая наиболее запомнив-

шеся, чтобы осталась память детям, внукам и их потомкам”⁵. Не случайно и воспоминания отца Халиля, Фатыха Кармышева (1836—1919), написанные им в 80 лет, превратились в краеведческий труд “Таварих-и Алтата”, т.е. “История Алтаты” (селение в степном Заволжье, в котором он жил)⁶. Все это свидетельствует о незаурядности авторов.

Основное свое предназначение в этой жизни Б.Х. Кармышева видела в самоотверженном служении науке. И это свое предназначение она выполнила сполна. В жизни деликатный и мягкий человек, Балкис Халиловна была требовательна и даже нетерпима, когда дело касалось науки. Она совершенно не выносила недобросовестности, поверхностности, неуважительного отношения к достижениям предшественников, приспособленчества. Но требовательность ее распространялась прежде всего на саму себя. Ее честнейшее отношение к работе поражало. Она была способна часами рыться в словарях, справочниках, специальной литературе (что, кстати, доставляло ей истинное удовольствие), чтобы уточнить какую-нибудь небольшую деталь для очередной статьи; не ленилась, если была необходимость, запрашивать или уточнять какие-либо сведения у коллег (в том числе и у живущих в других городах), у информаторов и терпеливо ждала ответа (а ответы она получала всегда, причем очень обстоятельные); она без устали переделывала написанное, стремясь к совершенству, не стесняясь при этом просить прочитать очередной вариант работы коллег, друзей, родственников — всех тех, кто мог своими замечаниями улучшить работу. Эта кропотливость и тщательность, бесконечная шлифовка поглощали значительную часть ее времени, и она писала несколько медленнее, чем могла бы. Но зато все ее работы приобретали филигранный характер. Они были выверены до предела, небрежных, наспех сделанных среди них не было. Вот что писала, например, по поводу книги Балкис Халиловны “Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным)”⁷ ее сестра Джамалия, кандидат биологических наук, человек широчайшего кругозора, к тому же обладавшая литературным даром, тонким чувством языка и стиля, и один из главных советчиков и строгих критиков Балкис Халиловны: “Прочитала твою книгу. И все думаю: неужели академии наук и правительства двух этих республик не отметят появление в свет такого уникального труда по этнической истории почти не изученной столь обширной области и не воздадут должное его автору. Я уверена, целый коллектив из пяти—шести человек не сумел бы создать столь насыщенную, столь содержательную, пронизанную от начала до конца одним духом страстного исследователя, монографию. Такие вещи должны писаться одним автором, чтобы высокий дух его, как свежий ветер адыров, степей и

долин веял с каждой страницы книги на читателя, как это получается всегда у тебя. Еще раз поздравляю тебя, милая сестра моя, с прекрасным детищем, плодом упорного, вдохновенного труда. Как жаль, что нет папы с мамой! Мне кажется, кто-кто, а Гафуров должен был опубликовать рецензию”⁸.

Диапазон творчества Б.Х. Кармышевой был очень широк. Скотоводство и земледелие, различные промыслы, в том числе женские, одежда и жилище, брак и семья, жизнь детей, погребально-поминальные обряды, ислам и служители ислама, конные игры, фольклор, ономастика, терминология — вот лишь малая толика того, о чем писала Балкис Халиловна. Но красной нитью через все ее творчество проходила ее любимая тема — взаимоотношения оседлого населения Среднеазиатского междуречья с кочевым, — разработка которой была начата уже в упомянутой выше монографии “Узбеки-локайцы Южного Таджикистана” и которая наиболее четко отражена в статьях «“Кочевая степь” Мавераннахра и ее население в конце XIX — начале XX века (по этнографическим данным)”⁹, “О торговле в восточных бекствах Бухарского ханства в начале XX в. в связи с хозяйственной специализацией (по этнографическим данным)”¹⁰ и в упомянутой монографии “Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным)”.

Б.Х. Кармышева впервые четко сформулировала мысль о том, что «одним из существенных факторов, определивших весь ход экономического, политического, культурного и этнического развития Мавераннахра эпохи феодализма, было тесное взаимодействие оседлого населения оазисов с их интенсивным поливным земледелием, развитым ремеслом и торговлей и так называемой “кочевой степи”». Идя дальше, она своими работами доказала, что “кочевая степь” была не только за пределами Мавераннахра, но и “внутри его самого”, ибо в пределах Среднеазиатского междуречья оазисы перемежались с обширными степными и полупустынными районами, а также горной и предгорной зонами, где обитали кочевники и полукочевники. И именно взаимодополняемость хозяйственной деятельности оседлого и кочевого населения создавала условия для этнокультурного сближения и даже смешения различных групп населения. Но, с другой стороны, этот сложившийся на протяжении веков хозяйственный симбиоз определил и устойчивость самосознания, и самобытность каждого из этнических компонентов населения этого региона.

Б.Х. Кармышева практически первой стала разрабатывать проблему формирования этнического состава населения Таджикистана и Узбекистана по этнографическим данным, открыв путь дальнейшим исследованиям этого плана. Избрав для обследования одну из сложнейших историко-этнографических областей Средней Азии,

известную до революции под названием "Восточная Бухара" (бассейн правых притоков Амударьи), Б.Х. Кармышева с присущей ей добросовестностью буквально исколесила регион из конца в конец, изучая его население. В результате появился уже упоминавшийся труд "Очерки этнической истории южных районов Узбекистана и Таджикистана (по этнографическим данным)", в котором дана практически полная картина истории формирования населения не только Восточной Бухары, а, пожалуй, всего Среднеазиатского междуречья.

Б.Х. Кармышева одной из первых этнографов стала серьезно и обстоятельно изучать узбекские племена, жившие на территории Узбекистана и Таджикистана: локайцев, тюрков, карлуков, конгратов, юзов и др. Она впервые показала, что не только кочевому и полукочевому населению Мавераннахра были присущи разнообразные этнические компоненты: в ряде районов, в частности в Восточной Бухаре, издавна оседлое узбекское и таджикское население, которое принято было считать достаточно монолитным, тоже состояло из этнографических групп территориального и генетического типа, которые при определенных условиях приравнивались к узбекским племенам. Кроме того, именно из работ Б.Х. Кармышевой стало известно о том, что далеко не на всей территории Среднеазиатского междуречья самоназвание таджиков и издавна оседлых узбеков было "сарт", как считали до нее. В Восточной Бухаре, а также в бассейнах Зеравшана и Кашкадарьи их самоназвание было "чагатай".

За свою жизнь Б.Х. Кармышева собрала такое количество самого разнообразного полевого материала, что сама понимала: обработать и опубликовать его она вряд ли успеет. И действительно, далеко не все собранное ею было подготовлено к печати. В частности, так и осталась незавершенной монография о каратегинских киргизах, которую она то и дело порывалась закончить. Но, будучи человеком увлекающимся, она пыталась объять необъятное. И потому у нее всегда было несколько начатых работ на самые разные темы, которые также требовали своего завершения.

В последние годы Б.Х. Кармышева увлеченно работала над архивом репрессированного ученого Ф.А. Фиельструпа, стоявшего у истоков советской этнографической науки, но незаслуженно забытого на долгие годы (он погиб в 1933 г. и реабилитирован в 1958 г.). Работа над этим архивом была дорога Б.Х. Кармышевой не только потому, что Ф.А. Фиельструп был мужем ее любимой наставницы и близкого друга Е.М. Пещеревой. Она считала, что уникальный материал, собранный ученым в 20-е годы XX в., представляет несомненный интерес для науки, ибо многое из традиционной культуры наро-

дов ушло и продолжает уходить. А то, что часть стремительно исчезающего счастливым образом оказалась зафиксированной незаурядным человеком, каковым был Ф.А. Фиельструп, рассматривалось ею как большая удача для науки, и это просто необходимо ввести в научный оборот.

В результате появились две статьи об этом ученом: “Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы (Полевые исследования Ф.А. Фиельструпа)”¹¹ и “От тропических лесов Амазонки до центральноазиатских степей: жизненный путь Ф.А. Фиельструпа”¹², а также была издана часть архива Ф.А. Фиельструпа (совместно с С.С. Губаевой), посвященная обрядовой жизни киргизов начала XX в.¹³

Б.Х. Кармышева много сделала для подготовки научных кадров для Средней Азии. Без преувеличения можно сказать, что многие этнографы Узбекистана, Таджикистана, Киргизии, Казахстана, Туркмении прошли через ее руки. Каждому обратившемуся к ней за помощью, она, несмотря на свою бесконечную занятость, старалась помочь по мере своих возможностей, без усталости читала и правила их работы. И будучи выправленными, эти работы неизменно обогащались, приобретали основательность. Не случайно среднеазиатские ученые относились к ней с пиететом и считали ее (и небезосновательно) светилом среднеазиатской этнографии. Но не только среднеазиатские ученые относились к Балкис Халиловне, к ее знаниям с глубочайшим уважением. Такие крупнейшие ученые, как О.А. Сухарева, Б.В. Андрианов (список этот можно продолжить), называли ее надеждой этнографии.

Имя Б.Х. Кармышевой включено в “Библиографический словарь отечественных востоковедов” С.Д. Милибанда¹⁴ и в справочник, выпущенный Дж. Шоберлайн-Энгелом¹⁵. Она приняла участие в XXV Международном конгрессе востоковедов (Москва, 1960), VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук (Москва, 1964), Международном симпозиуме по кочевничеству (Лейпциг, 1975), Международной этнографической конференции по исследованию народностей (Бекешчаба, Венгрия, 1983) и в большинстве конференций, проходивших на территории СССР. К сожалению, Б.Х. Кармышева долгое время была невыездной (из-за того, что родилась в Китае и был репрессирован ее отец), и потому список зарубежных конференций, симпозиумов и конгрессов у нее был невелик, хотя приглашения принять участие в них она получала постоянно.

Балкис Халиловна была награждена медалями: “Ветеран труда” (1983), “50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.” (1995), “В память 850-летия Москвы” (1997).

В основу исследования о каратегинских киргизах должны были лечь полевые материалы, собиравшиеся ею в 1952—1954 гг. в составе Гармской этнографической экспедиции Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР. Эта экспедиция проводила сплошное этнографическое обследование Каратегина и Дарваза. В Джиргатаальском отряде Гармской экспедиции, помимо Б.Х. Кармышевой, принимали участие художник М.Р. Табе и лаборантка Ю.И. Богорад¹⁶. Кроме того, Б.Х. Кармышева принимала участие в 1957 г. в Среднеазиатской экспедиции Института этнографии АН СССР, а в 1988 г. ездила в Каратегин с сотрудником Ленинградского отделения Института этнографии С.И. Илюшенко¹⁷. Сбор материала проводился по программам, составленным экспедицией для сплошного этнографического изучения Гармской области.

Данная книга является попыткой осуществить давнюю мечту Б.Х. Кармышевой опубликовать материал о каратегинских киргизах. Но не только это подвигло к работе над оставшимся после смерти Балкис Халиловны архивом. Б.Х. Кармышева, как уже говорилось, этнограф от Бога, и далеко не каждому удавалось собрать такой полевой материал, какой собирала она. Уникальность материала, а также то, что эта небольшая группа киргизов, жившая вдали от основной массы своего народа среди инонационального населения, до сих пор почти не изучена, делает работу нужной и востребованной.

С высоты новых реалий, сложившихся в крае после распада СССР, отдельные записи автора, связанные с жизнью каратегинских киргизов в советский период, покажутся современному читателю несколько идеализированными. Но это не совсем так.

В 50-е годы, когда собирался основной материал, еще достаточно глубоко не ощущалось наступление системного экономического кризиса, ставшего результатом перекосов в экономической политике советской власти. Связанный с нерациональным использованием удобрений и ядохимикатов, территориальным разобщением растениеводства и животноводства и созданием крупных животноводческих комплексов на ограниченной территории, преимущественно в поймах рек, приведшим к загрязнению почв и водных источников, он был еще впереди.

К счастью, Каратегина, и Джиргатаальского района в том числе, не коснулась переориентация Таджикской Республики на крупные энергоемкие производства: металлургические, машиностроительные и химические заводы, которые строились в республике без учета природно-климатических условий и привели в связи с этим к экологической катастрофе. Не возводились здесь и крупные гидроэлектростанции, а значит, не затоплялись тысячи га плодородных земель для создания искусственных водоемов. Не стал этот край и хлопковым

регионом (как некоторые области республики), что так же, как и строительство заводов и гидроэлектростанций, приводило к изменению и даже исчезновению традиционных форм хозяйства.

Это позволило в значительной степени сохранить в Джиргатальском районе традиционное хозяйство, в чем-то улучшенное, в чем-то ухудшенное в системе колхозов и совхозов. Хотя недостаточное внимание властей к сельскому хозяйству этого региона, полная зависимость его от центра, в частности, необходимость сдавать всю продукцию в центр, уже тогда, в 50-е годы, наложили отпечаток на хозяйственную жизнь и быт колхозников, что и отразилось в записях Б.Х. Кармышевой.

Но было в советский период сделано и немало хорошего: благоустройство края в целом, широкое развитие жилищного строительства, особенно в районном центре, строительство больниц, школ и клубов, автомобильных дорог, соединивших отдаленные селения с райцентром и Душанбе, обеспечение края промышленными товарами и т.д. и т.п. И не отметить этого было никак нельзя.

После распада СССР ситуация в регионе, как и всюду на постсоветском пространстве, серьезно осложнилась. В сентябре 1996 г. Джиргаталь захватила таджикская оппозиция и провозгласила здесь Гармскую исламскую республику. И судьба 10 000 киргизов, живших в Джиргатальском районе еще с досоветских времен, оказалась под угрозой: их ожидал массовый исход на историческую родину. Со временем ситуация в Таджикистане стабилизировалась. Но большая часть каратегинских киргизов вынуждена была под натиском националистических выступлений покинуть Джиргатальский район Таджикистана и переселиться в соседнюю Ошскую область Кыргызстана, где началась у них новая жизнь и новая история.

Книга не совсем однородна по форме. Одни разделы ее были написаны в свое время самой Б.Х. Кармышевой и сохранены, естественно, в первоизданном варианте (главы "Население" без "Кратких географических сведений", "Сельскохозяйственные занятия", "Подсобные промыслы"). В других, написанных ею же, имеются дополнения из полевых записей за 1988 г., на необходимость которых указывала Б.Х. Кармышева (глава "Материальная культура"). Раздел "Одежда и украшения" дополнен материалами, собранными Ю.И. Богорад. Два раздела — "Свадебные обряды" и "Обряды, связанные с рождением и воспитанием детей", — написаны совместно с С.С. Губаевой на основе материалов Б.Х. Кармышевой как статьи¹⁸. И наконец, целый ряд разделов представляют лишь полевой материал, поскольку Балкис Хаиловна так и не успела их обработать.

Названия глав и параграфов соответствуют таковым в плане-проспекте, написанном Б.Х. Кармышевой. В начало каждого из них на-

ми включены и выписки из плана-проспекта, что облегчает понимание задач автора по тому или иному разделу. Разделы "Задачи исследования" и "Историкография и источники" полностью взяты из плана-проспекта. В текст включены и те выписки из литературы, которые находились среди полевого материала и должны были быть использованы автором при написании книги. Следует отметить, что Б.Х. Кармышева часто пишет в работе "мы", а не "я", во-первых, потому, что во время сбора материала она была не одна, а с коллегами. А во-вторых, так было принято в научной литературе того времени. В разделах, написанных Б.Х. Кармышевой, сохранены глаголы в настоящем времени, хотя речь идет о 50—60-х годах прошлого века.

На вклейке даны фотографии предметов, купленных в Джиргатайском районе, в основном в селении Кошой, в 1957 г. А.К. Писарчик для музея им. М.С. Андреева.

Киргизские термины, выражения, фольклорный материал в архиве Б.Х. Кармышевой приведены в транскрипции, принятой в Гармской этнографической экспедиции. Но поскольку данная книга не является сугубо диалектологической, они переданы в их написании киргизской графикой на русской основе. В тексте они выделены курсивом. В "Словаре местных терминов" встречается двойное написание слов: сначала так, как у Б.Х. Кармышевой, а затем в скобках, как в "Киргизско-русском словаре" К.К. Юдахина. Следует помнить, что киргизское ж в русском языке передается как дж, а киргизское ң — как русское нг. Топонимы передаются русским алфавитом, как это было принято в изданиях 60—70-х годов. Перевод киргизских слов и выражений, фольклора выполнен С.С. Губаевой. Примечания, в которых имеются ссылки на литературу, изданную после 1960-х годов, составлены также С.С. Губаевой.

К сожалению, часть архива утеряна, в том числе и рисунки художника М.Р. Габе, некоторые схемы, карты, что значительно обедняет работу. По этой же причине в книге отсутствует раздел "Прикладное искусство", который был запланирован Б.Х. Кармышевой. Вместо "Заключения" предлагается совместное выступление Б.Х. Кармышевой и С.И. Илюшенко на Всесоюзной тюркологической конференции во Фрунзе в 1988 г.

Все рисунки в книге воспроизведены по полевым материалам Б.Х. Кармышевой.

¹ Кармышева Б.Х. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана // ТИИАЭ ТаджССР. Сталинабад, 1954. Т. XXVIII. Историко-этнографический очерк животноводства в дореволюционный период.

² Кармышева Б.Х. Из опыта моих полевых этнографических исследований в Таджикистане и Узбекистане в 1960—1980-е годы // Этнографическое исследование

³ Там же.

- ⁴ Галия Шахмухаммад кызы Кармышева. К истории татарской интеллигенции. 1890–1930-е годы. М., 2004 г.
- ⁵ Кармышев Х.Ф. Из воспоминаний // Галия Шахмухаммад кызы Кармышева. Указ. соч. С. 443–459.
- ⁶ Кармышев Х.Ф. Состав семьи родителей Халиля Кармышева // Там же. Указ. соч. С. 491.
- ⁷ Кармышева Б.Х. Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбекистана (по этнографическим данным). М., 1976.
- ⁸ Из письма Дж. Кармышевой от 12 февраля 1977 г. (книга вышла в 1976 г.). Б.Г. Гафуров, академик, автор книги “Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история” (М., 1972), в 50-е годы прошлого века, когда Б.Х. Кармышева работала в Институте истории АН ТаджССР, был секретарем ЦК Компартии Таджикистана. И Президиум Академии наук ТаджССР в его лице, как пишет Б.Х. Кармышева, не позволил изучать тюркоязычное население Южного Таджикистана, “считая целесообразным изучать в Таджикистане культуру и быт прежде всего самих таджиков” (Кармышева Б.Х. Из опыта... С. 111). Чтобы иметь возможность продолжать начатые исследования, Б.Х. Кармышева вынуждена была переехать в Москву работать в Институте этнографии АН СССР, руководимом тогда профессором С.П. Толстовым, где и завершила указанный труд (там же).
- ⁹ Кармышева Б.Х. “Кочевая степь” Мавераннахра и ее население в конце XIX – начале XX века (по этнографическим данным) // СЭ. 1980. № 1.
- ¹⁰ Кармышева Б.Х. О торговле в восточных бекствах Бухарского ханства в начале XX века в связи с хозяйственной специализацией (по этнографическим данным).
- ¹¹ Кармышева Б.Х. Этнографическое изучение народов Средней Азии и Казахстана в 1920-е годы (полевые исследования Ф.А. Фиельструпа) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. М., 1988. Вып. 10.
- ¹² Кармышева Б.Х. От тропических лесов Амазонки до центральноазиатских степей: жизненный путь Ф.А. Фиельструпа // Репрессированные этнографы. М., 1999.
- ¹³ Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М., 2002.
- ¹⁴ Милибант С.Д. Библиографический словарь отечественных востоковедов. М., 1995. Кн. 1.
- ¹⁵ John S. Shoerberlein-Engel. Guide to Scholars of the History and Culture of Central Asia. Harvard, 1995. P. 128.
- ¹⁶ Краткий отчет о полевой работе см.: Кармышева Б.Х. Поездка к киргизам Джиргатале в 1954 г. // ИООН АН ТаджССР. Сталинабад, 1956. Вып. 10–11. С. 25–31.
- ¹⁷ С.И. Илюшенко был в Джиргатале и в 1983, 1987 гг.
- ¹⁸ Одна из статей “Обряды, связанные с рождением и воспитанием детей, у карагетинских киргизов” опубликована в Среднеазиатском этнографическом сборнике “К 100-летию со дня рождения Ольги Александровны Сухаревой” (2006 г. Вып. V.)

ВВЕДЕНИЕ

ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

Задачей исследования является историко-этнографическая характеристика небольшой группы киргизов (по переписи 1959 г., 6800 человек), живущей в Джиргатальском районе ТаджССР совместно с таджиками (по тем же данным, 3600 человек) и представителями других национальностей (200 человек, преимущественно в районном центре).

Изучение этой группы представляет большой научный интерес, поскольку выходит за рамки исследования частного вопроса в силу следующих обстоятельств:

1. Каратегинские киргизы в большинстве своем относятся к так называемым ичкилика́м — наиболее сложной по своему этническому составу группе киргизского народа, происхождение которой до сих пор нельзя считать окончательно выясненным. Не исключена возможность, что каратегинские киргизы, живущие несколько оторванно от основной массы своего народа, сохранили какие-то архаические черты в быту, которые могут служить дополнительным материалом для решения проблемы происхождения ичкиликов.

2. Как известно, в истории Каратегина много белых пятен, в частности, нет в источниках достоверных данных об этнической принадлежности его населения в средние века, вплоть до первой четверти XVII в., когда там поселились киргизы и некоторое время занимали всю территорию этой обширной горной страны. Можно надеяться, что при анализе культуры и быта каратегинских киргизов могут выявиться в них следы культуры предшествовавшего им населения. Таким образом, изучение каратегинских киргизов имеет большое значение для истории Таджикистана и таджиков.

3. Чрезвычайный интерес представляет изучение протекавших в течение трех столетий в Каратегине процессов взаимовлияния и взаимопроникновения трех очень разных культур — культуры горных таджиков и ферганских узбеков, т.е. исконного оседлого населения этих областей Средней Азии, и бывших кочевников и полукочевников кир-

гизов. Ибо это тот самый процесс, который был ведущим в истории культуры народов Средней Азии на всех этапах их истории. Не меньший интерес представляет изучение этого явления в новых социально-экономических условиях, в процессе строительства социализма и ныне, как пример развития культуры небольшой этнографической группы в инонациональном окружении.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКИ

Специальное этнографическое изучение каратегинских киргизов впервые было осуществлено Гармской этнографической экспедицией Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР, проводившей сплошное этнографическое обследование Каратегина и Дарваза. Изучение было поручено автору (1952–1954 гг.). Сведения о киргизах собирали также и этнографы-таджиковеды в процессе обследования таджикского населения Джиргатальского района. Материалы этих исследований вошли в монографию “Таджики Каратегина и Дарваза”¹.

Весьма ценные сведения по истории расселения киргизов в Каратегине, а также по социальным отношениям и хозяйству имеются в книге Н.А. Кислякова “Очерки по истории Каратегина”². В 1957–1961 гг. историко-этнографическое обследование каратегинских киргизов было проведено киргизским историком А. Абышкаевым. Результаты работы, этнографическая часть которой носит поверхностный характер, изложены им в брошюре “Каратегинские киргизы в конце XIX – начале XX в.”³. В 1951–1953 гг. диалектологом Ж. Мукамбаевым при сборе материалов по джиргатальскому говору проводились и записи по быту, в частности, свадебному обряду⁴.

В основу настоящего исследования легли полевые этнографические материалы автора, собиравшиеся, как уже отмечалось, в 1952–1954 гг., в 1957 г. (и в 1988 г. – С.Г.), а также обстоятельные материалы по одежде, собранные Ю.И. Богорад, работавшей в составе Джиргатальского отряда Гармской экспедиции под руководством автора.

Ценным источником являются музейные экспонаты, приобретенные А.К. Писарчик и автором в 1954 г. и хранящиеся в музее им. М.С. Андреева Института истории АН ТаджССР. Часть из них использована в работе.

¹ Таджики Каратегина и Дарваза / Под ред. Н.А. Кислякова и А.К. Писарчик. Душанбе. 1966. Вып. 1; 1970. Вып. 2; 1976. Вып. 3.

² Кисляков Н.А. Очерки по истории Каратегина. Сталинабад, 1954.

³ Абышкаев А. Каратегинские киргизы в конце XIX – начале XX в. Фрунзе, 1965.

⁴ Мукамбаев Ж. Джиргатальский говор киргизского языка. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Фрунзе, 1955. С. 6.

НАСЕЛЕНИЕ

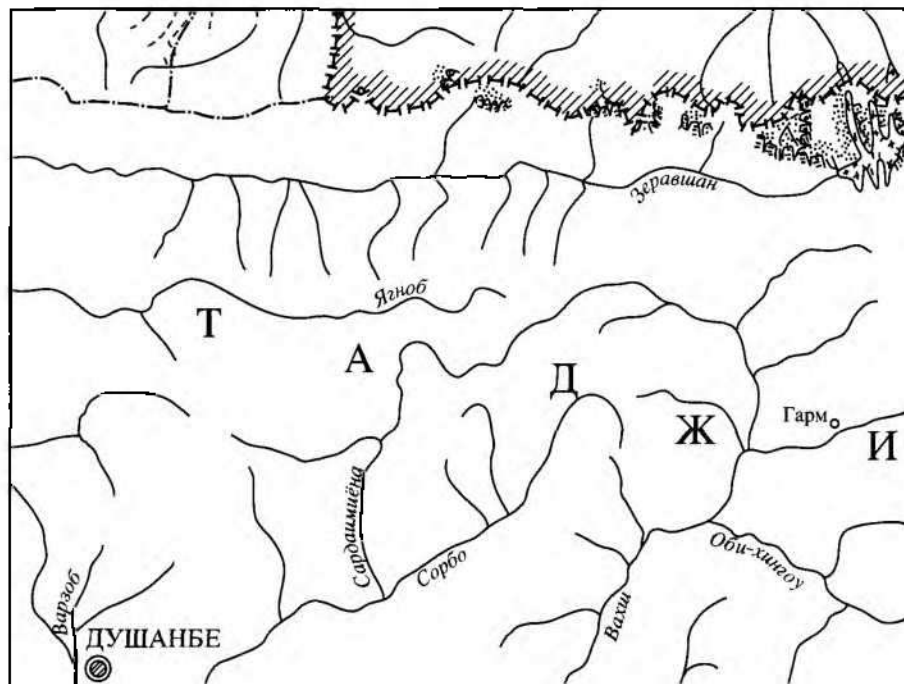
КРАТКИЕ ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ¹

Джиргатальский район, который в литературе еще называют "Верхний Каратегин"², занимает самую восточную часть Каратегина, граничащую с Алайской долиной и Памиром, и находится в долине реки Сурхоб. Эта река в Алайской долине и до впадения в нее реки Мук-су уже на территории Джиргатальского района называется Кызыл-су. То и другое названия переводятся соответственно с иранского и тюркского наречий как "Красная вода" (из-за красной глины, в изобилии растворенной в ней). Алайскую долину и Каратегин разграничивает река Кара-мук-су, по которой идет дорога на перевалы Бокбаш, Лойсу, Кутурга, ведущие в Ферганскую долину, в частности, в Шахимардан и далее в Маргилан.

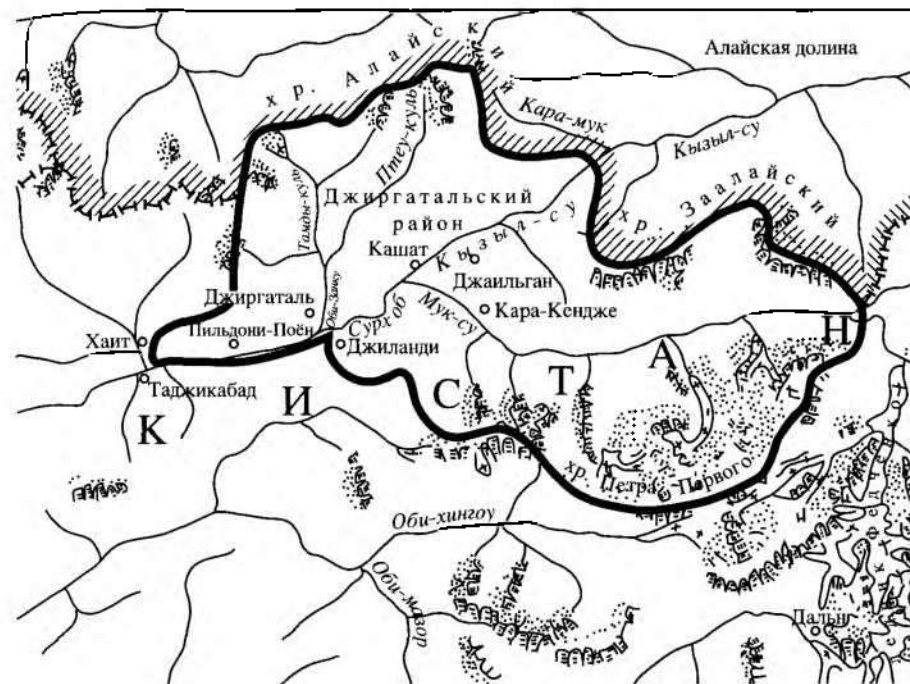
Географическими границами Джиргатальского района являются южные склоны Алайского хребта на северо-западе и севере (частично), река Кара-мук-су на северо-востоке, западные отроги Заалайского хребта на востоке, северные отроги хребта Петра Первого на юге. Западная граница проходит ниже Джиргаталя, а точнее, ниже кишлака Сайрон.

Делится Верхний Каратегин на два естественных района, разграниченных отрогом Алайского хребта. К востоку, в бассейнах рек Мук-су и Кызыл-су, находится мыс, разграниченный этими реками, который представляет собой холмистое плато и называется Ляхш. К нему примыкают и кишлаки Дамбрачи и Джайлган. К западу от невысокого перевала Кушагба (киргизское название Кошмойнок) в бассейне правого притока Сурхоба — реки Оби-Занку, располагаются собственно Джиргаталя и прилегающие к нему кишлаки.

Ландшафт восточной части Джиргаталя (Ляхша) довольно суров, местность сильно пересечена. Река Сурхоб (Кызыл-су), покидая Алайскую долину, "несколько ниже урочища Катта-Кара-мук прорывается узким ущельем в теснине гор. Ниже этой теснины Сурхоб течет по суровой, сильно пересеченной местности, горы под-

Карта Джиргатальского района Таджикистана

ходят близко к реке и стесняют ее течение”³. Как писал капитан Г.Ш. Васильев в конце XIX в., реку Сурхоб можно было перейти вброд только зимой (с ноября по март); в остальное время — по мостам. Так как мостов было немного, то жители переправлялись также вплавь на турсуках⁴. Ширина реки изменчива. До впадения в нее Мук-су она имеет ширину от 5 до 10 саженей; отсюда (т.е. от Мук-су) опять становится значительно шире, от 100 до 300 саженей. От реки Кара-Мук до кишлака Аччик-Алма — грунт песчано-каменистый, за исключением речек и ручьев, где он глинисто-черноземный⁵.

“На третьей версте от Аччик-алма (в сторону Джиргаталя. — С.Г.), — пишет далее Г.Ш. Васильев, — в Сурхоб впадает речка Гыламасу; в версте от впадения, в ее долине есть кишлак Гылама (Гулама. — С.Г.), около которого большие соляные копи. Около кишлака Дувана дорога идет полями пшеницы, принадлежащими жителям кишлака, а затем опять между камнями. Речку Дувана переходили вброд. За две—три версты до кишлака Аксай — роща (яблони, орех, тополь, береза)”⁶.

Близ районного центра Джиргаталя в Сурхоб впадает речка Оби-Занку. Как писал Г.Е. Грум-Гржимайло, “на всем протяжении от границы с Алайской долины до Занку эта полоса каратегинских владений представляет очень мало участков, годных под хлеб. К тому же, видимо, обработанных с большим трудом. Подпочва здесь везде конгломерат, цементированный глиной, или просто галечный слой без всякого цемента, покрытый только местами растительным слоем... Засевают овес и пшеницу”⁷.

Правый приток Сурхоба Оби-Занку образуется из слияния двух горных речек Птеу-куль и Тамды-куль. Птеу-куль, в свою очередь, образуется из речки Лой-су и еще нескольких горных потоков. Как писал капитан Васильев, “Оби-Занку имеет среднюю ширину от 10—12 сажен, течет в крутых высоких берегах; глубина ее в половодье — около сажени; переправа вброд возможна только зимой; в остальное время — вплавь или по мосту у Иар-мазара; дно песчаное с галькой; вода для питья годная. По долине Тандык-су (Тамды-куль. — С.Г.) идет путь на перевал Тарак к Соху; по долине Птау-куль-су и ее истоков — пути к перевалам Тюльбе, Бок-Бош, Кара-Казык и далее к Соху или через Вуадиль к Маргилану”⁸.

Джиргатальская группа кишлаков, расположенная в долине реки Оби-Занку, имеет более или менее ровный рельеф и относительно плодородные почвы. Как писал капитан Васильев, "на всем переходе от Шельбели до Джиргаталя (29 верст) почва глинисто-черноземная. Долина реки Занку засеяна пшеницей и ячменем; кишлаки — в больших фруктовых садах"⁹. В рассматриваемое время, т.е. в середине XX в. здесь использовались тракторы, комбайны и другая сельскохозяйственная техника. Хотя и в этом районе многие пахотные земли располагаются на таких крутых склонах, что обрабатывать их можно только местной сохой.

¹ Данный раздел написан на основании выписок Б.Х. Кармышевой из трудов путешественников XIX в., главы "Географический очерк" в книге "Таджики Каратегина и Дарваза" (Душанбе, 1966. Вып. 1), написанной Н.А. Кисляковым, а также записей самой Б.Х. Кармышевой. При написании топонимов сохранялись формы, принятые в литературе тех лет, в частности в монографии "Таджики Каратегина и Дарваза".

² Кисляков Н.А. Географический очерк // Кисляков Н.А. Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1966. Вып. 1. С. 27.

³ Там же.

⁴ Турсук (кирг. *торсук*) — бурдюк для хранения и перевозки жидкостей, которые, в надутом виде, часто использовали и при переплывании речек.

⁵ Васильев Г.Ш., капитан. Краткое статистическое описание Каратегина // СМА. СПб., 1888. Вып. 33. С. 37, 38.

⁶ Там же. С.39.

⁷ Грум-Гржимайло Г.Е. Очерки припамирских стран // Изв. РГО. 1886. Т. 22. С. 83.

⁸ Васильев Г.Ш., капитан. Указ. соч. С. 11.

⁹ Там же С. 10.

РАССЕЛЕНИЕ КИРГИЗОВ В КАРАТЕГИНЕ

В Джиргатальском районе ТаджССР по переписи 1959 г. насчитывалось 10 628 человек населения. Из них киргизов — 6800 человек, таджиков — 3600 и 228 — других национальностей. В самом крупном селении, Джиргатале, являющемся административным центром района, насчитывалось 1585 человек (киргизы, таджики и другие национальности).

Ареал расселения киргизов в Каратегине за последние 75 лет не претерпел существенных изменений и совпадает с территорией нынешнего Джиргатальского района. Изменения шли в направлении увеличения таджикского населения, роста кишлаков со смешанным населением, с одной стороны, а с другой — переселения ряда кишлаков (или части населения их) в южные районы Таджикистана

на вновь осваиваемые под хлопок земли, а также переселения киргизов в южные районы Ферганской долины и в районы южной Киргизии.

Почти все исследователи, которые в той или иной мере касаются населения Каратегина и его истории, а также материалы Гармской этнографической экспедиции, собранные как среди таджиков, так и среди киргизов, говорят, что Каратегин лет 350—400 тому назад был весь заселен киргизами, и только постепенно таджики, пришедшие преимущественно с бассейнов рек Оби-хингоу и Яхсу, оттеснили их на восток¹.

Что касается непосредственно Джиргатальского района — самого восточного района Каратегина, граничащего с Алайской долиной и Памиром, то он еще относительно недавно (лет 200—250 тому назад) был заселен исключительно киргизами. Все таджикские семьи помнят, откуда и сколько примерно поколений тому назад пришли сюда их деды и прадеды. Переселение таджиков в Джиргатальский район происходило преимущественно с Вахию (верхнее течение реки Оби-хингоу). Они или создавали постепенно новые поселения, или, что чаще, селились среди киргизов.

Как уже говорилось, Джиргатальский район делится на два естественных района, разграниченных отрогом Алайского хребта: к западу от невысокого перевала Кушагба (Кош-мойнок — по-киргизски) располагается бассейн правого притока Сурхоба — реки Оби-Занку², а к востоку — бассейн реки Мук-су и низовьев Кызыл-су. Районный центр Джиргаталь расположен в западной части. Вплоть до конца 1950-х годов, пока не была проложена автомобильная дорога и не было воздушного сообщения, связь между этими двумя зонами осуществлялась по верховой тропе. Поскольку заселение шло снизу, а также с юга, с бассейна Оби-хингоу через перевалы хребта Петра Первого, то в западной части района наблюдалась значительно большая смешанность населения. Еще в 1887 г. капитан Васильев зафиксировал смешанное население почти во всех кишлаках ниже Дамбрачи. Этот кишлак стоит у слияния Мук-су с Кызыл-су. Недаром с этого места река Кызыл-су получает уже таджикское название Сурхоб.

Наши материалы показывают, что район Джиргаталья таджики стали заселять значительно раньше, чем бассейн Кызыл-су и Мук-су. Об этом свидетельствует и большая смешанность населения западной части по сравнению с населением восточной части района. Киргизы сами отмечают это и говорят, что киргизов — джиргатальцев и окрестных с Джиргаталем кишлаков — называют полутаджиками или каратегинцами (каратегинчи) и даже таджиками, так как они сильно смешались с таджиками. Киргизов же бассейна Кызыл-су и Мук-су называют просто “кыргыз”. Каратегинские киргизы, переселившиеся

в Фергану, известны там под названием “каратегини”, что отразилось и в топонимии Андижанской области.

Каратегинские киргизы относятся к следующим киргизским племенам: бостон, кипчак, кесек и теит. Все они известны под общим именем “ичкилик”³.

Здесь мы сочли необходимым подробно (насколько позволяют наши материалы) остановиться на родоплеменном составе каратегинских киргизов, на вопросе расселения отдельных групп и на их преданиях, так как эти вопросы, имеющие первостепенное значение при изучении истории сложения киргизского народа, недостаточно освещены в историко-этнографической литературе⁴.

До коллективизации (т.е. до переселения части каратегинских киргизов в долину Вахша и Кафирнигана, а также в южные районы Ферганы) наибольшее число селений в Джиргатаальском районе занимали представители рода кыдырша (в местном произношении *гыдырша*), относящиеся к племени теит. Территория, занимаемая кыдырша в Джиргатаальском районе, является продолжением занимаемой ими территории в Алайской долине. Это берега реки Кызыл-су, начиная от выхода ее из Алайской долины (кишлак Карамук принадлежит Киргизии, а Кчи-Карамук — Таджикистану) и кончая впадением в нее реки Мук-су (кишлак Дамбрачи).

Подразделением кыдырша считается род чоок (*чоок*), селения которого располагаются вдоль левого берега реки Мук-су.

Большинство селений кыдырша расположены на юго-восточном склоне того отрога Алайского хребта, который тянется вдоль правого берега Кызыл-су. Почти во всех селениях вместе с киргизами живут и таджики (см. табл. 1).

В Джиргатаальском районе проживают еще два рода теитов — чегетер и уйгур. Первый занимает три небольших селения: Шильвили, Чаар и Сугат. Род уйгур также занимает три селения — Кальдар, Джолболот, Казактар (эти три селения называются по именам трех соответствующих подразделений рода уйгур).

Таким образом, теиты расселились по реке Кызыл-су и Мук-су и их притокам. Они не спускаются ниже перевала Кушагба, т.е. не распространяются на собственно Каратегин, если не считать кишлака Яр-мазар, расположенного у слияния рек Птеу-куль и Тамды-куль.

На мысе, разграниченном реками Кызыл-су и Мук-су, представляющем собой холмистое плато и называемом, как уже говорилось, Ляхш, располагаются пять небольших кишлаков племени бостон, основная масса которого расселена в восточной части бассейна реки Сох, а также к югу от Джалалабада, на правобережье реки Куршаб.

Кишлаки теитов

№	Название кишлака	Этнический состав
1	Кчи-Карамук	Кыдырша (часть населения переселилась в Фергану)
2	Сарыгой	Кыдырша (подразделение <i>гомай</i> . Часть населения переселилась в Фергану)
3	Аччик-Алма	Кыдырша, таджики (часть населения переселилась в Фергану)
4	Дуана	Кыдырша (подразделение <i>таз</i>)
5	Кыргыз-Аксай	Кыдырша, таджики
6	Кашат (самый большой из теитских кишлаков — 399 человек, по данным переписи 1959 г.)	Кыдырша
7	Кштау	Кыдырша
8	Карасай	Кыдырша (подразделение <i>таз</i>)
9	Копрук-боши	Кыдырша (подразделение <i>таз</i>)
10	Кыл-джуджай	Кыдырша
11	Дамбрачи	Кыдырша, мочик, таджики
12	Мукур	Кыдырша
13	Гулама	Кыдырша (часть населения переселилась в Фергану)
14	Джайлаган	Кыдырша (значительная часть населения переселилась в Фергану)
15	Девшаар	Кыдырша (подразделение <i>чоок</i>) и таджики (часть населения переселилась на юг Таджикистана)
16	Мук	Кыдырша (подразделение <i>чоок</i> . Переселились на юг Таджикистана)
17	Минг-булак	Кыдырша (подразделение <i>чоок</i> . Часть населения переселилась на юг Таджикистана)
18	Кош-тегирман	Кыдырша (подразделение <i>чоок</i>) и таджики (часть населения переселилась на юг Таджикистана)
19	Кальта-булак	Кыдырша и таджики (часть населения переселилась на юг Таджикистана)
20	Сартала	Кыдырша (подразделение <i>чоок</i> . Часть населения переселилась на юг Таджикистана)
21	Казактар	Уйгур (подразделение <i>казактар</i> ; часть населения переселилась на юг Таджикистана)
22	Джолболот	Уйгур (подразделение <i>джолболот</i>)
23	Кальдар	Уйгур (подразделение <i>джолболот</i>)
24	Сутат	Чегетер и таджики
25	Шилбил	Чегетер и таджики
26	Чаар	Чегетер
27	Яр-мазар	Теит

Кишлаки кесеков

№№	Название кишлака	Этнический состав
1	Птеукуль-Чонгкыргыз	Чонг-кыргыз (часть населения переселилась на юг Таджикистана)
2	Птеу-куль-Баалх	Кзылаяк, теит и таджики (часть населения переселилась на юг Таджикистана)
3	Долоно	Кзылаяк (подразделение конгырбай)
4	Джаны-Шаар	Чонг-кыргыз, кзылаяк и таджики
5	Кашка-терек	Кзылаяк (подразделение конгырбай) и таджики
6	Джол-терек	Кзылаяк и таджики
7	Кошой	Чонг-кыргыз, кзылаяк и таджики
8	Дашти-Нушар	Кзылаяк и таджики
9	Ак-джар	Кзылаяк
10	Кыргыз Пильдон	Кесек и таджики
11	Чубай	Кесек и таджики

Кишлаки бостонов на Ляхше следующие: Кара-Кендже, Сары-Кендже, Сассык-булак, Байлар-топ и Кара-шоро. Во всех этих селениях живут и таджики вперемешку с киргизами.

В других местностях Джиргатальского района бостоны не живут.

В западной части Джиргатальского района, относящейся, по представлению местного населения, к собственно Каратегину, представлены в основном племена кесек и кипчак. При этом из кесеков род кзылаяк, а из кипчаков — род ахтачи.

Кзылаяки занимают преимущественно кишлаки левобережья реки Оби-Занку (см. табл. 2). Основная масса кесеков расселена на северо-запад от Джиргатальского района, в верхней части бассейнов рек Аксу, Исфара и Ходжа-Бакырган, куда ведут из Джиргатальского района труднопроходимые, открытые лишь в летние месяцы, перевалы.

Кыпчакский род ахтачи составляет население кишлаков по правобережью Сурхоба в промежутке от реки Оби-Занку до реки Ярхич (см. табл. 3). Только селение Джиланды расположено на одном из левых притоков Сурхоба.

На памяти стариков сохранились предания о том, что в кишлаке Осиоб-дара бывшего Хантского района (ныне кишлака этого не существует) еще в прошлом веке с таджиками жили киргизы племени оргу (орго. Основное место расселения этого племени — в бассейне правобережья Исфайрам-су). Со временем киргизы Осиоб-дара растворились среди таджиков.

Кишлаки кипчаков

№№	Название кишлака	Этнический состав
1	Кальта-булак	Ахтачи
2	Карши	Ахтачи
3	Джиргаталь	Ахтачи, таджики
4	Майдан-терек	Ахтачи
5	Занкан (Коргон)	Ахтачи, таджики
6	Джараш	Ахтачи, таджики (переселились на юг Таджикистана)
7	Сайрун (Ак-мойнок)	Ахтачи, кесек (подразделение кзылаяк), таджики
8	Джиланды	Ахтачи, таджики

Также слилась с таджиками, по словам местных жителей, небольшая группа найманов, жившая в верховьях Мук-су⁵.

После вышеизложенного краткого обзора расселения родоплеменных групп киргизов в Джиргатаальском районе, обратимся к нашим материалам по истории расселения.

У каратегинских киргизов вплоть до последних лет в той или иной мере сохранялся родоплеменной принцип в расселении.

Рода, как такового, давно, конечно, не было. Пережитки его выражались в дореволюционное время в легендах и преданиях об общем родоначальнике, в непрерывном участии в семейных праздниках или поминках сородича, во взаимной поддержке при каких-либо распрях, помощи при выплате хуна (платы за кровь), при спортивных играх — борьбе и козлодранье, когда разделение на две партии происходило по родоплеменному признаку.

Одним из внешних проявлений этого являлось то, что в приложении к отдельным лицам нередко вместо родового имени употреблялось название кишлака (например, *кашатчи* — житель; *кашата*, *дуаначи* — житель кишлака Дуана и т.д.).

Выше указывалось, что большинство киргизов Туркестанского хребта, Алайской долины, Памира и Синьцзяна относятся к группе ичкилик. Происхождение этого названия, история образования этой группы и этногенез отдельных племен, в нее входящих, до недавнего времени оставались невыясненными⁶.

Опубликованная в 1960 г. работа К.И. Петрова "Этногенез киргизов и их движение на Тянь-Шань в XIII—XV вв.", на основании обширного круга источников, убедительно раскрывает как происхождение ичкиликов, так и время и пути продвижения их на Тянь-Шань⁷. Резюмируя свое исследование по вопросу об ичкиликах,

К.И. Петров говорит следующее: «До конца XII в. в Приенисейском районе вместе с “киргизами” (между ними, ойратами и найманами) проживало значительное число этнически близкородственных тюркоязычных племен, которые в общем не составляли народность. Среди них были группы булгачи (включавшие бостон, канды, кесек и жоокесек...) и кэрэмучи (вероятно, включавшие тейит, ават, оргу...), толес, сиберги, баргу и др. После изгнания в начале XIII в. основной массы найманов с Алтайско-Хангайского нагорья, они передвинулись на земли найманов, простиравшиеся до Восточного Тянь-Шаня, где кочевали до конца XIV в. Часть осколков указанных племен консолидировалась с основной массой объединения булгачи-кэрэмучи (вроде толес, сиберги и др.) Кроме того, с ними здесь консолидировались некоторые группы местного алтайского и восточного тянь-шаньского населения (найманы, уйгуры и др.). С другой стороны, от основной массы булгачи-кэрэмучи откололись мелкие группы, поглощенные впоследствии ойратами (калмаками). Примерно на рубеже XIV—XV вв. объединение булгачи-кэрэмучи с примкнувшими к нему осколками племен переместились далее на северный Тянь-Шань и в середине XV в. за Сыр-Дарью. В этот период к нему примкнуло подразделение кипчак. Во второй половине XV в. они заняли населяемую ими ныне территорию Южной Киргизии, граничащую с Узбекистаном, где к ним присоединились нойгуты»⁸.

«Что касается толкования этнонима “ичкилик”, то мы считаем возможным исходить из того факта, что составившие объединение ичкилик основные родоплеменные подразделения — булгачи и кэрэмучи, толес, сиберги и др., вышли из Приенисейской области, именованной у алтайских народов “внутренней” (*ички*) областью. Общее название их “ички-лик” можно понимать как название жителей — выходцев из внутренней (*ички*) области. Предания о существовании области с таким названием, находившейся в Приенисейском районе, сохранились у тюрко-приалтайских народов, в частности, у киргизов и казахов, вплоть до XIX в.»⁹

Предания каратегинских киргизов, приводимые ниже, могут быть интересны при более детальном исследовании вопроса по истории расселения ичкиликов в областях современного обитания.

От киргиза племени бостон Кеджаева Молдосайта, 1889 г. р., нами сделана следующая запись о названии “ичкилик”.

Все киргизы делятся на две группы: *тышкы кыргыз* (внешние киргизы) и *ички кыргыз* (внутренние киргизы), откуда идет название племени ичкилик. Внешними киргизами (иначе *отуз уул* — “30 сыновей”) называют киргизов, живущих к северу и северо-востоку от Джалалабада и Нарына. Ичкиликами называют юго-западных

киргизов, тех, что “вошли внутрь, смешались с узбеками, подчинились узбекскому хану”¹⁰.

Каратегинские киргизы сами не называют себя ичкиликами. По их словам, только киргизы других племен называют их так. Обычно существует насмешливое определение: *Куурган ичкиликлар ичта калган* — “Высушенные ичкилики остались внутри”. Как объяснил нам пожилой киргиз, смысл этого выражения таков; ичкилики в результате смешения с таджиками и узбеками отличаются от других киргизов своей сухопаростью, не склонны к полноте, и, будучи окружены таджиками и узбеками, они остались внутри этих народов¹¹.

Среди киргизов, как и среди таджиков, сохранилось много преданий о том, что раньше, во времена шахов, весь Каратегин был занят киргизами.

Старое название местности, где впоследствии расположилось большое таджикское селение Хаит (оно уничтожено землетрясением 1949 г.), было *Кең-дово* — “широкий холм”. Там киргизы устраивали *хаит* (праздничный молебен). Будто бы поэтому впоследствии, когда там возникло таджикское селение, за ним закрепилось название Хаит. Это же предание было записано и от левобережных таджиков.

Весьма интересными представляются предания родов кзылаяк и ахтачи о том, что их предки пришли в места современного обитания из Балха.

От колхозника Арзиева Исмата 1885 г. р., рода кзылаяк, уроженца и жителя кишлака Сайрун (по-кирг. *Мойнок*) сделана нами 29 июня 1957 г. следующая запись.

Из Балха сюда пришел человек по имени Ак-бий. Это было 371 год тому назад¹². Ак-бий является родоначальником здешних киргизов рода кзылаяк. Кзылаяк относится к роду конгырбай, который, в свою очередь, относится к племени кесек.

Потомки Ак-бия жили в следующих кишлаках: Капали, Дарай-Назарак, Кальдарюн, Мазоришинг, Кара-шаар, Мулла-Кендже, Мулла-Темир, Шабрукион, Нушо, Келик-боки, Дарай-мазор, Гоузирри, Эгби, Науди и Бельги.

В дни молодости Исмата Арзиева во всех этих селениях киргизы жили вместе с таджиками¹³. Теперь же в них остались по одной—две семьи оттаджичившихся киргизов, являющихся, по выражению информатора, наполовину таджиками.

Остатки сайрунских кзылаяков общаются с сородичами, жившими в других местностях¹⁴. Тем, кто приезжает в эти места, разыскивая сородичей, воздают дань уважения и гостеприимства (*Уруг суроб кеса, иззат киламиэ*)¹⁵.

Из нижеперечисленных селений первым был основан Шабрикион (в местном произношении *Шаурукион*). Основателем его был

внук Ак-бия Шаурук-бий. Там он жил и там же находится его могила. Имеется в Шабрукионе и старый тут.

От Арзиева Исмата записана следующая генеалогия: Ак-бий, его сын Даурук-бий, его сын Шаурук-бий, его сын Уркунчи, его сын Партоу, его сын Мурот, его сын Мукум, его сын Орзу, его сын Исмат, наш информатор, 1885 г.р.

От Кенджаева Молдосаита также записано предание о том, что Таджикабад (бывший Калаи-Ляби-об), Нушор с окрестными землями были киргизскими. Киргизы, двигаясь из Каратегина вверх по Сурхобу под натиском таджиков, остановились в Ак-Мойноке (таджикское название Сайрун). Немного выше Ак-Мойнока, после битвы киргизов с таджиками, в которой участвовали Шабдан-батыр из Киргизии и Кармыш-бий из Ляхша, был заключен мир. Согласно мирному договору, киргизы не должны были спускаться ниже Ак-Мойнока (Сайрун), а таджики — подниматься выше.

На месте заключения мира потом вырос кишлак Джараш (жараш — “перемирие”).

Другой вариант переселения кзылаяков из Балха записан нами 19.07.1957 в кишлаке Кошой от Усто Джейнали Назарова 1873 г. р.

Лет 200—300 тому назад один киргиз был переселен правительством из Балха в Каратегин. Его потомством являются жители Птеукуль-Балха и Кошой. Они — киргизы племени кесек. Кесек же, по мнению информатора, происходит от теита: “Наших предков называют теит. Кесек и теит были от одних родителей”. (*Тобо теит буламиз. Боболаримизни теит дияди. Кесек блан теит бир туган буган.*)

Выходцы из Балха привезли с собой черенки балхских яблонь и здесь посадили их, заселили и благоустроили эти места.

С другой стороны, этот же информатор говорил нам, что сначала кесеки жили в Оби-Гарме и Сарыкаше, где в то время были земли киргизов, а из Балха были сначала переселены кзылаяки, поселившиеся в районе современного Таджикабада (бывшего Каля-и-Ляби-оба).

Во времена дарвазских *шо* (местных правителей) таджики, преимущественно из Вахио и Матча, стали оттеснять киргизов и занимать киргизские земли и в конце концов оттеснили их.

Во времена молодости нашего рассказчика киргизы уже довольно часто женились на таджичках, но во времена молодости его отца смешанные браки еще встречались редко.

Третья запись предания о балхских выходцах записана нами 24.08.1952 от киргиза по имени Самат, 35-ти лет, жителя кишлака Птеукуль-Балх. На берегу горной речки Кок-су расположены друг

против друга два кишлака: на правом берегу — Птеукуль-чон-кыргыз, а на левом — Птеу-куль-Балх. Жители последнего из племени Кесек и считают себя выходцами из Балха.

Рассказывают, что в этих местах очень давно жили другие люди. Зима здесь бывала очень суровой, снега было много и лежал он долго. Многие уехали из этих мест в Узбекистан. Тогда в эти опустевшие места пришли киргизы из Балха и остались жить. Балх же они покинули из-за дороговизны.

Ж. Мукамбаевым от старика Махманазара из рода ахтачи записано предание о том, что их предки пришли в эти края из Катта-Кургана Самаркандского и что размножились они от Джагатай-батыра, деда эмира Тимура¹⁶. Это предание не лишено интереса в связи с тем, что среди приведенных Тимуром в Самарканд племен из Джунгарии и Притарбагатайского района были и киргизы, в том числе и ичкилики¹⁷. Следует отметить, что до сих пор к северу от Каттакурвана проживают обузбечившиеся киргизы.

Самыми старыми насельниками этих мест считают себя киргизы кишлака Сугат (*Sogot*), расположенного на левобережном притоке Сурхоба. Они относятся к подразделению чегетер рода уйгур племенитей. Род чегетер бежал из Карасу (за городом Ош в Ферганской долине). По-видимому, бежали от уйгуров во времена прадедов. Чегетер в этом кишлаке имеет следующие подразделения: карабагыш, казык и балта. Сохранилось предание о том, что предки, вооруженные фитильными ружьями (*кара милтик*), завоевали эти места у местных правителей. По-видимому, этот род населяет также кишлаки Каль, Джалболот и Казактар.

В кишлаке Сугат живут и таджики-вахючи. Они два поколения тому назад переселились в Сугат из кишлака Ходжаи-топ на Мук-су, а в Ходжаи-топ часть таджиков пришла из Вахио¹⁸.

О происхождении рода кыдырша (*гыдырша*) нами записано следующее предание. Киргизы когда-то жили в Хисаре (Гиссаре), куда они попали из Чимкента и Кашгара, спасаясь от казахов¹⁹. Со временем часть этих киргизов постепенно откочевала на восток, в Каратегин, и стала называться *гыдырша*, т.е. "бродячие", "странствующие". Оставшуюся в Хисаре часть киргизов стали называть *калдык*, т.е. "оставшиеся", откуда будто бы происходит название карлуков. (*Гыдырыб чиккан — гыдырша койган болыб кеткен*). До сих пор киргизы рода кыдырша узбеков-карлуков считают своими родственниками (*Бир туган деп киламиз*).

У Кыдырша было два сына: Молдо-Мирим и Чонг-Мирим. Молдо-Мирим имел двух сыновей: Казыке и Сарык. Потомки Казыке живут в кишлаке Джаилган, а потомки Сарыка — в кишлаках Куйрук-баши, Карасай, Кыггау и Мукур.

Как отмечалась, у самого подножья северного склона Заалайского хребта, где он заканчивается, круто обрываясь в долину Мук-су, на высоком плато, называемом Ляхш²⁰, располагается пять селений бостонов.

Легендарным предком ляхшских бостонов считается некий Аскулу-бий²¹. Нередко его считают сыном Бостона. Большинство наших информаторов предполагает, что Аскулу-бий жил относительно недавно — 200—300 лет тому назад. По одним преданиям, Аскулу-бий был из Соха, откуда первым из бостонов перекочевал на Ляхш, на летовку, а зимовка была в местности Карасай. Он был батыром и будто бы мог свободно перепрыгивать через реку Кызыл-су у селения Дамбрачи. Другие предания считают, что Аскулу-бий в эти места перекочевал из Джалалабада (город в Ферганской долине; выше отмечалась, что основная масса бостонов проживает в бассейне Соха, к югу от Джалалабада и в бассейне Куршаба). Наконец, третье предание родиной Аскулу-бия считает Куляб.

Трудно сказать без специальных исследований, которая из легенд отражает истину²². Каратегинские бостоны считают, что бостонов вообще семь групп: *топ бостон* (“коренной бостон”, прямые потомки Аскулу-бия; таковыми считают себя каратегинские бостоны), *джу-гор-баш бостон* (из них имеется четыре—пять семей в кишлаке Кара-Кендже; в прошлом, по словам местных киргизов, их на Ляхше было больше, но часть их еще до революции переселилась в местность Сутукан Андижанской области УзССР), *токо-бостон* (живут под Маргеланом), *сары-башлы бостон* (живут в Андижанской области УзССР), *бозторгой бостон* и *найман-бостон* (на Ляхше остались две семьи, остальные переселились в Фергану).

Согласно тем же преданиям, у Аскулу-бия уже на Ляхше родились трое сыновей: старший Молой (по прозвищу Сары-Молой, т.е. “рыжий Молой”), средний Кара-Кендже и меньшей — Сары-Кендже²³. Потомство старшего составляет население трех кишлаков на Ляхше: Сассык-булак²⁴, Байлар-топ (иначе Джогары Кара-шора) и Кара-шора²⁵.

Потомство Сары-Кендже составляет население одноименного селения, как и потомство Кара-Кендже.

Наши материалы о переселении таджиков в Джиргатальский район записаны как от киргизов, так и от таджиков.

Переселение таджиков протекало постепенно, обычно мирно, но иногда происходили и столкновения, особенно, по-видимому, в период самостоятельности Каратегина и Дарваза.

Старики в некоторых селениях помнят рассказы своих отцов о том, как киргизы вели войны с гармским шо.

На Ляхше таджики стали селиться три—четыре поколения тому назад. Переселялись они из Вахио и Каратегина (уже отмечалось, что территорию выше перевала Кушагба местное население не называет Каратегином).

Таджик Ишан Садык Мирзоев, 105-ти лет из кишлака Ходжантоп рассказывал нам в 1954 г., что таджики пришли на Ляхш и Муксу еще до его рождения.

Киргиз Мулла Саид Кенджаев 1889 г. р. слышал от своего отца, умершего 84-х лет, что старший брат отца участвовал в войнах киргизов с таджиками. Таджики оказались сильнее и одолели киргизов и ограбили.

После подчинения Каратегина Бухаре богатые киргизы ездили в Бухару или к беку в Гарм и покупали, как рассказывают старики, себе чины, и таджики им подчинялись.

В большинстве случаев переселение таджиков происходило постепенно: одни накапливали средства и покупали землю в этих местах, где уже жил кто-либо из ранее переселившихся родственников, другие приходили без семьи, батрачили у здешних киргизов и таджиков, со временем приобретали клочок земли, женились и обосновывались здесь.

Таджик-учитель Динор Джалилов 1922 г. р., уроженец кишлака Аксай (на правом берегу Кызыл-су, выше Дамбрачи), рассказал нам, что в 20-х годах прошлого столетия в ущелье, круто спускающемся в Кызыл-су и усыпанном белыми камнями (отсюда Аксай т.е. "белая речка" — название ущелья и селения), поселился киргиз по имени Чулабай. Позже присоединились к нему киргизы Беракбай, Юлдашбай и Базарбай. В 1831 г. из кишлака Арзинг (Вахио) переселились в Аксай таджики Комиль, Низомбай и Нияз. С тех пор в Аксае киргизы и таджики стали жить вместе.

В 1839 г. по ущелью прошел селевой поток. Половина садов и часть домов было унесено селевым потоком. После этого кишлак был перенесен на 500 м ниже, к берегу Кызыл-су. В те времена все земли Аксае принадлежали киргизам. Вышеназванные таджики со временем купили пахотные земли у киргизов. В 1880 г. в Аксае будто бы было всего 10 дворов у таджиков из имеющихся 70. Теперь же четыре двора киргизских, остальные — таджикские.

В кишлаке Шильбиди, расположенном в живописном ущелье на правобережье Сурхоба, ниже Дамбрачи, таджики являются выходцами из кишлаков Арзинг, Пашимгар, Джангали и Сафарак.

Согласно преданию, одним из первых таджиков, поселившихся в киргизском кишлаке Дуана, был некий Низомбай. Его киргизы прогнали. Он тогда поселился в кишлаке Кичик Карамук.

Но постепенно он сам и его родичи таджики, покупая земли в окрестностях Дуана, возвратились туда и со временем смешались путем браков с киргизами. Постепенно киргизы не только стали жениться на таджичках, но и своих девушек стали выдавать за таджиков.

Выше отмечалось, что киргизы Пильдона, Джиргаталя и окрестных правобережных притоков Сурхоба значительно сильнее подверглись влиянию таджиков, чем киргизы Ляхша, Мук-су и Кызыл-су. Население первой группы полностью двуязычно, включая и пожилых женщин. Таджики в эти местности, согласно преданиям, пришли значительно раньше, чем на Ляхш. Старики Джиргаталя, Кошой и других кишлаков рассказывают, что с тех пор, как помнят себя, таджики жили вместе с ними. Один пожилой таджик из Кошой говорил нам, что мать его не знала киргизского языка, а отец знал.

Таджик 60 лет из селения Джиргаталя рассказал нам, что не только он сам и отец его, но и дед родились в Джиргатале. А прадеды пришли из Лангари Чиль-михраб (кишлак Лянгар в Вахио).

Большинство здешних таджиков, по его словам, выходцы из Вахио и Арзинга, "но пришли они в Джиргаталя очень давно и издавна живут вместе с киргизами. Эти кишлаки, т.е. Джиргаталя и кишлаки вокруг него, образовались очень давно, много поколений тому назад, в те времена, когда люди еще не знали киблы и намаза, когда были обращены в мусульманство ударом сабли (*зарби шамшер*). С тех пор таджики и киргизы вместе перекочевывают на летовки, вместе спускаются в кишлаки. Деды и прадеды таджиков и киргизов во времена войн и нашествий вместе прятались в каменных строениях (*тош-капа*), сложенных ими высоко в горах, у самых снегов, по ту сторону гряды, что тянется к югу от Джиргаталя".

ИСТОРИЯ КИШЛАКОВ

Джиргаталя до революции был одним из амлоков (амлокдорств)²⁶ Каратегинского бекства. Это амлокдорство называлось еще Киргизским (по данным 80-х годов XIX в.). Амлоки были разбиты в среднем на 3—4 миразорства²⁷. Последние, в свою очередь, делились на кишлаки, во главе которого стояли арбобы.

В период сбора полевого материала в Джиргаталяском районе были зафиксированы следующие кишлаки. В зоне самого Джиргаталя на территории сельсовета Янги-Шаар: Янги-Шаар (киргизы, таджики), Яр-мазар (киргизы), Джол-Терак (киргизов больше, чем таджиков), Чон-Кыргыз (киргизы), Балх (киргизы), Ак-джар (кирги-

зы), Долоно (киргизы). На территории сельсовета Джиргаталя (на той стороне Сурхоба): Джиргаталя (таджиков и киргизов — поровну), Кошой (киргизов больше, чем таджиков), Кальта-Булак (таджиков и киргизов поровну), Майда-Терак (таджиков и киргизов поровну), Карчин (таджики), Занкон (таджики), Обчака (таджики). На территории сельсовета Пильдон: Пильдони-Боло (таджики), Пильдони-Миён (таджики), Сайрон (киргизы), Чубай (киргизы), Ярош (таджики), Баш-Пильдон (киргизы). На территории сельсовета Сурхоб: Кушагба (таджики), Шильбили (таджики), Джилонди (таджиков больше, чем киргизов), Сугат (киргизов больше, чем таджиков). На территории сельсовета Дамбрачи: Дамбрачи (киргизов больше, чем таджиков), Сартала (киргизов больше, чем таджиков), Коштегирмен (киргизы), Джолболот (киргизы), Казактар (киргизы), Чаар (киргизы), Мингбулак (киргизы). На территории сельсовета Ляхш: Джаилган (киргизов больше, чем таджиков), Мукур (киргизы), Ак-сай (таджиков и киргизов поровну), Кара-сай, Кашат (киргизов больше, чем таджиков). На территории сельсовета Муксу: Карашоро, Байлартоп (киргизов больше, чем таджиков), Сасыкбулак, Сары-Кендже, Кара-Кендже, Мык (киргизы). На территории сельсовета Алга: Дувана (киргизов больше, чем таджиков) Аччик-алма (киргизы), Гулама (киргизы), Сарыгой (киргизы), Карамык (киргизов больше, чем таджиков).

Районный центр **Джиргаталя** получил свое название, по словам информаторов, от тальника, растущего здесь (*Майда-майда талдардан Джергаталя деган*). Население, как уже говорилось, состоит из таджиков и киргизов в равных долях. Большинство здешних таджиков, по словам информаторов, выходцы из Вахио и Арзинга. Пришли они сюда очень давно, несколько поколений тому назад, и издавна живут вместе с киргизами. А образованы Джиргаталя и кишлаки вокруг него якобы в те времена, когда люди еще не знали, по словам старика-охотника, таджика, жителя Джиргаталя, как следует предписаний ислама, не знали киблы и намаза. За грядой, которая тянется к северо-востоку (это уже начало Алайского хребта. — Б.К.), будто бы находятся на большой высоте, у самых снегов постройки из камня (*таш-капа*). В них прадеды и деды укрывались вместе с семьями во время нашествий врагов, которые были довольно частыми.

Во время Хаитского землетрясения 1949 г. Джиргаталя был почти полностью разрушен, поэтому все дома в нем построены заново. Может быть, поэтому дома джиргаталяские отличаются от ляхшских.

До революции здесь было несколько мечетей. Одна из них большая, потолок поддерживался толстыми столбами. Во время земле-

Улица в сел. Кошой. 1957 г. (Фото В.И. Юрлова)

трясения стены мечети рухнули, а потолок, поддерживаемый столбами, устоял. Стены восстановили и бывшую мечеть превратили в чайхану, которая действует, как и старые *алоу-хона*, только зимой. Внутри поставили печку: бочку из-под бензина с вмазанным в нее самоваром.

До революции в кишлаке было четыре мельницы²⁶.

Таджики кишлака летом перекочевывают, как и киргизы, на *джайлау* и живут там в юртах. Летом в кишлаке оставались только мужчины для наблюдения за посевами.

Кошой. Родоначальником кошойцев (как и балхцев), по словам информаторов, был некий Абдибек, живший до того в кишлаке Чон-бай, который находился не то около Пильдона, не то на том берегу Сурхоба, около Таджикибада. На месте этого кишлака Чон-бай до сих пор растут деревья, посаженные 90-летней старухой Баталек кампир. Эти деревья росли там, где доили кобыл: к ним привязывали жеребят и доили проходящих к жеребятам их матерей.

У Абдибека был единственный сын Галек, а у него конь по кличке Ас-кара. Однажды этот конь сорвался со скалы и погиб. Абдибек

так любил этого коня, что решил оставить эти места и переехать. Сначала переехал в местность Чат, а затем в Кошой. Выселенцы из Кошой затем основали якобы кишлаки Птеу-куль-Балх и Ак-джар. По другой записи, лет 200—300 тому назад сюда был переселен из Балха (северная провинция в Афганистане) один киргиз из рода кесек. Его потомки якобы и составляют основное население Кошой и Птеу-куль-Балха.

В кишлаке 70 хозяйств, две мечети (раньше была одна). Дети учились как у своего имама, так и у имама Таджикибада.

Три кишлака — **Чонг-кыргыз, Ак-джар, Птеу-куль-Балх** — расположены в ущелье Птеу-куль-дара. Там имеются озера Птеу-куль и Киндик-куль. Чонг-кыргыз и Птеу-куль-Балх расположены по обоим берегам речки Коксу друг против друга. По ту сторону реки от Джиргаталя расположен кишлак Птеу-куль-чонг-кыргыз, а по эту сторону — кишлак Птеу-куль-Балх. Жители последнего считают себя выходцами из Балха (род кесек), откуда они ушли из-за дороговизны. До революции, по словам информаторов, в Птеу-куль-Балхе был всего один дом (у старухи Суксур). Остальные 10 семей (кишлак состоял из 11 семей) жили в землянках (*ертала*). Летом же все жили в юртах. До революции было 5 мельниц²⁹.

Кишлаки **Тамды-куль** и **Птеу-куль** переселены. Осталось несколько хозяйств. Название кишлака Тамды-куль, по мнению информаторов, произошло от очень узкого ущелья, где расположен кишлак.

Шильвили расположен на правом берегу Сурхоба, в высоком лесистом ущелье с прозрачным ручьем. В кишлаке много садов. Чудесный уголок. Название кишлака происходит от древовидного растения, которое по-киргизски называется *шильви*, а по-таджикски — *пшаль*. Здесь живут киргизы и таджики. Когда-то здесь было до 30 с лишним хозяйств, а теперь осталось около 10-ти. В 1952—1953 гг., когда начались разговоры о переселении в Шаартузский район, многие выехали в Фергану.

Киргизы здесь рода чегетер (которые живут еще в кишлаках Согот, Чаар, Кашка-терек). Таджики — выходцы из Вахио. Информатор — таджик лет 40 — говорит, что он в 10-летнем возрасте пришел сюда, а отец жил и умер в Вахио. Информатор предполагает, что таджики из Вахио пришли сюда лет 80 назад. Переселялись постепенно. Одни накапливали средства и покупали здесь землю. Другие приходили без семьи, батрачили у здешних киргизов и таджиков, со временем зарабатывали на землю, женились и оставались здесь. У моего информатора в Вахио умер отец. Затем мать вышла замуж за одного приезжего и уехала с ним в Шильвили. Мальчик приехал к матери на следующий год и остался здесь. Затем женился на девушке из Акся.

Сел. Кашка-терек Джиргатальского района. 1957 г. (Фото Б.Х. Кармышевой)

Дамбрачи расположен у слияния Кызыл-су и Мук-су. Имеет 20 дворов. Есть сады из ивы, тополя и яблонь У старика-охотника в ущелье к западу от кишлака есть яблоневый сад. Как свидетельствуют информаторы, кишлак свое наименование получил от мазара Хазрати Ходжаи Нагорачи, расположенного в 400–500 м к западу от кишлака. До революции Дамбрачи, лежащий в начале Алайской долины, в летнее время становился местом, “куда сходятся со своими стадами киргизы Ферганы, Восточной Бухары, Самаркандской области и даже Семиречья”³⁰.

Название “**Ляхш**” происходит, по словам информаторов, от слова *рахш*, что по-таджикски будто бы обозначает штукатурку. А назвали так потому, что эта местность ровная, а холмы, что ниже, образовались, по предположению местных жителей, от селевых потоков с гор. “Исходя из сказанного, — заключил один из информаторов, здесь раньше жили таджики”. Но учитель Т. Алимкулов рассказывал, что первым на Ляхш пришел киргиз Аскылы бий из рода бостон, выходец из местности Сох (в Ферганской долине). Он был батыром, спокойно перепрыгивал через речку Кызыл-су у кишлака Дамбрачи. С тех пор прошло лет 500. У Аскылы бия было три сына: Молой, Сары-Кендже и Кара-Кендже. Молой обосновался в Кара-Шура (название происходит от родников солоноватой воды).

Сары-Кендже взял земли там, где теперь стоит одноименный кишлак, и построил там дом. Кара-Кендже соответственно осел в районе нынешнего одноименного кишлака. Речка, протекающая между кишлаками Кара-Кендже и Сары-Кендже, называется Дараниксу. Она образуется от слияния двух речек Кашкасу и Кызыл-су.

Среди потомков сыновей Аскылы бия были богатые и бедные. Роды их нередко враждовали между собой и с другими родами, например с родом гыдырша (селение Джайлан) из-за обширного урочища Кум. Оружием служила только дубина с чугунным или железным набалдашником (чоюн баш). Вместо копья использовали ножицы для стрижки овец, которыми протыкали лошадей.

Таджики пришли с Вахио и Каратегина три—четыре поколения тому назад. С ними тоже воевали. Богатые киргизы привозили себе чины из Бухары, и таджики им подчинялись.

Кишлаки на Ляхше не имеют улиц и расположения домов в определенном порядке, в то время как в Джиргатале, Кошое, Кашкатереке, т.е. на территории собственно Каратегина, имеются подобия узких улиц, как продольных, так и поперечных. Дома разбросаны на значительном расстоянии друг от друга и окружены огородами (картофель, местного сорта капуста, перец, свекла), посевами люцерны и ячменя. Колхозники свои приусадебные участки засеивали ячменем, так как он рано поспевает и дает больший урожай, чем пшеница. Вдоль приусадебных участков нередко имеются посадки ивы и особенно тополя, образующие иногда целые рожицы. Участки, засеянные люцерной, и огороды обнесены дувалом или забором из ферулы, хвороста или колючки (облепиха). На джайлау восемь—девять (не более десяти) юрт составляют аул. Местность, где стоят кишлаки, называют на Ляхше чоль, в отличие от горных пастбищ — джайлау.

Как уже говорилось, в сельсовете Мук-су имеются кишлаки **Кара-Кендже, Сары-Кендже, Сассык-булак, Байлартоп, Карашура** и **Мук**. Первые пять кишлаков располагаются на широком и пологом склоне, кишлак Мук — на берегу речки Мук-су. Кишлак Мук состоял из двух кишлаков, Кара-сеит и Кой-сары, расположенных в одном—двух км друг от друга и являющихся поселениями одноименных подразделений рода чоок. Широкие склоны хребта Петра, могучего и великолепного в этих местах, спускающиеся к Мук-су, были кочевьями кишлака Мук. Эти урочища у данного кишлака назывались Арпалык и Караарча. Вверх по Мук-су располагался кишлак **Депшаар**, или **Девшаар**. Название его происходит будто бы от того, что в нем жил настолько высокий (как дев) человек, что между его ногами мог проехать верховой. Население кишлака состояло из упо-

мянутого рода кара-сеит. Некий Мулла Махсуд основал в Кара-Кендже медресе. Более значительные медресе были в Ношоре, Фахрабаде и Хаите. Ездили учиться туда. Учившихся в Самарканде, Бухаре, Андижане здесь не было. Грамотных в религиозном плане мужчин здесь было много. Встречались среди них прочитавшие Коран полностью. Были среди них и совершившие хадж. Женщин обучали намазу.

Джаилган. В дореволюционное время здесь было 170 хозяйств (в настоящее время — 30—40), 4 мечети и много деревьев. Всюду развалины. Их значительно больше, чем жилых домов. В кишлаке жили четыре топа: калмакдар, эльчининг балдары (т.е. “дети, или потомки Эльчи”), ауган баласы (т.е. “дети афганца”) и кыйдылар. Баи из каждого топа по очереди нанимали на один год имама, который не только исполнял обязанности имама, но и учил детей. Летовками этого кишлака были урочища Майдан-тал, Сасык-куль, Кашкасу, Ордулы, Куль. Скот баев зимовал в урочищах, а скот бедняков оставался в кишлаке.

Дуана. По словам стариков, место, где был расположен кишлак, в старые времена было заросшим лесом (*токай*). Если терялся скот в этом тугайнике, то поднимались на ближайšie вершины, чтобы увидеть его. Вначале здесь поселились некий Хумарша и его дети, которые пришли из Куприк-баши и составили топ под этим именем. Постепенно потомки представителей этого топа разделились еще на четыре: тойчи, нарбота, рай, тохтабай. Все они считаются принадлежащими роду гыдырша. По другой версии, Хумарша был из кишлака Кашат.

Постепенно токай исчез. Деревья были вырублены на дрова и постройки. Перед революцией в Дуана пришли таджики из Вахио. 80-летние старики помнят это. Заселение кишлака Дуана таджиками не происходило без борьбы. Одного из первых засельников-таджиков, Низомбая, прогнали. И он вынужден был поселиться в кишлаке Карамук. Но постепенно, покупая земли у киргизов, таджики поселяются в Дуана. Более того, начинают смешиваться с киргизами, беря в жены киргизок и отдавая киргизам в жены своих дочерей.

До революции было 7 мельниц³¹.

Джиланды. Вначале здесь жили только киргизы рода учкуртка, а затем и джеккетер. Таджики переселились сюда из долины Хингоу из кишлаков Арзинг, Лянгар, Хазрати-Бурх. Первым пришел Суфи Давлатшо из кишлака Хазрати-Бурх. Он был приглашен киргизами, обосновавшимся в Джиланди, в качестве имама.

Отец информатора Хушоло Саимова (1910 г.р.) родился здесь, в Джиланды, а дед пришел сюда из Лангари-боло (в одном дне пути),

когда ему было 15 лет. В кишлаке была одна мечеть с *алоу-хона*. Учиться в медресе посылали детей в Гарм. В то время таджиков в Джиланды было гораздо больше, чем киргизов. По переписи 1926 г. здесь имелось 52 хозяйства, из них 32 таджикских и 20 киргизских. По переписи 1932 г. здесь было 84 хозяйства, треть из которых были киргизские. В начале 50-х годов почти все население кишлака переселилось в Кургантюбинский район. Здесь осталось всего четыре семьи. Потом некоторые стали возвращаться. В 1964 г. здесь уже было 20 семей.

Кишлак Джиланды снабжается водой из родника Чашма (буквально "родник"), текущего по ложбине. Дома же стоят высоко над ним. Воду раньше возили (подымали по склону ложбины) из родника на ишаках в бурдюках. Теперь используют фляги. Над родником растет платан.

Гулама. В окрестностях кишлака есть месторождение каменной соли. Причем, говорят жители, сколько бы ее не брали, она не кончается. Из-под земли вырастают все новые куски. Отсюда якобы и название кишлака: *Туз гулоб жатади*, т.е. "Соль лежит горой". Этой солью пользуется небольшая территория: сами гуламинцы, жители Алая и часть Джиргатальского района. Приезжали сюда и киргизы из Мургаба (которые, как и гуламинцы, были из племени гыдырша) за хлебом и солью. Но мургабцы берут соль и из Ранкуля, хотя с Мургабом всегда были связи, и прежде всего, экономические.

Месторождению этому не поклонялись. Здесь есть и целебный сероводородный источник, холодный — Шипа-булак. Считают, что он помогает от кожных заболеваний, в частности от чесотки, но им не пользуются. В прошлом же больных чесоткой обводили вокруг мазара **Зык**, который находится на джайлау.

¹ Кисляков Н.А. Очерки по истории Каратегина. Сталинабад, 1954. С. 30–31, а также *Неменова Р.Л.* Предварительный отчет о работе во время Гармской этнографической экспедиции 1952 г. // Доклады АН ТаджССР. Сталинабад, 1953. Вып. 9. С. 59–64.

² Река Оби-Занку образуется из слияния двух горных рек: Птеу-куль и Тамды-куль.

³ К группе ичкилик относятся племена: бостон, кесек, тент, кипчак, найман, канды, нойгут, ават, оргу, тоолос. О родоплеменном составе киргизов и их расселении см.: *Винников Я.Р.* Родоплеменный состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии // ТКАЭЭ. 1956. Т. I. С. 136–181; *Абрамзон С.М.* Киргизское население Синьцзян-Уйгурской автономной области Китайской Народной Республики // ТКАЭЭ. 1959. Т. II. С. 333–342; *Он же.* Этнический состав киргизского населения Северной Киргизии // ТКАЭЭ. 1960. Т. IV.

- ⁴ В современной жизни изучаемой нами группы киргизов принадлежность к тому или иному "роду" никакой роли не играет (вспоминают об этом лишь при игре в козлодранье, о чем см. ниже), поэтому собирать сведения по этой теме довольно трудно, — даже старики плохо помнят традиционные генеалогии отдельных "родов". Этим объясняется некоторая отрывочность и сбивчивость наших материалов.
- ⁵ О найманах в верховьях Мук-су см: *Покровский Г.В., Стогов Н.И.* Алайские аульные общества Маргеланского уезда в 1909 году. Ташкент, 1913. С. 82 и Табл. 1.
- ⁶ О происхождении ичкиликов см.: *Аристов Н.А.* Опыт выяснения этнического состава киргиз-казаков Большой Орды и кара-киргизов // *Живая старина.* СПб., 1894. Вып. III—IV. С. 428; *Винников Я.Р.* Указ. соч. С. 157—159; *Абрамзон С.М.* Киргизское население... С. 338—340 и др.
- ⁷ *Петров К.И.* Этногенез киргизов и их движение на Тянь-Шань в XIII—XV вв. // *Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук.* Фрунзе, 1960. Вып. 3. Т. II. С. 59—80. Данная глава писалась Б.Х. Кармышевой в 60-е годы, когда еще не было многих новых работ о киргизах, в частности капитального труда С.М. Абрамзона "Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи" (Л., 1971). С.М. Абрамзон выделил три направления в исследовании этногенеза и этнической истории киргизской народности, одно из которых связал с работами К.И. Петрова. Не отрицая полностью гипотезу К.И. Петрова о том, что основным ядром киргизской народности, формирующейся в I тыс. н.э., являлись кимакско-кыпчакско-киргыские племена Енисейско-Иртышского междуречья и близкородственные им восточно-кыпчакские племена, которые постепенно (в два—три этапа) переселялись на Тянь-Шань в связи с определенными военно-политическими событиями, С.М. Абрамзон тем не менее считал, что она несколько однолинейна. Нельзя этнические процессы сводить лишь к миграциям, вызванным политическими событиями. В действительности "этническая история киргизов складывалась в многообразных связях с этническими процессами, протекавшими в Центральной Азии, Южной Сибири, Средней Азии, на степных просторах современного Казахстана; она не может рассматриваться без учета этих связей" (*Абрамзон С.М.* Киргизы... С. 17).
- ⁸ *Петров К.И.* Указ. соч. С. 76.
- ⁹ Там же. С. 77.
- ¹⁰ Полевая запись от 21.07.54 г. О происхождении названия "кыргыз" среди кара-тегинских киргизов широко распространена легенда о 40 девушках, забеременевших от пены.
- ¹¹ Полевая запись от 23.07.54 г. Джайлау Орта-бель.
- ¹² Интересно в связи с этой датой вспомнить приводимые В.В. Бартольдом свидетельства Махмуда ибн Вали о приходе через Каратегин в Гиссар 12 000 семей киргизов зимой 1635—1636 гг., предводители которых были приняты узбекским ханом в Балхе. В диссертации Ж. Мукамбаева "Джержетальский говор киргизского языка" (Фрунзе, 1954 г.; работа, к сожалению, полностью не опубликована. Материалы из нее использованы в очерке по киргизской диалектологии: *Абдуллаев Э., Мукамбаев Ж.* Кыргыз диалектологиясынын очерки. Фрунзе, 1959) приводится записанное от научного сотрудника сектора литературы АН КиргССР Абдырахманова предание о том, что лет 300 тому назад в год овцы была очень суровая зима; глубокий снег и серый туман покрыли землю, в результате чего наступил страшный падеж скота. Тогда 12 тысяч семей киргизов направились в Гиссар (...мындан уч жуз жыл илгери кой буурулдуу жуту болуп, он эки минг тутун кыргыз Ысарга барган... (*Мукамбаев Ж.* Указ. соч.

- С. 60)). Ж. Мукамбаев обращает также внимание на интересную киргизскую поговорку, приведенную профессором К.К. Юдахиным в его киргизско-русском словаре: Казак кайын сааганда, кыргыз Ысар киргенде, т.е. "Когда казахи извлекали сок из березы, киргизы вошли в Гиссар" (намек на события 1636 г.).
- 13 Слова Исмата Арзиева подтверждаются данными капитана Васильева, согласно которым число кишлаков со смешанным таджикско-киргизским населением в Калая-Лабюбском и Хайтском амьядарствах значительно больше, чем перечислено Арзиевым (*Васильев Г.Ш., капитан. Краткое статистическое описание Каратегина // СМА. СПб., 1888. Вып. 33. С. 50–51*).
 - 14 Род кзылаяк племени кесек проживает в основном в двух довольно отдаленных друг от друга районах: в верховьях реки Ходжа-Бакырган и на Кара-Дарье, в самом восточном районе Узбекистана.
 - 15 Мужчины каратегинских киргизов хорошо владеют узбекским языком. Наши беседы велись в основном на узбекском языке.
 - 16 *Мукамбаев Ж. Указ. соч. С. 381–382.*
 - 17 *Петров К.И. Указ. соч. С. 72–73.*
 - 18 Большинство жителей Ходжаи-топа переселилось в 40-х годах в Южный Таджикистан. Часть таджиков этого кишлака считала себя ходжа и вела свой род от ишанов Самарканда. От 105-летнего жителя Ходжан-топа ишана Садыка Мирзоева 19.07.54 г. нами записано следующее предание: 20–30 поколений (*пушт*) тому назад некий Ходжан-Мох, живший в Самарканде, увидел во сне могилу "святого" Ходжа Султана, которая была расположена в долине реки Мук-су. Ходжан-Мох решил разыскать могилу святого, поселиться около нее и сделать ее шейхом при ней. После долгих странствований и трудных поисков он достиг цели — отыскал могилу "святого" Ходжа Султана, возвел над ней мавзолей (мазар) и сделался шейхом. Потомки Ходжан-Моха — Одина Ахмад, два Мурзабека, Шоёз и Карамчи основали у могилы Ходжан Султана селение Ходжаитоп. Братьями Ходжа-Султана, по представлению старика, являются еще пять "святых": на Алтын-Мазаре (в верховьях Мук-су) похоронен Ходжа Фазил Вали, му кишлака Мук (ниже Алтын-Мазара) — Ходжамат Вали, в Уч-кургане — Ходжа-Хайр, по ту сторону Уч-кургана — Ходжан Белол Вали, вблизи Ферганы — Ходжаи Магз. Киргизы нам рассказывали, что основателем Ходжаи-топа является выходец не из Самарканда, а из Бухары, как и основатель таджикского кишлака Кушагба, некий Гаиб-бай.
 - 19 Интересно заметить, что продвижение ичкиликов из Джунгарии на западный Тянь-Шань шло частично через Кашгар (*Петров К.П. Указ. соч. С. 73*), а из Западного Тянь-Шаня ичкилики продвигались на Южный Тянь-Шань "краем Дешти-кипчака". (Там же. С. 77).
 - 20 *Кисляков Н.А. Указ. соч. С. 35–37.*
 - 21 Согласно легенде, распространенной преимущественно среди таджиков, название Ляхш происходит от Рахш, клички коня Рустема. Конь Рустема, где бы ни отпущал его хозяин, неизменно приходил пастись на эти привольные места. Южнее кишлака Джанланган есть большой белый камень, называемый Чатир-таш, так как по своим очертаниям напоминает шатер. Этот камень считается тем самым, которым Рустем закрыл Хасанияк-чашма.
 - 22 В указанной диссертации Ж. Мукамбаева в тексте песни имя Аскулу записано, как Арскы (*Мукамбаев Ж. Указ соч. С. 366*).
 - 23 По другой версии легенды, эти трое братьев являются внуками Аскулу-бия от его сына Миният-бия.
 - 24 У этого кишлака имеются небольшие источники с содержанием серы, чем и объясняется название кишлака — Вончочий источник.

- ²⁵ У этого селения имеется небольшое болотце — *шора*, откуда и название кишлака.
- ²⁶ Мелкая административная единица, во главе которой стоял амлокдор.
- ²⁷ Более мелкая административная единица, во главе которой стоял миразор.
- ²⁸ *Васильев Г.Ш., капитан*. Указ. соч. Приложение 1. Табл. "Статистические сведения о Каратегине".
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ *Логофет Д.Н.* Верховья реки Кызыл-су и Алайская долина (Из путевых очерков по Средней Азии) // Военный сборник. СПб., 1913. № 1. С. 162.
- ³¹ *Васильев Г.Ш., капитан*. Указ. соч. Приложение 1. Табл. "Статистические сведения о Каратегине".

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ

Основной и традиционной отраслью хозяйства каратегинских киргизов является животноводство. Однако и земледелие в дореволюционное время занимало довольно существенное место в их хозяйственной деятельности. Это заметил еще первый исследователь Каратегина В.Ф. Ошанин, посетивший этот край в 1879 г. "Как везде, — пишет В.Ф. Ошанин, — они (каратегинские киргизы. — Б.К.) ведут кочевой образ жизни, занимаясь главным образом скотоводством. Но и хлебопашество у зимовок довольно значительно; есть хозяева, засевающие до 20-ти батманов хлеба. Который дает средний урожай сам шесть"¹.

О некотором развитии хлебопашества у киргизов говорят статистические сведения, собранные капитаном Васильевым в 1887 г.² Однако он замечает, что "сбор ячменя и пшеницы в восточной части Каратегина, и особенно заселенной киргизами, не удовлетворяет вполне потребности жителей. И действительно, киргизам приходится всегда докупать хлеба, чтобы дотянуть до новых сборов. Хлеб обыкновенно покупается у жителей средней и западной частей Каратегина"³.

За годы советской власти, особенно после организации колхозов, роль земледелия в хозяйстве каратегинских киргизов значительно возросла. Получило дальнейшее развитие и животноводство. Однако вплоть до последних лет большие возможности Каратегина в животноводстве и земледелии использовались далеко не достаточно. Руководящими органами Таджикистана основное внимание уделялось освоению новых земель под хлопок в равнинных частях республики, в частности, орошению и освоению Вахшской долины, а сельское хозяйство труднодоступных горных районов в результате отсутствия тракторов и других машин, приспособленных к горным условиям, в значительной мере базировалось на отсталой технике. Основой хозяйства здесь оставались зерновые культуры. Последнее объяснялось еще и трудностями военного времени и первых послевоенных лет.

Большие сдвиги в сельском хозяйстве Джиргатальского района, как и во всем Каратегине, наблюдаются за последние 3—4 года. Произошло не простое расширение характерного для этого района зернового хозяйства; оно приняло иное направление, а именно стало носить кормодобывающий характер. Это дало резкий толчок развитию животноводства, а в недалеком будущем даст возможность окончательно порвать с остатками экстенсивного кочевого хозяйства. Посевы кормовых растений — люцерны, кормовой свеклы, кукурузы, ячменя — производятся не за счет уменьшения посевов пшеницы (она высевается в количестве, достаточном для обеспечения населения района хлебом), а за счет освоения новых земель, за счет расширения ирригационной сети. В мае 1957 г. был сдан канал Пиэзи, водой которого орошены 1200 га земли вокруг районного центра Джиргаталя. За последние 3—4 года значительно расширились посевные площади на Ляхше. Это стало возможным в связи с проведением автомобильной дороги из Джиргаталя на Ляхш и доставкой туда тракторов, комбайнов и других сельскохозяйственных машин. Недостаточность оросительной сети ограничивает пока использование в полной мере обширных земель на Ляхше. Проведение из Кызыл-су канала Гуломон, намеченное на ближайшие годы, позволит оросить на Ляхше до 20 000 га плодородной земли. Однако этим не исчерпываются большие возможности Джиргатальского района в развитии орошаемого земледелия. Следы древних каналов на самых отдаленных урочищах подсказывают нам эти возможности.

Развитие земледелия, а также увеличение сенокосения позволили колхозам и совхозу Ляхш с 1960 г. организовать зимовку скота в самом хозяйстве, полностью отказавшись от практиковавшегося последние десятилетия отгона скота по трудным горным дорогам на зимние пастбища на юге Таджикистана в Лангаринском районе. Необходимость организации зимовок всего скота в самом Джиргатальском районе продиктовано не только экономичностью этого мероприятия, но и тем, что в связи с освоением все новых земель под орошаемое земледелие в районах зимних пастбищ, а также ростом поголовья скота в колхозах с каждым годом сокращается емкость зимних пастбищ юга Таджикистана.

Каратегинские киргизы до недавнего времени не выращивали в своем хозяйстве, хотя и употребляли в пищу лук, морковь, огурцы, перец и пахучие травы для приправ, покупая их у таджиков. Объяснялось это тем, что киргизы на все лето с семьями покидали кишлаки, перекочевывали на летние пастбища, оставив для ухода за посевами зерновых и люцерны всего несколько мужчин на все селение. За послевоенные годы огородничество на приусадебных участках киргизов широко распространилось, что связано с переходом основного населе-

ния к полной оседлости. Способствует этому также рост киргизско-таджикских браков. Бахчевые культуры (арбузы, дыни, тыквы) вызревают в Джиргатале и окрестных кишлаках, но бывают небольшими по размеру, да и сажают их на своих огородах далеко не все.

Немаловажное место в хозяйстве колхозов и совхоза Ляхшэ за последние несколько лет стал занимать картофель, урожай которого на Ляхше в 1960 г. достиг 180 центнеров с га. Картофель, занявший значительное место в районе населения, является новой культурой, распространившейся в Джиргатальском районе за годы коллективизации.

Садоводство, широко развитое в горном Таджикистане, у киргизов было распространено неравномерно: на Ляхше оно появилось только в советское время, а в собственно каратегинской части — еще до революции. 105-летний таджик Садык Мирзоев из кишлака Ходжаи-топ на Мук-су говорил нам, что в годы его молодости в киргизских кишлаках на Ляхше деревьев вообще не было. Да и теперь фруктовые деревья (яблони, груши, урюк, тут, сливы, алыча) выращиваются далеко не во всех хозяйствах. Что касается Джиргатала и окрестных киргизских селений, то капитан Васильев еще в 1887 г. писал: "Долина р. Занку засеяна пшеницей и ячменем; кишлаки — в больших фруктовых деревьях"⁴. В Кошое, в частности, довольно много плодовых деревьев. Растут груши, тутовник, алыча и др. По словам информаторов, в прошлом садов было значительно больше. Но много было сожжено в годы басмачества и позже.

В настоящее время колхозы восстанавливают сады, пришедшие в некоторое запустение за годы войны, а также закладывают новые. Например, только в 1960 г. в Джиргатальском районе были посажены колхозной молодежью сады на 60 га.

СКОВОДСТВО

Каратегинские киргизы разводят курдючных овец, коз, крупный рогатый скот, лошадей и ослов. В прошлом у наиболее зажиточных людей имелись до 400 овец, 15—20 голов лошадей, 15—20 голов крупного рогатого скота, в небольшом числе и верблюды (по 10—15 голов у самых богатых), использовавшиеся преимущественно под вьюк во время перекочевков, а также для вождения торговых караванов.

Овцы, разводимые в Джиргатальском районе, отличаются от известной гиссарской породы овец Южного Таджикистана меньшими размерами, но более тонкой и длинной шерстью. Овец карлуков, по словам информаторов, называли *хисари-кой*, а овец киргизских —

4. Кармышева Б.Х.

тюрки-кой. Простую местную овцу называют еще *хашаки кой* (беспородная овца), которая дает в лучшем случае 1,5 кг шерсти. И тем не менее, продажа овец и шерсти государству дает значительные доходы колхозам.

Коровы содержатся на молочных фермах колхозов и совхоза Ляхш. Продажа сливочного и топленого масла составляет одну из статей дохода колхозов. Волы используются как рабочий скот в земледелии. В связи с тем, что на крутых склонах до сих пор не используются тракторы, роль рабочего скота в земледелии ряда местностей Джиргатальского района еще достаточно велика. Лошади и ослы используются как транспортные животные под седлом, выюком и в упряжке. Лошади, кроме того, служат рабочей силой в земледелии.

В личном хозяйстве колхозников имеются все перечисленные виды скота. В современном животноводстве колхозов и совхозов Джиргатальского района, в которых совместно трудятся киргизы и таджики, сочетаются рациональные черты киргизского кочевого скотоводства и скотоводства горных таджиков, а также достижения зоотехнической науки.

Для старого скотоводства киргизов вообще было характерно содержание скота на сезонных пастбищах при минимальной заготовке кормов на зимний период. Каратегинские таджики, хотя и использовали сезонные пастбища, но в зимнее время держали скот на стойловом содержании. Колхозы полностью используют сезонные пастбища, включая и зимние выпасы для части поголовья, но в то же время стремятся заготовить разнообразные корма в количестве, обеспечивающем поголовье в течение всей зимы.

Селения в Джиргатальском районе располагаются в долинах, на речных террасах, которые обычно орошаются и заняты под посевами. Эта территория называется *чоль* ("степь"). Вблизи селений на горных склонах располагаются осенне-весенние и часть зимних пастбищ. После уборки зерновых производится выпас по стерне.

До революции все земли и пастбища были в частном владении. Но каждый имел там свой юрт, т.е. постоянное место для установки юрты. Так, Ордолы, Арал — это потомственные джайлау информатора из селения Гулама. Перекочевывали 5—6 раз за сезон. Весной, в мае откочевывали, а в октябре возвращались с пастбищ.

В настоящее время многие хозяйства района имеют для зимовки скота специальные пастбища — *кштау*. Для зимовки служат крутые склоны гор, где не держится снег, сдуваемый ветром. До недавнего времени в колхозах в таких урочищах содержался преимущественно крупный рогатый скот, так как овцы на зиму отгонялись на зимовку в Южный Таджикистан. В дореволюционное же время на кштау

содержались в основном табуны лошадей и отары овец, т.е. животные, способные тебеневать — добывать корм из-под снега.

В настоящее время (50-е годы), когда закладывается силос и заготавливаются другие виды кормов (сено, солома, кормовая свекла), дойные коровы оставляются, как и рабочие лошади, на фермах вблизи селений, т.е. рядом с орошаемыми землями, где и производится закладка силоса. Овцы содержатся как в зимовках, так и вблизи селений на фермах. Колхозы имеют специальные помещения для каждого вида скота в отдельности. На зимних пастбищах имеются также жилые дома для пастухов: табунщиков и чабанов. Там же делаются запасы сена для подкармливания скота (особенно на случай снежной и безветренной зимы), а также завозятся ячмень, люцерна и саман.

Самой большой заботой скотовода было прокормить скот зимой, до появления травы. Это было трудно, потому что здесь осеннего забоя скота не производили. Кроме того, в Гулама, например, не угоняли скот на зимние пастбища южных районов, да и вообще зимних пастбищ у них почти не было. Поэтому вынуждены были заготавливать сено на зиму. Когда сена не хватало, его занимали, покупали. Если не хватало и этого сена, начинался падеж скота. В морозные годы скот мог и замерзнуть.

Заготовка сена производилась по склонам гор. Жали траву серпами (кол орок), а также русской косой (чалкы), которая появилась здесь в предреволюционные годы. Ею косили орошаемые луга и некоторые некаменистые участки, но в большинстве местностей камни мешали пользоваться косой.

Большое место среди заготавливаемых трав занимал юган. Это был один из главных видов трав (по-кирг. *жель-жемин* или *зель-земин* — *Frangos rabularia Lindl*) для мелкого рогатого скота (и коров?). Как известно, свежий юган ядовит и не поедается скотом, но в сухом виде является прекрасным кормом. Колхозники жнут его серпами в первой половине июля, вяжут в снопы и свозят в стога. Уборка югана — тяжелая работа: горький запах и ядовитые испарения воспаляют глаза и кожу рук у жнецов. Жали юган серпами на летовках. В июле начинали, а в августе перевозили. Поскольку это растение растет не сплошным ковром, то под левую руку собирали каждое отдельное растение. Когда место под левой рукой (колтык) наполнялось, сжатые растения бросали на землю и продолжали жать дальше. Каждый колтык клали на землю, подвернув головки растений вниз. Несколько колтыков складывали друг на друга головками в разные стороны и придавливали камнем или палкой. Когда одна сторона снопов подсыхала, их переворачивали, чтобы подсыхла и другая сторона. Потом их перевозили или переносили. Некоторые, чтобы уберечь

снопы от рассыпания, связывали их чем-нибудь. Грузили сухой юган на лошадь по 12—15 снопов (боу), на осла — 10 снопов. Те, кто не имел ни лошади, ни осла, нес сухой юган на себе (от 7 до 10 снопов).

Скирду (хоу) складывали на крыше домов, чтобы запасы сена не трогал скот.

Вплоть до настоящего времени организация зимовки скота в Джиргатаальском районе — довольно трудная задача, так как зима здесь продолжительная — 4—5 месяцев. В дореволюционное время, когда заготовка кормов (сена, люцерны, самана) производилась в очень ограниченном количестве, благополучная зимовка скота целиком зависела от погоды. В Джиргатаальском районе, хотя и изредка, но все же бывает засуха. В такой год трава растет плохо, а летом быстро выгорает. И тогда не удается сделать необходимые запасы сена, да и скот не набирает за лето нужной упитанности к зиме. В такие годы падеж скота бывал почти неминуем. Но страшнее засушливого лета была многоснежная и безветренная зима. До наших дней, например, помнит народ зиму 1877—1878 гг. Эту зиму в народе называют *кызыл кар* (“красный снег”). Как передают старики рассказы своих отцов, в ту зиму снега выпало столько, что, когда весной прилетела кукушка, снег еще лежал целыми сугробами. И кукушка будто бы вынуждена была сесть на черенок лопаты, воткнутой в снег. В том году погибло много скота.

В.Ф. Ошанин, побывавший в Каратегине на следующий год после этой бедственной зимы, оставил нам следующее яркое описание состояния киргизов: “Трава у зимовок бережется на зиму, и скот, как и везде у киргиз, должен добывать ее там из-под снега. Для этой цели в особенности удобны склоны гор, с которых снег сдувается сильными ветрами. Поэтому для благосостояния киргиз необходима мало-снежная и ветреная зима; сильных морозов ни они сами, ни скот их не боятся. Но если снега выпадает слишком много, если при том ветры не очистят от него хотя некоторых открытых пространств около зимовок, тогда скот, лишенный возможности добраться до корма, умирает голодной смертью. Именно такое бедствие постигло киргиз зимой 1877—1878 гг., и оно особенно тяжело отозвалось на кочевниках, имеющих зимовки в Каратегине и на Алае. Нам от них пришлось всюду выслушивать рассказы о той нужде, которую они испытали в эту зиму, и мы могли убедиться лично, что рассказы эти не были преувеличены. Эта зима была очень сурова во всей Средней Азии. Снег даже на низменности держался долго, так что в Ташкенте, например, санный путь простоял около месяца, причем морозы доходили до 22° R (т.е. 17,6° C. — С.Г.). В горах, конечно, снега навалило целую массу. Местами в долине Сурхоба глубина его доходила,

до рассказам жителей, до двух сажень. Затем наступили жестокие морозы при полном безветрии, тогда как обыкновенно сильные ветры почти постоянно дуют на всех среднеазиатских высокоподнятых долинах. Скот, не находя корму, начал слабеть. Киргизы, как известно, не заготавливающие сена на зиму, начали кормить скот зерном, припасенным для собственного продовольствия; конечно, они расходовали эти запасы очень бережливо, чтобы хоть кое-как поддержать свой скот и не дать ему подохнуть с голоду. Наконец и зерна не стало. Начался падеж, да и самим угрожал голод. Те из них, которые имели деньги, были принуждены отправиться в таджикские селения для покупки муки и пшена. Но много лошадей уже подохло, а остальная часть до того ослабела от бескормицы, что едва могла держаться на ногах. И вот киргизам, которые в обыкновенное время садятся на лошадь, чтобы сделать какие-нибудь полверсты, пришлось отправляться верст за 60—80 и возвращаться домой, таща на спине два или три пуда муки. В таджикских селениях хлеб был не дешев. Урожай предыдущего лета был не особенно блестящий, а большинство свободных запасов было скормлено скоту. Поэтому в киргизских зимовках хлеб дошел до баснословно высокой цены — именно 20 коп. за тубетейку пшена. Скота у киргизов пало очень много, особенно пострадали бараны. У иных лиц, имевших прежде до 2000 овец, осталось к весне штук по 50. Между лошадьми смертность была тоже очень велика. На следующее лето мне удалось на Алае достать только небольшой турсучок кумыса, который мне привезли как редкость; цены на лошадей стояли очень высокие. Лучше прочих выдержали голодовку верблюды⁵.

Даже девять лет спустя, когда Каратегин посетил капитан Васильев, киргизы не могли оправиться от постигшего их несчастья. В 1887 г. у них приходилось на один двор баранов — 19, лошадей — 1,5 (три лошади на два двора), крупного рогатого скота — 2,6 (по 13 голов на пять дворов)⁶. Не исключена возможность, что именно после этой бедственной зимы киргизы Каратегина расширили свои посевы, большинство хозяйств сделали земледелие одним из своих основных занятий. По-видимому, именно с этого года каждый стал прилагать усилия к заготовке сена (*пчен*).

После этой бедственной зимы и начали строить зимние помещения для всех видов скота: *куроу* — овчарни, *уй-хона* — хлев для коров, *ахта-хана* — конюшни, *бастырма* — навес для верблюдов. Телята, козлята и ягнята брались в дом или юрту. Для хранения *самана*, который служит кормом как в чистом виде, так и с ячменем и отрубями, строились специальные помещения *кахдан* (от тадж. *кахдон*).

Строительство помещений для скота, как и жилых домов, было в значительной мере заимствовано у таджиков, все в большем числе

Женщины и дети на джайлау. Джиргатальский район. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

переселявшихся из Каратегина и особенно Вахио. Прimitивные помещения для скота и для пастухов сооружали на зимовках, расположенных вдали от селений. Овцы загонялись в помещения только в сильные морозы или бураны. Обычно же они на отдых загонялись в загоны (*шик*) в виде круглой площадки, огороженной невысокой стеной, выложенной из камней.

Особенно трудно было прокормить скот в конце зимы. Недаром существовала пословица: *Хут⁷ келди, байниң кутига курт келди* ("Пришел месяц хут — у бая завелись черви", т.е. бай стал беспокойным). Баи в трудные зимы часть своего скота раздавали своим бедным сородичам на прокорм, оплачивая это натурой — шерстью, правом пользоваться молоком, сколотиной⁸.

В настоящее время на колхозных фермах строятся просторные и добротные помещения для скота. Стены возводятся из толстого слоя глины (*пахса*); плоское перекрытие состоит из жердей, а затем ветвей и хвороста, разостланного на балки, а сверху насыпается земля достаточной толщины. И все это обмазывается глиной с рубленой соломой. В результате помещения для скота хорошо сохраняют тепло. Пол земляной. На фермах обычно помещения располагаются по периметру большого двора. На юг бывают обращены навесы. Промежутки,

Женщина с ребенком на джайлау. Джиргатальский район. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

где нет помещений, заполняются высокой стеной из нескольких слоев пахсы.

Ранней весной скот выпасается на южных склонах, которые раньше освобождаются от снега. Как отмечалось, весенние пастбища располагаются недалеко от селений, и в хлопотливом деле, как проведение ягнения овец и отела коров, принимают участие многие колхозники, обычно и не работающие постоянно на ферме. На летних высокогорных пастбищах скот содержится с конца июня до конца сентября. В прошлом в летнее время кишлаки совсем пустели. Перекочевывали на летовку не только киргизы, но и таджики. "Окиргизившиеся таджики восточного Каратегина, — писал Б.Л. Громбчевский, побывавший там в 1889 г., — живут в домах и селениях только зимой, летом же кочуют в горах, где пасут свой скот"⁹.

Присматривать за посевами оставались всего несколько мужчин, обычно бедняков. На время сенокоса и уборки хлебов, как это было у горных таджиков и киргизов Киргизии, мужчины спускались с гор, а выпасать скот на джайлау оставались подростки. Женщины бывали заняты доением коров, овец, коз и кобылиц и приготовлением молочных продуктов, заготовкой их впрок, отчасти уходом за скотом, приготовлением пищи, сбором топлива, уходом за детьми, валянием кошм и т.д. На весь кишлак оставались 1—2 женщины для выпечки лепешек и приготовления пищи работающим на поле мужчинам.

В сентябре на джайлау обязательно стригли овец, особенно ягнят этого года. Их шерсть — мягкая, и употреблялась она для изготовления одежды, мягких видов войлока. Валяли войлок в основном женщины, собравшись большой группой. Неучастие мужчин в валянии войлоков даже для юрт, видимо, объяснялось занятостью их на полях. Ватных одеял не было, укрывались в холодные ночи только войлоком или выделанной шкурой (*пустак*). Подушки тоже набивали шерстью.

В наши дни на джайлау вместе со скотом выкочевывают колхозники, работающие на фермах: пастухи, доярки, зоотехники, ветеринары. Выезжают с ними и все нетрудоспособные члены их семей. Кроме того, выезжают члены семей и колхозников, не работающих на фермах. Они выпасают скот, находящийся в личном пользовании колхозников, и заготавливают молочные продукты. Те из колхозников, кто не имеет возможности выехать на джайлау, отдает свой скот на выпас своим родственникам, соседям, друзьям.

Среди киргизов Каратегина бытует и в наши дни своеобразная молочная артель (*певоз* — по-тадж., *алгау* — по-кирг.), широко распространенная в горном Таджикистане и впервые описанная Е.М. Пещеревой¹⁰. В тех случаях, когда несколько семей родственников или друзей объединенно выпасают своих коров, овец и коз под присмотром 1—2-х семей, то заготовка молочных продуктов, вернее дележ их, строится по принципу, принятому в молочных артелях у горных таджиков.

В прошлом бан в виде “благодения” давали своим бедным сородичам коров на выпас летом, а за труд разрешали пользоваться скотиной, из которого готовится *курут* — сушеный сыр.

Колхозники с лично им принадлежащим скотом нередко выезжают только в ближайšie к кишлаку ущелья и поддерживают ежедневное общение с кишлаком. Так происходит, например, в кишлаке Кошой и других кишлаках около Джиргаталя. Но население кишлака Дамбрачи выезжает в урочище Эгиз-джайлау, которое издавна было летовкой этого кишлака. Расположено оно в горах, примерно в 25 км от селения. Туда выезжают и колхозные фермы. Летовки

На ферме. Способ привязывания телят. Джиргатальский район. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

Способ привязывания коз. Джиргатальский район. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

ляхщев, как и зимовки, располагаются в западной оконечности Заалайского хребта на расстоянии от 4—5 до нескольких десятков км от кишлаков. Небольшие долинки и котловины служат местом, где могут быть разбросаны пять—шесть юрт. Аил располагается у родников и речек. Скот пасется на окрестных склонах, а вечером пригоняется к аилу.

На летовках живут в юртах, палатках и шалашах. Для юрт не хватает кошм, поэтому обычно в одной небольшой юрте живут две—три семьи. Например, в одной из юрт на летовке в урочище Секи в 1954 г. жило три семьи. Юрта принадлежала колхознику, который послал на джайлау свою вдовую сестру 46 лет с дочерью 13 лет, а также двоюродную тетку с тремя внучками. Третья семья — совсем посторонняя: учитель-таджик с женой-киргизкой и тремя детьми. Таким образом, в небольшой юрте жило 11 человек, помимо навещающих их время от времени других членов семьи, работавших в колхозе. Каждая семья хлеб выпекает отдельно в котле, а молочные продукты распределяются по традиционным правилам певоза.

Некоторые семьи, как отмечалось, живут в шалашах, представляющих собой свод из согнутых жердей, который покрывался обрывками кошм, паласов, мешков. Иногда остов шалаша бывает сооружен из звеньев *кереге* юрты.

Скотоводческие фермы колхозов к середине лета поднимаются на самые высокие пастбища, к самым ледникам, затем постепенно спускаются к зимовкам. Колхозы правобережья Кызыл-су (Сурхоб) имеют джайлау на отроге Алайского хребта, тянущегося вдоль этой реки (урочища Пиязы, Тамды-куль, Опко, Иштан-салды, Назар-мерген, Байтал-сойды и др.). Селения левобережья Сурхоба и левобережья Мук-су имеют летовки на северном склоне хребта Петра Первого.

В прошлом пастбища были распределены между кишлаками, но очень неравномерно. Чужой скот на пастбища не допускался. На пастбища, расположенные в Джиргатальском районе, за исключением больших пастбищ на хребте Петра Первого, таких как Тубчак, отары кулябских и хисарских баев не допускались. На пастбищах правобережья Сурхоба бывали и отары, перегоняемые из Куляба в Фергану на продажу. Лишних пастбищ не только не было, но их не хватало. Из-за них между кишлаками бывали иногда целые побоища. В результате бессистемного и беспланового выпаса в течение многих веков они (пастбища) были достаточно засорены. За годы советской власти проведено геоботаническое обследование пастбищ Таджикистана, проводятся мероприятия для улучшения их.

Зоотехники и ветеринары работают во всех колхозах и совхозах. В прошлом борьба с болезнями животных проводилась мерами народ-

ной ветеринарии, в которой наряду с эмпирическими знаниями бытовало много магических мер охраны животных от глаза, от злых духов и т.п. Знания народных ветеринаров применяются до сих пор. От коросты и чесотки верблюдов, например, лечат сурепкой. Семена сурепки вымачивают в воде в течение очень длительного времени, затем мнут и оставляют закисать. Эту жидкость дают пить больному верблюду и моют ею больные чесоткой места.

Откочевка с зимовок на летние пастбища в прошлом была большим радостным событием в жизни киргизов. Каждый был рад из холодных и темных зимних домов переселиться в юрты, переехать в места, обильные травой, где можно досыта наесться айраном, сливками, напиться молоком и кумысом. К надоевшей за зиму пресной пище добавлялись разнообразные дикие съедобные травы. Особенно радовались перемене мест дети.

В прошлом при перекочевке на летовки хозяйки раздавали бедным молоко и айран. Когда на джайлау впервые ставили юрту, то женщины устраивали угощения друг другу. Назывался этот обычай *журт жаңырту* — обновление местопребывания. Мужчины, включая и подростков, на джайлау устраивали угощение, называемое *өйтөлөш*: каждый из участников в свой черед резал барана или козла и угощал всех остальных.

Жизнь киргизов немыслима без коня, который пользуется у них особым вниманием. Существует масса терминов, характеризующих коня (лошадь) со всех сторон. Приведем некоторые из них.

Тай — жеребенок до года; *кальта-тай* — жеребенок по второму году жизни; *гунон* — жеребенок по третьему году жизни; *пышты* (спелый) — жеребенок в четыре года; *асый* — жеребенок в пять лет. А далее называют только *ат*, *бее*. Коня определяют по копытам; большое, толстое копыто — крепкое. Самые хорошие масти коня — гнедой (*торы*), белый конь (*боз*), вороной (*көраң*).

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Земледелие каратегинских киргизов не отличается существенно от земледелия каратегинских таджиков. Поскольку земледелие таджиков обстоятельно описано М.Р. Рахимовым в работе "Таджики Каратегина и Дарваза"¹¹, ограничимся краткими добавлениями к уже сказанному в начале этой главы.

Посевы у каратегинских киргизов бывают поливными (*оби*) и богарными (*кайрак*). Неполивных земель у них (в частности, в селении Гулама) было мало, больше поливных. Поливные же участки были небольшие — 15—20 соток, не более. На них издавна возделываются

пшеница (*бугдай*), ячмень (*арпа*), просо (*таруу*), итальянское просо (*кунак*), горох (*буурчак*)¹², фасоль (*лобия*) и люцерна (*жоничка* или *беда*). Земли неполивные тоже были относительно небольшими — до одного га, да и то неровные, а склоны волнистые. На неполивных землях высеваются пшеница, ячмень и лен-кудряш (*зыгыр*). Лен в прошлом сеяли в очень ограниченном количестве, так как льняное масло киргизами в пищу не употреблялось (стебли льна в Средней Азии не перерабатываются), а служило лишь для светильников. Теперь посевы льна значительно возросли, так как колхозам выгодно продавать государству семена льна вместо пшеницы.

Сажают сейчас в большом количестве и картошку. В селении Джанлган, например, впервые начал сажать картошку некий Сыдык баба, выходец из Шаара, т.е. из Ферганской долины. В кишлаке Гулама, например, все участки заняты картошкой и люцерной. Картошка растет даже между яблонь.

В Джиргатальском районе возделываются две разновидности пшеницы: *иради* и *сурхак*. Иради хорошо растет без полива, а сурхак, наоборот, без полива сгорает. И тот, и другой вид можно сеять как весной, так и осенью. Как и всюду в Средней Азии, неполивная пшеница ценится выше, поскольку хлеб из ее муки бывает значительно вкуснее (со вкусом молока) и белее. Сорт *иради* произрастал в основном на Ляхше, в урочище Кум, представляющем собой холмистую местность в нижней западной части Ляхша. В этой местности в хорошие годы пшеница кайрак дает урожай до 15 центнеров с га, а ячмень — до 30—35 центнеров с га. Жители селения Балх, например, брали там семена и получали у себя прекрасный урожай. Но на третий год этот сорт пшеницы в Балхе вырождался.

Ячмень имеет две разновидности: *ялангач*, или *көк арпа* (с голыми зернами зеленоватого цвета), и *юндук арпа*, или *саман арпа* (с пленчатыми семенами, дающий много самана и отрубей). Обе разновидности высеваются весной.

Люцерну высевают на орошаемых участках вблизи зимнего жилища, и она идет в основном на корм ездовым коням как в зеленом, так и в сушеном виде. В прошлом участок, засаженный люцерной (обычно около 2-х га), огораживался высоким пахсовым дувалом во избежание поправки.

Киргизы восприняли от соседних таджиков, а также узбекского населения Ферганы не только приемы выращивания различных культур, не только орудия земледелия с их названиями (например, деревянное пахотное орудие с чугунным наконечником называется *сыпар*, как и у каратегинских таджиков), но и обряды и обычаи, связанные с земледелием (хотя и в несколько упрощенной форме, чем у горных таджиков)¹³.

Весенняя пахота начинается в конце марта — начале апреля. В весеннее сорокадневие (*чилла бахор*) — с 18 марта по 30 апреля (1 мая) — должны закончить сев вообще. На богарных землях — примерно до 15 апреля. А на поливных — можно, в зависимости от обстоятельств, затянуть сев до 10 мая.

В дореволюционное время первым на пахоту выезжал тот, у кого земля раньше, чем у остальных освобождалась от снега (запись в кишлаке Кошой). Согласно другой записи, сделанной на Ляхше в кишлаке Сары-Кендже, первым выезжал на пахоту наиболее зажиточный, “сытый” хозяин.

Предпочитали начинать первую вспашку во вторник, день, который считали счастливым. Перед выходом в поле крестьянин устраивал угощение в честь патрона земледелия Бобой-Дехкана. По этому случаю варили плов или *кочо* (каша из пшеничной или ячменной крупы) и приглашали на трапезу несколько стариков своего кишлака. После угощения старики благословляли крестьянина словами: *Бир даниң миң дан булсин*, т.е. “Пусть твое одно зерно станет тысячу зерен”. Затем рога рабочих волов и ярмо смазывали маслом. Крестьянин отправлялся к своему полю пахать, а старики расходились по домам.

Уход за посевами сводился к их поливу. Но практиковался и так называемый “сухой полив”. Если трижды вспахать землю (*шудгар*), это будет равносильно тройному поливу. Так, отец информатора из селения Балх в месяц Саратон (с 20 июня до 18—19 июля) дважды вспахал землю вместе с травой. А на следующий год посадил на этом месте яровой ячмень (ячмень — основная зерновая культура). Урожай был потрясающий.

Как отмечалось выше, киргизы с весны выезжали со скотом в горы на джайлау. Это, с одной стороны, было связано с необходимостью выпасать скот на горных пастбищах, а с другой стороны, избавляло поля от потравы скотом. Мужчины с ранней весны и до уборки урожая время от времени спускались вниз для полевых работ. Всего спускаются примерно 5—6 раз пахать, сеять, поливать (в сухое лето поливают 5—6 раз), жать, молотить. При этом говорили: *Капага тушамиз*, т.е. “Спускаемся (а не едем. — Б.К.) в кишлак”.

Жатва начиналась во второй половине августа. Женщины у киргизов в полевых работах в прошлом не принимали участия. Мужчины с джайлау спускались в долины, где находились поля, только для полива, сенокоса и уборки хлебов. Жатва начиналась в любой день недели, и начало жатвы никакими особыми обрядами не сопровождалось. Зажиточные люди, чтобы провести жатву в сжатые сроки (в этих высокогорных районах довольно часто идут дожди), устраивали помочь (*хашар*). Уклоняться от хашара считалось нарушением

традиционных норм приличия и взаимопомощи, и крестьяне в самую страду были вынуждены время от времени откладывать уборку своего урожая на день-другой и идти к богатому односельчанину или к сородичу в соседний кишлак.

При засухе колосья пшеницы во время жатвы осыпаются. Часто бывает так, что новый урожай еще не созрел, а старый кончился. В том и другом случаях жали в тех местах поля, где ячмень хотя и не созрел, но стебли уже пожелтели. Затем делали колотушку из желтой ивы (*сары тал*) и колотили ею по незрелым колосьям. Из этого незрелого зерна варили кашу.

До революции, по материалам капитана Г.Ш. Васильева, "сбор ячменя и пшеницы в восточной части Каратегина, и особенно заселенной киргизами, не удовлетворял вполне потребность жителей. Приходилось всегда докупать хлеба, чтобы дотянуть до новых сборов. Хлеб обыкновенно покупается у жителей средней и западной частей Каратегина"¹⁴.

Жали серпами, молотили ногами волов, погоняя их по кругу по разостланным на току (*хирман*) снопам, а веяли, подбрасывая в воздух обмолоченный хлеб деревянной лопатой и вилами. Во время молотбы исполнялись особые куплеты *майда* как на киргизском, так и на таджикском языках. Например: *Саманы саңа пайда. Даны бизга пайда. Палваш, кель, палей!* (т.е. "Солома тебе на пользу. Зерно нам на пользу. Палваш, повернись!").

Для хирмана нужно глинистое, без камней место, чтобы в зерне не было примесей камня. Делать его было настолько трудно, что 3—5 хозяйств объединялись для устройства его. Молотили по очереди. Помогали друг другу. Если было много снопов, то молотили ногами животных (*галлагоу*), но больше молотили чапаром (*чапар* — примитивная борона из хвороста или колючего кустарника). При этом пели песни, только если было хорошее настроение.

Когда информатор Ислом бобо Суранов из селения Гулама (в 1988 г. ему было 76 лет) был маленький, хирманы в селении были в 3—4-х местах. Большой хирман был в Палванташ таг (недалеко от нижнего края села). В центре хирмана был центральный кол, толстый и высокий. На него надевали кожаное кольцо, к которому привязывали крепкий аркан (веревка) для волов при молотбе ногами животных или чапаром на лошади. При молотбе ногами животных солома становилась более мелкой, а при молотбе бороной — крупнее.

При веянии сначала зерно подбрасывали вилами, а потом деревянной лопатой (*курак*). Завершали чистку зерна с помощью решета (*галбир*). В сентябре, когда веют зерно, ветры дуют постоянно. Ночуют у хирмана, чтобы как только поднимется ветер, начать веять.

Обряда *чеш* (опоясывание провеянной кучи зерна) информатор не помнит, но знает, что сверху на зерно клали кусок глины, чтобы зерно было тяжелым. Зерно в шерстяных мешках перевозили на ишаках, лошадях, верблюдах, а солому перевозили на саях-волокушах (*чигина*).

Хранили зерно в больших глиняных ларях (*хампа*) и ямах (*уро*). Лари делали из глиняных катышей и обмазывались снаружи и внутри глиной. Сверху было отверстие, которое закрывалось прямоугольной крышкой. Через это отверстие зерно засыпалось, а из отверстия (*тешик*) внизу (с пробкой из тряпки) зерно при необходимости высыпалось. Лари были двух размеров: *сукон* вмещал 30—40 центнеров и *хампа* вмещал 6—7 центнеров (5—10 мешков). В *хампа* хранили и муку.

Яма для хранения зерна была высотой около 1,5—2 м и шириной в 1 м. Ее обмазывают и накаляют, как тандыр. Это делается заблаговременно. Закрывают, и готовый уро ждет урожая. Заложив зерно, засыпают его землей и замазывают отверстие. Зерно в уро может лежать год и дольше.

Солому хранили в специальном сарае (*саман-хона*). Солому в *саманхона* возили в больших корзинах (*сават*) на верблюдах. Причем корзины эти хранили, каждый год не плели. Если солому везли на саях-волокушах, то сани въезжали прямо во внутрь сарая, где солома и высыпалась. Если же вход в *саман-хона* был узким, то заполняли его через наружное отверстие с дверцей (*дарча*) сверху.

При затяжной засухе каратегинские киргизы, как это было принято и у других народов Средней Азии, устраивали *худои* — жертвоприношение Богу: резали скотину, варили ее мясо и съедали всем селением, завершая общественную трапезу чтением Корана и обращением к Богу о ниспослании дождя. Скотина для жертвоприношения приобреталась на деньги, вырученные от продажи продуктов (зерно, мука), собранных добровольными организаторами *худои* у односельчан. Жертвоприношение и общественная трапеза устраивалась в почитаемых местах. Например, в кишлаке Кошой таким местом являлся Мазар-терах — могила безымянного “святого” под большим тополем, который растет к югу от кишлака на конусе выноса небольшого сая. На Ляхше с целью вызвать дождь женщины и дети собирались у речки или у арыка, ели там *орогон* (кашеобразная затируха на молоке) и масло, пили молоко и обливали друг друга водой¹⁵. Если шли затяжные дожди, что нередко случается в этих высокогорных районах, с целью прекратить их тоже устраивали *худои*. *Жер-су кэчиб кетмасин, овкатиңни торт энди* (“Пищу свою, т.е. дожди, к себе притяни, чтобы не начались оползни”), — обращались селяне к Богу.

Каратегинские киргизы заимствовали у таджиков и Науруз — древний иранский новогодний праздник, сопровождавшийся различными обрядами. В этот день прыгали через костер со словами: *Алас, алас, ҳар баладан халас!*, т.е. “Алас, алас, избавь нас от всякой беды!” и сжигали на этих кострах вынесенные из дому камышевые и травяные подстилки (высушенные камыш и траву подстилают на зиму под кошмы). Затем варили кочо в виде густой каши. Зачерпнув одну ложку каши, выкидывали ложку с кашей через дымоход на плоскую крышу дома. Если ложка падала на крышу, прикрыв собой кашу, то год должен быть урожайным, если же наоборот, — то неурожайным¹⁶.

В прошлом каратегинские киргизы пользовались, помимо мусульманского лунного календаря, древним народным календарем, широко бытовавшим в дореволюционное время среди таджиков и узбеков. От Кенджаева Сайта из кишлака Сары-Кендже, большим знаниям и прекрасной памяти которого мы обязаны многими интересными записями, нами сделана следующая запись об этом календаре: “С 20-го декабря начинается *чильда*, которая длится 40 дней. За ним идут два раза по 10 дней — дети чильды (*чильданиң балдари, чильда бачча*). Затем *гурон*, по-таджикски *хут* (название последнего зимнего месяца солнечного календаря по знакам зодиака). После хута приходит весна. Затем идет *амаль* (название первого весеннего месяца по знакам зодиака). В конце июня в месяце *саратан* начинается лето. Самый жаркий период лета длится 40 дней (*кыркы*). С появлением на небе созвездия Плеяд (*Олкар*) и созвездия Орион (*Таразы*) начинается осень”.

РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА

Сары-Кендже (1954)

В прошлом женщина не участвовала в полевых работах и не смотрела за скотом. Она готовила пищу, пекла хлеб, стирала, шила, ткала, валяла кошму, доила скотину, заготавливала впрок молочные продукты, заготавливала топливо, ухаживала за детьми.

В.Ф. Новицкий: “Удивительно симпатичный тип представляет собой киргизская женщина. Деятельная, работающая, терпеливая, веселая, приветливая, она воплощает в себе светлые стороны жизни кочевника. В кочевом быту киргиза женщина — все. Она ходит за детьми, стряпает, стирает белье, ставит и убирает юрты, выючит и развьючивает верблюдов, доит скот и т.д. и т.п.”¹⁷

Доение козы. Джайлау. Сел. Кошой. 1957 г. (Фото В.И. Юрлова)

Тубчак (1952)

Здесь в урочищах Темирган-таш и Каш-таш расположились колхозные фермы. Все жители из кишлака Согот. Посевы у них рядом с кишлаком. В стороне от остальных юрт стоит маленькая юрта старика Джумабая. Он со своей старухой пасет здесь колхозных волов. Когда мы подъехали к его юрте, хозяина не было. Он сидел на гребне холма и смотрел в сторону кишлака. Мы долго окликали его, пока он не услышал нас и не ввел в свое жилище. Сказал, что ждет свою старуху. Когда Шаимардан-ака (сопровождавший нас) подшутил, что скучно без старухи, то старик ответил, что единственный хэур (смысл жизни, удовольствие) — старуха. И Шаимардан-ака согласился с ним уже серьезно.

МЕРЫ ВЕСА

Дувана (1988)

Чейрек (от тадж. чор як) — 80 кг; чакса — 5 кг; кадак — 400 г (чай, например); ярим кадак — 200 г; пайса — 100 г.

- ¹ Ошанин В.Ф. Каратегин и Дарваз // ИРГО. 1881. Вып. 1. Т. XVII. С. 48.
- ² Васильев Г.Ш., капитан. Краткое статистическое описание Каратегина // СМА. СПб., 1888. Вып. 33. С. 31–32.
- ³ Там же. С. 18.
- ⁴ Там же. Указ.соч. С. 19.
- ⁵ Ошанин В.Ф. Указ. соч. С. 49–50.
- ⁶ Васильев Г.Ш., капитан. Указ. соч. С. 29.
- ⁷ Хут — последний месяц года солнечного календаря по знакам Зодиака — с 18 февраля до 22 марта, т.е. до весеннего равноденствия (см. Рахимов М.Р. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период // ТИИАЭ АН ТаджССР. Сталинабад, 1957. Т. XLIII. С. 166).
- ⁸ Эта форма эксплуатации (*саан*) была широко распространена в Киргизии (см. Абрамзон С.М. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946. С. 27).
- ⁹ Доклад капитана Б.А. Громбчевского о путешествии в 1889–1890 гг. // ИРГО. СПб., 1891. Т. 27. С. 98.
- ¹⁰ Пещерева Е.М. Молочное хозяйство у горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи // По Таджикистану. Ташкент, 1927; Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи) // ТИИАЭ АН ТаджССР. Сталинабад, 1953. Т. VII. Вып. 2. С. 138–139.
- ¹¹ Рахимов М.Р. Сельское хозяйство // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1966. Вып. 1. С. 110–147.
- ¹² Такие культуры, как просо, кунак и горох, называются еще общим именем *караштык*.
- ¹³ Рахимов М.Р. Сельское хозяйство. С. 110–147.
- ¹⁴ Васильев Г.Ш., капитан. Указ. соч. С. 18.
- ¹⁵ Здешние киргизы слышали о том, что в Кашгаре для вызывания дождя используют камень *джади*, но сами этого древнетюркского способа не знают.
- ¹⁶ Подробно о народном календаре см.: Рахимов М.Р. Земледелие таджиков... С. 150–156; Сельское хозяйство. С. 180–195; Андреев М.С. Указ. соч. С. 172–174.
- ¹⁷ Новицкий В.Ф. Из Индии в Фергану // Зап. РГО по отд. Общей географии. СПб., 1903. Т. 38, № 1. С. 276.

ПОДСОБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ

ДОМАШНИЕ ПРОМЫСЛЫ

Отдаленность от рынков, от городского ремесла явилась условием бытования домашних промыслов у каратегинских киргизов. В киргизских селениях были свои кузнецы (*охангар* или *темир усто*), плотники (*жагач усто*), мастера по выделке деревянной посуды (*касатарои*), седельники (*ээрчи*), сапожники (*махсидуз*). Некоторое развитие имели и женские промыслы: ковроткачество, кошмовяление, вязание шерстяных чулок, шитье и вышивание. В 1888 г. капитан Васильев писал: "В Каратегине почти нет обрабатывающей промышленности; она ограничивается кустарным производством, и то весьма скромным. Население занимается выделкою грубых тканей для собственной одежды, деревянной посуды, корзин, необходимых в домашнем хозяйстве, мелочных вещей, кошм, ковровых куржумов (вьючные мешки) и вязанием теплых чулков. Последние два вида кустарной промышленности составляют даже предмет вывоза; спрос на них высок не только зимой, но и летом. Вместе с мягкими опорками они очень удобны при больших переходах пешком, особенно в горах; ковровые куржумы отличаются также прочностью и очень медленно промокают"¹.

Ремесло не было отделено от земледелия и животноводства. Оно обычно являлось не основным источником существования семьи, а подспорьем в хозяйстве. Многие местные мастера нередко были специалистами в разных областях. Например, мастер из кишлака Кошой усто² Джейнали Назаров, которому во время нашей беседы в 1957 г. было 84 года, был сапожником и плотником (причем строил не только дома, но и выделывал деревянные остовы юрт). Другой мастер из того же кишлака (во время нашей беседы в 1957 г. ему было 50 лет) плотничает, строит водяные мельницы, выделывает деревянную посуду и седла. Кузнец Сафарбай Артыков из кишлака Кара-Кендже является одновременно и плотником — строит дома и изготавливает сани-волокуши. Наиболее часто встречается сочетание

в одном лице плотника и столяра, изготавливающего сундуки, колыбели и т.п.

По словам 70-летнего деревообделочника усто Пирбия из кишлака Джайланган, в дни его юности среди киргизов плотников-строителей было мало (киргизские мастера изготавливали остовы юрт), большинство их было из таджиков. Усто Пирбий учился у одного из них. Когда он бывал в Фергане, там присматривался к постройкам. Иногда ферганские мастера приезжали в Ляхш на заработки, и киргизские мастера учились у них.

За годы советской власти, с ростом благосостояния народа и строительством больших домов, мастеров-киргизов становилось все больше, особенно в таких крупных селениях, как Джиргаталь, Кошой, Джайланган. В Кошое в последние десятилетия были особенно известны мастера усто Халил, усто Шариф, усто Сафарали. Они имели по 10—12 учеников (*шогирд*), которые обучались ремеслу, работая в мастерской учителя. Приезжие ученики жили в доме мастера, в уджре (от тадж.-узб. “худжра” — “келья”), небольшой комнате при мастерской.

После окончания срока ученичества мастер устраивал публичный экзамен своему ученику. Ученик должен был самостоятельно изготовить тот или иной предмет. Например, ученик кузнеца должен был отлить наконечник для сохи (*омача*). После этого мастер на средства ученика (ученик резал барана) устраивал угощение (*зиопат*), на которое приглашались односельчане мастера. Во время зиопата мастер давал ученику благословение (*потиха*), а ученик надевал на него новый халат.

Если мастер был самоучкой, он все равно должен был получить потиха от старшего мастера данного селения, который назывался таджикским термином *устои калон*. Для тех, кто наследовал мастерство от отца, благословение не требовалось (*Ота касми — хеч ким нари тур бери тур деялмайди*, т.е. “Наследнику ремесла по отцу никто не может предъявить претензии”). Однако если мастер был достаточно самостоятельным человеком, то устраивал угощение в честь окончания сыном ученичества и публично благословлял его на звание мастера и на самостоятельную работу. Учитель назывался пир и в дальнейшем он оказывал покровительство своему ученику. Как видим, в Каратегине бытовали отголоски городских ремесленных организаций. Выборных бобо корпорации ремесленников определенной отрасли ремесла, как это было характерно для ремесленных организаций Средней Азии в конце XIX — начале XX в.³, здесь не было.

В настоящее время получение благословения от признанного мастера не считается обязательным. Нам кажется небезынтересным рас-

сказ о себе кузнеца и плотника из кишлака Кара-Кендже усто Сафарбая Артыкова 1907 г.р. Отец его не был мастером, да и в ученичестве он не состоял, а научился плотницкому и кузнечному делу самостоятельно. В 1936 г. он был послан колхозом в райцентр, в селение Джиргаталь, на курсы, но явился туда с опозданием, только к выпускным экзаменам. На экзаменах по заданию комиссии выковал успешно подкову и с тех пор работает в колхозе, причем не только кузнецом, но и плотником.

Так как мой информатор усто Сафарбай был самоучкой, то у него пира-учителя не было. Однажды, когда усто Сафарбай работал над перекрытием одного дома, мимо проезжал старый мастер, плотник и деревообделочник, упомянутый выше усто Пирбий из кишлака Джалиган. Старый мастер спросил у усто Сафарбая, имеет ли он от кого-либо благословение. Усто Сафарбай ответил, что не имеет. Тогда усто Пирбий поднял руки, прочитал молитву и сказал, что благословляет усто Сафарбая и будет его пиром.

Усто Сафарбай Артыков делает для колхоза сани-волокуши (*чигина*; называют их еще *кочкорок*, хотя так называются в киргизском языке полозья). Ему помогают два—три колхозника. Инструмент его состоит из ножовки, большой пилы с двумя ручками (то и другое куплено в магазине; у второй пилы деревянные ручки заменены рогами дикого козла), топора и двух тесел (*теши*), маленького и большого, сделанных, по-видимому, самим мастером, долота собственного производства несколько выгнутой формы и с деревянной ручкой, посаженной на втулку.

В прошлом роль учителя и пира не ограничивалась моральным покровительством. Мастер-плотник, например, получивший заказ на строительство дома, приглашал своего учителя или старшего мастера селения на место строительства. Старший мастер определял точное место здания, “чертил” на этом месте план будущего дома с помощью кольев и бечевки, а затем благословлял мастера-исполнителя на возведение здания. Это называлось *таноб-тарту* (букв. “натягивание веревки”, от тадж. *таноб* — “веревка” и кирг. *тарту* — “натягивание”). Мастер надевал на старшего мастера халат и устраивал ему небольшое угощение. Это называлось *таноб пули* (т.е. “плата за натягивание веревки”).

Как и всюду в Средней Азии, каждому виду ремесла приписывается духовный покровитель, мифический патрон, называемый также “пир”. Он считается основателем данного ремесла. Как и в других местах Средней Азии, пиром кузнецов считается *хазрати* (т.е. “святой”) Дауд (библейский Давид). Пиром мастеров, возводящих стены (в Джиргатале их нельзя было назвать каменщиками, так как стены были глинобитными, пахсовыми), считается хазрати Ибрагим (Авраам).

Деревообделочникам и плотникам покровительствует хазрати Нух (Ной).

Мастер время от времени устраивает угощение (*худои*), где прочитывается молитва в поминовение души патрона — покровителя данного ремесла. Упомянутый выше усто Сафарбай Артыков из кишлака Кара-Кендже говорил нам в 1954 г., что хазрати Дауд по временам снится ему, и что он каждый год, обычно зимой, когда занимается отливкой сошников, режет барана и устраивает угощение для односельчан. Во время трапезы прочитывается молитва в поминовение души хазрати Дауда.

Интересно отметить, что патроном мастеров по выделке остова юрт считается не Нух, а некий Хатам-Тай, отличавшийся необычайной щедростью. Он изобрел решетчатую юрту, чтобы иметь возможность раздавать дары и милостыню не только через дверь, но через все отверстия решетчатой стены юрты (*кереге*)⁴. Сам же он был неверным, поэтому в его честь мастера не устраивают поминального угощения, а учитель не дает своему ученику благословения — фатиха. Например, вышеупомянутый мастер Джейнали Назаров из кишлака Кошой изготовлению остова юрты специально не обучался, а приглядывался к работе мастеров, научился и стал самостоятельно работать, когда ему было уже 40 лет. При этом он ни от кого не получал фатиха.

В последние годы в Джиргатаальском районе наиболее известными мастерами являются: усто Джолдош Латыпов в Джиргатале; усто Партоу Шарипов, таджик, в кишлаке Сасык-булак; усто Сафар, ныне уже покойный выходец из ферганского кишлака Акдев, большую часть жизни проживший на Ляхше и там же умерший. Наиболее почтенным и уважаемым является неоднократно упомянутый усто Пирбий из кишлака Джаилган.

Кузнечное дело. Кузнецы были обычно в каждом кишлаке. Они называются или просто *усто*, или *темир-усто*. Кузнецы изготавливают железные и чугунные предметы, нужные в хозяйстве и быту: сошники (наконечники) для омачей, топоры, тесла, подковы, железные части сбруи, щипцы и совки для углей, скребки для котла и прочую домашнюю утварь и мелкий инвентарь. При этом сами делают формы из песка. Кузнецы также чинят посуду. В настоящее время серпы и кетмени продаются в магазинах. А в прошлом кетмени привозили из Ферганы, а серпы местные мастера ковали уже из кетменей. В те времена не было железа. Гвозди были деревянные (для дверей, окон и вообще для постройки дома). А также из Вахио привозили какой-то камень, кипятили и делали из этого камня гвозди.

Сырьем для кузнецов служит железный лом. Заказчики приносят кузнецу кто что найдет: обломки железных кроватей, старые наконеч-

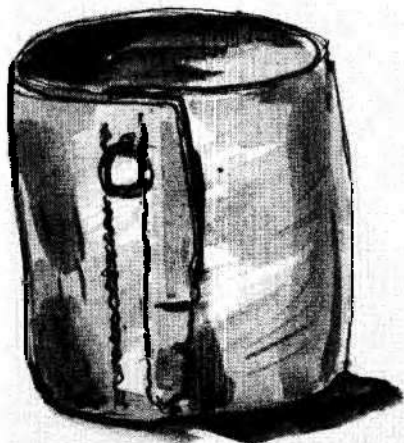
ники омачей, гайки, куски провода и т.п. В прошлом же кузнецы ездили за железом в Фергану. Ездили туда с несколькими ослами, нагружали на них закупленное железо и везли в Каратегин. Изготовив различные изделия, кузнец на ослах же развозил их по кишлакам и продавал. Уголь для кузнеца выжигает обычно заказчик из увлажненных водой арчевых дров, заложенных в яму. Если мастер не очень загружен, он берет на себя и выжигание угля. Здесь в горах много мест, где находят железные шлаки.

Сафаев Рахим, 1947 г.р., хотел поступить в сельскохозяйственный институт, но денег не было. Тогда он выучился кузнечному делу у кузнеца-таджика в селении Уялы. Делает местные серпы, которые всем нужны. Работает уже 30 лет, но угощение в честь пира-покровителя не устраивал.

Плотничье дело. У киргизов, как и у других кочевых народов, деревянная посуда в большом ходу: блюда, чаши, чашки всех размеров, ведра, ступы, ложки, половники и т.п. Деревообделочники обычно развозили по кишлакам свои изделия. Но нередко покупатели приходили к мастеру на дом за нужной вещью и покупали из уже готовой продукции или заказывали. Один из наших информаторов, высокий плечистый человек 50-ти лет с приветливой улыбкой, делает седла, деревянную посуду, а также плотничает и делает мельницы. Отец его тоже был хорошим мастером по дереву (*жагоч усто*). И отец, и сын изготавливали и деревянные ведра.

Деревянные блюда, ложки, половники делают из ореха, ивы, березы. Все деревянные ведра изготавливаются из арчи — древесновожжевеленьника. Цилиндрические ведра из арчи (*челек*) служат в основном в настоящее время для заквашивания молока и сбивания масла. В прошлом они употреблялись и для носки воды, теперь же воду носят в покупных металлических ведрах.

Для изготовления челека необходима арча достаточной толщины, так как древесина снимается с соответствующего по высоте бруса в виде свитка: толстый арчевый ствол распиливается в виде ленты на тонкие доски, ширина которых зависит от толщины ствола. Причем ведро делается из живой арчи. На стволе растущей арчи делаются

Ведро из арчи. Сел. Кошой. 1957 г.
(Рис. В.И. Юрлова)

два поперечных надреза в три пальца глубиной. Потом с помощью деревянных клиньев кусок арчи отделяется от дерева. Этот плоский кусок дерева кипятится и затем в еще горячем виде гнется вокруг колодки (*калыб*). Края немного накладываются друг на друга на 5—7 см и прошиваются арчой же. Затем вставляется доньшко, которое тоже делается из арчи, и привешиваются снаружи два металлических кольца. Арча, в отличие от других деревьев, не портится от воды.

В прошлом такие ведра выделывались несколькими мастерами в Джиргатальском районе: в кишлаках Тамды-куль и Кошой. Но теперь арча в окрестностях вырублена и производство ведер прекратилось. В период сбора материала делали такие ведра представители киргизского рода чарчи, проживающие в бассейне реки Сох. Свою продукцию они привозили сюда и продавали за деньги или обменивали на ягнят и козлят. В последние годы они приезжали все реже. Объясняется это, по-видимому, как уменьшением арчевых лесов, так и все большим распространением металлической посуды. Металлические ведра (*темир челек*) в досоветское время вовсе не употреблялись, а теперь употребляются как уже говорилось, только для воды. Для молока и молочных продуктов по-прежнему используются деревянные ведра, а за неимением их — эмалированные и алюминиевые кастрюли.

Много было специалистов по изготовлению конской сбруи (*ат жаптык*). Конское седло делается из березы и черной ивы: *жагач эгар* (*эгар*, *ээр* — седло; *жагач* — деревянный), *коптал* (бока, полки) — из черной ивы, *каши* (передняя лука) — из березы, *тавак* (задняя лука) — из березы. Правда, плетку (*камчи*), особенно для приданого, старались привезти из Кашгара. Отец девушки должен был подготовить для своей дочери в качестве приданого и конскую сбрую вплоть до плетки (*камчи*). На плетку обращали особое внимание. Ручка плетки делалась из таволги, обвивалась серебряной или медной проволокой. Называли эту плетку *зымдырдаган камчи*, т.е. “плетка, обвитая проволокой”.

Плетки изготавливали и местные мастера. При этом ручку плетки делали не только из таволги, но и из ирги, которая по качеству древесины стояла на втором месте после таволги. Палку нужной толщины и длины сначала немного обжигали на огне (она становилась черной), затем чистили напильником (*эгау* или *турпу*). В конце готовой ручки просверливалась сверлом дырочка (*ушку*), через которую пропускали ремешок для вдевания кисти руки. За эту петлю плетку и подвешивали. Рабочую часть *камчи* плели из ремешков козьей кожи. Ремешки (*тасма*, т.е. “тесьма”) эти вымачивали в воде, а затем очищали от мездры.

Мельница в сел. Кара-Кендже. Принадлежит старику Урман-аксакалу. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

Были специалисты и по изготовлению юрт, например, в Кальтабулаке, Кошое и др. Свои же специалисты изготавливали и решето.

Мельничные жернова делали повсеместно. Хорошие мастера были в Кчи-Карамуке, Кошате. Но в Джайлгане был усто Усман Али, который делал особые жернова. Если обычно на мельнице мелют в день 7—10 мешков зерна, то на мельнице с жерновом этого мастера мололи до 40 мешков. Ручные мельницы в настоящее время не используются. Раньше, в XIX в., были ручные мельницы, но они использовались в основном на джайлау и в кишлаке, когда требовалось небольшое количество муки. Но нынешнее поколение пожилых людей не видело их.

На памяти информатора из кишлака Гулама мастер по имени Чонг Карим, т.е. "Большой Карим" (а он был большой, высокий человек), нашел камень на джайлау Секе. Погрузив его на сани-волокуши (*кочкорок-чигина*), запряженные быком, с большим трудом привез камень в кишлак и построил мельницу. Мельница, которая сейчас уже бездействует, и есть та мельница, построенная Чонг Каримом.

Ковроткачество, кошмовяление. Овец стригут дважды в год, верблюдов и коз — один раз. Верблюжью шерсть выдирают, а шерсть на коленях и шее стригут ножницами. Ножницы для стрижки называются *шуушаң*. Ковроткачеством занимались в основном женщины.

У здешних киргизов бытует три вида безворсового ткачества: 1) *гажар* (известное у локайцев как *терме* — ткань мягкая гладкая тонкая, 2) *терме* — способ, каким ткут полосы для юрт (двухстороннее) — ткань толстая плотная с неровной поверхностью, 3) *какма* — полосатая ткань полотняного тканья⁵. Из ковровой безворсовой ткани, кроме подстилок, делали различные торбы, покрытия для седел, попоны, подпруги, сумки. При этом для этих предметов ткали способами *гажар* и *какма*. Способом же *терме* ткали исключительно полосы для юрты.

Ворсовое ткачество называется *жул*. Наиболее распространенными вещами, для которых применяется ворсовое ткачество, являются подушки (*чавадон*), а в прошлом еще сумки-полочки в юрте, на которые ставили женские тюрбаны — *калак* (*жул кош жавык*). В настоящее время *жул кош жавык* просто вывешивается на стену в декоративных целях. Новых не ткут.

Продолжают ткать, как отмечалось, прямоугольные подушки — *чавадан*, передняя сторона которых делается ворсовой, а задняя — представляет собой ткань без узора. Такая подушка набивается ватой или соломой. Она обязательно должна быть в приданом невесты. Ковровые подушки, играя существенную роль в декоративном убранстве жилища, не теряют и своего прикладного назначения — когда стелят постель, их кладут под самую голову, но на них еще кладут подушки из хлопчатобумажной ткани. Орнамент ковровых изделий очень схож с локайским.

Сукно (*таар*) выдывается из шерсти баранов, коз, верблюдов. Шерсть очищают, размельчают, разбивают колотушкой (*сабо*). Ткут на земле с помощью трех кольшков (*казык*). Основные части такого ткацкого станка: челнок (*аркак*), доска (*тахта*), доска для сближения ниток (*гылыч*). Из сукна делали чекмени для детей и взрослых, брюки, попоны, покрывала, переметные сумы, мешки для пшеницы, ячменя.

Кошмы (*кийиз*) валяют из бараньей шерсти. Сначала шерсть раскладывают на циновке, поливают ее горячей водой, затем сворачивают вместе с циновкой, перевязывают веревкой и тянут (валяют) в противоположные стороны. Валяют обычно четыре человека, по два с каждой стороны. Кошмы с узором валяют двумя способами. Первый способ характерен и для таджиков: орнамент просто вкатан из вытянутых прядей цветной шерсти. Второй способ более сложный и хара-

Древняя старуха за прядением у входа в дом. Сел. Кошой. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

ктерен, наряду с первым, для киргизов: вкатывание вырезного узора из цветного тонкого войлока.

Раньше из козьей шерсти вили веревки. Из шерсти же баранов ткали тесьмы различной ширины и длины, которые служили для связывания юрт, шалашей на летовках, в качестве подпруг у лошадей и т.д. Веревки, свитые из козьей шерсти, также служат для связывания палаток.

Для прядения шелковых или шерстяных ниток используется деревянное веретено (*ийик*) с грузиком наверху.

Гончарный промысел. Женщины делали лари для муки (*хампа*) и гончарную посуду (преимущественно таджички).

Изготовление мыла. Пользовались мылом своего изготовления. *Кара самын* (черное мыло) изготавливалось раньше из трав *шорек*, *балтырган*, *желжамин*⁶. Траву жали, складывали снопами. Высокие снопы складывали в кучу и сжигали. Пепел разводили в воде. Если пепел разводили вечером, то он стоял до утра. Затем воду цедили в мешках, сливали в котел и кипятили целый день.

Полученный после кипячения щелок (*шакар*) сушили на солнце. Затем эту массу кипятили с маслом. На 5 кг сахара нужен был

1 кг масла. Масло использовалось топленое, льняное, но обычно сало овечье, сурков или жир со сдохшего животного. Кипятили до тех пор, пока не появлялась пена. Затем подливали в эту массу воду. Если дров было мало, то одну чашу (*коса*) воды, если же была возможность кипятить ее подольше, вливали 1,5 чаши воды. После кипячения получалась густая масса (*мыло*). Ее скатывали катышками и заворачивали в тряпку.

Торговля. Как писал капитан Васильев в 1888 г.: “Торговля вообще не велика. Предметы вывоза суть: хлеб, каракуль, простые бараньи шкуры, шкурки лисиц, барса, куниц, теплые чулки, ковровые куржуны и индийская кисея (ввозная); предметы ввоза — хлопок, рис, мата, ситец, железо, тибетейки, мелкий красный товар, индийская кисея и чай”. “Внешняя торговля главным образом с Русским Туркестаном на рынках Коканда и Ура-Тюбе. С другими соседями (Дарваз, Файзабад, Гиссар) торговли нет почти никакой. Хлеб вывозится в восточную часть долины Зеравшана (бывшее Коканское бекство)”⁷. По словам информаторов, в кишлаках Кошой, Кара-Кендже, Джайлаган торговцев (*саудагар*) было мало. Базары были в Джиргатале, Хаите, Гарме, где и покупали, и продавали. На Ляхше базаров не было. Торговцы приезжали как из Кашгара, так и из Ферганы. Они меняли свои товары на скот. Денег же в Каратегине было мало.

Из ферганских городов сюда привозили ситец, тик, бязь, калами и другую мануфактуру, а также обувь, иголки, зеркала и пр. Из Кашгара сюда привозили мату, как суровую (*хам мата*), так и крашеную, набивную.

Рис привозили из Хисара. Одна тибетейка риса стоила одну теньга, а нечистый рис стоил 30 пулей. У жителя этого кишлака по имени Сулейман была тибетейка, которая служила мерой. Все предварительно растягивали эту тибетейку, сколько могли. Пшеницу продавали деревянным блюдом (*сауда-тавак* — букв. “блюдо для торговли”) вместимостью в три тибетейки. Такая чашка была у некоего Койлыбая. Весы (*таравы*) появились позже. Чай продавали афганские купцы на вес. Привозили чай и из Кашгара (*кашкар-чай*). Соль продавали преимущественно местную. Как писал Д.Н. Логофет в 1913 г.: “Невдалеке от кишлака Гуляма местные жители добывают соль, которая привозится на базар в Калаи-Хаит и даже Гарм”⁸.

Но на каратегинских базарах торговали преимущественно скотом. По словам старика-мастера 72-х лет из кишлака Кошой, до революции богатые киргизы владели 5—10-ю тысячами голов разного скота — овец, коров, верблюдов, лошадей. С Кашгара, Русского Туркестана и Афганистана приезжали торговцы закупать скот. Шерсть

Киргизы на хлебном базаре. Заключение торговой сделки.
Узбекистан

закупали купцы из Русского Туркестана и Кашгара. Шкуры закупали преимущественно кашгарские купцы, а сами привозили ткани (*газмол*).

Здесь купцы тоже водили караваны, а также нанимались со своими верблюдами в чужие караваны. Крупные торговцы, имевшие свой скот, покупали овец и у других владельцев и перегоняли их в города Ферганы для продажи. Оттуда с деньгами они отправлялись в Кашгарию, где закупали разный товар и несли к себе. Но чаще всего все необходимые товары, в частности мануфактуру, покупали в Фергане. И вообще с Ферганской долиной, которую здесь называют просто Шаар (букв. "город") издавна существовали очень оживленные связи. Туда не только ездили верхом, но часто добирались пешком (за 5—6 дней). Те, кто имел деньги, оборачивались в 10—12 дней. Если же денег не было, то сначала в Фергане зарабатывали, а затем покупали нужные вещи и возвращались домой.

ОХОТА

И до революции, и в советское время для многих охота (*ууга чигыш*) служила основным промыслом, и семью они содержали, в основном занимаясь охотой. Охотились на горных козлов, снежных барсов, сурков, барсуков, выдр и других зверей, а также на пернатую дичь, прежде всего на горных индюков — *уларов*. Среди киргизов и сейчас встречаются профессионалы-охотники, для которых охота является основным занятием.

Пиром-покровителем охотников является Хазрати Замчи Палван. Он сродни Дауд-пайгамбару. Как рассказывал известный охотник, ныне председатель колхоза в Дамбрачи Хафиз-раис, если охота бывает удачной, охотник приглашает стариков, угощает их лапшой (здесь лапшу называют *атала*) в честь своего пира и просит стариков, чтобы они помолились и попросили у пира удачи для этого охотника.

Хорошим днем для выхода на охоту считался вторник, плохим — пятница. Месяцы не имели значения. Даже в месяц сафар, который считается самым тяжелым месяцем в году, многие охотились.

Раньше самому охотнику доставалась небольшая доля мяса. Заднюю часть он должен был отдавать товарищу по охоте, которого называли *сан кесар*. От передней половины он уделял часть каждому встречному, а также раздавал односельчанам. Только шкуру и голову он оставлял себе.

Охотились как при помощи ружей (“монтекросто” и “бешатар” — пятизарядное ружье), так и при помощи капканов, силков. Известный охотник 60-ти лет из Джиргаталя охотится преимущественно на снежных барсов (*жилвыз*). Ловит их на капканы и затем живыми отправляет на самолете в Сталинабад (ныне Душанбе). За каждого барса выдается 1400—2000 рублей. Сурков и барсуков также ловят на капканы. Шкурки их сдают в заготовкожсырье. Сало их, а также сало медведя, медвежья желчь считаются целебными. Целебными считаются также мясо и желчь уларов и кекликов (горная куропатка), которых здесь очень много и ловят их силками.

На горных козлов (*киик*) охотятся и зимой, и летом. Зимой козлы спускаются вниз, а летом держатся очень высоко и бывают жирные. Охотиться на них хорошо вдвоем, а втроем или вчетвером уже гораздо хуже. Козлы обычно ходят стадами, до 100 голов. Охотятся на них и с собаками. Козлы боятся собаки и не могут отвести глаз от лающего пса, чем пользуется охотник. Но на высокогорные пастбища собака не может забраться, а человек забирается и старается незаметно подкрасться к пасущемуся стаду. Зимой же, когда горные козлы спускаются с горных высот, охотятся с собаками. Собаки пригоняют

стадо козлов, загоняют в ущелья, догоняют раненого козла, отыскивают убитого козла, упавшего со скалы.

Охота на козлов в зимнее время производится в определенных местах, куда приходят стада кикиков. Устраивают облаву: несколько человек, вооружившись палками, загоняют козлов в ущелья-тупики или другие узкие места, где сидят в засаде 2—3 охотника. В зимнее время проводится облавная охота в определенных местах еще и потому, что в горах часто бывают обвалы (*кочки*). А потому ходят на охоту недалеко с тем, чтобы к вечеру вернуться. Остаются ночевать только в исключительных случаях. В облавной охоте, которая называется *уу*, участвуют 15—20 человек, из них только 2—3 сидят в засаде.

Для ходьбы по льду надевают железные “кошки” (*озанг*). Их делают местные кузнецы: разрезают кетмень пополам и припаивают четыре шипа. По словам старика-охотника 69 лет из селения Дамбрачи, “кошки” появились только в советское время. Раньше же ходили на охоту в традиционной киргизской обуви: *чорук* или *мукки* (см. “Одежда”).

В реках ловят выдр (*кундуз*) и рыбу. Рыбная ловля называется *балык уулаш*. Здесь водится форель (*кзыл чаар*), которую ловят сетями (*тор*) и накидкой.

Существует ряд поверий и обрядов, связанных с охотой и объектами охоты. Например, считается, что человек, съевший мясо горного козла или форели, которую ловят в студеных горных реках, в течение 40 дней бывает безгрешным. Это представление, как и ряд других, бытуют и среди таджиков. А еще рассказывают, что больной мастер-старик укрывался специальной шкурой горного козла, чтобы поправиться, и поправился.

ОТХОДНИЧЕСТВО

Одним из видов занятий каратегинских киргизов, как и каратегинских таджиков, в прошлом было отходничество, ибо население, живя в суровых условиях высокогорья, при низком уровне развития производительных сил не могло полностью обеспечить себя средствами существования. В незначительной степени отходничество наблюдается и теперь. Уходят, как и прежде, в Ферганскую долину и на Алай.

Одним из дополнительных заработков у каратегинских киргизов было возведение пахсовых стен (*дувалкаш*). Но поскольку у себя дома не было достаточно работы, то уходили на заработки преимущественно, как уже говорилось, в Ферганскую долину. У моего информа-

тора старика Ормана из кишлака Кара-Кендже сейчас сын находится в Фергане, а младший брат — на Чонг-Алае. Оба работают в тамошних колхозах, строят фермы на договорных началах. Но отходники занимаются не только возведением пахсовых стен. Многие работали грузчиками и вообще выполняли разную работу, какая подвернется. Даже нанимались на фабрики и заводы. Но в любом случае старались вернуться домой к началу весеннего сева, т.е. в апреле. Возвращались с грузом по 50 кг, часто шли по горным тропам по полям в снегу.

В прошлом на заработки провожали с плачем, как в дальний путь, так как дорога в горах была очень опасной и часто отход на заработки кончался трагедией.

¹ Васильев Г.Ш., капитан. Краткое статистическое описание Каратегина. СМА. СПб., 1888. Вып. 33. С. 21.

² У каратегинских киргизов так же, как у таджиков и узбеков, к имени мастера добавляется *усто*, т.е. "мастер".

³ Пещерова Е.М. О ремесленных организациях Средней Азии в конце XIX — начале XX в. // КСИЭ. 1960. Вып. XXXIII. С. 37—46.

⁴ Эта легенда записана нами также в ряде местностей от полукучевых в прошлом узбеков. Хатам-тай (т.е. Хатам из племени тай) — имя бедуина, необычайная щедрость которого вошла в поговорку и послужила канвою для популярной книги "Хатам-Тай-наме" на персидском и тюркском языках. (Из примечания А.А. Семенова к книге: *Мир Мухаммед Амин-и Бухари. Убайдулла-наме*. Ташкент, 1957. С. 28.

⁵ Подробно о технике безворсового ткачества см.: *Антипина К.И. Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов*. Фрунзе, 1962. С. 55—64.

⁶ Шорек — лебеда; балтырган — купырь (*Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь*. М., 1965. С. 106); желжемин — травянистое растение, идет на корм рогатому скоту, при высыхании уносится ветром, а потому хранят его под тяжестью (*Юдахин К.К. Указ. соч. С. 247*).

⁷ Васильев Г.Ш., капитан. Указ. соч. С. 21.

⁸ *Логофет Д.Н. Верховья реки Кызыл-су и Алайская долина. (Из путевых очерков по Средней Азии)* // Военный сборник. СПб., 1913. № 1. С. 170.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Материальная культура южных киргизов, одним из осколков которых являются каратегинские киргизы, значительно отличается от таковой у северной группы этого народа. На общекиргизскую основу наложили своеобразные черты сложный этнический состав и исторические судьбы южных киргизов. Одни из этих черт уходят в глубокую древность, а другие обусловлены влиянием культуры узбеков Ферганы и горных таджиков.

Материальная культура каратегинских киргизов характеризуется еще большим, нежели культура других групп южных киргизов, влиянием горных таджиков. В ней, как в зеркале, отражается весь путь, пройденный бывшими кочевниками к оседлости. При этом, наряду с простым заимствованием новых форм у соседнего народа, происходил сложный процесс переработки заимствований, приспособления их к своим традиционным формам. В результате этого элементы другой, в частности таджикской, культуры постепенно и органически сливались с киргизской.

Относительная изученность материальной культуры киргизов, особенно наличие трудов таких исследователей, как Е.М. Махова, К.И. Антипина, Ю.А. Шibaева, позволяет рассматривать материалы автора на фоне культуры всех остальных групп киргизского народа, а также народов, с которыми киргизы издавна находились или находятся в тесном контакте или имеют генетические связи.

Современные процессы также нашли отражение в материальной культуре каратегинских таджиков. Они характеризуются широким проникновением городских форм, которые, правда, нередко получают местную интерпретацию, что противодействует унификации.

ПОСЕЛЕНИЯ

Поселения каратегинских киргизов располагаются в долинах рек, на речных террасах, на конусах выноса боковых долин. Величина их зависит от размеров пахотных земель вблизи селения, от величины осенне-ранневесенних пастбищ. Такие селения, как Джиргаталь¹ и Сайрун в собственно Каратегине, Джаилган — на Ляхше имели в предвоенные годы до 300 и более дворов, а Долоно, например, имел 10 дворов. Достаточно крупными считались такие селения, как Согот (140—150), Кошой и др.²

По мере роста численности населения отдельные семьи или группа родственных семей основывали новое поселение недалеко от старого. Например, среди кишлаков Кургон, Майда-терек, Карши и Кальта-булак наиболее старым был кишлак Кургон. Остальные три кишлака были основаны выселенцами из Кургона на памяти нашего 64-летнего информатора из кишлака Кальта-булак³.

Пожилая киргизка у калитки на улице. Сел. Кошой. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

В Джиргатальском районе в настоящее время прослеживаются три типа поселений: первый тип отражает тенденцию к образованию улиц — усадьбы расположены в одну или несколько не всегда прямых линий, некоторые же усадьбы выступают за эти линии или вовсе стоят отдельно от остальных; второй тип напоминает прежние зимовки — усадьбы расположены беспорядочно, порой несколькими группами, отстоящими на некотором расстоянии друг от друга. В кишлаках первого типа каждый дом с хозяйственными постройками и приусадебным участком огораживается забором или изгородью из колючего кустарника ферулы или высокой пахсовой стеной или стеной из камня, иногда обмазанной глиной. Однако в этих селениях (Джиргаталь, Кошой, Кашка-терек и др.) на окраинах немало не огороженных усадеб. Нередко кишлак имеет 2—3 улочки, а остальные дома расположены без особого порядка. Да и улицы представляют собой кривые узкие проходы для пешеходов, верховых и скота.

Дома, если и выходят на улицу, то обращены на нее глухими задними или боковыми стенами. С улицы во двор ведет одностворчатая дверь (калитка) или ворота (*дарбаза*), имеющие перекрытие. В эти ворота нельзя въехать на бричке (да в этом и нет необходимости ввиду неразвитости здесь колесного транспорта), верховой же может въехать лишь согнувшись.

В кишлаках второго типа дома разбросаны на значительном расстоянии друг от друга и окружены огородами (картофель, капуста местного сорта, перец, свекла), посевами люцерны и ячменя. Дом с приусадебным участком не огораживается или же имеется живая изгородь из тополей, ивы и кустарника (ферулы, облепихи). Посадки ивы и особенно тополя вдоль приусадебных участков иногда образуют целые рощицы.

Первый тип поселений характерен для собственно Каратегина, т.е. бассейна Сурхоба, где контакты с таджиками были более тесными и длительными, а в ряде кишлаков таджики и киргизы живут сов-

Ворота. Сел. Кошой. 1957 г.
(Фото В.И. Юрлова)

местно. Второй тип характерен для северо-восточной части Джиргатальского района, т.е. для бассейна Кызыл-су (Ляхш). До революции этот тип был более распространен.

В прошлом бытовал и хуторской тип расселения. Он был характерен преимущественно для имущих слоев населения. Крупные бан жили в хуторах на некотором отдалении от селения. Обширный дом и многочисленные хозяйственные постройки и загоны для скота огораживались общей высокой глинобитной оградой. Такой хутор назывался *коргон*.

В советское время появился третий тип поселения — современный поселок с прямыми улицами.

Селение называется *кишлак*. Когда находятся на летовке, кишлак называется *кала*, как называют зимний дом вообще.

УСАДЬБА

Современная усадьба каратегинских киргизов двух типов: открытая, когда хозяйственные постройки пристраиваются к наружным стенам дома и нередко бывают под одной крышей с домом, а огороды и сад отсутствуют; закрытая, когда хозяйственные постройки располагаются по периметру двора. Весь этот комплекс представляет куб, а огород и сад примыкают ко двору и огорожены глинобитным или иного вида забором. Такие же дома и у таджиков и, несомненно, киргизы восприняли этот тип усадьбы от них.

Первый тип усадьбы характерен для бассейна Кызыл-су, где больше сохранились кочевнические традиции и где более суровый климат, а второй — для бассейна Сурхоба, где произрастают сады и где больше утрачены кочевнические традиции. Хотя имеются исключения. Так, в кишлаке Сартала Дамбрачинского сельсовета, по словам информаторов, имелись большие усадьбы. Большой дом имел обширный двор, который вместо *дувала* был окружен жилыми помещениями, хозяйственными постройками и помещениями для скота. Имелся *шипан* (навес), куда ставили упитанных коней. Теперь в таких домах, принадлежавших баям, живет по несколько семей.

В селении Кара-Кендже самым богатым человеком был Адыльбек токсаба. Усадьба его в полуразрушенном виде существует до сих пор. Размер ее 44 × 50 шагов. Высота глинобитного забора, окружающего усадьбу, — девять слоев пахсы, а десятый слой сделан в виде зубцов и имеет угловые башни. Ворота смотрят на запад. Высота их такова, что свободно мог пройти навьюченный верблюд. Были в усадьбе две уджры — ак-уджра и кара-уджра (см. об уджре

ниже, с. 89), множество служебных помещений. На окнах уджры были деревянные решетки — *панжара*. Бай держал 7—8 собак.

Размер усадьбы Суранбая в том же кишлаке равнялся 90 × 56 шагов. Огорожена усадьба стеной в восемь слоев пахсы, высота каждого слоя равна 43 см. Толщина дувала (забора) — 71 см (третий слой пахсы). Пахса укладывалась на один слой камней. Такие большие, огороженные стеной, усадьбы здесь называют *кургон*.

¹ До землетрясения 1949 г. районный административный центр помещался в самом селении Джиргаталь. После землетрясения, когда полностью разрушенное селение отстраивалось заново, новые здания для административных учреждений, почта, средняя школа, больница, магазины, столовая, дома для служащих были построены в двух км от кишлака Джиргаталь. Таким образом, возник поселок — районный центр, который местным населением, в отличие от кишлака Джиргаталь, называется просто Район.

² По состоянию на 1 января 1988 г. в селениях Джиргатальского района было зафиксировано следующее количество дворов (хозяйств): Сайрон — 162 хозяйства, Яраш — 31, Пильдон Чингак — 55, Пильдон Миёна — 154, Пильдон Боло — 148, Чубай — 134, Занкон — 104, Карчин — 90, Майдан-тирак — 164, Джиргаталь — 456, Райцентр — 227, Калтабулак — 121, Кошой — 194, Обчака — 19, Кашка-тирек — 251, Янги-шаар — 170, Джол-тирак — 115, Ярмазар — 150, Чонкыргыз — 201, Балх — 91, Ак-джар — 44, Долоно — 20, Дамбрачи — 85, Саргала — 60, Коштегирмон — 94, Джолболот — 103, Казактар — 60, Жаар — 42, Мингбулак — 32, Джанаган — 259, Мукур — 49, Аксай — 171, Кара-сай — 110, Кашат — 213, Карашоро — 127, Байлартоп — 54, Сассык-булак — 132, Сары-Кендже — 168, Кара-Кендже — 246, Мык — 56, Кушагба — 98, Джиланды — 78, Сугат — 79, Шилбили — 45, Дувана — 177, Аччик-алма — 88, Гулама — 69, Сарыгой — 67, Карамык — 105. Для сравнения приведем материал Г.А. Арандаренко о числе дворов в селениях Каратегина по состоянию на 1883 г.: Кичик-Карамук — 18 дворов, Сарыгуй — 23 двора, Ачик-Алма — 19, Дувана — 32, Сарыкуль Шанияз — 18, Дамбрачи — 36, Шильбуль — 18, Кушогба — 13, Кашка-терек — 18, Яны мазар — 30, Птеу-куль — 19, Кошой — 19, Кальта булак — 20, Джиргаталь — 17, Зонку — 26, Чубай — 30, Пильдон — 28, Таджики Пильдон — 20, Пильдон Чингак — 18, Ярош — 32, Сарыак — 20, Гулама — 20, Мукур — 30, Джаилган — 32, Кара-шура — 18, Сары-Кендже — 21, Кара-Кендже — 28, Джумшугох — 18, Ходжа-Тавор — 27, Мук — 12, Мык-булак — 30, Кош-тигерман — 18, Гирдон — 32, Юсуф Дороталь — 18, Сугат — 16, Джиланды — 22, Хуш-каль — 18 (Арандаренко Г.А. Дарваз и Каратегин // Военный сборник. 1883. № 12. С. 314—315).

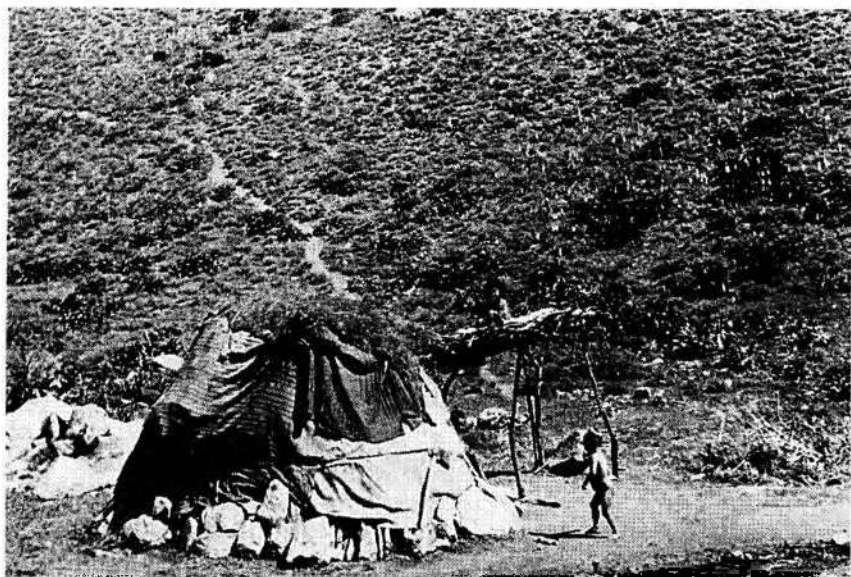
³ Запись сделана в 1952 г.

ЖИЛИЩЕ. УТВАРЬ

С давних пор каратегинские киргизы имели жилище двух видов: зимнее, представляющее собой глинобитный дом, и летнее — решетчатую юрту, крытую войлоком. Более полугода киргизы проводили в юрте, стараясь по возможности затянуть время пребывания в ней. Но довольно суровый климат горной страны вынуждал их все же на значительное время переселяться в глинобитный дом.

Конечно, юрта — идеальное жилье для занимающихся отгонным животноводством. Она легко разбирается и легко ставится на новом месте, компактна во время перевозки, в ней достаточно тепло в холодное время, прохладно в летнюю жару, хороший войлок не пропускает дождя, воздух в юрте удивительно сухой, легкий и чистый. И наконец, юрта достаточно просторна и экономична. В силу всех этих положительных качеств она продолжает широко бытовать в Средней Азии и Казахстане как жилище чабанов и других работников животноводческих ферм.

У каратегинских же киргизов юрта почти вышла из употребления. На летовках чабаны и их семьи живут в жалких подобиях юрт, в шалашах из веток и травы, в хижинах из камня (*девлых*), в брезентовых палатках, в которых холодно ночью и жарко днем. Раньше жили и в

*Девлох — жилище из камней. Джайлау на Заалайском хребте. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)*

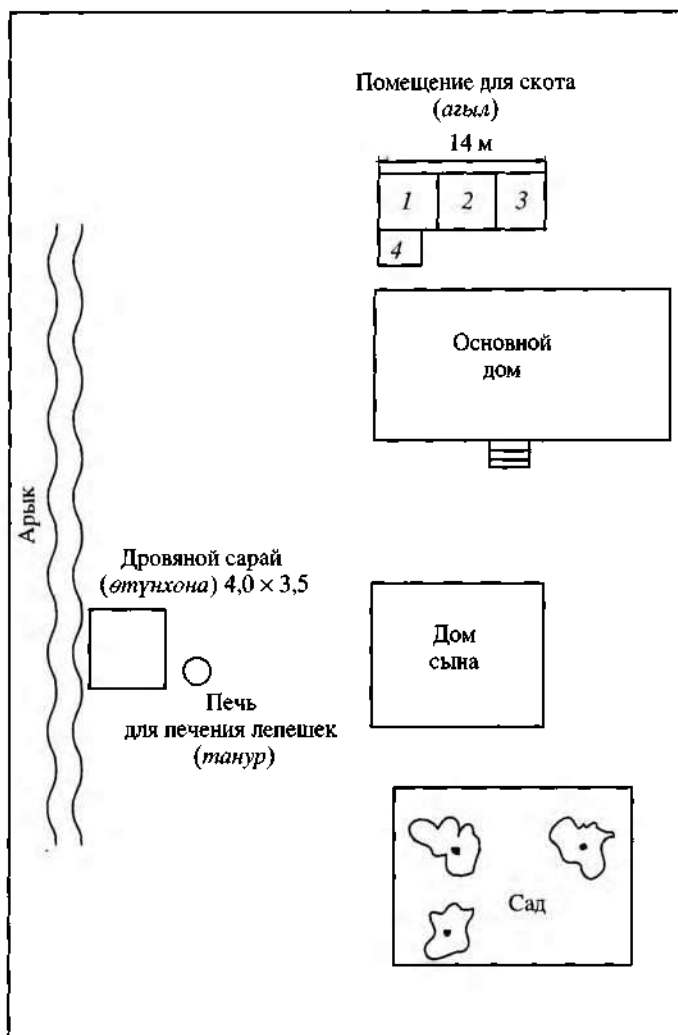
землянках (*жер тала*). Объясняется исчезновение юрт отсутствием кошм, вернее, бесхозяйственностью районных и колхозных руководителей, которые должны были организовать выделку войлоков в артелях и в колхозах, выделив для этого достаточное количество шерсти. В результате в настоящее время основным жилищем каратегинских киргизов, как и большинства бывших кочевников и полукочевников Средней Азии, стал глинобитный дом, который у киргизов мало чем отличается от дома таджиков этого района, только деталями внутреннего убранства.

Глинобитный дом. Большинство киргизских семей имеют в наши дни дома двух типов: дом старого типа (*капа, там*) и нового типа (*ужра*). Они иногда бывают под общей крышей, иногда же стоят отдельно друг от друга.

Дом старого типа — это дом, характерный для Припамирья вообще. Основной чертой его является деревянное ступенчатое срубное перекрытие в виде свода со световым отверстием наверху. Подробное описание каратегино-дарвазской разновидности припамирского жилища сделано А.К. Писарчик в монографии “Таджики Каратегина и Дарваза”¹. Описание таджикского жилища припамирского типа имеется также в ряде работ, посвященных этнографии таджиков припамирских стран, Каратегина и Дарваза². Поэтому мы ограничиваемся кратким описанием домов каратегинских киргизов с приведением киргизской терминологии, а также описанием убранства жилища.

Достаточно благоустроенный дом у каратегинских киргизов в разных микрорайонах рассматриваемой территории распространился не одновременно. В долине Сурхоба, т.е. в самом Джиргатале и окрестных селениях, дом припамирского типа прочно вошел в быт, по-видимому, довольно давно (не позднее последней четверти XIX в.): 73-летний киргиз Исмат Арзиев из кишлака Сайрун говорил нам в 1957 г., что дома такого типа были всегда, еще при отцах и дедах. Однако в стороне от долины Сурхоба, вдали от таджикских селений, в отдаленных горных ущельях до революции (и даже в 20-е годы XX в.) еще бытовали более примитивные жилища. В кишлаке Птеу-куль-Балх, например, в предреволюционные годы 10 семей из 11 жили в землянках, и только у одной старухи по имени Сухсур был настоящий дом³.

В селениях по Кызыл-су и на Ляхше, в местностях с более суровым климатом, большие дома припамирского типа существовали давно. Во всяком случае, на памяти пожилых людей дома такого типа были уже прочно вошедшими в быт. При этом дома в этой части района несколько отличаются от домов нижней половины района, т.е. Джиргатала и его окрестностей: они более обширны, жилому помещению предшествуют обширные сени; хозяйственные постройки и помещения для

План усадьбы

Помещения для скота: 1 – зимнее стойло взрослого барана,
2 – летнее стойло взрослого барана,
3 – стойло коровы, 4 – хранилище сена.
Сел. Дувана. 1957 г.

скота пристраиваются к дому, нередко под одной крышей с домом. Весь комплекс составляет как бы большой куб. В нижней части района хозяйственные постройки обязательно вплотную примыкают к жилому дому. Они обычно располагаются по периметру огороженного двора, который на Ляше нередко отсутствует. Кроме того, вместо сеней в Джиргатале, Кошое и других селениях обычно бывает веранда (*айван*).

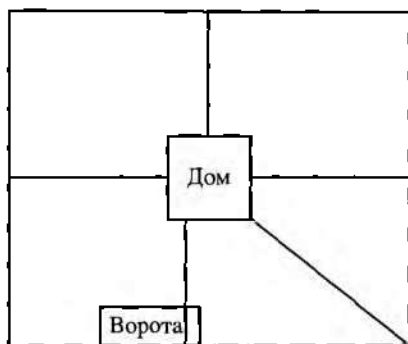
Как отмечалась, наряду с домом старого, припамирского типа, у киргизов Джиргатала имеется и дом нового типа — уджра (*ужра*)⁴. Уджра представляет собой видоизмененную мехман-хану. Но если

в прошлом мехман-хана имелась только у наиболее зажиточных людей и служила для приема гостей мужского пола, то современная уджра имеется почти у каждой семьи и обычно служит жилым домом для молодой, еще не отделившейся супружеской пары или современной, как говорят информаторы, “культурной” частью дома. В зимнее время, в морозы, нередко и вся неразделившаяся семья (особенно дети) перебираются в уджру, так как она обогревается железной печкой или плитой с обогревателем. В прошлом у биев нередко было по две уджры: *ак ужра* (букв. “белая уджра”) и *кара ужра* (букв. “черная уджра”). В первой ставили сандал, а во второй разводили огонь. Уджру ставили подалеже от дома, чтобы быть подалеже от жены и детей.

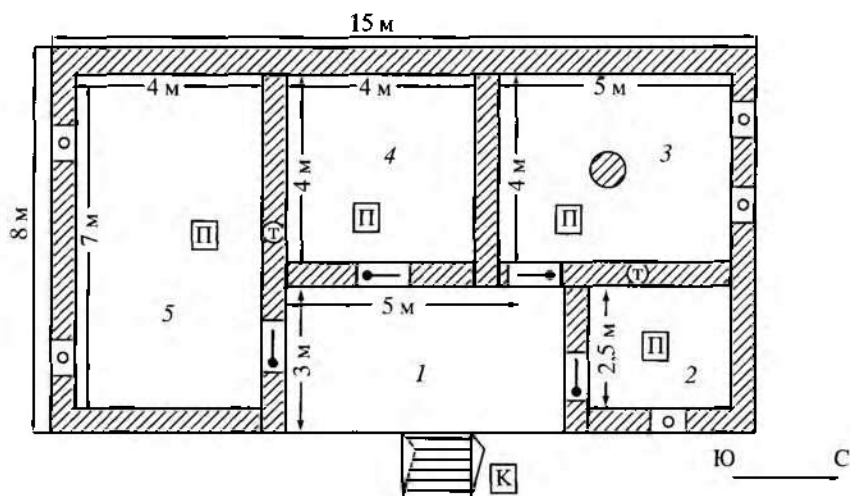
У таджиков Каратегина и Дараваза дом нового типа, называемый *хижра*, также получил большое распространение и становится постепенно жилым домом одной индивидуальной семьи, в то время как дом старого типа был домом большой патриархальной семьи⁵. Но если у таджиков дом нового типа вытесняет постепенно жилище старого типа, то у киргизов этого пока не замечается. Уджра не вытесняет дом припамирского типа, а сосуществует с ним. Интересно, что в Джиргатале после того, как селение было полностью разрушено землетрясением 1949 г., жители восстановили свои дома в прежнем виде, т.е. построили дома старого типа.

Дома строят мастера из киргизов и таджиков. Специалисты по строительству домов из Ферганы сюда не приходили.

В разделе о промыслах говорилось, что прежде чем возводить стены дома, приглашается наиболее опытный (это обычно и старший

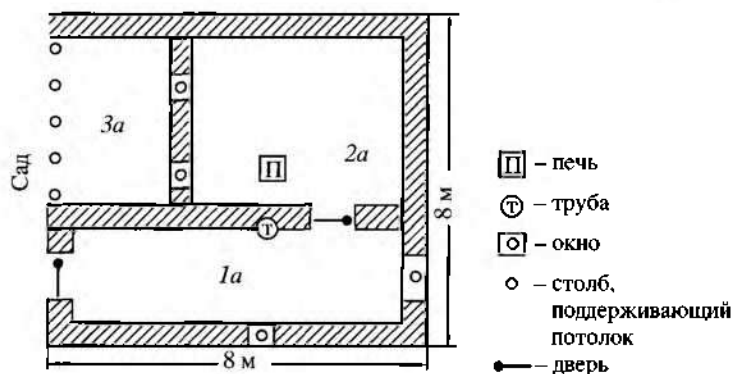
План усадьбы
Дом в центре усадьбы,
а вокруг — хозяйственные постройки
(один из способов уберечься от воров).
Сел. Кош-тегирман. 1957 г.

Высота от пола до потолка – 2,74 м; толщина стен – 0,5 м

⊕ – труба; П – печь

⊙ – столб, поддерживающий потолок; ● – дверь; □ – окно; К – крыльцо

План дома (наверху)

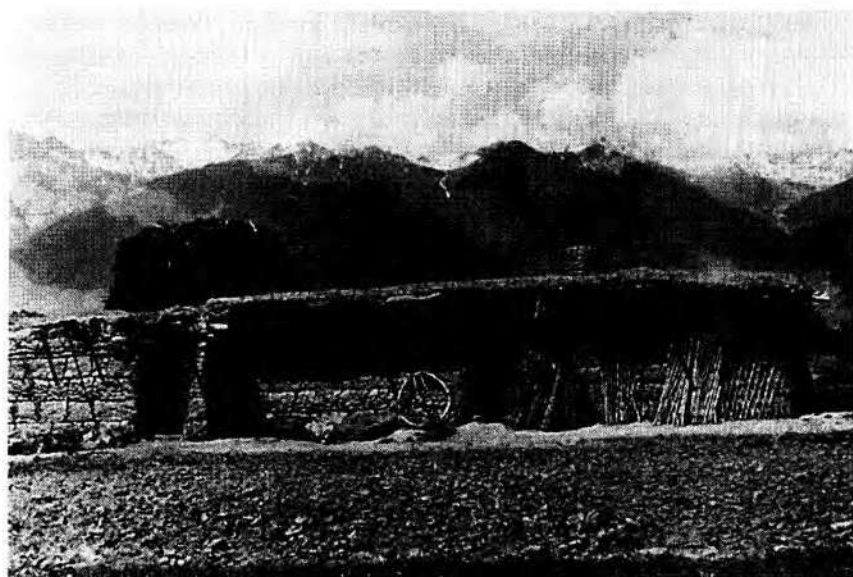
Дом построен в 1986 г. на месте старого дома. 1 – веранда, 2 – комната хозяина дома, 3 – комната остальных членов семьи, 4 – комната младшего сына, 5 – комната для гостей.

План дома старшего сына (внизу)

Дом находится в том же дворе, что и дом отца. 1а – далаан, 2а – комната, 3а – веранда.

Расстояние между домами – 5 м. Сел. Дувана

по возрасту) плотник селения (или из соседнего селения), который окончательно выбирает место для возведения дома, определяет расположение отдельных помещений (дом, как правило, бывает обращен на юг или юго-восток; вариации зависят от горных склонов), с помощью веревки и кольев наносит план будущего дома. И только после этого

Жилище с паховыми стенами в сел. Сары-Кендже. К стене прислонены детали юрты. 1957 г. (Фото Б.Х. Кармышевой)

приступают к возведению стен. Дом, жилая комната в котором имеет размеры $4,5 \times 4,5$ при высоте стен около 3-х метров, считается средним по размеру.

Стены возводятся самими членами семьи. Если в семье мало мужчин, то приглашают на помощь родственников.

В Джиргатаальском районе стены домов возводятся из битой глины. Их называют паховыми стенами. *Пахса* — это один слой глины в глинобитной стене, а стена дома состоит из 5—9 слоев. В зависимости от количества слоев стены называют *беш пахса*, т.е. “пять слоев”, *олты пахса*, т.е. “шесть слоев” и т.д. Высота и ширина одного слоя зависят от размера дома: чем больше дом, тем выше и шире слой глины. При этом основание каждого слоя бывает шире верха. Поэтому каждый следующий слой бывает уже предыдущего, и стена в целом несколько сужается кверху.

Глина для возведения стены замешивается в неглубокой прямоугольной яме, тянущейся вдоль будущей стены снаружи⁶. Хорошо вымешанная и выдержанная густая глина берется узкой железной лопатой (*лой бель*) и подается другому человеку, который, сидя на корточках на возводимой стене, принимает ком глины обеими руками и с силой опускает рядом с предыдущим комом, прилепляя к нему. Таким образом, стену возводят два человека: один подает глину, другой укладывает ее. Подсыхающая глина, естественно, трескается.

Поэтому каждый последующий слой стены укладывается после того, как предыдущий несколько подсохнет, чтобы в стене не было больших сквозных трещин. Обычно к тому времени, когда первый слой уложен по всему периметру дома, начало его (слоя) успевает достаточно подсохнуть, так что можно приступать к укладке второго слоя. Стены возводятся без фундамента.

Узкая железная лопата для подачи глины

В Джиргатальском районе принято прокладывать между широкими слоями пахсы узкий валик глины — *крау*, что делается исключительно из декоративных соображений. В Ферганской долине такие стены известны под названием *пильталик пахса девол*, что значит “стены, отделанные фитилем” (*пильта* — “фитиль”). Как пишет А.К. Писарчик, в Фергане такие стены с декоративной отделкой служили в основном для ограждения дворов и садов, но не для строительства жилых домов⁷.

Джиргатальские киргизы, как и каратегинские таджики, известны как мастера по возведению пахсовых стен. Несомненно, это мастерство они переняли у каратегинских таджиков. Киргизы, как и таджики, отправляются на заработки в соседнюю Алайскую долину и даже в Фергану, где занимаются преимущественно возведением пахсовых стен для частных домов и общественных построек в колхозах⁸.

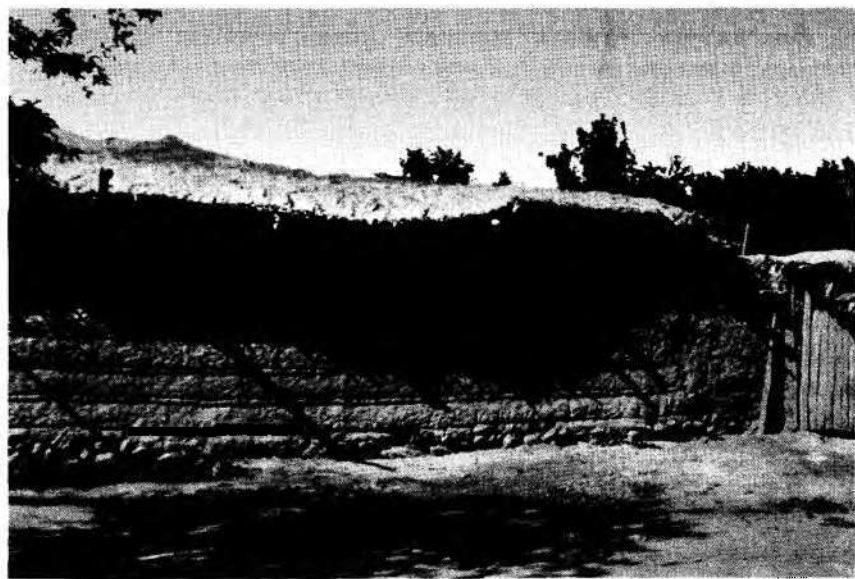
В тех селениях Джиргатальского района, где мало хорошей глины (например, в Дамбрачи), стены небольших домов и хозяйственных помещений целиком или частично (нижнюю часть) возводят из гладко окатанных водой камней. В прошлом бедняки целиком выкладывали стены домов из камня на глиняном растворе. Изнутри и снаружи такая стена обмазывалась глиной.

После возведения стен приглашается мастер, плотник, для выполнения наиболее сложной работы — сооружения перекрытия. Для деревянных частей перекрытия и дома вообще употребляются ива (*тал*), тополь (*терек*), абрикосовое дерево (*урюк*) и древесный можжевельник. В прошлом, когда еще не были повыврублены арчевые леса⁹, чаще всего использовалась арча как наиболее стойкое к воздействию влаги дерево. Кстати, деревянные части многих старых домов, разрушенных землетрясением 1949 г., в Джиргатальском и Таджикабадском районах были арчевыми. В настоящее время арча сохранилась только в ущельях, расположенных вдали от селений. Поэтому для построек идут преимущественно тополь и ива. Жители, как и в других

районах Средней Азии, сажают тополя вокруг своих усадеб, а затем используют для строительства¹⁰. Но если в семье несколько сыновей, то этих деревьев не хватает на всех — деревья не успевают вырасти. Поскольку в настоящее время здесь очень трудно достать стройматериалы, как говорили в селении Дувана, поступают следующим образом: берут в совхозе машину и едут в Душанбе за лесом.

Перекрытие дома делается плоским с открытым балочным потолком, в центре которого, как указывалось выше, сооружается срубый ступенчатый свод из накладываемых друг на друга четырех квадратных рам. Сруб этот называется киргизами *санжик* (местные таджики называют его *раузан*), а весь свод называется *тундук* (букв. “дымоход”), т.е. так же, как дымоход в юрте¹¹.

Две главные балки перекрытия прокладываются параллельно передней и задней стенам дома. Опираются они не на стены дома, а на поддерживающие их четыре деревянных столба, стоящих в середине помещения. Эти столбы, для каждого из которых у таджиков имеется отдельное наименование¹², киргизы называют просто *туртук* (букв. “подпорка”) или *бакан* (*бакан* — жердь, с помощью которой открывают войлок, закрывающий дымоход юрты). Если дом небольшой, то первая от входа балка подпирается всего одним столбом.

Глинобитная стена дома с узкими валиками глины между слоями пахсы — *пильталик пахса девол*. Первый ряд стены сложен из камней во избежание сырости. Сел. Кошой. 1957 г. (Фото Б.Х. Кармышевой)

Мехман-хана и мастерская мастера-седельщика. Нижняя часть стен дома выложена из камня. Сел. Кошой. 1957 г. (Фото Б.Х. Кармышевой)

Два задних столба и передний правый ставятся на деревянные подставки из двух массивных обтесанных бревен, соединенных Г-образно и положенных на край суфы, которая занимает заднюю и правую части помещения. Левый передний столб, стоящий на суфе у очага, покоится на базе из большого гладкого камня.

На главные прогоны потолка, перпендикулярно к ним, укладываются на расстоянии около полуметра друг от друга открытые балочки (*дастак*) потолка, которые другим концом укладываются не на передние и задние стены непосредственно, а на верхнюю обвязку стен¹³. Дело в том, что стены дома по внутренней части имеют верхнюю и нижнюю обвязки, т.е. деревянный каркас. На нижней обвязке покоятся четыре указанных столба, на верхней — находится перекрытие. Сооружается этот каркас следующим образом. По периметру помещения вдоль стен укладывается нижняя обвязка — рама из обтесанных бревен, квадратных в сечении. На эту раму ставятся стойки в виде круглых в сечении тонких столбов. Они ставятся по одному по углам помещения по три и более — вдоль стен. Своим верхом эти стойки поддерживают раму верхней обвязки.

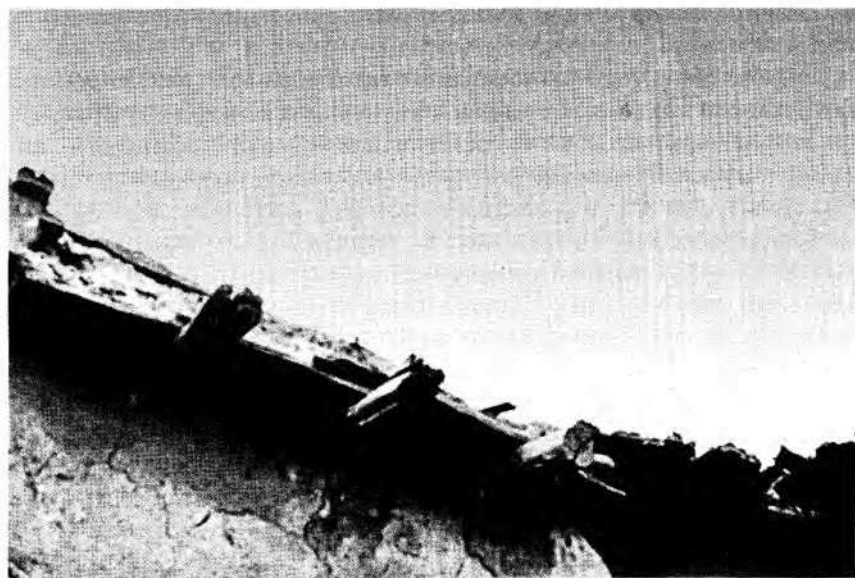
Описанная конструкция, надо думать, — наиболее сейсмостойкая и выработалась под влиянием природных условий. Весь Центральный Каратегин является одним из самых подверженных землетрясениям

районов в СССР. Правда, во время Хаитского землетрясения 1949 г., сила которого достигала 9 баллов, в Джиргатале разрушились все дома, хотя перекрытие большой мечети, покоившееся на более мощных столбах, чем в обычных домах, выдержало землетрясение даже такой силы, в то время как глинобитные стены мечети рухнули.

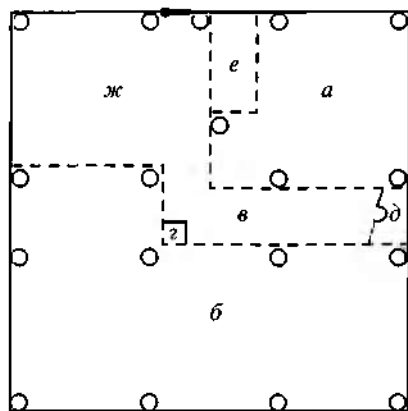
Пространство между поперечными балками потолка перекрывается брусками небольшой толщины или же брусками, разрубленными вдоль ствола пополам (*васса*). В последнем случае они укладываются горбыльками вниз. На *васса* поперек настиляется сухая трава (*хас*), а поверх нее вдоль *васса* настиляется хворост, потом снова трава поперек хвороста. И только на этот второй слой травы насыпается земля, которая сверху обмазывается глиной, смешанной с рубленой соломой (*саман*).

В прошлом крышу не обмазывали, а просто утрамбовывали насыпанную землю ровным слоем земли. Крыша часто протекала, но на это не обращали внимания. В настоящее время во избежание течи крышу каждый год осенью тщательно обмазывают. Такая плоская крыша называется у киргизов *тамбаши*, т.е. "верх дома" (таджики называют ее *бынк*).

Над плоскостью крыши возвышается дымоход в виде невысокого купола. В зимнее время на ночь дымоход закрывается плетеной или сколоченной из досок заслонкой. Чтобы каждый раз не лезть на

Крыша дома. Сел. Кошой. 1957 г. (Фото Б.Х. Кармышевой)

- дверь (вход в помещения)
 ○ столбы, поддерживающие потолок

План дома

а — суфа, б — суфа,

в — проход между суфами, г — водослив.

д — очаг, е — заком, ж — передняя, сени.

Сел. Кошой. 1957 г.

крышу, — чтобы открыть или закрыть дымоход, — к заслонке прикрепляется жердь, которая свешивается через дымовое отверстие внутрь дома. Этой жердью приподнимают или опускают заслонку, надвигают ее на дымовое отверстие или отодвигают от него.

В прошлом стены дома снаружи не обмазывались, да и теперь обмазывают их редко и только у уджры. С внутренней стороны промежутки между стойками у стены заполняются сырцовым кирпичом. Затем стены штукатурятся глиной с саманом и белятся светлой жидкой глиной с помощью веника.

Иногда в стене против входа и боковых стенах (в их задней части) оставляются ниши (*так*) на различной высоте и различной формы — квадратные, прямоугольные, треугольные. К стене также приделывают полочку в виде доски, положенной на деревянные колья, вбитые в стену.

Характерная черта дома каратегинских киргизов, как, впрочем и каратегинских таджиков, — широкие глинобитные нары, поверхность которых шлифуется камнем. Киргизы называют их *суфа* (*суфа*), таджики — *дукон*. Нары располагаются вдоль стен по периметру всего помещения, так что в помещении остается довольно узкий проход Г-образной формы. Проход идет от двери до первой пары столбов, поддерживающих сруб. Здесь проход расширяется и поворачивается влево под прямым углом. В домах Каратегина и Дарваза проход этот может быть повернут как влево, так и вправо. В домах же киргизов нам ни разу не встретился проход, повернутый вправо.

В месте поворота прохода влево, в правом его углу, прямо под дымовым отверстием в потолке располагается поглотительная яма — *ташнау* или *аврез*. В нее стекает дождевая вода, попадающая через дымоход в помещение. Кроме того, над этой ямой умываются. Яма закрывается старым жерновом, который, как известно, имеет дырку в центре.

Каждый отдельный участок нар имеет свое определенное назначение. Почти четверть площади пола занимает суфа, расположенная

слева от входа. В ней помещается очаг, поэтому эта суфа называется *очак боши*, т.е. “суфа, у очага”. На этой суфе находится и глиняный ларь для хранения муки — *хампа*, *хамба* (от тадж. *хама* — “закром”). Ларь этот сооружается на небольшом расстоянии от передней стены дома. Задняя стенка ларя идет вдоль края суфы. Таким образом, ларь как бы отделяет от прохода суфу очак баши, превращая эту часть помещения в своеобразную кухню.

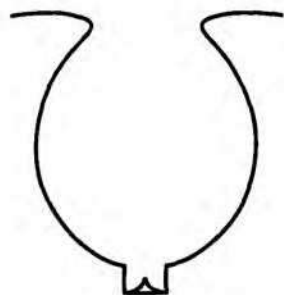
Здесь готовится пища, хранятся горшок с раствором соли¹⁴, круглая кожаная скатерть, на которой просеивается мука и разделяваются лепешки (*супра*; тадж. — *суфра*) и вообще вся кухонная утварь. Здесь же хранятся испеченные лепешки, уложенные в большое деревянное блюдо для заквашивания теста и прикрытые сверху скатертью (*дастархан*), сложенной в 4 или 8 раз или просто завернутые в скатерть. В зимнее, очень холодное, время на этой теплой суфе любят проводить свое время не только дети, которые здесь даже спят, но и взрослые, обычно во время трапез.

Но чаще местом, где семья ест, пьет, принимает гостей, спит, служит длинная суфа вдоль стены, расположенная напротив входа. На этой суфе проходят практически вся жизнь семьи. Вдоль стены складывается все семейное добро: постель, подстилки из паласов и шкур (*жук*), одежда. Эти вещи укладываются на невысокие деревянные шкафчики на ножках — *секъчак*. Иногда *секъчак* устанавливаются вдоль всей длины стены.

Вдоль правой стены помещения нары в одних домах идут до самого входа в дом, в других — занимают примерно 2/3 стены. При этом оставшееся пространство отгораживается от остального помещения небольшой глинобитной стенкой толщиной в 17–20 см и высотой до 1,5 м и превращается в своеобразный чуланчик для временного хранения топлива, чтобы зимой каждый раз не выходить за ним на стужу.

Иногда в нарах делаются ниши для различных нужд (ставят ведра с водой и т.п.). Например, в нишах под ларем для муки иногда зимой помещают кур.

Очаг в доме ничем не отличается от таджикского очага припамирского типа, обстоятельно описанного А.К. Писарчик в примечании к книге М.С. Андреева “Таджики долины Хуф”¹⁵. Он представляет собой выемку в краю нар, расширенную книзу и более узкую кверху. По форме очаг похож на вертикально поставленную корчагу с широким дном, один бок которой (тот, что обращен к проходу) срезан. На дне очага имеется небольшая выемка — желобок. Такой очаг служит как для варки пищи, так и для выпечки хлеба. При варке пищи большой чугунный котел ставится на верхнее отверстие очага, а через боковое отверстие закладывается топливо, преимущественно кизяк.

Очаг в доме, который
служит для выпечки
лепешек и варки пищи.
Сел. Джиргаталь

Топливом служат и ветки шиповника, и полынь. Кстати, полынь используется и в сыром виде, но особенно хорошо горит она сорванная и высушенная на солнце в течение 2—3-х дней. При выпечке хлеба топливом служит солома и бурьян. При этом желобок на дне очага прикрывается плоским камнем или листом железа, в результате чего образуется своего рода поддувало. Хлебные лепешки наклепываются на раскаленные стенки очага через боковое отверстие. Затем оба отверстия очага (верхнее и боковое) закрываются. Верхнее обычно закрывается плоским камнем, если на нем не стоит котел с варевом (он в этом случае выполняет роль

заглушки), боковое — листом железа. В кишлаке Дувана только одна женщина-таджичка по имени Гульсума умела делать очаги памирского типа, служившие одновременно и тануром (кстати, именно она, как уже говорилось, умела белить стены белой глиной при помощи веника).

Нередко в киргизских домах бывает два очага, одинаковые по форме и назначению, но разные по размеру. Тот, что расположен в суфе “очак башы”, называется *зор очак*, т.е. “большой очаг”. Второй — *кичкина очак*, т.е. “маленький очаг” — располагается на небольшой суфе вдоль левой боковой стены дома. Эта узкая и невысокая суфа как бы служит соединительным звеном для двух нар: только что описанной суфы “очак башы” и сплошной широкой суфы вдоль задней стены помещения. Кроме того, эта небольшая суфа с очагом служит ступенью для прохода в небольшую дверь кладовки, примыкающей к дому.

В описанный дом попадают не непосредственно с улицы или двора, а через своего рода прихожую (переднюю, сени) — *далан*, или *айван*. В большинстве домов *далан* бывает немногим менее обширен, чем только что описанное помещение. Например, в кишлаке Дамбрачи дом Хафиз-раиса, построенный еще его отцом в 1891 г., состоит из двух больших помещений (и чулана): *далан* — первая комната, в которой живут летом, *ички жай*, или *ички-уй*, — вторая, более обширная комната, в которой живут в остальное время года. Небольшая дверь из второй комнаты ведет в чулан (*ганчур*), где хранятся продукты, вода и различные хозяйственные предметы. Поскольку в *даланах* тоже бывает очаг для варки пищи, в них, как и в основной комнате, делают порой сводчатые потолки (например, в доме Шодиева).

Очаг в *далане* представляют собой две невысокие глинобитные стенки, пристроенные к стене *далана*. Называется он *кемеге*. Хлеб в этом очаге печь нельзя. Поэтому его и зимой, и летом пекут в очаге

внутренней комнаты. Если в доме есть веранда — *айван* (например, в Джиргатале), то очаг для выпечки хлеба летом сооружают там. Очаги, если они хорошо сделаны, служат 5—6 лет. На летовках пользуются переносным очагом в виде подковы из глины или делают очаг из камней. Очагом служит также тренога для котла.

Современные дома отапливаются буржуйками. Топливом служит уголь и кизяк, который режут лопатой на “кирпичи”. Буржуйки бывают двух типов: железные и чугунные. Первыми отапливаются дома осенью (до декабря), а чугунными — зимой. В железных жгут дрова, кизяк, а в чугунных — каменный уголь. Уголь привозят автомашинами из Душанбе. Снабжают в первую очередь инвалидов, пенсионеров (последним в год обследования уголь выдавали бесплатно).

В далахах устанавливают и нары — суфа. Они устраиваются или вдоль одной стены, или вдоль двух, правой и левой от входа. В последнем случае остается неширокий проход от двери в ички уй. Но чаще всего суфа в далахах находится вдоль одной из стен, и проход в ички уй бывает довольно широким. Вход в далан тоже бывает достаточно широким. Массивные двухстворчатые двери на подушках напоминают ворота.

Навес перед домом, заднюю стенку которого образует стена дома, а боковые стены пристраиваются к стене дома под прямым углом, называется *пешдалан* (от тадж. *пеш* — т.е. “перед” + далан). Продольная балка (*путь*) перекрытия в пешдалане поддерживается одним или несколькими столбами (*бакан*, или *туртук*), а поперечные балки (*бадра*) или жерди одним концом опираются на продольную балку, а другим — на балку верхней обвязки, остающейся вмазанной в стену (*зерав*).

На пешдалане тоже имеются нары по обе стороны от входа. Проход между ними называется *пайги*. Нары, как и те, что находятся в доме, шлифуются камнем. Стены хорошо штукатурятся глиной и “белятся”. Имеются здесь и очаги для приготовления пищи, нередко и для выпечки хлеба. В некоторых домах (например, дом Якуба Шарипова в Джиргатале) очаги помещаются на суфе, а в некоторых, как и в доме, в суфе. Летом на пешдалане едят, спят, делают разную домашнюю работу. Но пешдалан распространен в основном в Джиргатале. В Ляхше, где более суровый климат, летом прохладно и часто идут дожди, и не всегда есть возможность есть и спать под открытым небом, в основном распространен далан.

В каждом доме есть кладовка — *ганчур*. В доме Тилло Зариповой кладовка примыкает к внутренней части дома, где обитают жена и дети и куда не имеют права входить посторонние мужчины, — ички уй.

Навес перед домом (*пешдалан*). Сел. Джиргаталь. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

Такое расположение характерно для большинства домов. В кладовке имеются закрома из глины. Пол его ниже суфы. С этой же стороны строится и хлев. Вход в него находится на улице, рядом с входом в дом. Вдоль наружной стены хлева тянутся ясли. Кладовка и хлев в доме Зариповой значительно ниже дома. Поэтому они не под общей с домом крышей. В прошлом строилась специальная конюшня — *ахта-хана*, но теперь редко кто имеет коня, поэтому нет и конюшен.

Примыкая к этому традиционному дому, или отдельно от него строится дом нового типа — *уджра*. Если в прошлом *уджра* служила только для приема гостей и имелась только у зажиточных людей, то в наши дни *уджра* имеется у подавляющего большинства жителей селений и обычно является жилым домом молодой пары. Когда семья женит сына, она строит ему *уджру*. Свою старую функцию это жилище продолжает выполнять: если в доме гости мужского пола, то невестка с детьми идет в дом, где живет старшая пара, а в *уджре* помещаются гости. Приведем несколько примеров.

В семье Якуба Шарипова в старом доме живет его мать с двумя неженатыми сыновьями, а также младший из женатых сыновей с молодой женой. Детей у этой пары еще нет. В летнее время старуха с неженатыми сыновьями спит на *пешдалане*, так что молодая пара имеет возможность уединиться в *ички уй*. В *уджре* живет сам Якуб

Шарипов с женой и двумя детьми, старшая из которых, девочка 4-х лет, обычно спит с бабушкой.

В семье другого Шарипова в том же Джиргатале старший сын живет с женой в уджре, а старики — в доме.

В кишлаке Сары-Кендже двоюродные братья, учителя Алимкулов и Сафаров, живут одним хозяйством. Большой дом принадлежит Алимкулову. В нем живет его семья — мать, жена и дети. В нескольких десятках метров от дома построена уджра, состоящая из айвана (*пейшдалан*) и одной большой комнаты с одним окном. Здесь живет Сафаров с женой. Детей у них нет. Когда бывают гости-мужчины, их принимают в уджре. Жена Сафарова в это время находится у Алимкуловых. Во время же сильных холодов семья Алимкулова перебирается жить в уджру, так как там ставится железная печка, а потому значительно теплее, чем в традиционном доме.

Уджра представляет собой прямоугольное помещение с передней или айваном, глинобитным полом без суфы или с невысокой суфой во всю комнату и пространством перед входом для снятия галош. Комната освещается одним окном, обогревается плитой или железной печкой. Пол устилается кошмами, паласами и коврами. Здесь обычно стоит одна железная кровать, иногда стол и табурет. Стены уджры нередко делаются двойными (*синчдувал*, т.е. “двойная стена”): пространство между столбиками, поддерживающими обтяжку, заполняется сырцовым кирпичом. Таким образом, получается, что пахсовая стена облицовывается каркасной стеной, в которой оставляются ниши (*так*). Стены уджры, как и стены современного, “культурного”, как говорят информаторы, дома тщательно обмазываются изнутри и белятся светлой глиной. Иногда и наружная стена, обращенная во двор, штукатуруется.

В планировке и убранстве уджры чувствуется влияние Ферганы. В стене против входа устраиваются нередко высокие ниши, куда складываются одеяла и подушки на сундуки, по одному стоящие в нише. На боковых стенах имеются ниши для посуды, радиоприемника, швейной машинки, книг и др. В убранстве чувствуется и русское влияние: подзор с кружевами и нашивкой, занавески, вышитые полотенца (*Дархан* и *Чечка*). У узбеков, кстати, такого влияния в убранстве нет.

В кишлаке Дамбрачи имеются дома из камня. Хижина старика-охотника в яблоневом саду сложена из камней. Она имеет всего одно помещение 2 × 3 м. Двери нет, а только проем. Только одна, задняя, стена капитальная. На нее опираются балки крыши. Другим концом (имеются только поперечные балки) они опираются на столбы, которых тоже три, как и балок. Передняя стена сложена из камней, просто положенных друг на друга, они ничем не закреплены. В хижине имеется очаг, сложенный из камней, — *кемеге*. Хлеб пекут как в

Современный дом, оштукатуренный и побеленный белой глиной.
Сел. Кошой. 1957 г. (Фото Б.Х. Кармышевой)

котле, так и на *таш-табе* (букв. “каменная сковорода”, т.е. просто плоский камень, нагреваемый на костре). Над очагом в крыше устроено отверстие для выхода дыма. Дверной проем находится не в середине стены, а сбоку. В стене имеется ниша. На очаге — алюминиевый котел.

Прежде чем перейти к описанию юрты, остановимся подробнее на описании убранства дома, так как в настоящее время он является основным жилищем у киргизов Каратегина. Здесь наблюдается та же закономерность, что и в других районах с кочевым или полукочевым населением, — перенесение убранства юрты в глинобитный дом.

В домах старого типа, как было уже сказано, дымовое отверстие в виде сруба является одновременно и световым отверстием. Однако в зимнее время, когда дни коротки и к тому же приходится закрывать в пасмурную погоду свето-дымовое отверстие, в и без того темном помещении становится совсем темно. В настоящее время для освещения домов как старого, так и нового типа служит керосиновая лампа. В одно время работала небольшая электростанция на речке в кишлаке (название написано неразборчиво. — С.Г.), которой пользовался и Джиргатааль, но потом она пришла в негодность, и керосиновая лампа прочно вошла в быт.

В прошлом же для освещения пользовались так называемым *чирак* (букв. “черный светильник”), который подробно описан в ряде работ, посвященных горным таджикам¹⁶. Этот светильник представляет собой длинный стебель травы (*андалгаз куурай* или *текенак куурай*; тот и другой называются еще *чирак куурай*), верхняя половина которого облепляется горючим составом. Приготавливается состав следующим образом: семена льна (*зыгыр*) или сурепки (*мндоу*)¹⁷ жарят в котле до черноты, а затем толкут в деревянной ступе каменным пестом до тех пор, пока все не превратится в тестообразную массу. Этой массой и облепляют стебли трав, обваляв затем и в порошок из козьего или овечьего помета (*гөң*). Этот светильник вставляется в специальные деревянные подставки — *чирак сайгач*, прикрепляется вертикально на высоте человеческого роста на столбе, стоящем в углу суфы “очакбаши”. До недавнего времени на Ляхше кара чирак был еще в большом ходу, так как не было колесного пути, а керосин доставляли туда только выюком, что, конечно, было затруднительно. Но в 1957 г. построили туда дорогу, и с тех пор перебоев с керосином почти не бывает.

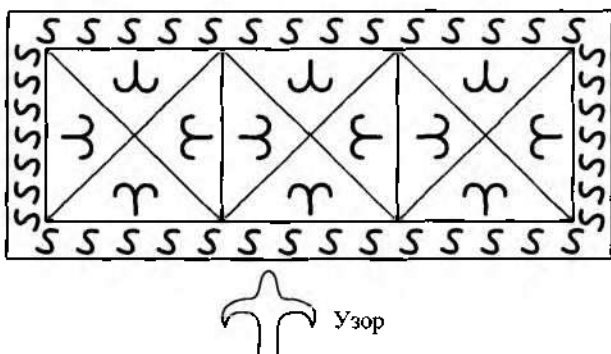
Как отмечалось при описании жилища, на суфе против входа проходит в основном жизнь семьи. На эту суфу стелят кошмы, паласы и шкуры, ватные одеяла. Подстилки из козьих и овечьих шкур, несомненно, наиболее древний вид мягкой утвари. Они широко используются и теперь, благодаря легкости обработки, теплоте и мягкости. Особо теплыми и даже целебными считаются подстилки из шкуры горного козла. Шкура животного для подстилки обрабатывается так же, как и для шуб, — снимают мездру и смягчают, оставляя закисать смесь ячменной муки с кислым молоком, намазанную на внутреннюю сторону шкуры.

Подстилки из шкур бывают разных размеров; большую подстилку шивают из нескольких шкур. Из шкур же часто делают и молитвенные коврики — *джойнамаз*.

У каратегинских киргизов, как и других их групп, широко используется в быту кошма. В прошлом году для подстилки использовали кошмы 3-х видов. Один из них *ала кейз*, или *ывырай кейз*, — кошма с вкатанными по всему ее полю узорами. Наиболее распространенный узор при этом следующий: прямоугольное поле делится на три равных квадрата, а каждый квадрат делится на четыре треугольника путем проведения диагонали вкатанной полоской цветной шерсти; в каждый треугольник вписывается узор в виде “рогов”, цвет которых чередуется. Орнамент весь обрамлен рамой из s-образных узоров.

Другой вид кошмы — аппликативная кошма.

В прошлом бытовала еще сшивная кошма (*шырдак*, *ойма кейз*) — сшитый в два слоя орнаментированный войлок, но сейчас

Кошма с вкатанным по всему полю узором (ала кейз)

используется в основном ала кейз. Кошмы валяют, как вообще в Средней Азии, женщины, а мужчины помогают.

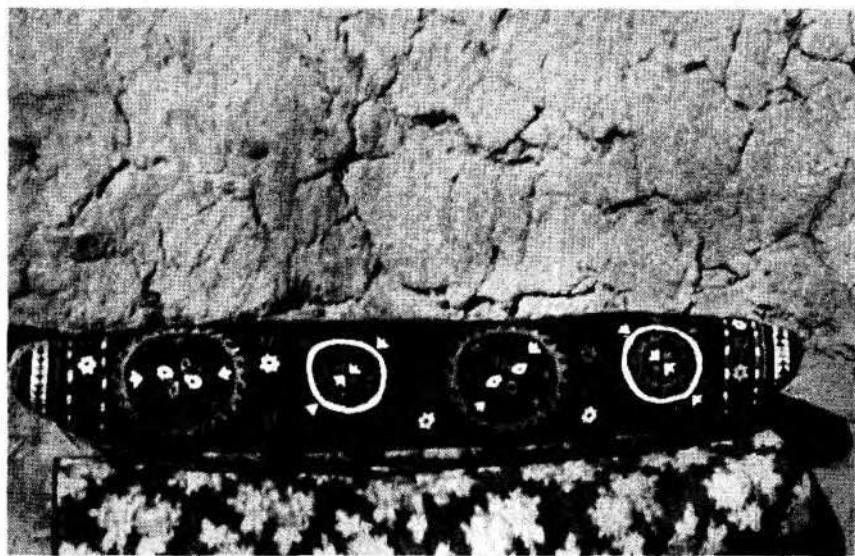
Каратегинские киргизы, как и другие группы киргизов, на пол стелют и ковры, как ворсовые, так и безворсовые. Ковровые изделия вообще у каратегинских киргизов в былые времена были довольно многообразны. Но, к сожалению, в наши дни это замечательное искусство переживает полный упадок, несмотря на то, что ткать ковры и в наши дни умеют не только пожилые женщины, но и молодые. Объясняется упадок ковроделия в этом районе исключительно отсутствием шерсти и красок. До 1939 г. существовала артель по изготовлению ворсовых ковров. Но в военное и послевоенное время районное руководство не уделяло этому делу достаточно внимания. Шерсть колхозы стали полностью сдавать в закупочные пункты государства, а шерсти с животных, находящихся в личном пользовании колхозников, едва хватает на более нужные вещи, такие как шерстяные чулки и мешки.

Орнамент ковровых изделий каратегинских киргизов очень похож на локайский.

Существенную роль в убранстве киргизского жилища играют подушки. Подушки бывают трех видов: *чавадан*¹⁸, *жастык* и *балыш*.

Чавадан — прямоугольная ковровая подушка.

Жастык представляет собой прямоугольную удлиненную (на двоих) подушку, набитую ватой. Наволочка делается из хлопчатобумажной ткани. При этом, как и всюду в Средней Азии, одна боковая длинная часть наволочки украшается вышивкой или лоскутным орнаментом, или же сочетанием того и другого. Вышивка делается по темному, преимущественно черному фону. При складывании постели днем и при раскладывании ее на ночь украшенная сторона подушки обращается наружу. Не украшенная часть наволочки делается из ма-

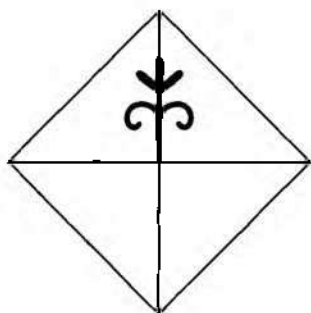
Длинная узкая подушка (*джастык*) в вышитой наволочке. Сел. Кошой. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

терии любого цвета. *Джастык* служит исключительно для подкладки вания под голову.

Балыш — подушка прямоугольная (на одного человека) или редко в форме валика — служит в основном для облакачивания во время сидения на полу. Прямоугольный балыш отличается от *джастыка* только меньшей длиной (в два раза). Подушки имеют 3—4 узора. Один из них — *тогыз доо*.

При складывании постели в джук вниз кладут чавадан, потом подушки с лоскутными наволочками, а потом подушки с вышитыми наволочками.

Ватные стеганые одеяла, употребляемые киргизами, были трех видов: *якандуз*, *чоргон* и *төшөкчө*. *Якандуз* — узкое длинное одеяло, подстилаемое на пол для сидения. Ширина его (70—80 см) зависит от ширины полотнища ткани, длина — от длины или ширины комнаты. *Чоргон* — большое ватное одеяло для укрывания во время сна. Верх его делается из цветастой ткани (нередко из покупного сюзани), а низ из более скромного (и по рисунку) ситца. Обычно имеют посередине узорную стежку в виде ромбиков. *Төшөкчө* — небольшое лоскутное одеяло для подстилки и для укрывания одиноких людей (обычно холостых членов семьи), более широкое, чем *якандуз*.

Узор то'гыз-доо для подушек

Характерной для всех видов одеял является их окантовка. Для этого узкую полоску косой ткани, сложенную вдвое, пришивают между верхом и низом одеяла. При этом кант (*ыскыт*)¹⁹ выступает примерно на 1 см. Однако, в противоположность узбекам и таджикам, окантовка у киргизов не строго обязательна. Любопытно, что, по записям Е.И. Маховой, у киргизов кант был и на кошмах. Его роль выполнял пришитый по краям кошмы шнур, и назывался он тоже *ыскыт*²⁰.

При уборке постелей в джук одеяла складывается не гофрами, как принято в Ферганской долине и во многих других местах у узбеков, а одним валиком, как у тюрков. На ночь постели стелют головой к краю суфы.

Супругам и их малолетним детям стелют постели рядом. С краю ставят колыбель, рядом ложится мать, затем супруг. Малолетние дети часто ложатся с бабушкой, укрываясь большим общим одеялом.

Взрослым детям стелют немного поодаль. Так же стелют и гостю. Пожилым и гостю на кошму и шкуры стелют несколько подстилочных одеял, чтобы было помягче, молодым стелют пожестче.

Как известно, для народов Средней Азии не было характерно употребление простыней и пододеяльников. В рассматриваемом регионе они, к сожалению, до сих пор не вошли в употребление достаточно широко. Но гостю в некоторых семьях вместо простыни стелют байковые одеяла или шелковое покрывало на подкладке.

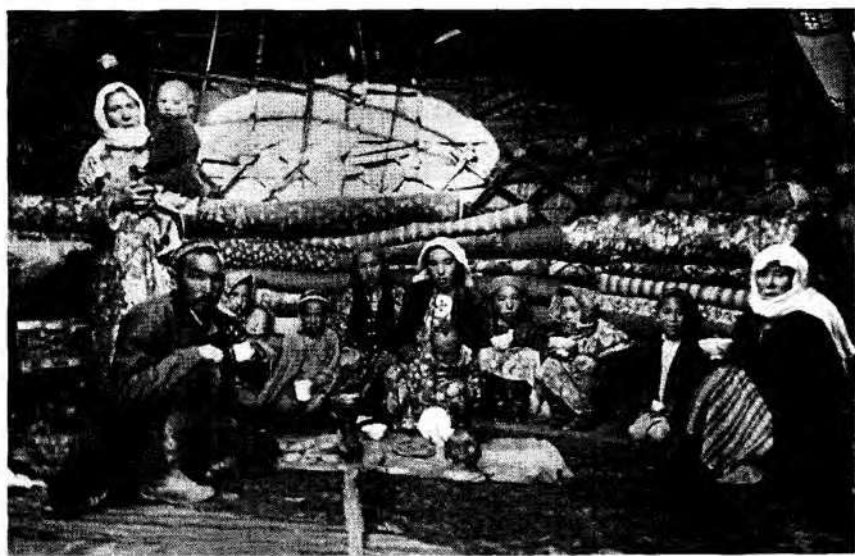
В доме, где есть новобрачные, на стены вешают сумки различного назначения (подробнее о них см. в описании юрты).

Юрта. Как отмечалось выше, юрта, крытая войлоком, служила летним жилищем, и имела она почти у каждой киргизской семьи (следует оговорить, что киргизы Аксая не имели возможности жить в юртах, так как в это труднодоступное место сложно было выюком доставить остов юрты. Кроме того, сильные ветры сносили ее). Таджикки Джиргатальского района тоже, между прочим, предпочитали летом жить в юртах, а не в убогих жилищах из камня (*девлех*). Ныне остатки юрт еще продолжают бытовать в этом регионе, поэтому остановимся коротко на ее описании.

Юрта джиргатальских киргизов относится к южному типу киргизской юрты, по классификации Е.И. Маховой. Купольная часть ее имеет полусферическую форму в отличие от высокой юрты северного

Киргизская юрта южного типа. Памир. Урочище Тагаркаки. 1950 г.
(Фото В.И. Кузьмина. Из фототеки Института истории, археологии
и этнографии АН ТаджССР)

Внутренний интерьер юрты. Памир. Урочище Тагаркаки. 1950 г.
(Фото В.И. Кузьмина. Из фототеки Института истории, археологии
и этнографии АН ТаджССР)

типа, имеющей резкий изгиб в нижней части жердей²¹. И вообще юрта джиргатальских киргизов имеет полное сходство с юртой памирских киргизов как по устройству, так и по названиям отдельных элементов²².

Как уже говорилось, юрта вообще называлась *кыргыз-уй* ("киргизский дом") в отличие от глинобитного дома — *там-уй* (т.е. "дом с крышей"). Юрта, в которой проходила повседневная жизнь семьи, где готовили пищу, называлась *кара-уй* ("черный дом"). Небольшая чистая юрта для гостей называлась *өргөө* и имелась только у богатых²³. У юрты для гостей постоянно, т.е. ежегодно обновлялись кошмы, и она выглядела белой, нарядной, а старые кошмы от нее шли на покрытие кара-уй. Если была возможность, кошмы от кара-уй шли на покрытие специальной юрты-кухни.

Деревянный остов юрты изготавливался специальными мастерами из ивы. Много мастеров по изготовлению остова юрты было, кстати, в кишлаке Кашат. Раньше в Каратегине было много зарослей тальника. Ива росла в большом количестве по берегам рек, в пойме их, в том числе и в пойме реки Сурхоб. Но река постепенно размывала острова и мели на пойме и унесла заросли.

Нужные для остова юрты жерди срезались весной, когда дерево было в полном соку (*көк тал* — букв. "зеленая ива") и поэтому легче было гнуть их. Базара в районе не было, и те, кому нужна была юрта, приходили к мастеру и выменивали остов юрты на овец и коз. Нередко заказывали остов заранее. В таком случае заказчик сам приносил жерди, коровью сыромятную кожу²⁴ и краску. Кожа шла на ремешки (*көк*), которыми связывали жерди в складывающуюся решетку (*канат*). Из нескольких таких решеток, или полотнищ, собирали круглую стену (*кереге*) юрты. Для *кереге* юрты в четыре полотнища требовалось половина коровьей кожи. Кстати, у киргизов решетка *кереге* более редкая, чем у равнинных кочевников и полукочевников, чтобы она была легче. Это очень важно в горных условиях.

Для окраски остова в красный цвет служила красная глина (*жашо турпак*)²⁵, которую добывали неподалеку от селения Дамбрачи. Глину эту разводили в воде и с помощью кусочка старой кошмы, которую обмакивали в краску, обмазывали жерди. Для окраски других предметов краска эта не употребляется.

Остов юрты, если с ним хорошо обращаются, может служить 30—40 лет.

Покатую кровлю юрты образуют гнутые жерди (*уук*), которые одним заостренным концом вставляются в верхний деревянный круг (*тундук*) остова юрты и поддерживают его. Ууки входят в чангарак сбоку, но концы их не загнуты, загиб имеется только у основания. У основания до сгиба ууки стесаны, а выше имеют округлую форму.

Другим концом ууки привязывают к развилке жердей кереге. Длина ууков — 15 моих карыш (карыш — мера длины, равная расстоянию между концами раздвинутых большого и среднего пальцев; пядь), высота кереге в сложенном виде — 12 карыш, диаметр тундука — 7,5 карыш, высота его — 3 карыш + толщина большого пальца. В этой юрте (которую измеряла Б.Х. Кармышева. — С.Г.) 58 баш. Большая юрта у каратегинских киргизов имеет 65—75 ууков (65—75 баш) и 4—5 (но не более 5) звеньев кереге.

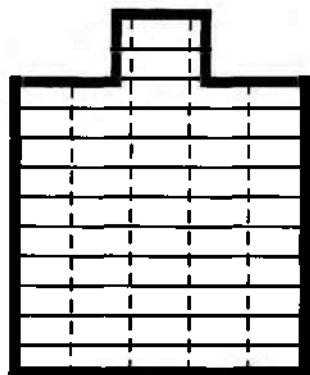
Тундук в юрте каратегинских киргизов представляет собой массивный обод высотой в 33—35 см, диаметром в 90—95 см и решетку из восьми перекрещивающихся жердей (по четыре крест-накрест), вставленную в тундук (чамгарак). Тундук, помимо скрепляющей каркас функции, выполняет и роль свето-дымового отверстия. Если ууки и кереге остова делают из көк тала (весенней ивы), то обод тундука (две половинки дуги) делают из березы, а перекладины его — из ивы, тополя (легких деревьев). Уй бакан — жердь для поднятия чамгарака делают из каратала, так как он имеет развилку на конце. Кроме того, это легкое дерево. Дверную раму тоже делали из черной ивы, на джайлау ставили просто камни.

При укладывании на зиму или при перекочевках ууки собирают и укладываются в две связки. При перекочевках эти связки навьючиваются по бокам коня, верблюда или быка. Каждое звено кереге складывается и навьючивается на отдельное животное. Чамгарак укладывается горизонтально поверх выюков.

Журт — место, где ставится юрта. В течение лета перекочевывают 2—3—4 раза. Места уже известны. Свое место для установки юрты знает каждый.

При установке юрты учитывается прежде всего направление господствующего или наиболее сильного ветра: ветер не должен дуть внутрь юрты. Поскольку здесь бывают довольно сильные ветры (в основном дует ветер со стороны входа в ущелье, но бывает и наоборот), то юрта надежно укрепляется. Для этого с внутренней стороны юрты вбивается 10 толстых и высоких кола (казык). Они достигают почти высоты решетки. Верхний конец кольев вставляется за решетку. Один из арканов привязан к невысокому колу, вбитому в землю около ашханы. Кол этот называется жельбау (от жель — “ветер”, бау — “аркан, веревка”) казык. Казык этот имеет “шейку”. Аркан несколько раз обматывается вокруг нее и идет снова кверху и натягивается с помощью толстой палки длиной около метра. Другая веревка жельбау просто засунута за уук, видимо, потому, что со стороны ущелья ветер дует не сильно.

Джелбау представляет собой толстые черно-белые арканы из козьей шерсти (изготовлены из шерсти белой и черной коз и называ-

Занавес из тростника
для дверного проема в юрте

ются *ала аркан*, т.е. “пестрый аркан”), которые привязаны на равном расстоянии от входа с обеих сторон к чангараку. Один из арканов спускается от чангарака около кухни (ашханы).

Снаружи юрта поверх покрытия укреплена арканами и подвешенными к их нижнему концу камнями, а также арканами, привязанными к коротким кольям, вбитым косо.

При установке юрты место, где она должна быть поставлена, расчищается, разравнивается. Саму установку юрты начинают с установки дверной рамы. Укрепляют глубоко. Затем растягивают полотнища кереге. Причем установку кереге начинают с двух сторон и устанавливают вертикально так, чтобы был образован круг — стена будущей юрты. Снаружи укрепляется мелкими, вбитыми наискось, кольями или камнями.

Внутренние колья уходят в землю на 20—30 см, а верх вводится под послед решетки. Отверстия у кереге (*кереге көз* — букв. “глаз кереге”) бывают двух видов: большие (*коон жаак* — букв. “заячья щека”), *тор көз* (букв. “сетчатый”) — более мелкие отверстия в кереге.

Отдельные звенья кереге скрепляются между собой тесьмой или веревкой (аркан). Затем тесьмой шириной в 8—20 см стягивают все звенья кереге по верхней части. Кроме того, одна широкая (29 см) тканая полоса (*кереге тану*) проходит между верхней частью кереге и кошмой вокруг всей юрты. Она состоит из двух кусков и носит декоративный характер. После этого ставится рама двери.

Рама двери (*эшик* — “дверь”) делается из узких тесаных досок: *босого* — “порог”, *босого баш* — “верхняя перекладина”, *жан жагач* — “косяк” (два экземпляра). Две створки двери устанавливаются на подушках, обычно украшенных резьбой. Сейчас мастеров мало, и дверной проем закрывается створкой из горизонтальных планок, чтобы не заходили собаки. В ненастье же и на ночь дверной проем закрывается специальным занавесом из тростника — *чий*²⁶, а сверху еще занавесом из кошмы или ковра (*эшик тыш*).

Чий (тростник) растет около Дамбрачи. Его выдергивают руками. Для двери располагают его поперек, как указано на рисунке. По периметру обшивается тканью. Чий переплетается только черными шерстяными нитками. Циновка плетется обычно из тростника. Но бывают исключения. Так, в Кальта-булаке, где чий не растет

(и потому его сюда привозили для продажи из других мест), нередко для циновок вместо настоящего чия использовали веточки миндаля (*бадам*). Наружное кошемное покрывало (*эшик тыш*) делается иногда и из ковра.

После установки рамы двери несколько мужчин поднимают чангарак над центром юрты с помощью ууков. Женщины быстро втыкают верхние концы нескольких ууков в разных местах обода чангарака. При этом концы ууков входят в сквозные прямоугольные отверстия с наружной стороны обода. После этого мужчины опускают чангарак и на этом участие их в установке юрты заканчивается.

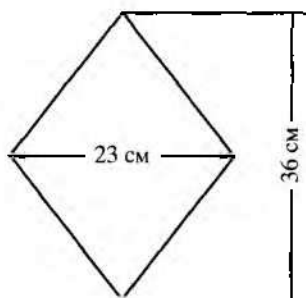
Нижние (уплощенные и стесанные) концы ууков, имеющих изгиб вовнутрь на расстоянии 50 см от конца²⁷, прикрепляются к развилке концов кереге с помощью шнурков, продетых в дырочки у основания ууков. Затем берут узкую узорную тесьму шириной в 5 см (*уук тизгич*) и на высоте сгиба образуют петлю вокруг каждого из них.

После установки остова юрты кереге снаружи покрываются двумя циновками из чия, поставленными вертикально, а затем (поверх чия) — четырьмя прямоугольными кошмами (*туурдук*), каждая из которых имеет по четыре веревки по углам (*туурдук боу*), шириной в 8—10 см, пришитые одним концом к верхним углам кошм. Этими веревками кошмы прикрепляются к кереге. Кроме того, юрта в этой части опоясывается снаружи еще одним арканом (*курчоу*). Кстати, арканы все волосяные.

Покатая часть юрты, образуемая ууками, закрывается двумя кошмами трапециевидной формы (*дельвир*), каждая из которых имеет по четыре веревки по углам. Верхние веревки кошм прикрепляются к остову юрты, а нижние — к кольшкам, вбитым в землю.

Чангарак закрывается одной квадратной кошмой (*тундук жабу*), к четырем углам которой пришиты веревки. При надобности тундук открывали с помощью бакана (шест, которым поднимают верхнюю часть остова юрты), а закрывали с помощью арканов и закрепляли за другие арканы.

Юрта достаточно прочно закрепляется за колья, вбитые вокруг нее. Однако в ветреную погоду этого недостаточно. Для большей устойчивости чангарак имеет две тесьмы из шерсти узорного тканья с кистями на конце, прикрепленные к противоположным точкам обода и свободно свешивающиеся внутрь юрты и называемые *джель-боу* (см. выше). Если ветер небольшой и дует с переменным направлением, то нижние концы этих двух тесемок связываются на некотором расстоянии от пола юрты и в образовавшуюся петлю кладут что-ни-

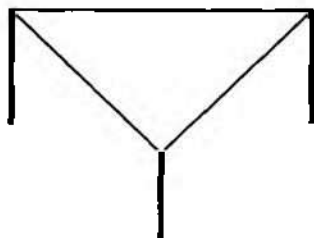
Ромб решетки кереге юрты

будь тяжелое для противостояния ветру, чаще всего свернутое валиком ватное одеяло. Если ветер дует только в одну сторону, то соответствующую тесьму привязывают к колышку в полу юрты. В безветренную погоду обе тесьмы, подбросив вверх, зацепляют за один из ууков.

Приведем обмер юрты семьи Садыковых на летовке Булак-баши. Высота кереге — 1,5 м, ширина палки кереге — 3 см, ромб решетки кереге — 23 × 36 см.

Расстояние между ууками в месте соединения с кереге — 18 и 36 см, сгиб уука — на расстоянии 50 см от нижнего конца, ширина уука внизу — 4 см. Высота юрты в центре (от земли до вершины чангарака) — 2,33 м. Диаметр чангарака — 92 см, ширина каждой переключины чангарака — 2 см, расстояние между переключинами одного ряда — 10 см, высота чангарака от основания до вершины — 33 см. Ширина двери — 71 см, высота двери — 141 см. Чангарак здесь произносят *чамгарак*. Жердь для подпирания его называют *ой бакан*.

Внутреннее убранство юрты каратегинских киргизов было аналогично убранству юрты памирских киргизов, подробно описанному Ю.А. Шибяевой. Помимо пестрых шерстяных арканов и шнурков, тканой узорчатой тесьмы различной длины и ширины, которые служили для скрепления разных частей юрты, а заодно украшали ее, в убранстве юрты играли свою роль также тканые и кошемные полосы, имеющие чисто декоративное значение. Широкая шерстяная тканая тесьма (*гажири*) с узором *етеу кочкорок* (букв. “семь молодых баранов”) или *кырк шах* (букв. “40 рогов”) протягивается вокруг всей юрты за верхней частью кереге, т.е. между кереге и чием. Называется эта тесьма *кереге тану* (букв. “повязка для кереге”). За ууками, там, где кончается их изгиб, протягивается горизонтально *туурдук баш* — полоса из цветной кошмы шириной в 70 см, вышитая цветными шерстяными нитками. Нижний край полосы обшит узорной тесьмой и плетеной бахромой. Туурдук баш занимает около половины окружности в почетной части юрты — на стене против входа (*төр*).

Тренога (*тулга*)

Юрта у киргизов отличается опрятностью и порядком. Каждая вещь имеет

Очаг на джайлау. 1957 г. (Фото В.И. Юрлова)

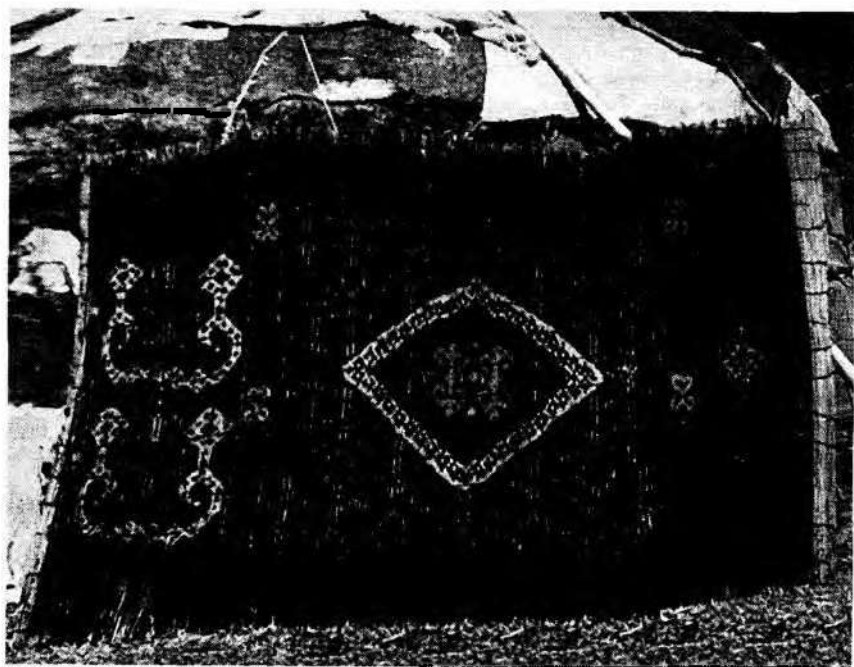
строго определенное место. Очаг — тренога (*тулга*) над костром помещается в середине юрты, ближе к входу. Налево от входа — мужская часть юрты (*кайшит*). Здесь хранятся седла, сбруя, хурджины (переметные сумки), мешки с запасами муки, поставленные на камни во избежание сырости, и т.п.

Направо от входа располагается женская часть юрты, или *ашкана* (букв. “кухня”), где находится вся посуда, молочные продукты и т.п. Здесь висели сумка для посуды (*тавак кап*), сумка для деревянной посуды (*аяк кап*), вышитая, с бахромой по периметру сумка для ложек (*кашык кап*), сумка для хлеба (*чанаг*; бывает сшита из лоскутков шкур, оставшихся после кройки шуб), мешочки для чая (*чай халта*), соли (*туз халта*), ухватки для казана (*казан кармагыч*) — пара вышитых маленьких мешочков в виде варежек, но без большого пальца, которые бывают прикреплены друг к другу длинным шнурком, скрученным из разноцветных ниток.

Большая часть кухни отгораживается от остальной части юрты ширмой — узорной чиевой циновкой, которая тоже называется *ашкана*. Ширма ставится вертикально. Со стороны почетной части юрты

Мешочек для чая (чай халта). Сел. Кошой. 1957 г. (Фото Б.Х. Кармышевой)

Циновка-ашхана. Сел. Кошой. 1957 г. (Фото Б.Х. Кармышевой)

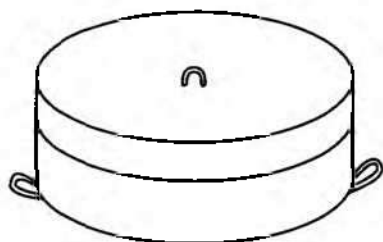
(*төр*) ширма, отделяющая кухню, доходит вплотную к стене юрты, а у входа в юрту она не доходит до кереге, оставляя тем самым вход в кухню. Этот вход закрывается невысоким куском циновки из чия — *көшөгө*. Чтобы ширма не пачкалась, нижнюю часть узорной циновки снаружи прикрывают полоской чия высотой в 50—60 см (*бельдемчи*). Она (полоска) иногда бывает орнаментирована так же, как и сама ашкана.

Вдоль стены против входа, в почетной части юрты, располагается *жук* (букв. “выюк”): на невысоких скамейках или сундуках на низеньких ножках и с выдвижной передней стенкой (*жаван*) стопкой складываются постельные принадлежности и одежда обитателей юрты. Вообще в юрте развешивается множество чучалов, торб и сумок (о некоторых из них мы говорили выше), которые были ковровыми или вышитыми на кошме и ткани (в последнем случае они украшались лоскутным шитьем). Над джуком (по обе стороны) висели два чучала и служили как бы полками, на которые женщины ставили свою чалму — *тюрбан* (*калак*). Полки эти (размером 1,5 × 1,5 м или чуть меньше) назывались *кош жавык*, т.е. “парный джавык”, и подвешивались шнурками, пришитыми к четырем их углам, за ууки. Ковровый чучал назывался *жұл кош жавык*. В него складывалась женская одежда.

Справа от кош джавыка обычно висит квадратная (62 × 62) сумка, вышитая по бледно-кремовому полю цветными шерстяными и шелковыми нитками (*баштык*) для хорошей посуды (?). Баштык делается и из кожи. Квадратный лоскут кожи имеет узоры из вырезанных красных и черных кусков ткани методом аппликации. Нередко из кожи делается и бахрама. Под кош джавыком привязывали к кереге сумку для зеркала (*көзги кап*) и непосредственно под ней висели небольшая квадратная сумочка для гребешка (*тарак кап*) и небольшая вышитая сумочка для ножниц (*кайчи кап*).

Утварь кухонная. Помимо упомянутой выше, в хозяйстве использовалась следующая утварь. Для варки и жарки пищи, а также для кипячения молока использовались в основном чугунные котлы полусферической формы (*казан*), которые привозили из Ферганы. А чинил их, т.е. заделывал дырки (*мыктайды*, от *мык* “гвоздь”), местный мастер. В кишлаке Гулама таковым был Чонг Карим (т.е. “Большой Карим”), который делал и деревянные кауши, и деревянную посуду: ложки (*кашик*), половники (*чөмич*), ведра (*челек*) из арчи. Если пищу готовили в юрте, то котел устанавливали на треноге (*тулга*) высотой в 25—30 см.

Пищу принимают за дастарханом (букв. “скатерть”), который расстилают на кошме, паласе, ковре. Дастархан всюду очень длинный

Сковорода для печения лепешек
в горячих углях

сковорода диаметром 23,5 см, высотой в 6–7 см. Сковорода имеет две ручки и крышку с кольцом в центре. За это кольцо, продев в него палочку или шипцы, приподымают крышку прямо с горячими углями, чтобы посмотреть, испеклась ли лепешка.

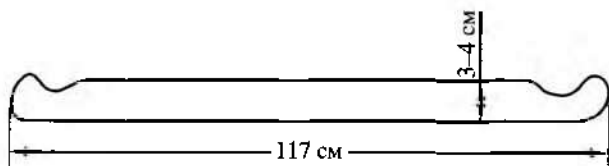
В прошлом чайников почти не было, как и самоваров. Чай кипятили и заваривали в больших и маленьких металлических, главным образом, медных кувшинах с ручкой и носиком, называемых *чайдон*. Пили же чай из деревянных чашек — *жагаиш аяк*. В настоящее время в большинстве домов есть самовары производства ферганских мастеров (местные мастера ни самоваров, ни чайдонов не делают) и фарфоровые пиалы для питья.

Ведра, как металлические, так и деревянные, называются *челек*. В досоветское время металлических ведер не было, по воду ходили с деревянными. При этом характерным для киргизов является ношение воды в двух ведрах с помощью коромысла — *бакан*, точнее, *суу бакан* (букв. “шест, палка для воды”), которое представляет собой палку с зазубриной на обоих концах для того, чтобы зацепить ручку ведра. Ни таджики, ни узбеки коромыслом не пользуются. Воду таджики носят в кувшине на голове или на бедре, а также возят в кожаных мешках (*бурдюках*) на ишаке.

Маленькие деревянные ведра (*кул челек*) служили подойниками (см. раздел “Пища”). Кроме ведер, широко (а в прошлом в основном) используются деревянные блюда (*табак*), которые вытачивают таджики на токарном станке, приводимом в движение струей воды.

(1,5–2,5 м) шириной до одного метра. Бывает как из домотканой, так и фабричной ткани, преимущественно полосатой расцветки. Дастархан приносят с завернутым в него хлебом. Ставят перед гостем, разворачивают и ломают хлеб. Затем приносят остальное угощение.

Для печения лепешек (*көмөч*) в горячих углях бытует специальный *көмөч казан* — плоский котел типа

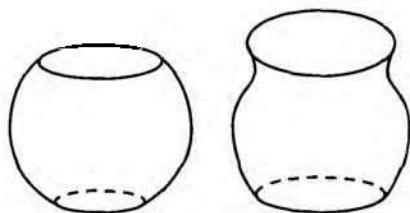
Коромысло (*суу бакан*)

Жидкую пищу, в том числе молоко и кислое молоко, подают в небольших (диаметром 10–15 см) деревянных глубоких чашках — аяк, а также в чашках типа полоскательниц, а ныне в покупных фарфоровых и фаянсовых больших чашках — коса. Небольшие чаши (аяк), по словам информаторов, вытачивают киргизы Алая на станке, приводимом в движение руками с помощью ремня. Все эти изделия, включая ложки, половники, плоские различные лопаточки для размещения чаки в мешке и т.п., изготавливаются чаще всего из ореха, ивы и березы. Гончарную посуду изготовляли таджички в кишлаках Пильдон, Кошмойнак (Кушагба). Кому были нужны кувшины (көзө), ездили в эти кишлаки и покупали на месте.

По дороге из Джиргаталя в Кошой. Вариант использования коромысла. 1957 г. (Фото В.И. Юрлова)

Лепешки делают на небольшой (20 × 40 см) доске с ножками-выступами (*нан-тахта*, букв. “доска для хлеба”), а сочень для лапши раскатывали на доске *аш-тахта* (букв. “доска для пищи”). На ней же режут лапшу большим ножом с загнутым в спираль концом — *аш-пчак* (букв. “нож для пищи”). При этом для раскатывания сочень пользуются специальной скалкой *нургуч*. Для раскатывания тонких лепешек используется короткая (около 40 см), но довольно толстая скалка *гальтак* (букв. “палка”).

Чаши (аяк) для жидкой пищи

Тесто замешивают в специальном деревянном блюде — *чара*. Разделяют тесто на специальной скатерти, которая представляет собой кусок бараньей или воловьей шкуры, с которой

удалена шерсть (при этом тесто разделяется на шкуре со стороны мездры). Но на джайлау у одной старухи была скатерть — *сул-ра*, сшитая из шкуры с шерстью. Правда, шерсть была коротко острижена.

Чтобы при выпечке лепешки не вздувались и в них не было пустот, при разделке теста в центре лепешек накалывают точки пучком перевязанных перьев из куриного хвоста (*чекч*). При этом одновременно преследовалась и декоративная цель. Сейчас для этого все чаще используется деревянный чекч, напоминающий печать с прибитыми к доньшку гвоздями.

Чтобы удобнее было налеплять лепешку на стенки танура, ее кладут на специальную подушку для лепешек (*рафида*). Обычно она была тяжелая, набитая головками репья. Одна такая подушка равнялась трем моим пядям (хлебные лепешки здесь большие). Подушка имеет воздушную петлю, а сзади квадратный кармашек для просовывания кисти руки. Чтобы предохранить руку от ожога при прилепывании лепешки к раскаленной стенке танура, надевают специальный нарукавник от кисти до локтя (*жеңа*). Он сшит из черной материи, а подкладка его — из цветной ткани. При этом подкладка выступает немного из обоих концов в виде канта.

У хозяйки имеются сита для муки (*эльгек*, *элак*). *Торко-эльгек* — сито из соответствующей хлопчатобумажной ткани привозили из Ферганы, точнее, из города Андижан. А сита волосяные плели из конского волоса сами киргизки (или выменивали, или просто выпрашивали у мастерицы). Корзины (*севет*) бывают тех же форм, что и у таджиков. Плетут их мужчины. Корзины небольшие служат для хранения ложек, большие круглые — делают для цыплят. В них же перевозят кур при перекочевках. В больших корзинах возили на верблюдах солому. Корзины эти хранили, не плели каждый год.

Галбир (решето) сами не делали, а покупали. Были еще *чойор-ма* — решето диаметром в 37 см, *откормо* — большое решето. Сетка для решета делается из ремешков козьей кожи, обод — из арчи.

¹ Писарчик А.К. Жилище // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970. Вып. 2. С. 19–115.

² Кисляков Н.А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахно-боло. М.; Л., 1936. С. 59–62. Он же. Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу // СЭ. 1939. Т. II. С. 16; Воронина В.Л. Жилище Ванча и Язгулема // Архитектура республик Средней Азии. М., 1951. С. 256; Писарчик А.К. Гармская этнографическая экспедиция 1954 г. // СЭ. 1955. № 4. С. 136–138; Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи) // ТИИАЭ АН ТаджССР. Сталинабад, 1953. Т. VII. Вып. 2. С. 423–475; Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии язгулемцев // СЭС. М., 1959. С. 43–48.

- ³ Полевая запись от Назарова Махмуда, уроженца Птеу-куль-Балха. Ему во время нашей беседы в 1952 г. было 46 лет.
- ⁴ У таджиков Каратегина и Дарваза так называлась комната для приема гостей в современном жилище нового типа (*Писарчик А.К. Жилище. С. 54–57. В домах старого типа термином хужра называли кладовую или амбар. (Там же. С. 59, 279).*
- ⁵ *Писарчик А.К. Гармская этнографическая экспедиция... С. 137.*
- ⁶ Подготовка глины для возведения пахсовых стен и техника возведения последних подробно описана *А.К. Писарчик* в работе: *Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX–XX вв. // СЭС. М., 1954. Вып. 1. С. 226–227, 255–256.*
- ⁷ Там же. С. 256.
- ⁸ Об отходничестве каратегинских таджиков и их мастерстве в деле возведения пахсовых стен см: *Губаева С.С. Горные таджики Каратегина в Ферганской долине (конец XIX – начало XX века) // СЭ. 1987. № 1; Она же. Население Ферганской долины в конце XIX – начале XX века (этнокультурные процессы). Ташкент, 1991. С. 63–64.*
- ⁹ Арча восстанавливается очень медленно и только естественным путем; попытки подсева и подсадки, проводимые в ряде лесхозов и заповедников Средней Азии, пока еще не привели к положительным результатам.
- ¹⁰ Подробнее о строевом лесе см.: *Писарчик А.К. Строительные материалы... С. 243–247.*
- ¹¹ Нам говорили, что в соседней Алайской долине киргизы пользуются каминами (*мури*), как в Ферганской долине. Поэтому в их домах подобного дымохода нет.
- ¹² *Писарчик А.К. Строительные материалы... С. 261.*
- ¹³ *Кисляков Н.А. Жилище горных таджиков... С. 19; Андреев М.С. Таджики долины Хуф... С. 445.*
- ¹⁴ Местная комковая соль имеет примеси глины и песка. Поэтому в горном Таджикистане, а также в южных районах Таджикистана и Узбекистана принято подсаливать пищу насыщенным раствором соли.
- ¹⁵ *Андреев М.С. Таджики долины Хуф... С. 459.*
- ¹⁶ *Кисляков Н.А. Жилище горных таджиков...; Воронина В.Л. Жилище Ванча и Язгулема; Андреев М.С. Таджики долины Хуф... (и др. работы).*
- ¹⁷ Сурепка вырастает как сорняк среди пшеницы. После обмолота и провенания пшеницы семена сурепки отделяют от нее.
- ¹⁸ Чавадон (от тадж. *чама дон*, т.е. “мешок для одежды”). Но у киргизов Джиргаталя подобные ковровые наволочки служили только для подушек.
- ¹⁹ У таджиков и узбеков кант называется *магз*. Слово же *ыскыт* в значении “кант” обнаружено только в тувинском языке (см.: *Тувинско-русский словарь. М., 1955. С. 571).*
- ²⁰ Записи *Е.И. Маховой*.
- ²¹ Подробное описание киргизской юрты северного типа имеется у *Е.И. Маховой* в коллективной монографии о прииссыккульских киргизах *Дархан и Чичкан. (Махова Е.И. Поселение и жилище // Быт колхозников киргизского селения Дархан и Чичкан. ТИЭ. Новая серия. 1958. Т. XXXVII. С. 138–172).* Юрта южного типа описана *Ю.А. Шибаевой (Шибаева Ю.А. Материалы по жилищу мургабских киргизов // Сообщ. Республик. ист.-краеведч. музея. Душанбе, 1955. Вып. 2 (история и этнография).*
- ²² Вот что писал о памирской юрте *Серебрянников* в 1899 г.: “Почти полное отсутствие дождей на всем восточном Памире и постоянные сильные ветры способствовали тому, что форма памирской юрты несколько отличается от формы юрты у

- алайских киргизов, кочующих в таких местностях, где, наоборот, дожди бывают очень часто и где ветры не отличаются особенной силой. Памирская юрта имеет верх мало наклоненный к горизонту, почти плоский, вследствие чего такие юрты представляют меньше сопротивления действию ветра и потому устойчивее, тогда как в алайских юртах верх высокий, с большим наклоном, способствующим быстрому удалению дождевой воды" (Серебрянников. Очерк Памира // Военный сборник. СПб., 1899. Т. ССХLX, № 9, сент. С. 219).
- ²³ Өргөө, как и посуда, входила в приданое невесты. Любопытно, что монгольское слово *өргөө* бытует в киргизском языке.
- ²⁴ В южных районах Узбекистана для этой цели шла исключительно верблюжья кожа. Кожа остальных видов скота считалась недостаточно прочной.
- ²⁵ *Джошо, дюша* — кровавик; сурик; красная глина; *жошо турпак* — красная глина. Вот что пишет о кровавике М.Е. Массон: «Давно, по-видимому, также был известен из окрестностей Абдыка кровавик, "дюша", употреблявшийся в качестве огневой краски для окрашивания деревянной посуды и позднее деревянных кереге казахских юрт...» (Массон М.Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. Ташкент, 1953. С. 122).
- ²⁶ Чий — высокая жесткая степная трава, стебли которой идут на изготовление циновок (стебли чия при изготовлении циновок оплетают цветными шерстяными нитками, а у богатых — шелковыми); циновка из чия.
- ²⁷ У ууков стиб имеется только у основания до высоты в 50 см. Эта часть стесана и имеет уплощенную форму. Остальная часть уука представляет собой круглую жердочку, освобожденную от сучьев и коры.

ПИЩА

Пища как один из важнейших элементов культуры того или иного народа складывается на протяжении веков. В формировании той или иной модели питания играют роль многие факторы: природно-географический, хозяйственно-экономический, исторический, социальный и др. Модель питания киргизов вообще и каратегинских в частности находится в одном ряду с моделью питания кочевников евразийских степей, принадлежащих к единому хозяйственно-культурному типу (а именно занятие кочевым скотоводством, а значит, употребление в пищу преимущественно мяса и молока). У всех народов этой группы много общих черт в видах блюд, способах их приготовления, обычаях приема пищи, режиме питания, пищевых запретах и ограничениях и т.д. Но в то же время разная среда обитания (степная, горная и т.п.) на протяжении веков, различное этнонациональное окружение и другие факторы накладывали на общую модель питания свои специфические черты, что становилось в какой-то степени отличительной чертой в питании того или иного народа, в том числе и каратегинских киргизов.

Молоко и молочные продукты. Одно из главных мест в пище каратегинских киргизов занимали молочные продукты, особенно в весенне-летние месяцы, когда до предела сокращалось употребление

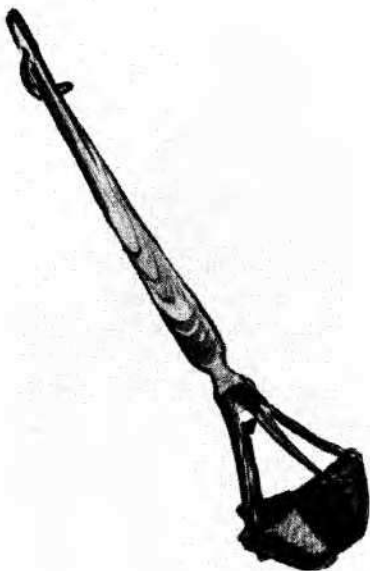
мяса. Роль молочных продуктов велика не только в приготовлении многих традиционных киргизских кушаний, но и в заимствованных у горных таджиков, в пище которых, как известно, молочные продукты также занимают весьма почетное место¹. Употребляется, как и в других местностях, молоко коровье, овечье, козье, кобылье. Если в настоящее время основным напитком каратегинских киргизов является зеленый чай, то в прошлом (т.е. до коллективизации) киргизы чай пили мало, обычно только после жирной баранины или слоеных лепешек, жареных в масле (*каттама*). Обычно же пили кумыс (*кымыз*), заквашенное молоко (*айран*), скотину (*дөз*), пресное молоко. Опьяняющий напиток, приготовляемый из проса или кукурузы (*буза*), здесь употребляли мало.

Кумыс, как и всюду, готовится из кобыльего молока, при этом сразу после удоя его наливают в кожаный сосуд (*саба*), в котором имеется небольшое количество уже готового кумыса, выполняющий в данном случае роль закваски (в первый раз, весной, кобылье молоко первого удоя заквашивается прошлогодним высушенным кумысом). Кумыс в саба необходимо время от времени взбалтывать, взбивать деревянной мутовкой. Для повышения вкусовых качеств кумыса в него кладут кусок бараньего сала и пережженного сливочного масла. Если при приготовлении кумыса не хватает кобыльего молока, то добавляют незначительное количество верблюжьего или коровьего. Кумыс из такого смешанного молока называется *кымран*².

Однако в наши дни кумыс, этот излюбленный напиток киргизов, к сожалению, перестал входить в повседневный их рацион, так как в личном владении, согласно закону, лошадей не имеется, а приготовление кумыса на конефермах колхозов и совхозов в широком масштабе для снабжения колхозников не организовано. Если бы республиканские органы достаточно глубоко вникали в специфику хозяйства в жизни отдельных районов, то не только приняли бы меры к тому, чтобы не лишать киргизов их традиционного излюбленного напитка, но и организовали бы в Джиргатаальском районе кумысолечебницы для всей республики.

Коровье, овечье и козье молоко употребляют в кипяченом виде. Хозяйка при нас кипятила утром молоко в большом котле, поставленном на подковообразный очаг, сложенный из крупных камней. До закипания котел накрывают крышкой. Когда молоко закипало, хозяйка долго эмалированным ковшом переливала его с высоты (*шапрады*). При этом молоко довольно сильно кипело. Так продолжалось минут 10, если не больше. Молоко пожелтело и стало напоминать топленое.

Однако чаще всего молоко употребляют в заквашенном виде, как и монголы, тувинцы и другие степные кочевники³. Появление этой

Мутовка для сбивания масла
(чах-чуб). Сел. Кошой. 1957 г.
(Рис. В.И. Юрлова)

традиции многие авторы объясняют и тем, что пресное молоко труднее сохранить, чем квашеное в летнюю жару, и тем, что квашеное молоко легче переваривается в организме, и тем, что посуда в которую сливали пресное молоко, никогда не мылась, а потому молоко закисало даже без специальной закваски⁴.

Заквашивали молоко каратегинские киргизы следующим образом. Как только подоят корову (овцу, козу), молоко кипятят. Подойником служит деревянное цилиндрическое ведро (*кол челек*). Кипятят молоко в чугунном котле (*казан*), затем переливают в деревянные ведра (*челек*), а в советское время часто в эмалированные, поскольку производство деревянных ведер очень сократилось. Когда молоко несколько ос-

тывает, в него кладут несколько ложек заквашенного молока (*айран*). Через некоторое время молоко заквашивается. *Айран* идет на питание детям, на заправку различных похлебок. Однако его стараются экономить и не употреблять в пищу в натуральном виде, так как из *айрана* сбивают масло.

Киргизы Джиргатальского района сбивают масло способом, распространенным в горном и южном Таджикистане, в Афганистане, северной Индии, у ряда кочевых племен Ирана и Передней Азии вообще, а также у казахов, башкир, тувинцев. А именно из заквашенного молока с добавлением воды. Способа получения масла из пресных сливок, снятых с прокипяченного молока (путем вытапливания их в котле или взбивания сливок мутовкой), как это имело место, например, у монголов, тувинцев (один из способов), северных киргизов (относительно редко встречается)⁵, у каратегинских киргизов не было. Что касается сбивания масла, то оно имеет две разновидности: 1) раскачивание бурдюка, подвешенного на деревянной треноге или катание его по дыновке; 2) сбивание в сосуде с помощью вращающейся деревянной мутовки (*чах-чуб*), приводимой в движение ремнем⁶. Первый способ очень напоминает собой естественное получение масла, когда бурдюк с *айраном* долго раскачивается на лошади. Второй

способ характерен для горных таджиков. Так же сбивают масло и киргизы. Только у киргизов вместо большой глиняной корчаги употребляется большое деревянное цилиндрическое ведро (*дөгкач*). Сбивание масла при помощи вертикального толчения мутовкой (движением вверх-вниз) — пахтанье, характерное для остальных групп киргизов, казахов, башкир и других народов, у каратегинских киргизов отсутствует.

У большого деревянного ведра, в котором находится заквашенное молоко, вбивается высокий деревянный кол. На этот кол надеты два деревянных кольца на некотором расстоянии друг от друга и на некоторой высоте над ведром. Через эти кольца пропускается мутовка — *чак-чау* (от тадж. *чак-чуб*), представляющая собой палку с наглухо надетой на один конец тяжелой крестообразной фигурой. Вокруг палки-мутовки делает одну петлю кожаный ремень (*дөг кайыш*). Бесперывно притягивая к себе то один, то другой конец ремня, мутовку приводят во вращательное движение.

Время от времени в айран добавляют холодную воду, которая ускоряет отделение масла. Всплывшее на поверхность масло (*маска*) собирается и вынимается рукой, промывается, чтобы избавиться от горечи и кислоты, и хранится в подсоленном виде в овечьем или козьем желудке (*карын*). Но это очень редкий для каратегинского киргиза способ хранения масла. Традиционно же его хранили в перетопленном виде в тех же желудках, в то время как таджики хранили в кувшинах (*көзө*). В нетопленном виде масло киргизы обычно не хранили. 70-летний информатор даже удивился, когда узнал, что узбеки хранят масло в нетопленном виде. Овечий или козий желудок киргизы стараются вынуть в целом виде, моют, очищают рубцы и сушат. Когда необходимо заполнить его маслом, желудок замачивают, чтобы смягчить, и наливают топленое несоленое масло. В один желудок помещается до 20 кг⁷. На стол киргизы подают топленое масло даже в период сбивания его.

Сколотина называется *дөг* (тадж. *дуг*). Она служит питательным и прохладительным напитком летом. Из нее же готовится *чака*, которой заправляют различные похлебки, служащие повседневной горячей пищей. Сколотина из ведра переливается в мешок из белой бязи или мадаполама и вешается, чтобы вода и сыворотка стекли на два высоких кола с развилкой на конце. Вешается в юрте у кереге или снаружи у юрты. При этом снаружи в этом месте делается прямоугольная яма (*көлчө* — букв. “озерцо”), куда стекает жидкость. Туда подходят овцы пить эту жидкость. Время от времени густеющую массу в мешке помешивают деревянной мешалкой (*калак*). Образовавшаяся густая масса и есть *чака*.

Чака подсаливается и перекадывается в бурдюк (*тулум*), который ставится в юрте на плоский камень или на низенькую широкую

скамейку. Чака, разведенная в воде, служит прохладительным напитком. Ее едят с хлебом, заправляют ею похлебку и даже моют ею голову. Чака служит для приготовления курута.

Существует два способа приготовления курута — таджикский и киргизский. При таджикском способе густая чака подсаливается и из этой массы лепятся овальные куруты (*чака курут*) размером немного больше куриного яйца. Курут сушится на солнце на особом прямоугольном помосте (*сери*). Вбивается в землю четыре жерди высотой в человеческий рост и с развилкой на конце. На развилки жердей кладутся четыре палки, и получившийся помост устилается циновкой — *чий*. Женщина, становясь на камни, находящиеся у помоста, раскладывает курут для просушки.

При втором способе приготовления курута (киргизский) густая чака снова разбавляется свежим думом и кипятится в небольшом котле. При этом ее все время помешивают большим деревянным ковшом, чтобы не подгорела. Когда в котле остается густая желтоватая масса, ее тем же ковшом перекалывают в деревянные ведра. Из остывшей массы делают продолговатые куруты (*кайнатма курут*) без добавления соли, сжав комок в ладони.

При ясной погоде куруты подсыхают 3—4 дня, а в пасмурную погоду сохнут, естественно, очень долго. Во время дождя их прикрывают. Куруты хранят в больших шерстяных мешках (*кап*), поставленных на ящики или сундуки в один ряд с джуком. Зимой курут размачивают в горячей воде, затем мнут руками и получившейся массой заправляют различные кушанья. Или же, добавив топленого масла, тушеного в масле лука и прокипятив, едят с хлебом. Такой жидко разведенный курут называется *курутов* (от тадж. *курут* об, т.е. "курут и вода"). Считается, что человек, который постоянно ест курутов, не мерзнет. Поздней осенью, когда коровы отдаиваются и молоко бывает густое, из густой скотины (*чака*) не делают курут, ее, подсолвив, кладут в бараний желудок (*карын*) и хранят в доме. Зимой она употребляется женщинами для мытья головы.

Имеется у каратегинских киргизов еще один вид сыра — *пштак*. Это, скорее, прессованный творог. Его мне не приходилось встречать у узбеков и таджиков, но он имеется у монголов, тувинцев, южных алтайцев, у других групп киргизов и, видимо, у других кочевников Евразии⁸. Приготавливается пштак следующим образом: в кипящее молоко вливают густое пахтанье или айран, предварительно взбитый ложкой. В котле молоко свертывается. Сыворотка (*зароб*) сливается. Для этого пустое ведро накрывают циновкой (*чий*), на нее расстилают марлю и содержимое котла осторожно процеживают через этот *чий* в ведро. Оставшийся на марле творог подсаливают, заворачивают в марлю и помещают между двумя камнями. Спрессованный творог

ставят на 1—2 часа на солнце. По внешнему виду он напоминает плавленый сыр и довольно приятен на вкус, хотя и несколько пресноват.

Молоко и молочные продукты применяются для приготовления различных горячих похлебок и каш. Крупа (*сөк*) из проса или кунака (итальянское просо) готовится следующим образом: просо варят в воде, затем просушивают, разостлав на циновке на воздухе, затем толкут в ступе и провеивают. У казахов, как известно, варено в воде просо после просушки еще жарится в сухом котле, при этом помешивается длинной палкой, конец которой обмотан тряпкой. Поджаренные зерна затем толкут в деревянной ступе и провеивают. Такая крупа не обязательно должна вариться: достаточно ее залить молоком или кипятком, и каша готова. Киргизский же способ требует варки. На молоке варится каша из пшени (*тарык бутка*) и из кунака (*кунак бутка*).

Наиболее часто готовится (особенно, если нужно экономить муку на выпечку хлеба) *орогон*, или *умач орогон*: из ячменной муки делается затируха. На муку, насыпанную в деревянное блюдо, брызгают соленой водой и при этом муку все время помешивают. Образовавшиеся маленькие комочки теста долго трут, и в результате они получаются плотные и мелкие, размером с пшеничное зерно. Комочки поджаривают в небольшом количестве масла. Потом из них готовится густая каша на молоке. Каша подается в деревянной миске или блюде. В середине делается углубление и наливается масло. Если хотят, чтобы все горошинки были одного размера, то затируху просеивают через специальное сито. В таком случае она называется *умач-эльгек* (*эльгек* — сито). Такую кашу, как и вообще все каши, едят без хлеба.

Затируха, не жареная, сваренная на воде в виде жидкой похлебки и заправленная *дөгөм*, называется *умач-атала* и является одним из повседневных блюд, как и лапша, заправленная *дөгөм* (*жайган-аш атала*) или просто *аш*. Обе похлебки в зимнее время заправляются курутом, разведенным в кипятке. *Атала* готовится нередко из просяной муки. Прежде чем молоть просо на мельнице, его прожаривают и провеивают. Осенью затируха готовится и по-таджикски: постная, с луком, свеклой (*лаблау*) и свекольными листьями, заправляется лапшой и *дөгөм* (*жайган-аш атала* — лапша с *дөгөм*). Лапша бывает очень тонкая, но широкая, в виде лент. Для лапши, затирухи и других подобных похлебок употребляется только *дөг*, а не айран.

Со свеклой и картофелем готовится и похлебка (*көчө*). Она заправляется пшеничной крупой или мукой, а также неизменной густой сколотинной (*чакой*). Для приготовления похлебки используется и го-

роховая мука. Горох темно-зеленого цвета (*пурчак*) в суп не кладется. Его едят, просто отварив в воде. Гороховую кашу готовили в горшках: ставили в очаг на ночь, к утру каша была готова. Но поскольку не у всех были горшки, готовили горох и в котлах, хотя это было хуже, чем в горшках.

Мясные блюда. Мясо у каратегинских киргизов, как и у остальных групп этого народа и вообще всех кочевников евразийских степей — один из любимых видов пищи. Оно всегда, и в прошлом, и в настоящем, считалось престижной пищей, так как в течение года им питаться имели возможность только богатые. Небогатые же слои населения и тем более бедняки ели мясо довольно редко: на особых семейных торжествах (свадьба, празднество по поводу обрезания, поминки) или в том случае, если животное заболело, и его режут, чтобы оно не пало⁹. В наши дни мясо также является далеко не повседневной пищей. Однако при наличии ныне разнообразных видов хлеба, таких готовых мучных изделий, как макароны, а главное, при наличии картофеля недостаток мяса не превращается в полуголодное существование, как это было в прошлом.

Мясо в любимом виде — вареное без всяких приправ — готовится в тех случаях, когда скот зарезан в честь приезжего гостя или какого-либо семейного праздника (свадьба, обрезание сына, поминки), когда созваны гости. В таких случаях туша барана или козла разделяется по строго определенному традиционному порядку на части — *мучо*¹⁰. Основных *мучо* — 12: каждая из четырех конечностей делится на три части. 13-я доля — голова (*калла*). Голове приравнивается *карчига* — поясничные позвонки с тремя последними ребрами и почками (почки не отделяются от позвонков). Если зарезан не баран, а козел, то вместо головы и курдюка с печенкой подается *карчига*. 14-я доля — хвостовые позвонки (*куйрук*). 15-я доля — три ребра и нижние позвонки (*карчига*), в свою очередь, делится на три *мучо*. Позвонки выше поясницы и ребра (*серыйс*) делятся на восемь человек. 16-я доля — курдюк, вернее, кость с небольшим куском сала (?). *Золумчи* (резник) — определенный человек (один в этом кишлаке), который постоянно во время крупных трапез режет животных и разделяет тушу, а после отваривания распределяет мясо по группам ожидаемых или уже прибывших гостей из других селений (например, из Аччик-Алма должны приехать пять человек, из Дувана — 2 человека и т.д.)¹¹.

При угощении мясо, включая голову и ножки, варятся в котле. Сначала подается бульон, который едят, накрошив в него лепешки. Затем раздают каждому по куску мяса. Самому старшему подается голова и курдюк с печенью. Наиболее почетным гостям (принимает-

ся во внимание и возраст) раздаются 12 мучо, т.е. куски конечно-стей — лучшая часть. После раздачи 17 мучо остальным раздается много мелких кусков. Каждый гость съедает от своего куска столько, сколько считает нужным, а остаток с одной лепешкой заворачивает в свой платок и несет домой. Кроме того, каждому старший подает кусок вареной печенки с ломтиком вареного курдючного сала. Вообще печень с курдючным салом входит в разряд ритуальной пищи. Например, они обязательны при сватовстве (см. ниже). Подается одно деревянное блюдо на троих. Голову барана или козла перед тем, как класть в котел, опаливают, а с головы крупного рогатого скота и лошади снимают шкуру. Зрачки предварительно разрезают, а зубы выбивают.

Кишки наполняют разведенной в воде или молоке мукой или за-тирухой, а затем варят. Желудок и кишки (*ичак-карын*), а также легкое (*өпкө*) гостю не подаются. Легкое подается только в том случае, когда оно приготовлено особым образом (*куган өпкө*). А именно в легкое только что зарезанного барана сначала вдувают воздух, чтобы очистить поры. Затем заполняют его смесью сырого подогретого мо-лока и топленого масла (легкие барана, например, могут вместить до одного котла молока и пол-литра масла). Когда они наполнятся, осторожно наливают туда небольшое количество айрана, чтобы айран, свернувшись, закупорил сосуды и тем самым не дал молоку вытечь. Пищевод перевязывают шнурком и варят в котле в небольшом коли-честве воды или в воде, забеленной молоком. Затем режут на куски и едят. Селезенку (*көк тал*) разрезают, кладут внутрь сало, вновь за-шивают прутиком и жарят, как шашлык, или варят.

Когда режут скотину, то нередко обрезают куски с ребер, с части *серис* (три ребра и несколько позвонков до поясницы), зажаривают все это с почками в сале и едят. Считается лакомством. Для неболь-ших мужских компаний готовится и шашлык (*шиш кевек*) из мяса или печенки. Вертелом служат куски провода или прутики иргая. При подаче шашлык посыпают тонко нарезанным луком.

Мясные блюда, приготовленные для своей семьи или для неболь-шого числа гостей, когда это не связано с приглашением всех или мно-гих односельчан (или родни), довольно разнообразны. Наиболее про-стые из них *ак шорво* и *куурма шорво*. Первое — бульон со свежим мясом, второе — суп из зажаренного впрок мяса. Если имеются, в ку-урма шорво кладутся лук (лук не жарят) и перец, а также картофель и макароны.

Следует сказать, что каратегинские киргизы, как и узбеки, и тад-жикки, не знают копчения мяса и колбас, как это широко бытовало у северных киргизов и казахов. Впрок мясо заготавливается зажарен-ным небольшими кусками и залитым салом (*куурма*). Хранится в та-

ком виде в бараньем желудке. Едят его как в холодном, так и в горячем виде, а также варят из него супы и другие блюда. Мясо для хранения также вялят на солнце. Для этого куски мяса предварительно варят, но не до полной готовности. Полусырое мясо сушат на солнце. Этот способ заготовки существует с давних пор.

Для семьи часто готовится *сызалаган атала*, или *уйра кескан атала*. Мелко нарезанные кусочки мяса и сала жарятся с луком и перцем, заливаются водой, кипятятся некоторое время, заправляются сырым луком и лапшой. Иногда всю гущу достают шумовкой и едят отдельно, запивая бульоном. Такое блюдо называется *беш-тырмак*.

Мясной суп с лапшой имеет еще несколько разновидностей. *Нарын* — в мясной бульон кладут лапшу, мелко нарезанные кусочки вареного курдючного сала и вареной печенки. *Кесьма* — мясо варят, вынимают, а в бульоне варится лапша. Лапша потом вынимается шумовкой (*капкыр*) и на лапшу кладется мелко нарезанное мясо (*нарын кылып кесип*, т.е. "нарезанное, как для нарына").

Явно заимствованным у таджиков является кушанье *шавдек*. В глиняный горшок кладутся пшеничная крупа, мясо кусочками, лук, перец. Все это перемешивается, заливается водой и, плотно прикрыв горлышко горшка крышечкой, плоским камнем или металлической чашкой, ставится в горячий очаг.

Раньше особым деликатесом у киргизов считалось мясо целого выпотрошенного барана с зашитым внутри него курдюком, которого запекали в яме с горячими углями, присыпанного сверху землей¹². Но это блюдо даже в прошлом было для очень состоятельных людей. В 50-е же годы XX в. оно, видимо, почти не готовилось.

Как уже говорилось, самое почетное и любимое блюдо — вареная баранина, а затем козлятина. Плов (*палау ош*) готовится по-фергански (с мясом, морковью, луком), только иногда без моркови, когда ее нет. Если же нет риса, готовится иногда *уйра-палау*, когда вместо риса кладется высушенная лапша. В тесто для такой лапши кладется одно яйцо. Обычно же для супов тесто замешивается только на воде. В наши дни одним из излюбленных кушаний является жаркое с мясом и картофелем (*картышка жаркоп*).

Такой суп едят, крошив в него лепешки. Куриные яйца употребляют в вареном и жареном виде. Готовят и *тухум шорва*: жареные с зеленым луком яйца заливают водой и кипятят.

Зерновые. Еще в XIX в. в рационе киргизов, как у кочевников вообще, преобладали молочные продукты и мясо. Как писал М. Венюков, киргизы Памира и Каратегина не знали хлеба. И если им попадалась мука, то из нее варили похлебку¹³. Современный же рацион кара-

тегинских киргизов примечателен разнообразием хлебных изделий, что говорит не только о таджикском влиянии, но и об относительной давности занятия хлебопашеством. Об этом говорит и обычай обязательно брать с собой в путь хотя бы небольшой кусок хлеба, который будет охранять его. Но если же случится непредвиденное и путник погибнет, то будет считаться шахидом, так как при нем был хлеб. То же относится и к погибшим на козлодранье. Поэтому участники этой игры берут с собой кусок хлеба. Стало обычным и благопожелание после еды, записанное в селении Кара-Кендже: *Арчадай бурлосын, будайдай чайласын, тарыкдай когорсын, тюркдай чожалсын* ("Пусть растет, как арча, пусть множится, как пшеница, пусть зеленеет, как просо, пусть обзаводится цыплятами, как курица").

Хлеб (*нан*) печется не только из пшеничной муки, но и ячменной (*арпа*), кукурузной (*макка*), просяной (*тарык*), гороховой (*пурчак*), а также из муки итальянского проса (*конак*). Джугара здесь не растет. В трудное время хлеб пекут из смеси различной муки. Такую лепешку называют *загара* (*загара*) или никак не называют. Ячменную называют *жоон*, кукурузную — *макка нан* и *макка загара*, гороховую — *пурчаклык нан*, просяную — *тарык загара*.

Хлеб пекут в виде круглых лепешек различной толщины и размера из кислого и пресного теста. Для получения кислого теста при его замешивании добавляется кусочек такового, специально оставленный от предыдущего хлебопечения и разведенный в теплой воде. Хлеб для семьи печется каждый день или через 1—2. Тесто замешивается на теплой подсоленной воде в большой деревянной чаше. Затем оно откладывается на круглую кожаную скатерть, а со стенок блюда соскребается прилипшее тесто железным скребком в виде плоской лопаточки. Эти кусочки (крошки) разводятся в небольшом количестве теплой воды, и получившееся мягкое тесто добавляется к основному. После этого стенки блюда обсыплются мукой, и в блюдо вновь кладется тесто. Хозяйка, время от времени смачивая кисти рук в соленой воде, замешивает тесто как следует, пока оно не станет достаточно упругим и не будет приставать к руке. Блюдо с тестом закрывается скатертью и ставится подойти. Сырые лепешки из кислого теста также должны некоторое время полежать, чтобы подойти. И только затем они выпекаются.

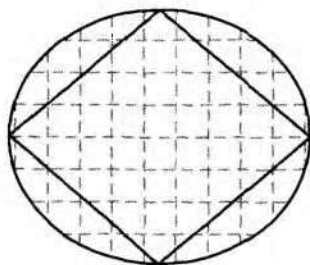
В настоящее время лепешки пекутся в очаге, к стенкам которого их прилепляют. Из кислого теста пекут обычные лепешки средней толщины и очень тонкие лепешки из раскатанных на доске сочней диаметром около 30 см (*жука нан* — букв. "тонкие лепешки"). Тонкие лепешки раскатываются на короткой доске с двух ножек в виде поперечных брусков. Одна из женщин рвет тесто и делает комочки (*зугал*) и тут же раскатывает, а вторая расстилает лепешку-

сочек на рафиде, еще немного растягивает во все стороны и тут же прикрепляет к стенке очага. При этом на руку надевают стеганый на затылке рукавник до локтя и толстую круглую рукавицу — рафида. Обратная сторона обычных лепешек немного смачивается водой проведением по ней мокрыми пальцами, чтобы лепешка лучше прилепалась к стенке очага. Обратная же сторона тонких лепешек не смачивается.

На кочевье очагов, приспособленных для печения хлеба, не бывает. И его пекут исконно киргизским способом в котле или золе костра. Для лепешек, пекущихся в котле, тесто делается тоже кислое, но более мягкое, чем обычное тесто. Пустой котел ставится на треногу косо, т.е. на бок, и подогревается. Хозяйка отрывает от теста кусок, тут же на весу на мокрых ладонях скатывает его в комочек, прилепляет к стенке нагретого котла и превращает комочек в лепешку небольшой толщины. Таким образом, хозяйка на стенку котла, диаметр которого равен примерно 80 см, налепляет 5 лепешек. Когда лепешки немного пропекутся, женщина опрокидывает котел над костром, оперев его одним краем о землю, а другим — о железную треногу. От горячей золы и тлеющих углей лепешки быстро зарумяниваются. *Калын нан* — толстые лепешки, которые пекут в котле или на каменной плите на летовках. Имеется несколько способов печения хлеба в горячей золе. Такой хлеб называется *көмөч* (от *көмөк* — “закопать, засыпать”). Кислое тесто на молоке и масле замешивается круче обычного. Когда оно подойдет, из него делаются лепешки толщиной около 2 см и диаметром — около 20 см. Сначала их некоторое время пекут в котле, чтобы покрылись корочкой (*катырп олади*), а затем допекают на поду костра (или под костер заранее кладется плоский камень), засыпав сверху горячей золой, которая время от времени помешивается. Иногда лепешка накрывается сковородкой, и уже сковородка засыпается горячей золой. В одном доме на Ляхше, в кишлаке Кара-Кендже, мне встретился *көмөч казан* — своеобразная жаровня с крышкой и ручкой, чугунная, круглая, небольшой глубины. В нее кладется одна толстая лепешка, и жаровня закапывается в золу. Получается круглый хлебец.

Из круто замешанного кислого теста на воде, а если есть возможность, на молоке и масле, делаются довольно толстые небольшие (диаметром в 15–20 см) лепешки — *патир*. На их поверхности вышле названным скребком наносится узор в виде квадратной сетки. Во время свадеб и других торжеств, а также в дальнюю дорогу пекут мелкие лепешки (диаметр — около 7–8 см) из такого же теста, что и для *патир*. Называются они *токоч* (узб. — *кульча* или *тукач-кульча*; уйг. — *тукач*; казах. — *токаш*).

У киргизов имеются те же виды изделий из теста, которые распространены и у окружающих их народов. Так, одним из любимых блюд является *чангали* (тадж. *фатир-маска*) — горячие лепешки мелко крошатся и мнутся вместе со сливочным маслом. *Каттама* (узб. *катлама*), что значит “слоеная лепешка”, готовится следующим образом. Пресное крутое и чуть солоноватое тесто раскатывается на длинной доске скалкой в большой и тонкий сочень. Сочень намазывается топленным маслом, причем та сторона, которая на доске. Затем сочень складывается (подвертывается) и смазывается следующая полоса, которая в результате подвертывания оказалась на доске. В конце концов сочень оказывается сложенным в полосу шириной в доску, на которой раскатывался (20–25 см). Эта сложенная полоса режется вдоль на ленты шириной в 2 пальца. Каждая лента (или 1,5–2 ленты, если доска не очень длинная) сворачивается в спираль. Этот комок раскатывают скалкой в лепешку диаметром до 20–25 см и жарят в масле в котле. Сейчас каттама присыпается сахарным песком.

Узор, наносимый на лепешку
(патыр)

Бурсаки бывают двух видов. *Патыр бурсак* готовится только для угощения дорогих гостей и для отправляющихся в дальний путь. Делают крутое кислое тесто на молоке и масле. Затем раскатывается довольно толстый сочень, который украшается точечным орнаментом с помощью пучка перьев. Затем сочень режут на полоски шириной в два пальца. Эти ленты режутся поперек и получаются кусочки теста в виде ромбиков и квадратиков, которые жарятся в масле.

Созмо бурсак делается из слабого кислого теста, как для *казан-нан*. Кусочки теста отрываются всеми десятью пальцами, тут же у котла с кипящим маслом растягиваются в лепешечки и бросаются в масло. Получаются тонкие пышки неправильной формы, нередко с дыркой посредине.

Чаваты — тонкие лепешки. Тесто месится такое же, как для каттамы, пресное, на воде и чуть пересоленное. Кусочки этого крутого теста раскатываются в тонкие небольшие сочни (размер их немного меньше жука *нан*). В котел наливается немного масла, и первая лепешка поджаривается с обеих сторон. Затем на нее кладется другой сочень и оба они переворачиваются. На другую сторону первой лепешки кладется третий сочень, это делается, предварительно немного намазав (капнув) нижнюю лепешку сливочным маслом или сливками. Стопка лепешек опять переворачивается в котле, чтобы еще сырая

верхняя лепешка очутилась внизу. На верхнюю, после того, как капнут масла, снова кладется очередная сырая лепешка и т.д. Когда стопка будет состоять из девяти лепешек, ее вынимают из котла. Такая стопка называется *бир тогуз* (т.е. “одна девятка”) или *бир байлам* (т.е. “одна связка”), или *бир кармам чавати* (смысл неясен). Едят их в горячем и холодном виде.

Чельпек — тонкие лепешки, жареные в масле. *Куймак*, или *куйма боурсак*, — оладьи. Для них делают жидкую болтушку из муки на воде и ложкой наливают ее в кипящее верблюжье сало или топленое масло, полученное из верблюжьего молока.

Одно из блюд — *талкан*. Пшеницу варят, сушат (жарят) в сухом котле, мелят на мельнице, подают, смешав с маслом. Если талкан подогрет в кипятке или молоке (масло разводят в кипятке или молоке и наливают все это в талкан) и поэтому он влажный, хотя и рассыпчатый, то едят его, сжав в кулаке в комок. Это одно из блюд, которым обязательно угощали по случаю рождения ребенка, а теперь и по случаю возвращения сына из армии. Ибо с семи лет ребенок не может должным образом помогать родителям в работе, так как учится в школе, а затем он уходит в армию. И вот теперь ребенок наконец-то “возвращается к родителям”, что равнозначно “рождению” его вновь.

Тар-халва — из муки делается затируха, которая сначала жарится в масле, затем заливается молоком и долго, до красноты, кипятится в масле, пока не станет рассыпчатой. *Шаламбет* — мучной кисель: в растопленное масло наливают воду или молоко, добавляют муку, подсаливают и кипятят. Получается кисель, на поверхности которого выступает масло.

Овощи. Если в прошлом из овощей использовались лишь лук, морковь (только для плова) и изредка свекла и тыква (тыква отваривалась в воде, а затем заливалась молоком и маслом или же готовилась по-таджикски, т.е. запекалась в золе — *таджик кади* (“таджикская тыква”), то ныне одним из основных овощных продуктов питания является картофель (*картышка*). Сначала картошку не ели, считая ее русской пищей, и поначалу варили только неочищенной.

Картофель в Каратегине разводится двух видов: розовый продолговатый с тонкой кожурой, рассыпчатый, известный в центральном Таджикистане под названием “гармский”; и “желтый круглый”. Он употребляется в различных видах. Чаще всего картофель варится в небольшом количестве воды, очищенным, но в целом виде и подается с мелко нарезанным зеленым луком. Нередко, когда мало хлеба, едят без хлеба. Варят картофель и в мундире (желтый), а также жарят в масле и запекают в золе.

Съедобные дикорастущие растения. В голодные годы как до революции, так и в советское время (в годы коллективизации, в годы войны, в послевоенное время) каратегинские киргизы в основном питались дикорастущими растениями. Наиболее питательным из них был *кинг* (*Megacarpa graethis*) — растение, корни которого пекут в тануре. Корни кладут с вечера в горячий танур, который закупоривают на ночь. К утру корни готовы. Их едят и самостоятельно, и с катыком (квашеным молоком). Часто 3–4 семьи, объединившись, выкапывали яму, обкладывали ее камнями, разводили в ней огонь из арчи. Когда арча прогорала и оставались в яме лишь тлеющие угли, ее загружали корнями кинга и наглухо замазывали отверстие ямы. Оставляли так на сутки. Потом открывали яму и доставали готовые корни. Эти корни вонючи, но вполне съедобны. По вкусу напоминают конину. Про кинг информатор из селения Гулама говорил: *Таунынг энг кучлу овкаты шу*, т.е. “Наиболее питательная пища гор эта”¹⁴.

Чукуру (*Rheum taiximoviczi*) — кислятка, ревень. Появляется в конце апреля. Ели молодые стебли и черешки листьев, иногда макая в соль или соленую воду. Семена жарили, очищали путем толчения в ступе, а потом делали атала или добавляли в лапшу¹⁵.

Кымыздык — раковые шейки, горлец, растет на джайлау; цветы его называются *боткок* (бутон). Они белые, со временем делаются огромными, а семена мелкие. Едят обычно в сыром виде с чакой, квашеным молоком.

Рау (*Ferula grigorijevii*) — растение, съедобной частью которого тоже были корни. Корни эти мнут в ступе, запекают в очаге, затем делают из них талкан, к которому добавляют ячменную гороховую муку и едят с молоком или маслом или просто с водой¹⁶.

Мингак (*Latirus tuberosus*) — едят клубни, которые варят, а при еде заправляют маслом. Готовят из этого растения и талкан вместе с зернами пшеницы, гороха, бобов. Едят также с молоком, кислым молоком, маслом.

Шум-гула (*шумгуя* — “заразиха”) — съедобное растение, похожее на укроп; едят весной молодые побеги. *Чалкан* — крапива. *Кок-кашка* — едят стебли и цветы. *Кызгалдак* — дикий мак, мак-самосейка. *Ат-кулак* — щавель конский. *Чайыр* — так называют каурак (может быть, ферула высокогорная. — С.Г.).

Кобурган, или *тау пияз*, — дикий лук, которым заменяют обычный. Появляется в апреле. Дикая луку сушили, толкли и посыпали им пищу (культурный лук, как и морковь, появились только в советское время). Но он съедобен только весной.

Кара-бурма — растение, которое заваривают вместо чая (*бурма* — “хохлатка”, *кара* — “черная”). Высокогорное травянистое растение, в народной медицине употребляется при сердечных заболеваниях. — С.Г.).

Раньше чая не было. Вместо чая заваривали основание растения *караган* (*караган* — караганик, желтая акация, золотарник. — С.Г.).
Був-дари чоп, мади-дари чоп — съедобные растения.

Наркотики. Чрезвычайно распространено употребление наса. Этому подвержены и женщины. Растертые листья табака смешивают с древесной золой и толченой известью в определенных пропорциях и закладывают под язык. Через некоторое время *наса* сплевывают. Человек, употребляющий *наса*, называется *насмакеш*.

¹ См., например, *Пещерева Е.М.* Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ними обычаи // По Таджикистану. Ташкент, 1927. С. 42—59; *Ершов Н.Н.* Пища // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970. Вып. 2. С. 243—244.

² Вот как описывает Б. Громбчевский приготовление кумыса у памирских киргизов: "Живут киргизы главным образом кумысом или айраном. Кумыс готовится в огромном кожаном мешке, в который сливают все молоко — овечье, козье, верблюжье, коровье и кобылье. Целыми днями женщины болтают это молоко палками, на конце которых имеется деревянный крест. Чем дольше болтают, тем вкуснее, лучше кумыс. Есть кумыс второстепенный и высшего сорта. Идеальный кумыс, для подарков или для известного гостя, готовят из чистого кобыльего молока и его болтают не менее трех дней. Он густой, как сметана, соломенного цвета и освежающего вкуса; выпитый в большом количестве вызывает легкое опьянение. В путешествии на лошадях кумыс — это неоценимый напиток, очень питательный и оживляющий. Кожаный мешок (турсук) с кумысом, привязанный к седлу, с теневой стороны, обеспечивает путь едой и питьем на несколько дней, причем чем больше он болтается там (в турсуке), тем становится вкуснее" (*Громбчевский Б.* Кашгария. Варшава, 1923—1924. С. 21—22).

³ *Фиельструп Ф.А.* Молочные продукты турков-кочевников // Казаки. Мат-лы комиссии экспедиционных исследований. Сер. казахстанская. Л., 1930. Вып. 15. С. 264; *Жуковская Н.А.* Пища кочевников Центральной Азии (К вопросу об экологических основах формирования модели питания) // СЭ. 1978. № 5. С. 70.

⁴ *Фиельструп Ф.А.* Указ. соч. С. 264; *Потанов Л.П.* Очерки народного быта тувинов. М., 1969. С. 168; *Ваништейн С.И.* Мир кочевников Центра Азии. М., 1991. С. 117.

⁵ *Потанов Л.П.* Указ. соч. С. 174; *Жуковская Н.А.* Указ. соч. С. 68; *Фиельструп Ф.А.* Указ. соч. С. 287; *Ваништейн С.И.* Указ. соч. С. 134.

⁶ Об одном из способов приготовления масла киргизами Джиргатала см.: *Кармышева Б.Х.* Поездка к киргизам Джиргатала в 1954 г. // ИООН АН ТаджССР. Душанбе, 1956. Вып. 10—11. С. 30. См. также: *Пещерева Е.М.* Указ. соч. *Андреев М.С.* Таджики долины Хуф (верховье Аму-Дарьи) // ТИИАЭ АН ТаджССР. Сталинабад, 1953. Т. VII. Вып. 2; *Ершов Н.Н.* Указ. соч. С. 243.

⁷ Об использовании овечьих или козьих желудков в качестве сосудов для хранения сливочного масла (не топленого) ферганскими полукочевниками см.: *Губаева С.С.* Население Ферганской долины в конце XIX — начале XX в. (Этнокультурные процессы). Ташкент, 1991. С. 42.

⁸ *Фиельструп Ф.А.* Указ. соч. С. 288; *Потанов Л.П.* Указ. соч. С. 173—174; *Жуковская Н.А.* Указ. соч. С. 68.

- ⁹ Махова Е.И. Пища и утварь // Быт колхозников киргизского селения Дархан и Чичкан. ТИЭ. Новая сер. 1958. Т. XXXVII. С. 191—192.
- ¹⁰ Узб. *муча*, казах. *муша*, тувинск. *мочу*, монг. *моч*, каракалп. *муше* — все это означает буквально “часть туши”.
- ¹¹ Как пишет С.М. Абрамзон, у киргизов “почетными” частями считались и *уча* (крестец, задок), и голова, и *жамбаш* (подвздошная кость), и *карчыга* (часть туши от ребер до ляжек). Степень “почетности” при распределении мяса зависела не только от района, но и от того, баранину или конину предлагают гостям (Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 146—147, 149). А вот как пишет Н.И. Ильминский об обычаях распределения мяса у казахов: “Подаваемых гостям частей мяса, которые составляют основание почетных блюд, считается 12 или 6 пар членов, симметрически расположенных направо и налево. Первая, т.е. высшая пара — *жамбас* — тазовые кости; вторая пара — *асыкты жилик* — коленные кости; третья пара — *уртан жилик* — вышеколенные кости; четвертая пара — *жаурын* — кости плеча или лопатки; пятая пара — *тукпан жилик* — надлоктевые кости; шестая пара — *кара жилик* — локтевые кости. Правая и левая сторона не делают никакого различия в достоинстве частей одного наименования. Прочие части или идут в прибавку на блюда, или имеют особое назначение. Голова целиком кладется на первое блюдо, как знак главенства; курдюк раскладывается на все блюда в постепенно уменьшающемся количестве; печень также — на все блюда поровну; десять задних ребер кладутся на первые четыре блюда: на *жамбасы* — по три, а на *асыкты* — по два; на остальные восемь блюд — длинные ребра, по два на каждое блюдо, но при большом числе гостей они кладутся по одному, а из оставшихся восьми ребер составляются дополнительные четыре блюда. Грудина отдается молодому зятю, если таковой есть налицо; в противном случае — дочери или жене; шея с задней частью — *кютин муйин* — пастуху; оконечность ног и почки отдаются ребятишкам, которые подкладывали под котел кизяк; кишки (*тук шык* и *асты шык*) женщинам, очищающим внутренности и варящим мясо; *куйчумисак*, т.е. хвостовые кости — дочерям; легкое иногда идет в дополнение низших блюд. Засучивши рукава, бауршы принимается за дело с важной миной самовластного распорядителя, которому и хозяин не имеет право указывать. Блюда устраиваются все 12 сразу. В порядке вышеупомянутых 12 жиликов. Разложивши жилики, бауршы делает из них прибавки, как выше было сказано; наконец, поливает соленым бульоном (*тоздук*). Порядок блюд строго наблюдается, что если бы подать низшее блюдо большему гостю, то это была бы для него кровная обида” (Ильминский Н.И. Древний обычай распределения кусков мяса, сохранившийся у киргизов // Изв. императорского археологического общества. СПб., 1861. Т. II. С. 169—170).
- ¹² Головнина Ю.Д. На Памирах. Записки русской путешественницы. М., 1902. С. 133; Абрамзон С.М. Указ. соч. С. 145.
- ¹³ Венюков М. Очерки Заилийского края и Причуйской страны // Зап. РГО. 1861. Кн. 4. С. 107.
- ¹⁴ Каратегинские таджики стебли кинга едят свежими с солью, очистив от кожуры, а корневища — печеными в золе (Ершов Н.Н. Указ. соч. С. 242). О способе употребления этого растения в Дарвазе пишет И. Мухитдинов следующее: «Кинг... произрастает вокруг высокогорных селений на склоне гор, отрастает в мае месяце. Корень находится на глубине 15—20 см и напоминает редьку крупных размеров. Приятный на вкус. Очистив корень от кожуры, его чисто мыли и клали в кувшин с водой, горлышко завязывали, чтобы туда не проникал воздух, в противном случае кинг начинал горчить. Затем кувшин ставили на горячие

угли в очаг, очаг закрывали шерстяным покрывалом и так держали до утра. Эту еду называли *шабдез* ("ночной кувшин"). Ели с солью и хлебом. В кишлаке Курговад из кинга описанным выше способом приготавливали смесь — "талкон", который ели с молоком, джурготом или горячей водой. Кинг считался питательным, а также использовался как лекарство при желудочно-кишечных заболеваниях» (Мухитдинов И. Съедобные дикорастущие растения Дарваза // Ботанический журнал. М.; Л., 1963. Т. XLVIII. С. 421). Возможно, каратегинские киргизы также знали подобные способы употребления кинга и других дикорастущих растений, приведенных в примечаниях 15 и 16.

15 "Чыкри (*ревоч, ревоць — ревень*) появляется в конце апреля на склонах, чаще в высокогорных областях. Имеет толстый корень. В пищу употребляются молодые стебли и черешки листьев в сыром виде, макая в раствор соли. Мелко нарезают стебель ножом, кипятят в котле, иногда добавляя муку и готовили жидкую похлебку (*атолаи ва чыкри — оши ревоць*). Во время еды добавляли пахтанье. Из реводжа также приготавливали смесь — талкон. Из сушеных листьев и веточек вместе с тутом низшего сорта, размолот на мельнице, приготавливали муку *тутпусту шапи*, затем ели с маслом. Это кушанье обладает очень приятным вкусом. В кишлаках Равноу и Ёгед реводж пекли в горячей золе, отчего исчезал кислый вкус. Затем его раскладывали на чистой траве или сучьях, сушили на солнце, толкли в ступке и, добавив гороховой муки, пекли на поду очага в золе лепешку (*кумоч, нони тагялови*). Мелкие веточки, нарезают ножом, смешивали с камчем (тоже дикое съедобное растение. — С.Г.), сушили на солнце и заготавливали на зиму. Эту смесь подмешивали в шурпу для придачи остроты, в луковую похлебку или жаркое. В кишлаке Равноу из реводжа делали *шарбат*. Нарезав мелко реводж, его сушили на солнце, затем в корзине оставляли до зимы. Нарезанный реводж клали в кувшинчик с горячей водой, крепко завязывали горлышко и оставляли на два-три дня. Этот настой давали больному для возбуждения аппетита, а также как лекарство (при желудочно-кишечных заболеваниях). Из реводжа также путем кипячения корня с водой приготавливали чай (*чаи реводж*)" (Мухитдинов И. Указ. соч. С. 421).

16 "Ров, рова — появляется на склонах гор на границе снега (*сархад*) в мае, обладает толстым корнем, достигающим 20 кг весом. Вкус корня горький, и он обладает резким, неприятным запахом. Из рова пищу приготавливали двумя способами: 1) в особенно голодные годы корень очищали от кожуры, мыли, рубили на мелкие куски и, протерев сквозь сито, отделяли мякоть. Затем толкли в каменной ступке и, добавив муку (пшеничную, ячменную, бобовую), пекли лепешки. От огня исчезали горечь и резкий запах; 2) после мытья ров рубили на части, клали на черепке в раскаленный очаг и сушили. Затем его толкли в ступке и добавляли в равной доле или немного меньше пшеничную ячменную или бобовую муку. Из этой смеси пекли лепешки (*нони роваги*). Из рова приготавливали талкон (*талкони роваги*): к размельченному в ступке рову добавляли ячмень. Бобы или мелкий горох, жарили на огне и затем мололи на мельнице. Эту смесь ели с молоком, кислым молоком (*джурготом*), с горячей водой или с маслом. Из рова в смеси с тутом приготавливали также *тутпусту роваг* (муку из туты и рова). Свежий стебель рова нарезают ножом, сушили на солнце и оставляли в мешке до послевания туты. Затем ров толкли в ступке и добавляли толченый сушеный тут худшего сорта. Эту муку оставляли до весны и ели во время весенней пахоты или прополки зерновых. Кроме того, из рова приготавливали похлебку (*атолаи роваги*). Свежий стебель рова нарезают ножом, затем эти куски кипятят в котле, добавляли в него какую-нибудь муку. Готовую похлебку разливали в большие деревянные блюда, остужали и, заправив пахтаньем, ели. Свежие стебли рова весной

употребляли в сыром виде с солью, что считалось полезным для здоровья. При употреблении нередко вздувается живот, появляется чувство недомогания, чрезмерной сытости, головокружение. Теперь, также весной, едят ров с солью и из стеблей готовят похлебку, но лишь в качестве лекарства. В другом виде его не употребляют" (Мухитдинов И. Указ. соч. С. 420).

ОДЕЖДА И УКРАШЕНИЯ

Старинная одежда киргизов изучаемой группы была типично ичкиликской и относится, по классификации Е.И. Маховой, к южному комплексу киргизской одежды¹. Много общего у нее и с одеждой мургабских киргизов².

Современная одежда каратегинских киргизов, продолжая национальные традиции, несет в себе отчетливые следы влияния форм одежды окружающего таджикского населения, одежды ферганских узбеков, с которыми, как уже говорилось, у киргизов Каратегина издавна были довольно прочные контакты, и современного городского костюма. Некоторые старинные фасоны одежды видоизменились, а некоторые и вовсе исчезли или продолжают жить в качестве культовой одежды, что, впрочем, закономерно для многих народов. Значительную самобытность продолжают сохранять лишь киргизские украшения, прошедшие длительный и сложный путь формирования.

Киргизская традиционная одежда, в свою очередь, оказала заметное влияние на одежду таджиков Джиргатальского района. В большей степени в восточной зоне района, а именно на Ляхше, где преобладает киргизское население, и в меньшей степени в собственно каратегинской зоне, где преобладают таджики. И вообще следует отметить, что в одежде жителей Джиргатальского района прослеживаются различия не столько между таджиками и киргизами, сколько между зонами, восточной и западной.

В дореволюционное время бедные слои населения носили преимущественно одежду из грубой хлопчатобумажной ткани домашнего производства. Кроме того, женщины, мужчины и дети носили рубаху и штаны из карбоса и алачи, которую ткали таджики или приносили из Ферганы. Зажиточные слои населения носили одежду из шелка и бархата, купленных в Фергане.

В настоящее время одежда каратегинских киргизов шьется преимущественно из материала фабричного производства или покупается готовое, особенно обувь. Однако продолжают бытовать и некоторые виды одежды и обуви домашнего или кустарного производства. К их числу относятся нагольные шубы, шерстяные чекмени, узорные шерстяные чулки и рукавицы, сапоги из кожи домашней выделки или из свежеснятой шкуры, деревянные калоши.

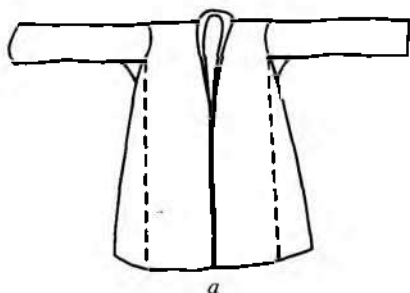
Мужская одежда. Мужчины носят обычно рубахи и штаны, сшитые женщинами на руках. В прошлом мужчины носили рубахи с горизонтальным воротом (разрез делается на перегнутом полотнище), который бывает двух видов. Пожилые люди (как мужчины, так и женщины) носили рубахи с горизонтальным воротом почти без выреза, а только разрезанный на такую длину, чтобы могла пролезть голова. Ворот обшивался кантом и имел шнурки-завязки на обоих плечах. Такой ворот назывался *тура жака* ("прямой ворот"). Считалось грехом, если грудь была открыта. Рубахи с таким воротом носили, кстати, не только старики и старухи, но и дети обоего пола, и девушки вплоть до замужества. Мужчины молодые и средних лет носили рубахи с так называемым воротником *молдо жака* (*молдо* — "мулла", "духовное лицо", *жака* — "воротник"), который представлял собой небольшой разрез впереди с правой стороны без застежки. Рубаха с таким воротом называлась *молдо койнок* (*койнок* — "рубаха").

В настоящее время оба вида горизонтального ворота продолжают бытовать, но только в рубахе пожилых мужчин и детей (женщины же, даже пожилые, и девушки теперь рубахи с горизонтальным воротом не носят). В основном же мужчины носят рубахи со стоячим воротником (*тик жака* или *буума жака*) и отложным (*кайырма жака*). Рубахи со стоячим воротником, как говорят информаторы, стали носить лишь с 20—30-х годов, не ранее. Молодежь носит преимущественно готовые рубашки, приобретенные в магазине. Бытует и мужская рубашка в виде джегды (*жегды* — длинная стариковская рубашка без воротника и с разрезом до пупа).

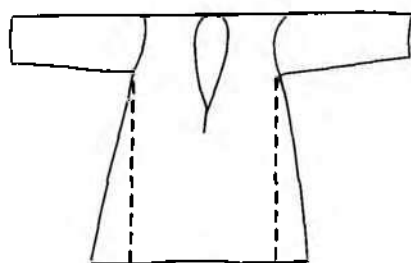
Рукава мужских рубах суживаются у кисти. Чтобы материал не осыпался, мужские рубахи шьют обычно швом *бугуш* (букв. "складка"): сначала на левой стороне рубахи делается шов, как мелкая наметка, называемый *тепчиген*, затем края этого шва загибаются и зашиваются через край.

Мужские штаны бывают двух видов: *иштан*, которые шьются из легкого хлопчатобумажного материала и носят круглый год; *шым* — верхние штаны, на которые используется грубая домотканая ткань из верблюжьей шерсти или овчина мехом внутрь. Их носят зимой, во время верховой езды, а также во время пахоты, стрижки овец и игры в козлодранье.

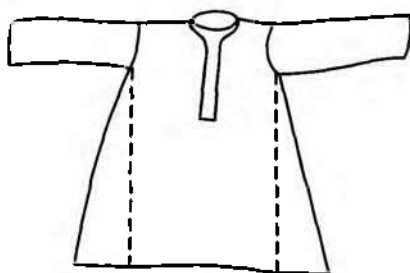
Легкие мужские штаны (*иштан*) в настоящее время шьются из гладкой хлопчатобумажной ткани — белого мадаполама (*ак сурп*), белой бязи (*боз*), бумажной диагонали (*стринка*). До революции их шили еще из ткани *калами* — хлопчатобумажный материал с пропущенными полосками красного или синего цвета. Будучи внешне похожими на кальсоны, они тем не менее не являются ими, поскольку носят без брюк, особенно летом. Эти штаны имеют более широкий

а

б

в

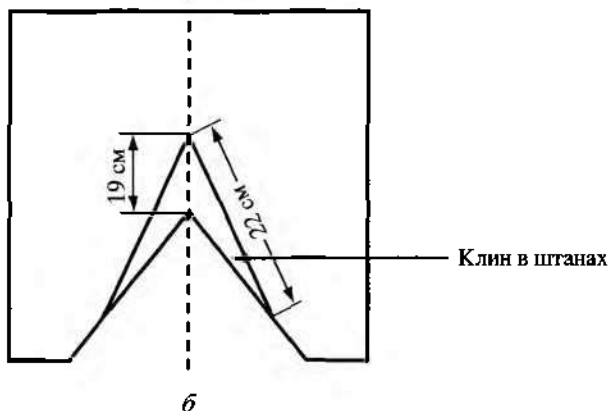
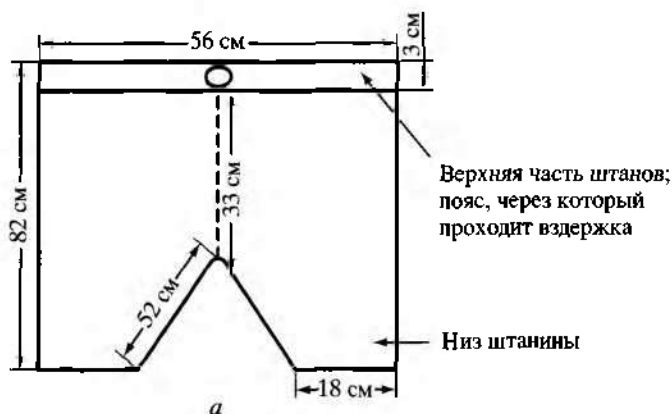
Покрой мужских рубаш

а — распахнутой рубашки *жезде*; б — рубашки с воротом *узун жака*;
в — рубашки с закрытым воротом

шаг, чем у кальсон, и очень удобны при сидении на полу и при верховой езде. Поэтому фабричные кальсоны в качестве легких мужских штанов местным населением вообще и киргизами в частности не покупаются.

При шитье для увеличения шага в эти легкие штаны вставляется ромбовидный клин. Ширина штанов у пояса равна 50—60 см, и штаны держатся на вздержке (*ычкыр*). Вздержка пропускается через широкий подгиб (*кашат*) и представляет собой обычно домотканую тесьму из черной шерсти (*тоголок*, *ортрлар*), украшенную на концах кисточками из разноцветных шелковых и шерстяных ниток. Верхние штаны (*шым*) имеют такой же покрой, что и легкие штаны.

В 50-е годы в холодное время носили преимущественно ватные штаны (*пахта шым*), покупаемые в магазинах, а в остальное время — штаны из плотной фабричной материи темного цвета. Люди среднего и молодого возраста носят брюки городского покроя, нередко галифе, покупают готовые фабричные городские костюмы из шерстяных, хлопчатобумажных тканей. Брюки галифе носят не только в паре с кителем или гимнастеркой, но и пиджаком. Такой костюм шьется преимущественно из вельвета (*чий бахмал*).

Покрой мужских штанов
а — передняя часть; б — задняя часть

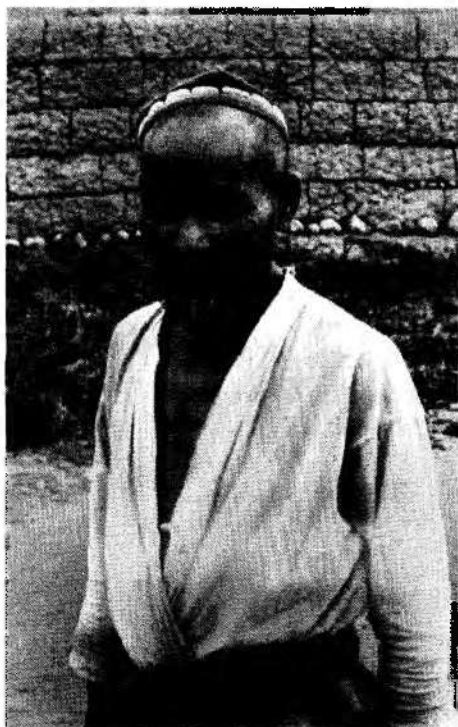
Поверх рубахи мужчины постоянно носят разнообразные виды одежды. Наиболее распространенным в настоящее время является пиджак и китель для людей среднего и молодого возраста. Люди старшего и среднего возраста носят поверх рубахи легкий халат без подкладки, который шьют из плотной хлопчатобумажной ткани белого, черного, синего цвета или же из полосатой ткани. Называется он, как и указанная выше рубаха, джегде. Носят этот халат летом и вместо рубахи, как ферганские узбеки носят свой яхтак, а также зимой под ватным халатом.

По крою халат джегде ничем не отличается от ватного халата. Воротник его доходит до пояса и представляет собой полосу шириной в 3—4 см у шеи и сходящую вниз на нет. Эта полоска прострочена, и в образовавшиеся стежки пропускается шнур из ваты — *пильта*. Такой ворот называется *пильталаган*, т.е. «сделанный с пильтой».

Ворот, борта, подол, рукава — одним словом, весь халат обшивается кантом из материи другого цвета (*гчийды*). По бокам подол имеет разрезы (*чырман*).

Молодые люди носили в прошлом белые джегде, окантованные черным или красным сатином. Спереди на конце ворота имелась пара завязок из шнурков, украшенных кисточками.

Если халат джегде еще бытует как одежда старшего поколения, то куртка (*камзор*) совершенно вышла из употребления. Она похожа на *бешмант* киргизов других районов. Это была стеганая на вате куртка, длиной немного выше колен и с узкими рукавами. Воротник куртки был стоячий, но не сходилась впереди. Застегивался *камзор* на пуговицы несколько сбоку. Такой же

Киргиз в летнем халате джегде.
Сел. Кошой. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

ряд пуговиц шел параллельно и с другой стороны *камзора*. Шились такие куртки из красного, черного или полосатого сатина.

Верхней одеждой являются ватный халат (*тон*), чекмень (*чепкен* или *чегмен*) и шуба (*пустин*). В настоящее время ватный стеганный халат носят киргизы обою пола и всех возрастов. Мужские халаты шьются преимущественно из гладкого сатина, чаще всего черного цвета. Покрой их бывает двух видов (как и у узбеков). Пожилые мужчины носят халат широкого покроя, длиной до середины икр и ниже; рукава длинные и достаточно широкие. Молодые мужчины носят преимущественно черные халаты ферганского покроя — узкие, короткие, в мелкую стежку, с сильно суживающимися к кисти рукавами. Вообще мужской костюм у большинства мужчин точно копирует костюм ферганских узбеков.

Чекмень в настоящее время ткнут из овечьей шерсти. В прошлом бедняки ткали чекмень из козьего волоса. Богачи же носили чекмень из верблюжьей шерсти. Ворот украшался вышивкой. Кошечный

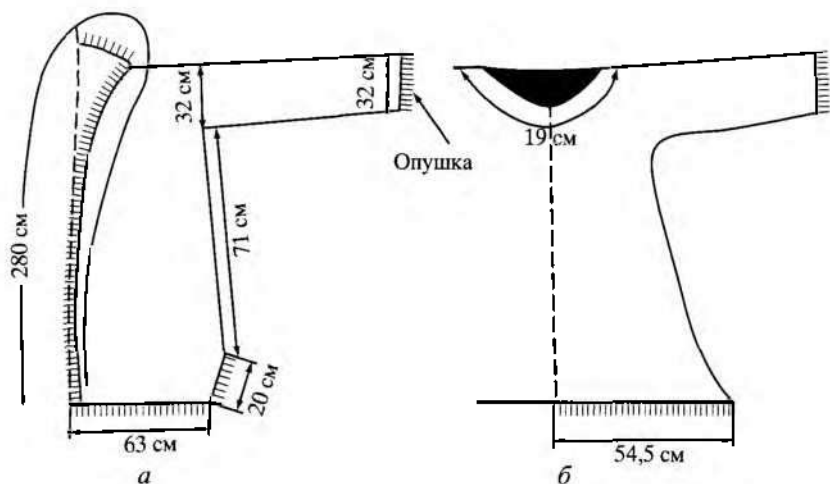
Киргиз в ватном стеганом халате. Сел. Сары-Кендже. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

чекмень (*кементай*) здесь не бытовал. В зимнее время мужчины носили овчинные шубы — пустин.

Кроить шубу умеет не каждая женщина. Например, во всем кишлаке Сары-Кендже в 1954 г. умели кроить только две старухи. Они кроили шубы односельчанам безвозмездно. Шили же их сами заказчицы. Для шитья употреблялись толстые хлопчатобумажные нитки, скрученные из трех нитей. Овчину для шубы также выделывали сами, причем предпочтительно белого цвета.

Шубу покрывают и материей. В таких случаях она называется *тиштаган* (т.е. "покрытая"). Покрывали шубы ситцем, сатином, тканью нафть и т.п., смотря по достатку. В настоящее время для этого используется черный или синий сатин. Борта, подол и концы рукавов оторачиваются двумя полосками (черной и белой) меха — шкуркой ягненка (*көрпө*).

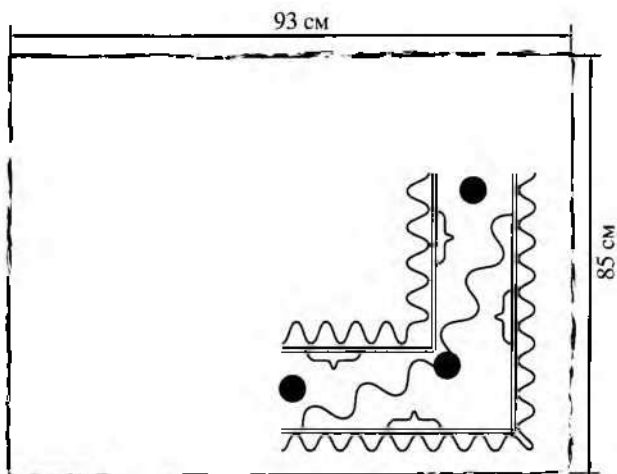
Во всякой распашной мужской одежде (как, кстати, и женской, и детской) правая пола заходит на левую.

Покрой мужской рубашки:
 а — передняя часть; б — задняя часть

Непрерывной принадлежностью мужского костюма местного покроя является поясной платок (*чарчи* или *кур*) из сатина или шелка. Платок складывается по диагонали и повязывается поверх рубашки или халата узлом впереди. Углы платка обычно вышиты. Платки эти сами не вышивают, а покупают в Фергане. Пожилые мужчины подпоясываются кушаком (*тура кур*) — куском материи длиной 1,5–2 м. Богатые люди в прошлом носили кожаный пояс (*камар*), украшенный серебром. Изготовлением этих поясов в Джиргатальском районе занимался один мастер из Куляба.

Круглый год мужчины носят тюбетейки. В Джиргатале и его окрестностях носят тюбетейки *юльдузи* (букв. “шитье цветами”), а на Ляхше — преимущественно ферганские, точнее, так называемые чувстские: на черном фоне вышит белый плод миндаля. Однако последние распространились, как говорят информаторы, примерно в 20–30-е годы. До этого носили тюбетейки без вышивки, которые шили сами из шелка или полусшелковой ткани кустарного производства (*акаркак*), отделывая край плетеной тесьмой (в старину тесьма была очень узкой) с кисточками на конце. Одно время была распространена тюбетейка *гарм дузи* (букв. “гармское шитье”). Она была из сатина или ластика, очень крупно стеганая и оплетенная тесьмой по краю. А вообще женщины были мастерицами ткать и вышивать. Вышивали много шерстяными нитками. При вышивании на темном фоне наносится предварительно узор пальцем, обмакнутым в соляной раствор. Про женщин, которые не были рукодельницами, говорили: *Колы жок, карны бар*, т.е. “Рук нет, а желудок есть”.

Мужской поясной платок. Вышит разноцветными нитками.
Привезен из Узбекистана

Иногда, как и в Фергане, вокруг тюбетейки повязывают поясной платок, сложенный по диагонали полоской шириной 8—10 см. Получается, как чалма. Кстати, как говорили в селении Кушагба, ночью мужчины, как киргизы, так и таджики, спят в тюбетейках или снимают их и повязывают голову платком, который снимают с тали. Некоторые повязывают голову платком прямо поверх тюбетейки. Это, скорее всего, мусульманская традиция, поскольку ислам предписывает правоверному быть постоянно с покрытой головой.

Вышитый угол поясного платка из красного ситца. Вышит черными шелковыми нитками гладью.
Размер платка — 90 × 98 см

Женщина за вышивкой тубетейки. Сел. Джиргаталь. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

В летнее время во время полевых работ или верховой езды мужчины, преимущественно восточной части района, носят белые войлочные шапки, называемые *калпак*. Эти шапки шьют сами киргизы или же покупают в местных магазинах. Они очень удобны, так как защищают от солнца не только голову, но и лицо. Шьются они также из гладкого светлого (в основном белого) хлопчатобумажного материала на подкладке. Внутри проложена бумага и вся шапка простегана.

В сильные морозы в настоящее время носят или шапку-ушанку, или меховую круглую шапку (*тельпек*), сшитую мехом внутрь. Тельпек оторачивают также лисьим или куньим мехом. Верх шапки четырехгранный и покрывается сатином, сукном или бархатом. Однако в прошлом тельпек носили редко, а, как и соседние таджики, повязывали голову чалмой (*салла*) поверх тубетейки, хотя чалма не была традиционным головным убором киргизов. Чалму покупали в Фергане.

Киргиз в войлочной шапке *калпак*.
Сел. Сары-Кендже. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

Мужские сапоги производства
мастера из Ляхша. Сел. Джиргаталь.
1957 г. (Фото Б.Х. Кармышевой)

Концы чалмы были синие или отделаны парчой. Один конец ее свисал на грудь, а другой затыкался в чалму надо лбом.

Кошманный колпак, столь характерный для киргизов, был издавна распространен и здесь, но в настоящее время он носится редко.

Зимой носят варежки (*пеелей*).

Мужская обувь в прошлом имела следующие разновидности. *Чорук* — сапоги кустарного производства из козьей кожи домашней выделки. Подошву к чорукам делали исключительно из воловьей кожи. В настоящее время чорuki изготавливают в основном путем обновления старых ичигов: овальный кусок кожи пришивают к подошве ичигов, выступающие части кожи загибают вверх, составляя таким образом отчасти и головку обуви.

Моку шьют из телячьей или козьей кожи. Это короткие сапоги с острым носком и подошвой на рантах. Подошву делают из воловьей или коровьей кожи. *Чорук* и *моку* носят обычно летом. Некоторые информаторы говорят, что *моку* здесь не носят. И действительно, в настоящее время мы их не видели.

Хумек — ичиги из сырой шкуры крупного рогатого скота, лошадей или горных козлов мехом наружу. Носят обычно в холодное время года. Эту обувь надевают пахари весной или осенью во время

Современная мужская одежда каратегинских киргизов.
Сел. Кара-Кендже. 1957 г. (Фото Б.Х. Кармышевой)

пахоты, так как хумек абсолютно не пропускает сырость. Кроме того, в этой обуви очень мягко и удобно, как говорят информаторы. Внутри настиляется сухая трава³.

Мужчины из состоятельных семей носили и кожаные галоши (*паттаи кавиш*⁴), но с очень небольшим каблуком. Редко, кто имел возможность купить сапоги городского производства (*отук*). Бедняки вообще носили байские обноски. В настоящее время мужчины носят преимущественно кирзовые, хромовые или парусиновые сапоги и штиблеты, а пожилые — покупные ичиги с галошами.

Сапоги и ичиги надеваются как зимой, так и летом на вязаные шерстяные чулки с узорными голенищами до колен. Поверх чулок наматываются обмотки (из шерсти барана). Раньше такие чулки были только у таджиков, а киргизы надевали под сапоги стеганные на вате или шерсти чулки или же *пайпак* — чулки из тонкого черного или белого войлока. Верхняя часть голенища таких чулок покрывалась вышивкой.

Мягкий и тонкий войлок для чулок и колпаков валяли сами из шерсти ягненка. Чулки из войлока шились, как ичиги, только подошва была не отрезная, а со швом посередине.

Наиболее распространенной мужской обувью, носимой внутри кишлака, были меховые чулки из овчины мехом внутрь — *чанаши чарык*. Поверх них надевали деревянные галоши (*жагаш калиш*) на трех ножках. Обычно в зимнее время 5—6 мастеров бывали постоянно заняты изготовлением деревянных галош. Каждый владелец подковывал все три ножки этих башмаков железным гвоздем (*тока, мык*), и башмаки страшно стучали. Во время больших сборищ, на празднествах или в мечети, они нередко путались и терялись, поскольку у входа в помещение их снимали.

Женская одежда. Одежда киргизских женщин в недавнем прошлом имела весьма существенные отличия от костюма таджичек. В наши дни отличия эти незначительны, но отличия от костюма ферганских женщин еще довольно существенны.

Комплект женской одежды состоит из рубахи, штанов, стеганого на вате халата, шубы зимой, поясных платков, головного платка, шерстяных узорных чулок, ичигов и резиновых галош.

Покрой рубахи, как и у таджичек, прямой: перед и спинка состоят из одного куска ткани, сгибаемого на плечах. Однако таджички носят короткие, но широкие платья, а киргизки — более узкие и более длинные. Рукава у киргизок также короче и уже (суживающиеся книзу). Рубаха в подпоясанном виде доходит до середины икр.

Следует, однако, подчеркнуть, что эта разница имеет место на Ляхше и прилегающих селениях, т.е. к востоку от перевала Кушагба, а в собственно каратегинской части района рубахи киргизских женщин так же широки, как и у таджичек, а широкие рукава их спускаются на целую четверть ниже кистей рук, в нарядных нижних рубахах — еще более. Причем длинные рукава платьев бывают богато вышиты. Рукава женских рубах кроются на всю ширину материи и никогда не подрубаются. На нижнем крае рукава — всегда кромка (*кыргак*).

Этим не ограничиваются различия в женской одежде между обеими частями Джиргатальского района.

Ворот рубахи замужних женщин и девушек в каратегинской части не имеет различий. Он — вертикальный, независимо от возраста. На Ляхше же молодые женщины носят рубахи с отложным (*кайырма жака*), как в Фергане, или невысоким стоячим воротником, застегивающимся на пуговицы (*буума жака*), и разрезом на груди. Женщины среднего и пожилого возраста носят рубахи с вертикальным разрезом без воротника (*катын жака*, т.е. “женский воротник”).

В прошлом пожилые женщины, как отмечалось выше, как на Ляхше, так и в Каратегине, носили рубахи с круглым вырезом, близким к горизонтальному с подружкой из другого материала, но без пуговиц и завязок. Такой ворот не отделялся и тесьмой. Теперь этот вид ворота совершенно исчез. Существовали еще рубахи с разрезом впереди с правой стороны (*молдо жака*).

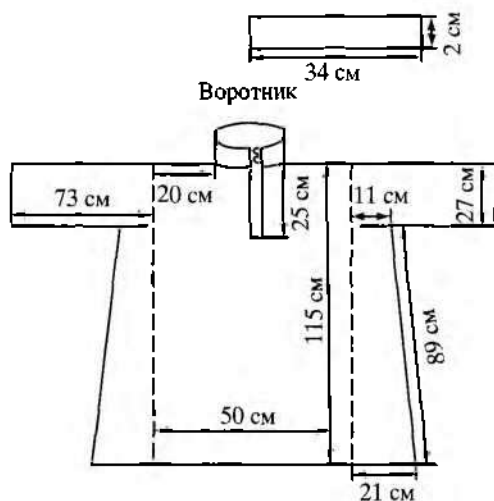
Женщины-активистки носят платья ферганского покроя (на кокетке и с отложным воротником) и жилетку без рукавов.

Для обычной рубашки без отделки ворота клинья последнего просто загибаются внутрь и пришиваются к платью, а сзади пришивается лоскуток другой материи в виде полоски шириной 2—3 см. При отделке ворота тесьмой, он подшивается широкой полосой другой материи. Ворот рубахи не имеет завязок, а застегивается большой серебряной брошью-фибулой (*төөнөч*; в Джиргатале ее называют *төнөвүч*, а на Ляхше — *төнөч*), часто величиной с блюдце или маленькой серебряной брошкой, а теперь и просто фабричной булавкой.

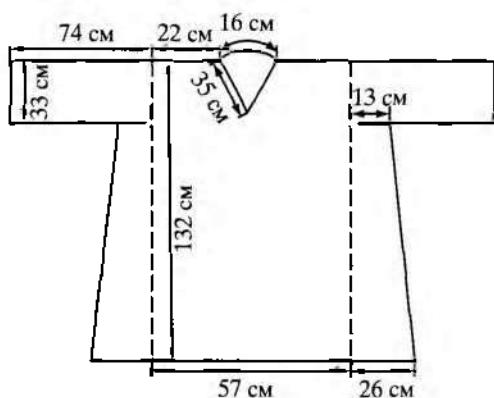
Подол рубахи подрубаются у взрослых женщин. Пришитый для подрубки рубахи кусок материала на оборотной стороне называется *адип*. Подол платья подшивается обычно и в Джиргатале, и на Ляхше на 1—1,5 см, иногда и шире, украшается узорами, простроченными на машине. Девушкам платья шьют нередко на вырост, длинными, а потом для укорочения делаются на подоле горизонтальные складки. Иногда женщины делают с двух сторон от плеча книзу впереди небольшие складочки, которые в Джиргатале и его окрестностях называются *терген*, а в селении Сары-Кендже, например, на Ляхше, *кайган*.

Женская рубаха имеет небольшое количество швов. У рукава имеется один продольный шов (*женның тыгыши*). Шов основной части рубахи, к которому пришивается клин, называется *бойдың тыгыши*. Рубаха шьется пунктирным швом, напоминающим наметку. Стежки обычно делаются мелкие, примерно в 2 мм. Шов такого типа называется *тепчиген*.

Женщины, девушки и девочки носят одновременно два платья (только в самое жаркое время — одно платье): если нижнее со стоячим воротником, то верхнее бывает просто с разрезом треугольником. Иногда оба платья без воротника. В таких случаях нижнее платье бывает светлое, а верхнее — красное с белыми и желтыми разводами, сатиновое, шелковое или атласное. Когда идут в гости или на свадьбу, женщины надевают несколько платьев, обычно столько, сколько у них есть (от 3-х до 6-ти). Платья шелковые сверху, сатиновые (*лас*) и из мадаполама (*суруп*) снизу. Так, например, наша хозяйка Усмуной (уроженка кишлака Птеу-куль в окрестностях Джиргатала), в доме

Покрой женской рубашки со стоячим воротом

Покрой женской рубашки с У-образным воротом

которой велась запись, во время свадьбы надевала на себя одновременно 4 платья. Под низ она надела платье из красного сатина, не вышитое. Затем она надела платье из желтого сатина с длинными вышитыми гладью рукавами, а также вышитыми крючком передом и областью вокруг ворота. Третье платье было из красного сатина; перед платья был украшен тесьмой с нанизанными на нее небольшими круглыми металлическими бляшками — *ситара*. С правого бока впереди платья было пришито металлическое колечко, к которому прикреплены на разноцветных шелковых нитках когти барса. С левой стороны

также пришито металлическое кольцо, на котором привязан талисман (*тумор*). И наконец, четвертое платье было из пестрого шелка с короткими рукавами, чтобы были из-под них видны вышитые рукава второго по счету снизу платья. Шелковое верхнее платье было украшено спереди вышивкой, называемой *журмэме* (таджикский термин — *ироки*). Длина вышитых рукавов желтой сатиновой рубахи (платья) — 75 см, тогда как длина рукавов самой верхней шелковой рубахи — 38 см.

Следует отметить, что вышивка на рукавах и переде платья заимствована киргизами у таджиков. Причем, по словам информаторов, вышивка на рукавах появилась у киргизов лишь лет 20—25 тому назад (напомним читателю, что запись была сделана в 50-е годы XX в. — С.Г.) и называется так же, как и у таджиков, *гылдузи*.

А вышитый рукав называется *гылдузи жең*. Вышивка крючком тоже заимствована у таджиков вместе с названием *бесузан*. Кстати, рубахи-платья с вышитыми рукавами, как уже говорилось, являются отличительной особенностью джиргатальской группы кишлаков. На Ляхше, в частности в селении Кара-Кендже, такие платья не носят за редким исключением (в тех случаях, когда женщина прибыла сюда из западной части района).

Нарядные платья девушек и молодых (иногда и средних лет) женщин в каратегинской части отделяются широкой тесьмой джияк (*койнок жеэк*), вышитой крестом разноцветными шелковыми нитками. Ширина тесьмы до 8 см. Тесьма начинается от плеча, соединяется под грудью на животе и далее сдвоенная опускается до середины подола. Кстати, джияк плетется из шелковых или хлопчатобумажных ниток на пальцах. Берется шесть концов ниток. Три конца цепляются за пальцы одной руки, три — за пальцы другой и плетутся, как тесьма.

Женщина с большой брошью-фибулой.
Сел. Кошой. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

Молодуха в нарядном платье. Видны рукава нижнего платья. Сел. Кошой. 1957 г. (Фото Б.Х. Кармышевой)

В настоящее время женские рубахи шьют из пестрого ситца, сатина, шелка, покупаемых в местных магазинах. До революции же они шились из кустарных хлопчатобумажных тканей: боз, алача. На женскую рубаху-платье уходит 5 м ситца, сатина или 6 м шелка. При шитье женских рубах ластовицы вшивать не обязательно.

Женские штаны шьются из ситца, тика и сатина. В прошлом их шили из алачи, карбоса и тика, т.е. тоже из дешевых тканей. Шить штаны из дорогих тканей (шелк, атлас, бекасам, бархат) киргизы считают неприличным излишеством и осуждают таджичек за то, что они шьют их из дорогих тканей. Киргизки также не носят штаны красного цвета. Предпочитают цвета голубые и синие с красными узорами и крапинками. На женские штаны уходит 2,5–3 м материи.

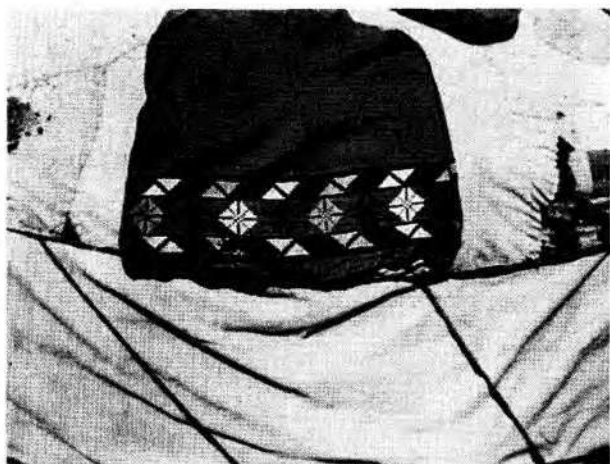
Штаны киргизок короче таджикских и шире у щиколоток. Сейчас киргизки шьют их такой длины, чтобы они прикрывали щиколот-

Молодая женщина в нарядном вышитом платье. Сел. Джиргаталя. 1957 г.
(Фото В.И. Юрлова)

ки, хотя раньше длина была до щиколоток. Штаны же таджичек бывают длиннее, в частности, они должны прикрывать подъем ног и пятки. Далее. Если таджички конец штанин отделяют тесьмой (*зийак*), оба конца которой оторачиваются кисточкой из разноцветных ниток, то киргизки просто подрубают штанины самой материей или подшивают другой (*адип*). Объясняется это тем, что киргизки никогда не носят на ногах галоши на босу ногу, в то время как таджички в летнее время постоянно ходят именно так и только зимой надевают мягкие ичиги. Однако таджички, живущие в высокогорных кишлаках, а потому в более холодном климате, например, в Кушагба, в настоящее время тоже носят ичиги с чулками круглый год и потому не украшают штаны джияком.

Иногда киргизки Джиргаталя делают штаны из двух разных материй, как это принято у таджичек: верхняя часть — из ткани попроще, штанины — из более приличной ткани.

Вышитый конец кушака. Сел. Джиргаталь. 1957 г. (Фото В.И. Юрлова)

Весьма своеобразной чертой женского костюма каратегинских киргизов является подпоясывание поверх рубахи одним или двумя большими платками или кушаком (*тура-кур*) и платком (*жоулук*), что не характерно для таджичек. У здешних киргизов начинают подпоясываться девочки лет с 7—8. Подпоясывание платком пожилыми киргизками отмечено А.Ю. Шibaевой и на Памире⁵.

Женские пояса бывают трех видов: *тура-кур*, *чарчи-кур* и *катта-кур*. Тура-кур представляет собой кушак длиной до 4—5 м (обмеренный нами — 3,67 м) и шириной в одно полотнище (обмеренный нами — 78 см). Обычно делается из красного ситца или кумача и оба конца его покрываются вышивкой. Если же не успевают вышить оба конца, то покрывают ею (вышивкой) только верхний конец. Тура-кур носят только молодые женщины. Став матерью двух и более детей, перестают носить тура-кур.

Чарчи-кур представляет собой квадратный кусок материи обычно в полтора или два полотнища черного, синего или желтого цвета, а в настоящее время любого цвета и фактуры, часто покупной. В Кошое и Джиргатале особенно модны теперь платки желтого цвета. Обычно покупают беленую бязь и сами окрашивают в желтый цвет, по-видимому, акрихином. Чарчи-кур украшается вышивкой — два противоположных угла. И носят его все, начиная от девочек и кончая женщинами немолодыми — вплоть до 50 лет.

Пожилые женщины носят катта-кур, который представляет собой платок неяркой окраски, продаваемый в магазине, нередко клетчатый, с бахромой. Куром служат и большие кашемировые шали с ба-

Пожилая женщина в нарядном платье, подпоясанная платком.
Видны рукава нижнего платья. Сел. Кошой. 1957 г. (Фото Б.Х. Кармышевой)

хромой и цветами на черном и зеленом фоне. Такие шали называются *жонаи жоулук*. Девушки таким платком не подпоясываются.

Поясной платок молодых женщин, девушек и девочек в селении Кошой, например, преимущественно, как уже говорилось, из желтого сатина и почти у всех вышит одинаковый узор. У пожилых он (платок) не бывает вышит. Платок складывается пополам по диагонали и при повязывании угол платка должен приходиться на поясницу. Если платок небольшой (*чарчи-кур*), то им опоясываются дважды, концы завязывают узлом на спине ниже талии. Если платок большой (*катта-кур*), то опоясываются им еще раз и завязывают узел впереди на животе. При подпоясывании же кушаком им несколько раз обхватывают ниже талии.

Следует отметить, что *тура-кур* бытует только в каратегинской части региона, а на Ляхше его нет. Кроме того, на Ляхше носят только один платок и называют его не *кур*, а просто *жоулук* или *кешта-*

ли жоулук. Жительницы Ляхша обвязываются платком вокруг талии два раза и завязывают его сзади узлом.

При подпоясывании несколькими платками самый верхний бывает сплошь и богато вышит. Поясные платки вышиваются исключительно геометрическим орнаментом двухсторонней гладью.

В джиргатальской группе кишлаков художавые и тонкие женщины сначала подпоясываются тура-курором, а поверх него — еще несколькими платками, а полные женщины — одним тура-курором и одним платком.

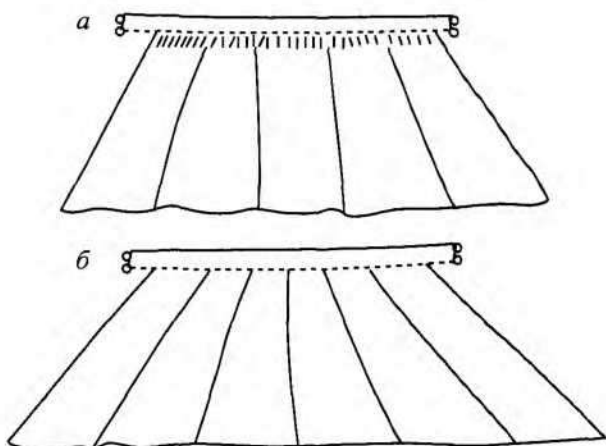
Киргизки считают, что подпоясывание делает человека более собранным, подтянутым, живот при этом втягивается, что ограничивает аппетит, а значит, это полезно для здоровья. Неподпоясывание же приводит к тому, что под рубахой “гуляет ветер”, а это расслабляет человека, обвисает при этом живот, и вообще человек становится нечистоплотным, и даже у него заводятся вши. Надо сказать, что киргизки этих мест достаточно чистоплотны, чего далеко не всюду можно сказать о таджичках. Те таджички, которые издавна живут среди киргизов Ляхша, также подпоясываются платками.

В прошлом замужние женщины-киргизки после того, как они становились матерями 2—3-х детей, носили набедренную одежду *бельдемчи* (распашную юбку типа плахты), характерную в среднеазиатском регионе только для киргизов⁶. Надевали *бельдемчи* поверх платьев и даже халатов. Здешние *бельдемчи* типично южного типа. Они были немного короче платьев (длина три четверти — *кари*) и доходили в ширину до середины бедер, т.е. весь перед от середины бедер оставался открытым. Шили эти распашные юбки стегаными на вате, молодые женщины — из тканей акаркак и потшой, а пожилые — из *бекасама* или черного материала, называемого *нафть*. Бывали изредка бархатные *бельдемчи*. Делали их и из шкуры. Молодые женщины украшали пояс *бельдемчи* вышивкой, что было характерно только для *ичкиликов*, а также *окаймаля* вышивкой подол его.

Раньше поверх *бельдемчи* подпоясывались еще и вышитым платком. Женщины из богатых семей подпоясывались поверх *бельдемчи* кожаным ремнем с серебряной бляхой (*көмүш кайиш кур*).

Как уже говорилось, сейчас этот вид одежды почти не носят. Обмеренный нами *бельдемчи* принадлежит старухе. Шит он из полос разных тканей. Окантован желтой плетеной тесьмой. Пояс покрыт вышивкой и застегивается спереди на 2 или 3 пуговицы. Кстати, *бельдемчи* сшивают как из прямоугольных, так и клинообразных кусков.

Среди различий в одежде восточной и западной частей Джиргатальского района следует отметить ношение женщинами и девушками

Покрой распашной юбки — *бельдемчи*:

а — из прямых полос со сборками на талии; *б* — из раскошенных клиньев

Ляхшской части жилета (*камзор*). В Джиргатальской части жилет не носят, но стали шить младенцам и девочкам 2—3-х лет.

Ношение жилета распространилось здесь (на Ляхше) за последние годы. У других групп киргизов, в частности, соседних памирских — значительно раньше?. Думается, что эту часть одежды стали носить под влиянием Ферганы.

Жилет носят девочки, девушки, женщины до 40 лет, пожилые же женщины его не носят. Он имеет длину до пояса и застегивается спереди на пуговицы (*толчи*), преимущественно белые перламутровые (*седел*). У девочек и девушек вся передняя часть жилета украшается белыми пуговицами и серебряными бляхами и монетами, расположенными в виде розеток. У одной девочки лет 14-ти мы насчитали на камзоле 98 пуговиц. Камзолы женщин шьют из плотных тканей, у молодых женщин — из красного и бордового бархата, на подкладке.

Верхней одеждой служит халат (*чапан* или *тон*), стеганный на вате. Носят его по вечерам, днем в горах и в холодное время. Шьется он из сатина, жатого бархата (*гжим бахмал*) или бекасама. Чапан бывает двух видов: 1) прямой, обычный, сходный с мужским и простеганный насквозь (*каума тон*) и 2) с отложным воротником, хлястиком сзади, вшитым рукавом и не простеганным верхом. Второй вид называется *ногаи* (татарский) или *озбокча каптама тон* (т.е. “узбекский крытый халат”). Кстати, киргизки, в отличие от таджичек, при выходе на улицу не накидывают халат на голову, а надевают его в рукава.

Девушка в нарядном платье и жилете. Сел. Кара-Кендже. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

Пожилые женщины носят ватные халаты из темного, преимущественно черного сатина, ничем по покрою не отличающиеся от мужских, даже с разрезами по бокам (в Средней Азии пожилые женщины, переставшие рожать и имеющие взрослых детей, приравниваются к мужчинам) и обшитые узкой плетеной тесьмой. Вообще мужской халат от женского отличается только шириной (высотой) воротника; у мужчин он пошире (*эмлирак*).

Ватный халат как женский, так и мужской подшивается полоской материи, выкроенной по косой, светлой, обычно полосатой расцветки. Полоска эта пришивается к верху чапана, потом на ее ширину выстилается вата и простегивается кругом. Только после этого кладется вата по всей поверхности халата, затем подкладка и все это простегивается. Девушки изредка носят пальто.

В прошлом женщины из состоятельных семей в холодное время года носили шубы на козьем, лисьем или куньем меху, а верх де-

Пожилая женщина в ватном халате чапан. Сел. Кошой. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

лался из полушелковой материи кустарного производства: акаркака, атласа, бархата, нефти. Невесте к свадьбе шили шубу на лисьем меху. Покрывали ее акаркаком или нефтью. Шуба кругом отделялась шкуркой горностая (арс). Такая шуба называлась толкочик.

Край шубы оторачивали полоской шкурки ягненка (көрпө) черного цвета (мужская шуба, как уже говорилось, оторачивается двумя полосками — черной и белой).

Головным убором девочек, девушек и женщин в настоящее время является платок — жоулук. Платок, сложенный по диагонали, повязывается разнообразно: просто набрасывается на голову; боковые концы сходятся и связываются поверх платка на лбу или сзади под или над платком или один его конец обертывают вокруг лица, конец просто накладывается на темя поверх надетого платка. В холодное время концы платка, обернув вокруг шеи, завязывают сзади. Если накрываются шелковым платком, то для того, чтобы он лучше держал-

ся на голове, сначала повязываются небольшим платком из марли или ситца. Женщины нередко и под марлевым платком повязывают белый маленький платок с узлом сзади.

Платки бывают разнообразными, и предназначение их зависит от возраста и семейного положения. Однако последнее обстоятельство все чаще теряет силу.

Замужние женщины, независимо от возраста, носят повседневно белый платок из марли (*дака жоулук*) размером примерно в $1,5 \times 1,5$ м — летом, из мадапалама (*сурп жоулук*) — зимой. Во время похорон в знак траура надевали синие или черные платки. Молодые и средних лет женщины, когда идут в гости, летом обязательно покрываются шелковым с бахромой платком (*жбек жоулук*), предпочтительно желтого цвета, или трикотажным шелковым платком с длинной бахромой (*гжим жоулук*). Молодые женщины шелковый платок носят и дома.

В зимнее время нарядным является большой кашемировый платок с бахромой и крупными цветами по периметру (*жонаи жоулук*). Цвет платков самый разнообразный: белый, черный, красный, бордовый и т.д. Молодухи носят белый платок из мадаполама, один угол которого, приходящийся на спину, вышит двусторонней гладью и обшит бахромой из небольших кисточек из шелковых ниток. Кисточки завершают сетку из шелковых же ниток. Называется этот платок *дуря жоулук* (от тадж. *ду руря* — “двухсторонний”)⁸, а бахрома называется *жоулук уч*, т.е. “конец платка”. Это украшение (бахрома) переходило от матери к дочери, распарывалось от одного изношенного платка и пришивалось к другому.

Пожилые женщины поверх накинутаго платка наматывают в виде чалмы другой платок и завязывают его сзади. Нередко второй платок сначала складывается в полоску или скручивается в жгут. Полоску или жгут наматывают вокруг головы, а концы завязывают узлом сзади. Этот второй платок называется *баш-буума*.

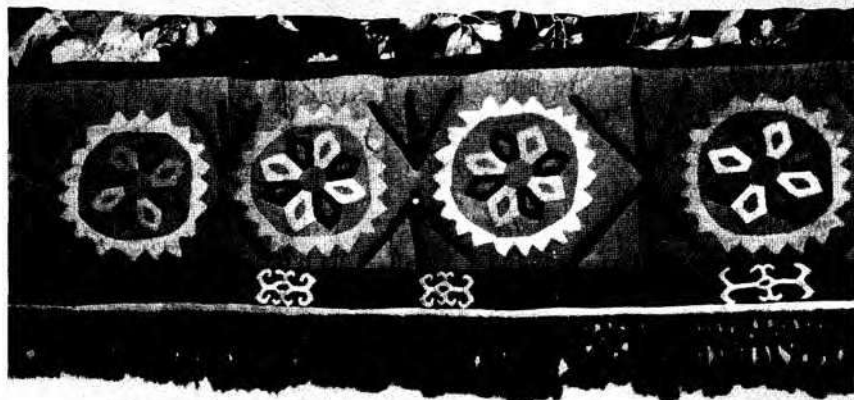
Зимой старухи под платком носят шапочку (*тельпек*) из овчины мехом внутрь. Она имеет конусообразную форму и сшита из четырех клиньев (треугольников).

Девушки носят и повседневно шелковый платок с бахромой красного или бордового цвета. Девочки носят *гарди жоулук* — небольшие ситцевые платки с белыми узорами по красному полю. Они без бахромы и широко распространены в Средней Азии, особенно на юго-востоке. При выдаче девушки замуж родители ей справляют 1—2 платка, обычно *жонаи-жоулук*. Жених тоже покупает невесте 2—3 платка. Эти платки покупают в Фергане на базаре, так как в магазине они бывают в недостаточном количестве и попадают только в руки спекулянтов.

Эшик — дверь юрты, сделанная из войлока и украшенная вышивкой красной и черной шерстью

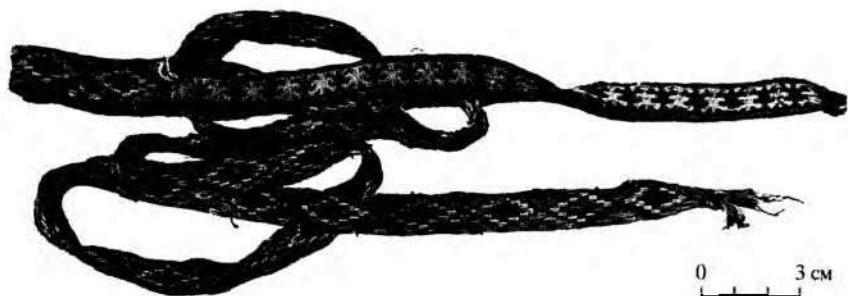

0 3 см

0 3 см

Турдук баш — вышивка для украшения верха юрты

Желбов — тканая полоса для юрты

Ашкана баш — наверхие кухонной перегородки

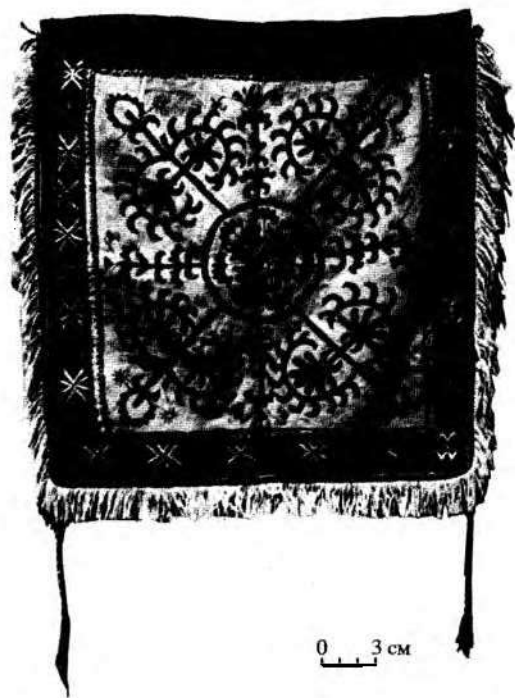
Палас из полос, вытканых техникой *гажари*. Обшивка края — в виде пестрых плетеных полос *джеек*

Чачик — полотенце из красной
гладкой материи с вышитыми
концами

Чавадон — ковровый наличник
для подушки или мешок
для одежды

Куш-жавык — сумки-полки для хранения головного убора, подвязываемые к кереге в юрте. Слева — сумка-полка с узором из лоскутков (*курок*). Справа — сумка-полка вышитая

Баһтык — мешочек для мелочей
с узором из доскутков, в форме
конверта

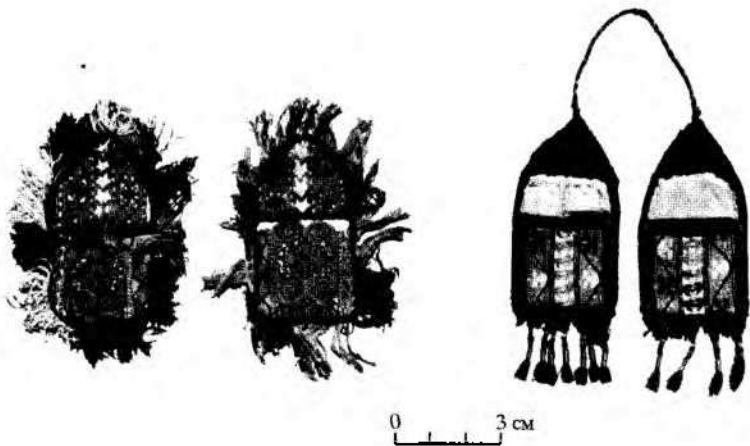

Баһтык — квадратная сумка
из кожи с аппликацией

Жул кайчи кап — ковровый
футляр для ножниц

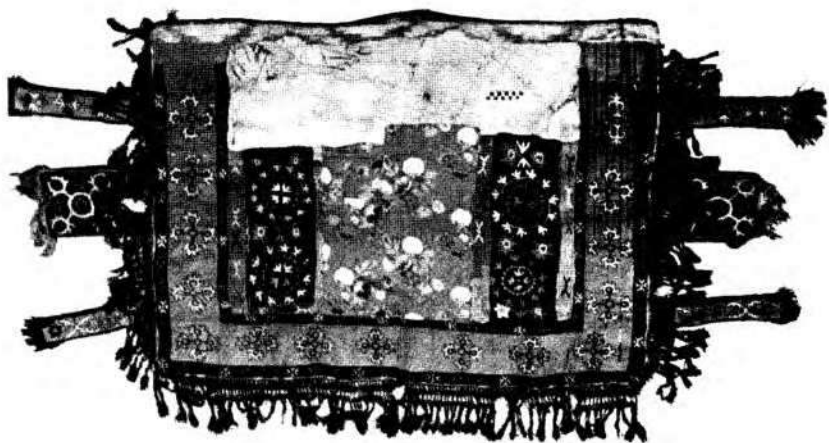

0 3 см

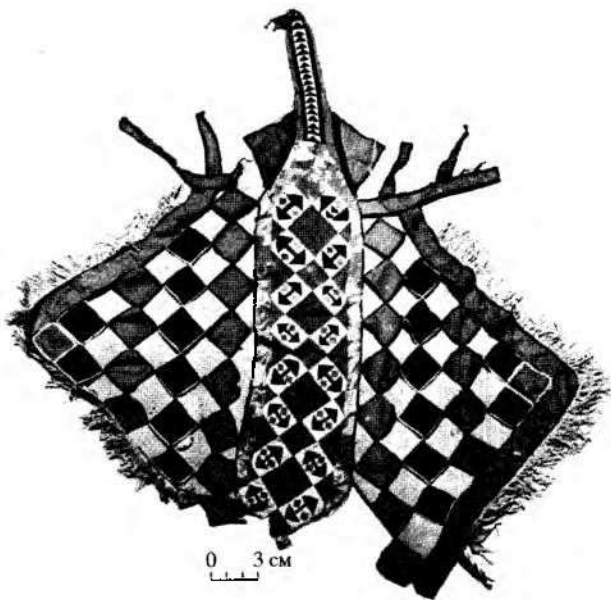
0 3 см

Казан туткуч — прихватки для котла, сшитые из старого кепчача (слева),
и вышитые, соединенные тесемкой (справа)

0 3 см

Терлик-тукум — попона из цветастого ситца, обшитая бахромой.
Подкладка из войлока

0 3 см

Атажаль — попона лоскутная, которую набрасывают на голову и шею лошади при переезде молодой из дома отца в дом мужа

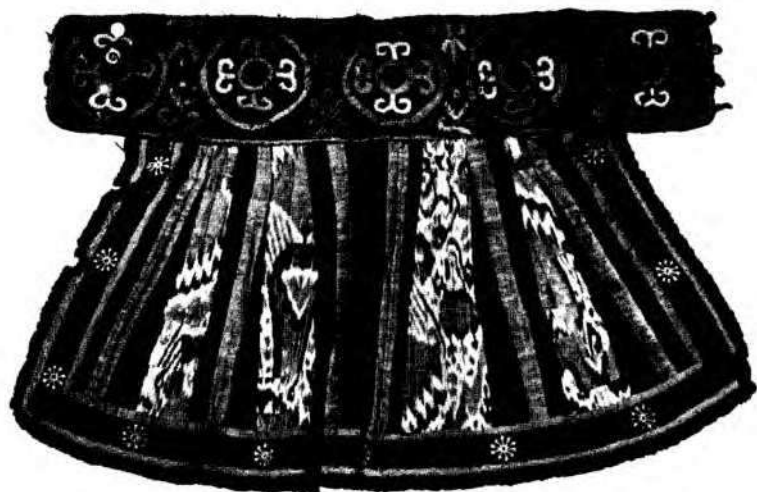
0 3 см

Халатик детский, называемый *талао чапан* (нищенский).
Шьется для предохранения от глаза и болезней. К плечу пришта пряжка
для платочка. Вид спереди

0 3 см

Халатик детский. К пряжке привязан платочек. Вид сзади

0 3 см

Бельдемчи — женская набедренная одежда

0 3 см

Тесьма — джияк для отделки вертикального
вороты платья

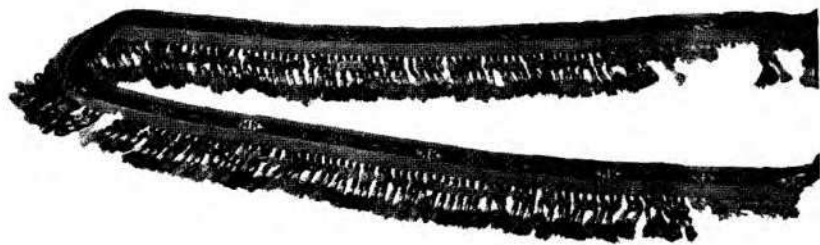

Концы рукавов (женского платья) вышитые, в сложенном и развернутом виде

0 3 см

Дуруя жаулык — платок, вышитый двусторонней гладью

0 3 см

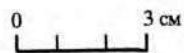
Турчачи — бахрома из шелковых ниток для головного платка *дуруя*

Кепчач — часть женского голов-
ного убора, украшенная вышивкой

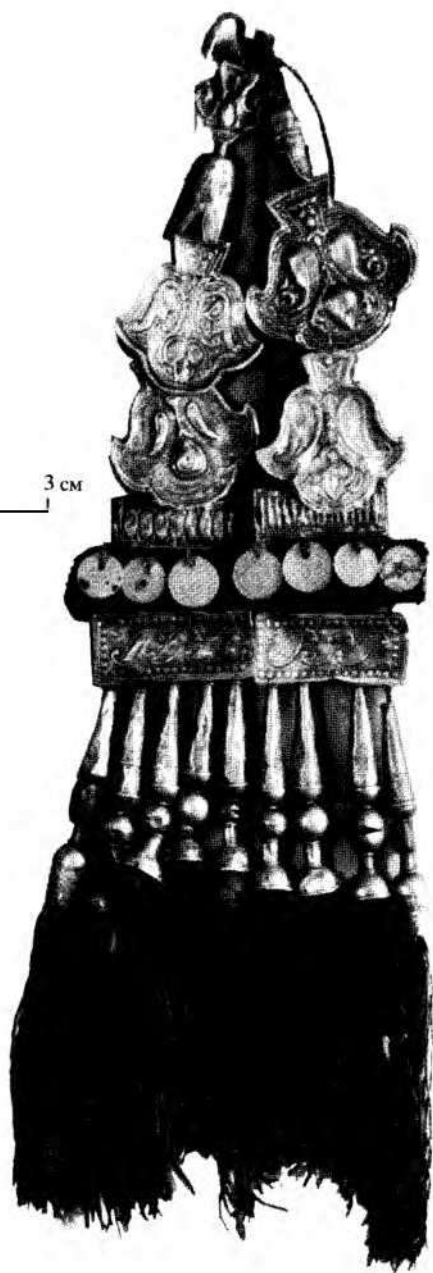
Кепчач, украшенный пуговицами,
вышивкой и кистями

0 3 см

Гульдузи такыя — тюбетейки вышитые

0 3 см

Аркалык — накосное украшение

0 3 см

Тамак мунчак — ожерелье на шею из кораллов (*шур*)

0 3 см

Ит тамак — повязка на горло из бисера

Брошь (төөнөч) серебряная, работы джиргатальского мастера.
Серьги типа сөмсөкө в виде расширяющихся книзу
висюль четырехгранной формы

Молодуха в платке *дурия жоулук*. Сел. Джиргаталь. 1957 г.
(Фото В.И. Юрлова)

Как известно, у киргизов девичьим головным убором является круглая шапка, отороченная мехом⁸. У каратегинских же киргизов девичья шапка не бытовала. Девушки носили девичьи тюбетейки (*мончак такыя*).

Еще недавно у киргизов Джиргатальского района существовал старинный головной убор замужних женщин — тюрбан (*калак*; термин *элекек* здесь не бытовал), который был довольно сложным и состоял из нескольких частей: шапочки *чач-кеп* (головной убор в виде чепца с хвостом; верх шапочки не зашивался, а туго завязывался, образуя своеобразный хохолок), коралловых подвесок, собственно тюрбана и цветного или вышитого платка (*дурия*). Чач-кеп и калак надевали на новобрачную при переезде в дом мужа, и с тех пор женщина носила чач-кеп постоянно. Пока была молода, она носила чач-кеп со всевозможными серебряными украшениями, перламутровыми пуговицами и коралловыми подвесками. При выдаче замуж первой доче-

Женщина в головном уборе чач-кеп. Вид сбоку. Сел. Кошой. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

ри она отдавала украшения ей, а сама продолжала носить чач-кеп без украшений.

Чач-кеп состоит из следующих частей: *мандай* (букв. “лоб”) — передняя часть; *жааг* (букв. “бок”) — закрывающая ухо и часть щеки; *куйрыг* (букв. “хвост”) — задняя часть, широкой лентой спускающаяся до пояса. Боковые части и “хвост” обильно покрываются чудесной тонкой вышивкой преимущественно бордовым шелком. Гладь называется *басма*. Узор в виде меандра называется *ысбылы*, а в виде пунктира — *су*. Шов, которым вышивают “наушники” чач-кепа — односторонний тамбур (*ильме*).

Даже в прошлом вышивать чач-кеп умели немногие. Обычно заказывали его умеющей вышивать женщине или покупали у нее готовый. Стоимость оплачивалась скотом. Чач-кеп украшали нитями кораллов (*шуру* или *чын-шуру*) — *сагак*. Чтобы вешать сагак, к углам чач-кепа пришивали две бляхи (*шамалвак*). Сагак покупали за одну корову.

Женщина в головном уборе чач-кеп. Вид сзади. Сел. Кошой. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

Далеко не каждой девушке шили или покупали чач-кеп. Обычно он переходил от матери к дочери. В настоящее время тем более не шьют новый. Чаще или покупают старый, или выпрашивают на время у имеющих его. Информатор А. Юлдашев смеялся над женщинами, продавшими свои чач-кепы в музей: "Я посмотрю, что вы будете делать, когда будете выдавать своих дочерей замуж". Богатые женщины чач-кеп украшали сеткой из жемчуга.

Чач-кеп носили обычно с тюрбаном. Без тюрбана его носили только старухи. И сейчас я видела на джайлау одну старуху только в чач-кепе и даже без платка.

Чалма, наматываемая на чач-кеп, была из тонкой белой ткани или марли. Длина куска достигала иногда 20—30 м. Старухи наматывали чалму из значительно менее длинного куска марли (вполовину), чем молодые женщины. Получался огромный, высокий, выступающий вперед тюрбан. В Джиргатальском районе калак того же типа, что и

Киргизская невеста. На голове — чач-кеп с длинными нитями кораллов (*сагак*) и тюрбан (*калак*), накрытый вышитым платком (*дуруя*).
Памир. Урочище Тагаркаки 1950 г. (Фото В.И. Кузьмина. Из фототеки Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР)

на Памире. Памирский тип подробно описан Ю.А. Шибяевой, а ичкиликский тип вообще описан Е.И. Маховой⁹.

Тюрбан опоясывался полоской белой ткани, вышитой шелковыми нитками — сарвант. Поверх вышитой полоски опоясывался двумя парами красной шелковой тесьмы без узора (*кыргак*) шириной в палец и длиной в 2 м. Эти две пары тесьмы шли попарно параллельно и перекрещивались впереди, образуя ромб, который назывался *көз* (глаз). Поверх чалмы надевали цветной платок и завязывали его на голове.

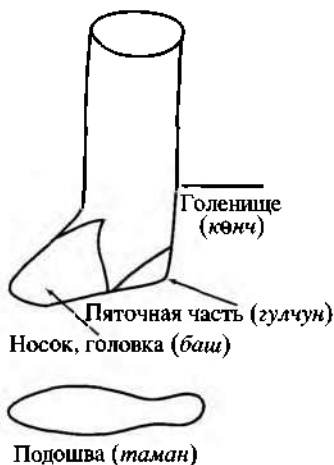
Цветные платки женщины повязывали поверх чалмы до тех пор, пока не становились многодетными. Женщина, имеющая 5—6 детей вместо цветного платка повязывала белый вышитый. Старухи покрывали чалму белым платком. Дома чалму снимали. Лицо при выходе на улицу ничем не закрывали.

Наматывание тюрбана. Видны вышитая полоска белой ткани (*сарвант*) и две пары тесьмы (*кыргак*). Сел. Кошой. 1957 г. (Фото Б.Х. Кармышевой)

В настоящее время новобрачная носит калак в течение только одного года и лишь при следующих обстоятельствах: при переезде, как уже говорилось, в дом мужа, на различные празднества, во время перекочевок на джайлау. Моей осведомительнице 33 года, и она не помнит, чтобы все время кто-нибудь носил калак. Но в прошлом калак носили постоянно и даже старухи.

Основным видом женской обуви в сельских местностях Узбекистана и Таджикистана являются галоши так называемого азиатского типа (с острым носом), надеваемые на босу ногу. Но каратегинские киргизы никогда не носят только галоши, тем более на босу ногу. Зимой и летом киргизки носят мягкие ичиги (*масти*), надевая их на шерстяные чулки (*жураб*), а поверх ичигов надевают галоши с острым носом (*калиши*). В прошлом носили кожаные галоши (*кавич*, *кауши*). Кауши были различные: лакированные (*амиркани*), хромо-вые (*хром*). Фасоны их также были различные: кауши на каблучке

Мягкие сапожки (ичиги)

лакированную обувь. В прошлом девушки из зажиточных семей носили лакированные сапоги на высоких каблуках (*амркон өтүк*), с кисточками на подъеме и на боках (*паттаи өтүк, көк өтүк*). Некоторые киргизки, особенно активистки, носят сапоги, наподобие мужских.

Местные сапожники шили обувь из козьей или воловьей кожи.

Узорные шерстяные чулки заимствовали у таджиков. Собственно киргизскими являются войлочные чулки. Узорные чулки вверху сзади имеют длинные разноцветные кисточки, которые свешиваются поверх ичигов, доходя почти до щиколоток. Сами же чулки, как и ичиги, доходят до колен. Штаны заправляются в чулки. Старухи всегда заняты прядением шерстяных ниток и надвязыванием чулок.

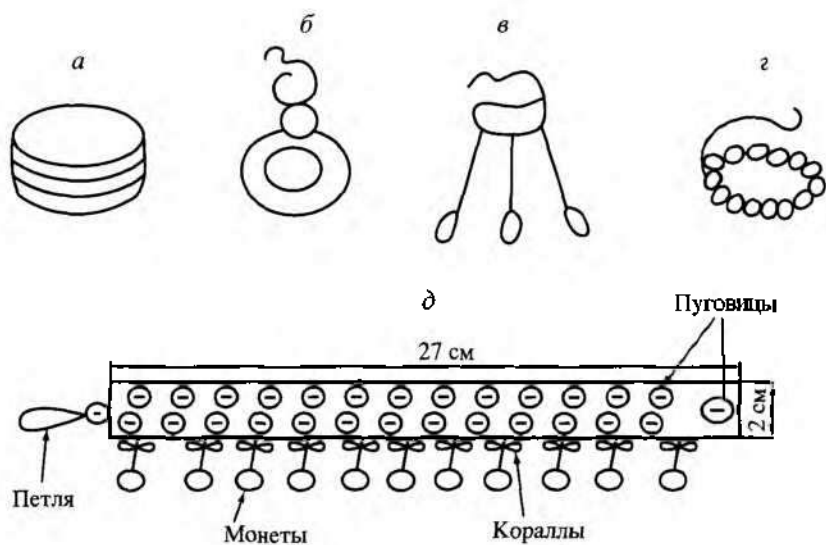
Украшения. Женский и девичий костюм не будет полным, если не описать украшения, которых теперь не так много, как было в прошлом, но все же они есть, и их носят охотно. Минимальный комплект украшений девушек и женщин состоит из серебряной броши, колец, браслетов, серег, наперстка и ожерелья из коралловых бус. Только во время траура не носят украшения.

Брошь серебряная, большая круглая (фибула) называется *төөнөч* (см. вклейку). Она имеет ободок в виде полых полушарий, который называется *парсылдак*(г). Узор в середине броши называется *ысбыл*. Кстати, узор *ысбыл көчөт* наносится и на подол платья машинной строчкой, и на попону.

(высота 2 см) назывались *паттаи кавич*. Они имели, кроме высоких каблуков, кисточки из шелковых нитей по бокам и на подъеме. В них щеголяли в летнее время франтихи, байские дочери. Носили их на босу ногу. При этом надевали и нарядные шаровары. Такие кауши, как и сапожки, привозили из Бухары. А вообще обувь привозили из Ферганы, но шили и здешние мастера.

Зимой или в весенне-осенний период, когда на улице грязно, и раньше, и теперь женщины (как и мужчины) при выходе надевали деревянные галоши (*жагаи кауш*).

Нарядные ичиги нередко бывают лакированными. Их привозят из ферганских городов, где издавна любят

а — кольцо без камня (*шакак*), б — серьги, сделанные из серебряной монеты с кораллом, в — серебряные серьги с перламутровыми пластинками на концах, г — серебряные серьги с кораллами таджикского типа, д — нашейное украшение *ак-тамак*

Кольца, алюминиевые, медные, серебряные, бывают двух основных типов (видов): *шакак* — кольцо из широкой пластинки с узором по наружной поверхности в виде горизонтальных параллельных линий (линии эти наносятся резьбой?) и *куэдуу шакак* (название в Птеукуле), или *жуздук шакак* (название в Сары-Кендже) — кольцо с камнем (букв. “кольцо с глазком”). Вместо камня бывает монета (но я сама не встречала здесь таких). Все мною встреченные кольца (52) без камня: из плоской и тонкой серебряной пластины шириной в 10–12 мм, с 2–3-мя выпуклыми продольными параллельными полосками.

Женщины и девушки надевают кольца на все пальцы, за исключением среднего. Надевать кольцо на средний палец считается грехом (*увол*). Мужчины колец не носят. Лишь некоторые, по словам информаторов, “развратные”, надевают кольцо на безымянный палец.

Серьги (*кулак сырға*) здесь весьма разнообразны: в виде капли (бутылочки), которые называются *сомсоко* (см. вклейку); кольца, дутые или просто из медной проволоки. Есть и медные со спиральными подвесками. Есть серьги, сделанные из серебряных монет; есть серебряные с перламутровыми пластинками на концах; есть серебряные серьги таджикского типа; есть такие, какие распространены у куляб-

цев — серебряные серьги с множеством висячих спиральных подвесок с бусинками на концах. Алюминиевые серьги в виде подвесок часто носят связанными веревочкой, чтобы они не потерялись, так как они очень легкие. Если такой же формы серьги сделаны из серебра, то они не скрепляются веревочкой (см. вклейку).

В настоящее время многие девушки и молодые женщины носят на шею бусы, называемые *ит-тамак*. Они — из черного и белого бисера со вставленными кораллами. Достаточно широкие, так как состоят из шести параллельно нанизанных ниток бисера. Плотно прилегают к шее. По словам жены учителя Халимы Хасановой (селение Кара-Кендже), бусы такого фасона киргизы начали носить сравнительно недавно, заимствовав их от местных таджиков (см. вклейку).

Молодые женщины и девушки носят также украшение, называемое *ак-тамак*, которое представляет собой повязку из пуговиц и монет. Обычно молодые женщины носят такое украшение до тех пор, пока не родят 1-го, 2-х, 3-х детей. Повязка, зарисованная нами, принадлежит дочери Халимы Хасановой. На длинный и узкий кусок черного хлопчатобумажного материала нашиты в два ряда белые пуговицы. Такая повязка пристегивается к шее с помощью петли и пуговицы (см. рис.).

Ожерелья из коралловых бус, перемежающихся с серебряными бусами в виде ромбов и черными с белыми крапинками (*кара бечада*) бусами были в прошлом особенно распространены. Подобным образом нанизывают и подвески на чач-кеп.

Кораллы называются *чын шуру*, и мерой для них служил *тундук*, который равнялся двум рядам кораллов длиной в один *кулак* (косая сажень) каждый. Один тундук коралла обменивался на одного барана. Два тундука равнялись одному ожерелью из кораллов (сагак).

Ожерелье, свободно висящее, называется *зеби-гардон*.

Жительница кишлака Птеу-куль (джиргатальская группа кишлаков), вышедшая замуж и переехавшая в кишлак Кара-Кендже, во время свадьбы надевала на шею пять различных видов бус: *ит-тамок*, *сумончок* (бусы из нескольких ниток бисера), *шуру*, *газык мончок* и еще что-то.

Наперсток является не только “инструментом”, но и украшением. Он имеет форму кольца и нередко бывает серебряным. Наперсток надевается на указательный палец, а шнурок, на котором он висит, имеет на конце петлю, и эта петля надевается наподобие кольца на безымянный палец. Нередко женщины нарядный наперсток с нарядным, скрученным из разноцветных шелковых нитей, шнурком носят на груди с левой стороны, приколов к платью маленькой круглой булавкой.

Браслеты (*блерик*) бывают алюминиевые, серебряные.

К косам в Джиргатальском районе девушки привешивают цветные кисточки, сделанные из бисера и разноцветного шелка, как у таджиков. В кишлаке Птеу-куль девушки на косы (вдоль кос) в качестве украшения пришивают длинную полоску из черной хлопчатобумажной материи. Вдоль этой полосы нашивают белые пуговицы (*седен*). В с/с Ляхш девушки обычно к косам ничего не привязывают. Косы заплетают и к самому концу их влетают белые ниточки, чтобы косы не расплетались. Невесте во время свадьбы привешивают на косы тяжелые серебряные украшения — *аркалык* (см. вклейку) Носят его до рождения первого ребенка. Аркалык пристегивается за пуговицы к косам.

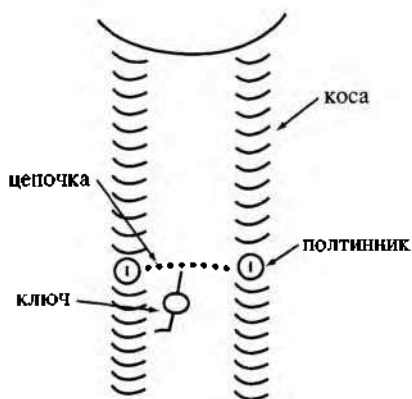
В настоящее время серебряные украшения (серьги, кольца, круглые броши) изготавливаются своими кишлачными ювелирами. Материалом служат бухарские тенге и русские целковые. Например, в кишлаке Птеу-куль есть такой ювелир (*зергер*). Ему 52 года. Крупные и сложные украшения теперь заново не делаются, а переходят от матери к дочери или приобретаются у старух.

Прическа. Замужние женщины носят две косы. Причем волосы зачесывают за уши, в отличие от таджикских женщин, которые волосы начесывают на уши. Кроме того, киргизки не заплетают на лбу мелкие косички, как это делают таджички. Не оставляют они, как таджички, и локоны около ушей (*зылф*).

У молодой, еще не рожавшей женщины две косы прикрепляются друг к другу иногда с помощью шнура и двух пуговиц, к шнуру в середине привешивается ключ. Две косы чуть ниже середины прикрепляются друг к другу и серебряной цепочкой. Цепочка закрепляется с помощью белых перламутровых пуговиц, по одной на каждой косе. К левой косе привешивается ключ и наперсток. Часто две косы женщины скрепляются сзади цепочкой, на концах которой прикреплены два полтинника. Полтинники цепляются за косы. Цепочкой с полтинниками косы скрепляются еще и для того, чтобы они были тяжелее. Порой в косы влетают шерстяные нитки, начиная от середины кос и до конца.

Девушки плетут от 8 до 14 кос, т.е. по 4—7 с каждой стороны, в зависимости от густоты волос. Заплетают вдоль лба от пробора мелкой стежкой — над ухом, а не сзади. Женщины моют и расчесывают волосы деревянным гребешком, который покупают в местном магазине или привозят из Ферганы, раз в неделю.

Киргизки в районе Джиргаталя, как и таджички, красят брови, ресницы *усмой* (выжимают ладонями сок из травы усма в чашечку и красят ваткой, намотанной на палочку), а ладони хной (опять

Косы, скрепленные цепочкой
с ключом

же предварительно выжав сок из соответствующего растения). Раньше этого не делали, выучились этому у таджичек. Но и раньше, как и теперь, пудрили и красили щеки.

Свадебная одежда невесты.

Одевает невесту жена ее старшего брата (жеңе). Если нет жены старшего брата или нет старшего брата, то невесту одевает жена младшего брата. Если же вообще нет жеңе то одевает невесту ее старшая сестра или ее тетка по матери (хола), или соседка.

Киргизская невеста так же, как и таджикская, надевает несколько рубах, верхняя из которых — шелковая. А поверх шелковой рубахи надевает халат из бархата, бекасама или атласа. Затем невесте повязывают два поясных платка. Нижний платок, повязывающийся на талии, не вышит. Он обычно красный сатиновый или красный шелковый. Верхний платок — сатиновый черный, желтый, красный или синий — вышит гладью (гылдор).

В кишлаках со смешанным киргизско-таджикским населением таджикским невестам тоже повязывают платки вокруг талии. В кишлаках же с чисто таджикским населением поясные платки невестам не повязывают.

Штаны киргизская невеста одевает из красного ситца, сатина, тика или алачи, т.е. недорогих тканей. Таджикская же невеста надевает штаны из бекасама, атласа или синего и черного сатина.

На ноги киргизской невесте, как и таджикской, надевают шерстяные чулки, мягкие сапожки (масти) и галоши. Штаны засовываются внутрь чулок.

На голову ей надевают сначала шапочку чач-кеч. Ушки шапочки имеют кольца, к которым привязываются тяжелые украшения из кораллов и серебра, спускающиеся в два ряда поверх халата до пояса и даже ниже. Хвост чач-кепа (куйрук) длиной до поясницы выпускается наружу поверх халата. На шапочку невесте наматывают чалму (калак) из трех кусков марли. В чалму кладутся вата и сахар. Вата — для того, чтобы невеста прожила долгую жизнь, до тех пор, пока голова ее не станет белой от седины. А сахар — чтобы жизнь ее была сладкой и прошла без ссор.

Киргизская невеста в нарядном тюрбане и лицевой занавеской. Памир. Урочище Тагаркаки. 1950 г. (Фото В.И. Кузьмина. Из фототеки Института истории, археологии и этнографии АН ТаджССР)

Чалма делается очень большой. Первый кусок марли — 5 м, второй — 6–7, третий — 9 м. Наматывает ее старая опытная женщина. Поверх чалмы набрасывается платок (*жоулук*), сложенный вдвое углом. Наружный угол платка весь расшит гладью. Поверх платка вешается лицевая занавеска (*рукаш* от таджикского *рупушак*, или киргизское название *оз жалык*). В кишлаке Джиргатааль в семье председателя колхоза Таирова у старшей дочери Салтанат (19 лет) есть *рукаш*, доставшийся ей от бабушки по материнской линии, вышитый самой же бабушкой.

Если женщина имеет несколько дочерей, то сначала *рукаш* надевает во время свадьбы старшая дочь, затем он возвращается к матери и лежит у нее, пока следующая по возрасту дочь не будет выходить замуж. Но *рукаш*, видимо, заимствован у таджиков. Раньше киргизка

во время свадьбы рукаш не надевала. Когда же ее увозили к жениху, лицо ей закрывали платком.

В уши невесте вдевают серьги с подвесками (отличные от таджикских серег), на шею вешаются коралловые бусы, ожерелья из кораллов и других бусин или серебряных монет, а также так называемые бисерные повязки — неширокие узорные сеточки из цветного бисера и стекларуса. К рубаше прикальваются на цепочке наперстки.

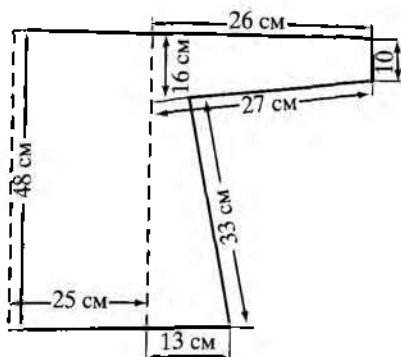
Киргизской невесте заплетают только две косы и откидывают их назад. На лбу заплетают мелкие косички. Заплетает косы мать невесты. В конце кос вплетается кусок марли, чтобы они не расплетались. Подвески для кос делались из серебра и оканчивались они черной шелковой кисточкой. Бисерные подвески, как у таджичек, киргизки не носили.

Детская одежда. Первой рубашечкой новорожденного, которую надевали через три дня после рождения, является у киргизов, как и у таджиков, “рубашечка сорокадневия”. Ее надевает на ребенка сама мать. Через 40 дней эту рубашечку снимают и надевают другую. Первую же рубашку оставляют лежать на дне колыбели до тех пор, пока мать не родит следующего ребенка. Или же, пока не родится ребенок у какой-нибудь соседки или родственницы, которым и отдают эту первую рубашечку.

Покрой одежды детей в основном не отличается от покроя одежды взрослых, только детям обычно подол не подшивают до тех пор, пока в семье не родится еще ребенок или до достижения мальшом 5—6-ти лет. Поскольку существует поверье, что, если подрубить ребенку рубашечку, то мать больше не будет рожать.

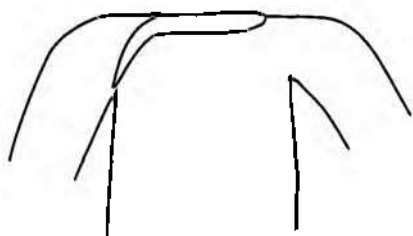
До недавнего времени ворот детских рубах был горизонтальным, с разрезом на плечиках или на одном плече вдоль него (*китабча-жака*, т.е. “ворот-книжечка”). Теперь делается вертикальным, окантовывается и имеет у шеи одну пуговицу. Сейчас становится модным отложной воротник.

В Сары-Кендже передний край горизонтального ворота трехлетней девочки Гуль-бахор отделан одним рядом монет достоинством в 15—20 коп., кото-

Покрой рубашечки для новорожденного

рые пришиты вплотную друг к другу. Начинает этот ряд монет одна перламутровая пуговица. Горизонтальный ворот с вертикальным разрезом с правой стороны (как у девочки 5–6-ти лет в Кара-Кендже) отделяется кантом. Шьют девочкам платья и со стоячим воротником. Так, у дочери Шодиева из кишлака Кара-Кендже (6 лет) красное ситцевое платье со стоячим воротником. Спереди оно застегивается на все пуговицы, а сзади — бантовая складка, простроченная с обеих сторон. Рукава этого платья короче рукавов других платьев. Стоячий воротник называется *буума жака* (как и у взрослых).

Ворот-книжечка (*китабча жака*)

Поверх платья девочки носят стеганный халат. Так, у дочери Шарипова Якуба (Джиргаталя) 5–6-ти лет поверх платья надет стеганный халат из красного ситца. Халат с разрезами по бокам, кругом окантован черным сатином. На рукавах выше локтя нашиты три ряда лоскутков из чередующихся белых и черных треугольников. Халат застегивается на белые пуговицы. На груди на месте застежки с обеих сторон нашиты по одному черному треугольнику, а на эти треугольники нашито множество небольших белых пуговиц. Мальчик (6 лет) одет в красный цветастый халат. Девочка 5–6-ти месяцев в селении Кошой одета в стеганный лоскутный халатик. Оказывается, у матери этой девочки не живут дети, поэтому она во всех домах селения выпросила лоскутки и бабушка девочки (мать этой женщины) сшила халатик из этих лоскутков, предварительно сложив из лоскутков узор. Халатик из лоскутков (*курок*) должен, по поверью, защитить девочку от злых сил и глаза.

Начинают подпоясываться (*курчинади*) девочки, как уже говорилось, уже с 7–8-ми лет и выпрашивают у матери платок для этой цели. В Кара-Кендже подпоясываются платком девочки даже с 6–7-ми лет.

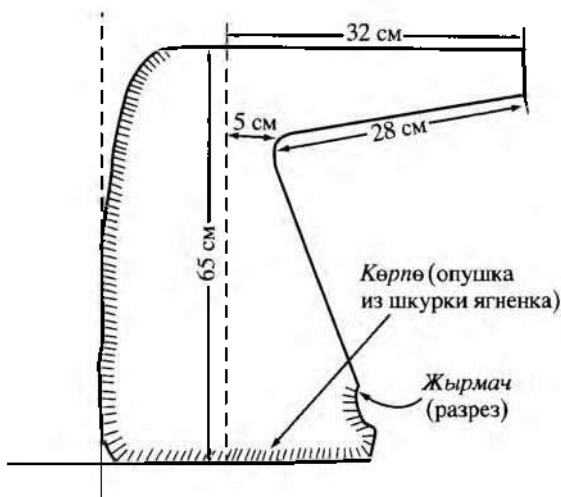
Легкий халат без подкладки (*нимча*) и жилеточка без рукавов (*камзулча*) здесь стали появляться только теперь: шьют их для младенцам и девочкам 2–3-х лет. Но и двухлетний мальчик, сын информатора Шарипова Якуба (Джиргаталя), тоже был одет в камзол с отложным воротничком и короткими, чуть выше локтя, рукавами. Рукава не вшивные, а в виде "кимоно", без шва и на плече. Углы воротника, концы рукавов, хлястик на спине, ложные карманы (места, где должны быть карманы) покрыты узорами, простроченными белыми

Девочка, подпоясанная платком и с нагрудным украшением фибулой.
Сел. Кошой. 1957 г. (Фото Б.Х. Кармышевой)

нитками на машинке. Пуговицы медные, форменные. На правой руке его браслет из красных "татарских" бусинок, напоминающих восьмерку, и с бубенчиком.

Раньше детям, как мальчикам, так и девочкам, лет до 10-ти штаны не шили, поскольку материал стоил дорого. Кстати, не шили детям штанов и таджики. Мальчики нередко лет до 13–14-ти носили только рубаху без штанов. Например, информатор Кадыров Махмуд (46 лет) из кишлака Джиргаталя рос сиротой и поэтому долго не имел штанов. Есть даже анекдот об одном мальчике по имени Даулатджан, который до 14-ти лет не имел штанов. Его уже стали стыдить в ауле. Тогда он будто бы сказал отцу: *Кара ат жорат иштансыз. Карамурат Даулатжон кайчангача жорат иштансыз?* (т.е. "Черный конь ходит без штанов. До каких пор Карамурат Даулатджан будет ходить без штанов?"). После этого отец справил ему штаны. Теперь, когда появилось много дешевых тканей, штанишки надевают ребенку

Покрой передней части шубы из шкуры ягненка для 6-ти летнего мальчика

уже с 2—4-х лет. Девочки-подростки носят штаны длиной до щиколоток. Штанины к концу несколько сужаются и отделяются черной каемочкой.

Детям шубы не шили и не шьют. Но сейчас шубы стали шить, но только мальчикам и то очень редко. Обычно же концы рукавов стеганого халата отделяются на 10—12 см овечьей шкуркой мехом внутрь. Для мальчиков-подростков (от 8—10-ти лет и до 15—16-ти) в прошлом шили чекмень из верблюжьей шерсти. Ворот и плечи такого чекменя украшались вышивкой из разноцветного шелка. Узоры были в виде рогов.

Мальчики носят тибетейки, главным образом, таджикского образца. Они вышиты крючком разноцветными нитками, а также гладью. Сами киргизки обычно тибетейки для детей не шьют и не вышивают, а заказывают таджичкам, для чего дают им необходимый для пошива и вышивки тибетейки материал. Тибетейка (такья) имеет доньшко (тово) и боковой ободок (кызе). Край ободка обшивается тесьмой (песузан жеек), вышитой крючком разноцветными нитками. К тесьме пришивается кисточка из цветных ниток. Тибетейку надевают так, что кисточка приходится с правой стороны, иногда спереди.

Тельпек носили дети тех, кто имел возможность сшить его или приобрести. Шапки для мальчиков оторачивались мехом ягненка или лисы. Но чаще детям зимой вместо шапки обертывают голову прямоугольным куском овечьей шкуры. Шкура закрывает затылок, уши, и

Мальчик в вышитой тубетейке. Вид сзади. Сел. Кошой. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

концы ее завязываются на лбу. Маленьким девочкам зимой голову покрывают платком. Шапок девочки не носят. Гарди-румол (в Кошое его называют *дака-шал-жоулук*) носят только девочки от двух до 7–8-ми лет.

Девочки и девушки в прошлом носили круглые шапочки, отороченные мехом выдры (*кундуз*) и с пучком перьев (*утугут*) на макушке. Обычно для этой цели использовались петушиные перья, а дочери богачей имели шапочки даже с павлиньими перьями.

В селении Кошой мы видели на голове девочки 2–3-х лет модную вышитую бисером тубетейку. На джияк из черного бархата нашиты сплошной цепью белые перламутровые пуговицы. С боков свисают длинные кокули, состоящие из трех рядов кисточек, пуговиц и пр.

Детский фартук для маленьких девочек называется *боркок*.

Детские сапожки и шерстяные узорчатые чулки. Сел. Кошой. 1957 г.
(Фото В.И. Юрлова)

В холодное время дети носят ичиги с теплыми шерстяными чулками. Иногда вместо шерстяных чулок им делают стеганные (*пайтава*). Грудным младенцам тоже надевают чулки и у щиколоток перевязывают шнурком.

Когда головки ичигов изнашиваются, а голенища еще целы, местные сапожники превращают ичиги в чорук местного фасона: подошва делается большой и накладывается снизу на головку. Иногда детям вместо ичигов надевают сапожки или ботинки. В настоящее время можно видеть на ножках у детей обувь, купленную в местных магазинах. Так, у восьмимесячного Наджимитдина, сына учителя Алимкулова из кишлака Сары-Кендже, на ножках были детские чулки в резиночку и желтые ботиночки со шнурками, купленные в магазине.

¹ Махова Е.И. Материальная культура киргизов, как источник для изучения их этногенеза // ТКАЭЭ. Фрунзе, 1959. Т. III. С. 48—50.

² Шибаева Ю.А. Материалы по одежде мургабских киргизов // КСИЭ. 1956. Вып. XXV.

³ Хумек — южный вид чоккой. Чоккой — калиги, калижки, поршни — род грубой обуви: гнутые из целого куска кожи на вдержке, голенища чуть выше щиколотки; обычно их делают из кожи головы лошадей, коров, быков. (Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 865). По К.И. Антипиной, неудобство та-

кой обуви заключалось в том, что сыромятная кожа ссыхалась, сжимала ногу, сапоги трудно было снять с ноги; носили самые бедные киргизы, пастухи, табунщики (*Антипина К.И.* Особенности материальной культуры и прикладного искусства южных киргизов. По материалам, собранным в южной части Ошской области Киргизской ССР. Фрунзе, 1962. С. 231).

⁴ *Паттаи кавыш / кауш* — кожаные галоши на каблуках.

⁵ *Шибаета Ю.А.* Указ. соч. С. 35.

⁶ *Махова Е.И.* Указ. соч. С. 49; *Шибаета Ю.А.* Указ. соч. С. 35.

⁷ *Махова Е.И.* Указ. соч. С. 50; *Шибаета Ю.А.* Указ. соч. С. 35.

⁸ *Махова Е.И.* Указ. соч. С. 50–52.

⁹ Там же. С. 51; *Шибаета Ю.А.* Указ. соч. С. 37.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Значительная изученность (в основном трудами С.М. Абрамзона¹) данной темы на материалах киргизов различных районов позволяет выявить некоторые особенности общественной жизни и семейного быта каратегинских киргизов, отличающие их от остальных групп этого народа. Особенности обусловлены историческими судьбами каратегинских киргизов. Во-первых, длительным тесным общением с горными таджиками, в результате которого, например, издавна наблюдались смешанные браки (для дореволюционного периода это было характерно только для бассейна Сурхоба). Во-вторых, тем, что Каратегин до 1877 г. находился под властью самостоятельных правителей — шо, а позже, вплоть до установления Советской власти, являлся колонией Бухарского ханства. Чрезвычайная отсталость и застойность быта и общественных отношений, характерные для феодальной Бухары, были в неменьшей степени присущи и для ее высокогорного уголка, Каратегинского бекства. Правда, некоторые новые веяния (касающиеся в основном хозяйства и материальной культуры), связанные с установлением русской власти в Фергане, проникали в Каратегин легче, чем в Кулябское бекство и даже в Хисар.

Социальный строй Каратегина как при шо (местных правителях), так и при эмире освещен в монографии Н.А. Кислякова "Очерки по истории Каратегина"². Подробно описанные им типичные патриархально-феодалные отношения были характерны и для киргизского населения этой страны. Киргизская родоплеменная знать и бан, имевшие чины, наряду с таджикской знатью несли феодальную службу, получая пожалования в виде *танхо* — права взимать долги в свою пользу с определенного числа дворов крестьян-соплеменников³.

У каратегинских киргизов существовала частная собственность не только на поливные, но и на богарные земли. Более того, существова-

ла не только фактическая, но и формальная, юридическая частная собственность на зимние и даже летние пастбища. В последнем случае это касалось, правда, лучших участков.

Племени и рода как таковых давно уже не было. Родоплеменные связи носили сугубо пережиточный характер. Более реальной социальной категорией был *топ* — пережиточная форма патронимии, которую среди этнографов, изучающих народы Средней Азии, принято называть семейно-родственной группой. Обычно это потомство одного чем-либо примечательного человека. Название свое топ, как правило, получает от имени или прозвища родоначальника. Представители одного и того же топа называют друг друга *туган* — родственник. В прошлом каждый топ селился более или менее компактно, а на летовке составлял один аил. Как правило топ — группа совсем недавнего происхождения.

Социалистические общественные отношения восторжествовали в результате ожесточенной классовой борьбы в 20—30-е годы. Последующие годы характеризовались целенаправленной работой партийных организаций по ликвидации пережитков патриархально-феодальных отношений.

Далее приведен материал из полевых записей Б.Х. Кармышевой.

Джиргаталь (1952)

Джиргаталь делился на шесть топов. Соответственно этому имелось и шесть мечетей в нем, и шесть аксакалов.

Образовывали партии по родовому признаку. В кишлаках, расположенных вокруг Джиргаталья, например, ахтарчи составляли одну партию, а кесеки — другую. На Ляхше хыдырша выступали против бостонов. Замечательно, что таджики присоединялись к киргизам-односельчанам и выступали от имени рода последних. Что касается чисто таджикских селений, то они причислялись на постоянно к тому или иному киргизскому роду. Например, таджики кишлака Кушагба относились к бостоном и до сих пор во время игры в козлодранье они выступали на стороне бостонов.

Раньше связь между сородичами выражалась во взаимной поддержке и помощи. Если, например, возникла драка между представителями двух различных родов, то каждого из дерущихся поддерживали свои сородичи. Сородичи помогали при выплате куна — платы за кровь. Если, например, кто-нибудь убил свою жену и тесть обращался к казию, который накладывал на убийцу штраф, то в выплате его участвовали сородичи. При борьбе в козлодранье до сих пор собравшиеся делятся на две группы по родовому признаку: кесек и ахтарчи. Представитель рода кесек не дает, даже если просит друг, коня человеку из рода ахтарчи и наоборот. Представители одного и того же ро-

да не борются между собой. Если во время козлодрания кесеки замечают, что один из своих помогает ахтарчинцам или защищает их, то его бьют, а в старое время и убивали.

Джайлау Секи (1954)

Здесьние крупные баяи имели по 300—400 овец, 70—80 лошадей, 50—60 яков, 9—10 верблюдов. Бедняки имели по 20—30 овец, 1—2 коровы и 1 лошадь.

Гармскому беку здесьние киргизы приносили амаль⁴. Он будто бы состоял из одной торбы или одной подпруги в год с каждого хозяйства. Каждый кишлак имел своих аксакалов и крупных баев, имевших бухарские чины.

В Кара-Кендже был Худайберди мирохур. В Сары-Кендже была Тойчи мирахур. Там был и токсаба — Эшанкул токсаба, сын Караке.

Род молодой имел аксакалом Хыдыр-Али токсабу. В кишлаке Сасык-булак, кроме того, жил Берды-Али мирахур. Постоянных амлякдаров⁵ здесь не было.

Кара-Кендже (1954)

В предреволюционные годы в данном кишлаке были два мирохура — Гаиб-Назар и Наим. В кишлаке Сары-Кендже тоже были два мирохура — Эшан-кул и Дженали. Род Молой тоже имел два мирохура — Хыдыр-Али и Карабаш бай.

Поливная земля была поделена между отдельными семьями. Участок назывался чек. Джайлау же были поделены между “родовыми” общинами, т.е. кишлаками. И в настоящее время каждый кишлак выезжает на свой джайлау.

В кишлаке Кара-Кендже имеется теперь уже полуразрушенная большая усадьба (дом, мехман-хана, хозяйственные постройки), огороженная очень высоким дувалом в 10 слоев пахсы (последний слой оформлен в виде зубцов крепостных стен). Подобные усадьбы называются кургон. Этот кургон принадлежал баю по имени Карим бай. Он имел до 1000 голов овец, 70—80 голов яков (хутоз), 30—40 голов дойных коров, 50—60 голов лошадей и 20—30 верблюдов. Кроме того, ему принадлежало около 100 га поливной (оби) и богарной (кайрак) земли, да еще 37 га земли в урочище Сыйыр-баш. Зимовки (кштау) были поделены между баями, и они владели ими как частной собственностью.

Орта-бель. джайлау (1954)

Орошенные земли (сулу жер) и неорошенные (кайрак) в дореволюционное время были поделены между отдельными хозяйствами. Могли они продаваться и покупаться. Только поливные земли, находящиеся вдали от кишлаков, внизу, будто бы были более доступными.

Если кто-нибудь посторонний, например, таджик из Вахио, приобрел землю, то "общество" не возражало. На богаре имели по 1—2 га. Зимовки и луга тоже были частной собственностью Зимовок (киштау) было мало, и все они были поделены между крупнейшими баями. Остальные же держали скот зимой в кишлаке.

Урочище Суйор-баш было поделено между тремя баями: Наимбай из Кара-Кендже, Карабай и Медетбай из верхнего Кара-Шора. Урочище Кырчин принадлежало Темирбаю из Сары-Кендже. Урочище Паски Сары-булак принадлежало двум баям — Мамадали токсаба и Наимбаю. В Джиргатале бывало очень много скандалов из-за земли, а здесь на Ляхше было их мало.

О чиновниках старик-информатор Кенджаев М. говорил: *Сыпайгарчиликниң тизеден нан болса, белидан кан* (т.е. "Чиновник добывает хлеб, ползая на коленях и прогибая спину до крови").

В Джиргатале был Махмудрасул эшагасы из рода ахтарчи. В Кашка-тереке был Махматрасул эшагасы из рода кзыл-аяк кесек, расстрелян в годы басмачества. В Джиланды был Худойберды бий из рода ахтарчи. В Сугуте жил Джусун бий из рода чегетер, умер недавно, достигнув весьма преклонного возраста. В кишлаке Сайран были Иса мирахур и Одина мирахур. В кишлаке Чонг Пильдон был Мусса джузбаши, в кишлаке Човой — Сант-Назар датха⁶. В его ведении был и кишлак Кыргыз Пильдон.

Род уйгур-чегетер имел своим главой Иса бия из подразделения калдар. Жил он и умер еще в доэмирские времена. О нем сохранилась молва, что он однажды обещал бостонцам помочь во время козлодрания между представителями родов бостон и кыдырша. Но обещания не выполнил, людей своих не прислал. Певец Суюндук тогда сложил песню по этому поводу:

*Ургурдын (уйгурдын) бий каль Иса
Ваъда кылып, кельген жок,
Баракалла эр Бостон
Намызды колгон берген жок.*

(т.е. "Уйгурский бий Иса из рода кальдар пообещал, но не пришел. Но ловкий (и славный) богатырь Бостон не опозорился").

Главой рода чоок (кишлак Мук) в доэмирское время был Кармыш бий, а в эмирское время — Джакыб эшагасы и Муса хаджи. Кишлак Дамбрачи был в дореволюционное время маленьким селением. Главой его был Карим бий, а после — его сын Сабир мирахур, отец теперешнего председателя колхоза Хафиз ранса. В кишлаках Карасай и Кыштау главой был Реджеб мирахур, в кишлаке Кашат — Маматбай датха. В Джаилгане, который был очень большим и имел до

300 хозяйств, в доэмирское время аксакалом⁷ был Артык бий, а в эмирское время — Молдо Омар эшагасы. В кишлаке Дуана в доэмирское время был аксакалом Саид-Назар датха, впоследствии расстрелян. В кишлаке Аччик-Алма были два незначительных аксакала: Салимбек и Муллакаты. В кишлаке Саргой в доэмирское время был Эльчибек бий, а в эмирское время — его сын Мулла Юнус токсаба. Кишлак Кичи-Карамук был очень небольшим и был под ведением указанного Мулла-Юнуса. В кишлаке Гулама в доэмирское время был Арзы батыр, а в эмирское — молодой Дуана токсаба, впоследствии расстрелян. Жители кишлака Мукур были выходцами из Кашата и подчинялись Момбою датха.

На Ляхше во времена ша первым правителем был Аскыя батыр. После него были Мният бий, потом последовательно Курбан бий и Пирбий (дед информатора). В начале эмирского периода здесь правил Али датха. После этого Ляхш разделили на три части: род молодой имел аксакалом Хыдыр-Али токсабу из кишлака Сассы-булак, Сары-Кендже — Ишанкул токсабу, а Кара-Кендже — Мулла Махмуд казия.

В кишлаке Ходжа-топ аксакалом в доэмирское время и немного в эмирское время был Магдум Рашид, после него — Мансур бий (Мири Мансур по-таджикски). В предреволюционные годы аксакалом здесь был Махмат Шаид бий. Вообще же Ходжан-топ относился к Ляхшу.

Все роды были равны.

Таджикабадские летовки брались у гармского бека, а летовки Джиргатальского района, включая Сутат и Джиланды, распределялись местными биями. Крупные бии имели свои летовки в частном владении, а остальные летние пастбища были общественными, и стада могли выпасаться, где хотели. Борьбы из-за летовок будто бы не было.

Средняк имел 1—2 пары волов (*кош огуз*), 1 ойор (т.е. 8—10 голов) лошадей, 30—40 овец, 3—4 коровы. Наим хаджи имел 4 ойора лошадей, 300 овец, 20—30 верблюдов. Его дед имел 3—4 тысячи голов скота и содержал их исключительно на подножном корму. Бай Гаиб-Назар имел 30—40 пар рабочих волов. Сафар бий имел 20 голов лошадей, 100 овец и 3—4 пары рабочих волов. Бедняков, у которых не было даже ягненка, было много. Амальдары имели от эмира 15—20 хозяйств танхо (*бина*).

Кошой (1954)

Каждый кишлак имел своего амальдора⁸. Амальдоры приезжали из Гарма. Имела место продажа земли. Земельные конфликты были нередки, так как пахотных земель было мало. Межа проводилась

омачом. Даже родные братья ссорились и дрались из-за земли. Больших семей не было. Земля делилась между детьми.

Ома арык — большой арык рыли всем обществом. На свой участок каждый хозяин ответвление проводил сам.

Бедняки, всю жизнь проведенные у байского очага и проработавшие в байском доме, встречались, но не так уж часто.

Налог брали как деньгами (у богатых — 4 рубля, у бедных 1—2 рубля), так и натурой, но не в виде сельхозпродуктов, а вещами. Вдовы давали одну торбу для лошади и одну подпругу (*ат-айыл*). С каждого дома каждый год собирали по одной узде (*пуктабанд* или *ат чилвири*). В кишлаке Аччик-Алма был один *закатчи* (взиматель пошатины), который брал с владельца одного верблюда, например, одного барана.

Местные служилые люди не жили постоянно у бека, а 1—2 раза ездили на *салым*⁹. Возвращались с подарками. Кишлаки были розданы танхокурам. Здесь не говорят “танхо”, а “сурайди”. Например, “Бир кышлак сурайды”.

*Раис*¹⁰ избирался из среды самих джиргатальцев. Он избивал недостаточно ревностных исполнителей предписаний религии. Его очень боялись. По словам стариков, *Раис келади деп, кашка сыйыр-дан хам качуч эдык* (т.е. “От одной мысли, что придет раис, бежали даже от лысой коровы”).

Столкновения из-за земли (*жер талаши*) были.

Сары-Кендже (1952)

Раньше на Ляхше были те же четыре кишлака, что и теперь, но населения в них было больше. Земли были поделены между кишлаками, а пахотные земли были в единоличной собственности. Продажа земли была. Приобретали землю за деньги и скот. Если не было того и другого, — за отработку. Если не было семян для посева, брали у бая в счет половины будущего урожая. Колхоз был создан в 1928 г.

Джиргаталь (1952)

Даже молодежь помнит существование рабства, так как видела бывших рабов. Чаще всего рабы доставлялись из Кашгарии: там крали детей, привозили в Каратегин, растили, а затем продавали. Называли имена нескольких лиц, о которых доподлинно известно, что они таким образом в детстве попали в Каратегин.

Кара-Кендже (1952)

Манапов здесь не было. Каждый род имел своего аксакала. Рабов не было, были только работники. Оставшихся на всю жизнь

холостыми здесь не было. Бай обычно женил своего батрака на беднячке, и вся семья потом работала на бая.

Бедняки, как родственники, так и чужие, жили в аиле вблизи богатых. В аиле богачей обслуживали всей семьей: готовили пищу, смотрели за скотом, стирали, пряли и т.д. За работу получали преимущественно дуг и айран.

Кошой (1954)

О работорговле и продаже детей не слышали.

Саан — дача коров в доение. Волон давали на прокорм и использование. Чайрикерство было. Шерик — если имел землю, но не имел семян и волон, то объединялся с тем, кто имел то и другое, на полувинных началах. Это не было сдачи земли в аренду, так как владелец земли трудился наравне с товарищем.

Кешик-саркыт — на хашаре участники получают не только угощение, но и кешик — небольшую порцию мяса (ребер и головы), которую уносят домой и угощают своих домочадцев.

¹ Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. Здесь же см. библиографию.

² Кисляков Н.А. Очерки по истории Каратегина. Сталинабад, 1942.

³ Танхо — система ленного пожалования (широко распространенная в Каратегине); танхохур — феодал, получивший танхо. Бартольд В.В.: "При турецких династиях, до новейших узбекских, как и в других мусульманских странах, завоеванных турками, действовала своего рода ленная система, но, как и везде, предметом пожалования была не самая земля, но земельная рента. Лица, получавшие в качестве вознаграждения за военную службу, доход с определенных земельных участков, жили в столице при дворе ханов и не имели никакого отношения ни к управлению деревнями, доходы с которых поступали в их распоряжение, ни даже к хозяйственной эксплуатации земли" (Бартольд В.В. История культурной жизни Туркестана // Бартольд В.В. Соч.: в 9-ти т. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 77).

⁴ Амаль — в данном случае "сбор, пошлина".

⁵ Амлякдар — стоящий во главе амлока (амлок — мелкая административная единица в бекствах)

⁶ Датха (датка) — одно из высоких званий в Кокандском и Бухарском ханствах; одной из обязанностей датха было докладывать хану жалобы подданных вверенного ему района.

⁷ Аксакал — в данном случае имеет значение "старшина, глава".

⁸ Амальдор — букв. "имеющий дело"; чиновник.

⁹ Саям — букв. "приветствие".

¹⁰ Раис — председатель.

СЕМЬЯ И СЕМЕЙНАЯ ОБРЯДНОСТЬ

Преобладающей формой семьи у каратегинских киргизов была и остается малая семья. Пережиточные формы большой патриархальной семьи встречались в основном в западной части Джиргатальского района, т.е. в бассейне Сурхоба. Причина этого, по мнению автора, кроется в более раннем оседании киргизского населения этой части изучаемого района, в большем распространении среди него частной собственности на землю, а также в большем влиянии семейных отношений, как и всей культуры, таджикской части населения.

Для семьи каратегинских киргизов в настоящее время характерна распространенность киргизско-таджикских браков (наблюдается не только женитьба киргизов на таджичках, как это было в прошлом, но и наоборот). При этом, если девушка-киргизка выходит замуж за таджика, то соблюдаются свадебные обряды таджикские, если же таджичка выходит замуж за киргиза, то соблюдаются киргизские свадебные обряды.

Большое взаимовлияние обеих культур наблюдается и в обычаях, связанных с рождением и воспитанием детей.

Что касается погребальных обрядов, то они в значительно большей степени сохранили киргизскую специфику.

РОДСТВЕННЫЕ СВЯЗИ

Кошой (1957)

Если кто-либо из близких родственников приезжает издалека (возвращается из армии, приезжает в гости из Ферганы), режут барана, варят все мясо и все куски, включая курдюк, ставят на блюдах перед гостем. Гость приглашает всех родственников и всех односельчан принять участие в трапезе. Все съедается до конца. Сам гость нередко съедает всего один кусок с костью.

Голова, курдюк и печень подаются самому почетному гостю.

Номенклатура родства

Джиргаталь (1952)

Отец — *ата*, мать — *ине*, бабка по отцу — *момо*, бабка по матери — *тейине*, дед по отцу — *чоң ата*, дед по матери — *тайте*, сестра деда по отцу — *теже*, брат старший — *ава*, брат младший — *ини*, сестра старшая — *эже*, сестра младшая — *сеңде*, внук, внучка — *невре*, правнук, правнучка — *чевре*, дядя по матери — *тайне*, дядя по отцу — *ава*, тетка по матери — *тейже*, тетка по отцу — *эже*, жена стар-

шого брата — *жеңе*, жена младшего брата — *келин*, муж старшей сестры — *жезде*, муж младшей сестры — *киёв*, сын брата — *боо*, дочь брата — *сиңди*, сын или дочь сестры — *жеен*, двоюродная сестра по отцу — *?*, двоюродный брат по отцу старше меня — *ака*, двоюродный брат по отцу младше меня — *ини*, двоюродная сестра по матери старше меня — *эже*, двоюродная сестра по матери младше меня — *сиңлим*, старшая сестра мужа, жены — *кайын эже*, младшая сестра мужа, жены — *кайын сеңде*, мать мужа, жены — *кайын эне*, отец мужа, жены — *кайын ата*, старший брат мужа — *кайын ага*, младший брат мужа — *кайни*, муж сестры мужа — *жезде*, жена старшего брата мужа — *жеңе*, апсын (если спрашивают), жена младшего брата мужа — *келин*, муж сестры жены — *бажа*, жена старшего брата жены — *жеңе*, жена младшего брата жены — *келин*, старшая сестра мужа — *кайын эже*, младшая сестра мужа — *акзай*.

Двоюродные по матери — *бала*, двоюродные по отцу — *ака*, *ука*, *эже*, *сиңди*¹.

¹ Первой и, пожалуй, единственной работой, в которой достаточно подробно и основательно рассматривались термины родства у киргизов, является статья Н.П. Дыренковой, опубликованная в 1927 г. (Дыренкова Н.П. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов. По материалам, собранным летом 1926 г. в Нарынском районе Семиреченской области // Сб. этногр. мат-лов. Л., 1927. № 2. С. 7—25. С.М. Абрамзон в своей книге о киргизах посвятил системе родства очень небольшой раздел, поскольку, по словам самого С.М. Абрамзона, эта тема достаточно обстоятельно исследована Н.П. Дыренковой (Абрамзон С.М. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 214—217). В 20-е же годы XX в. собирался и материал Ф.А. Фельдструпа о киргизах, который в значительной степени дополнил исследование Н.П. Дыренковой. В связи с тем, что интереснейший материал Ф.А. Фельдструпа о родственных связях у киргизов так и не был опубликован, считаю необходимым привести его в этой работе, так как он в значительной степени дополняет наши знания в этой области.

Родство. По киргизскому обычаю (*расме*) до пятого-шестого поколения брак между родственниками запрещен. *Суйок* — мне приходится все родственники со стороны матери и жены (и отца[?]); родственники по браку (семья мужа и жены) — *суйок*. *Туган* — степень родства, запрещающий брак между женщиной и женщиной; все киргизы друг другу родственники (?). *Бир туган* — родственники в первом поколении. *Кыыр туган* — родственники до пятого-седьмого колена. *Жакын туган* — близкий родственник. *Тукум* — родственник. *Илик-жилек* — свойственник моих свойственников.

Номенклатура родства. *Баба* — прадед по отцу; *ата* — дед или, если деда нет, отец; *чоң ата* — отец отца; *тай ата* — отец матери; *чоң тай ата* — дед матери по мужской линии; *кайын ата* — отец мужа, жены; *чоң кайын ата* — отец отца жены, мужа (?).

Эне — мать; *чоң эне* — бабушка (мать отца); *тай эне* — мать матери, жена брата матери; *туп тай эне* — мать матери отца; *кайын эне* — мать мужа, мать жены.

- Ака* — отец (если дед в живых) , старший или младший брат отца, старший брат мужа, старший брат, старший сын брата, старший сын брата отца; *тай ака* — брат матери, *кайин ака* — брат отца жены, старший брат жены.
- Ава* — младший брат отца, старший брат.
- Байке, байко* — младший брат отца, ласкательное к ака.
- Ини* — младший брат, сын старшего брата, младший сын брата отца, старший сын брата. *Кайин ини* — сын брата жены.
- Еже* — старшая сестра, сестра отца, дочь старшего брата, дочь старшего брата отца. *Тай еже* — сестра матери. *Кайин еже* — старшая сестра мужа, жены, старшая сестра отца жены.
- Ер* — муж; *куйо* — жених, муж, муж дочери, муж младшей сестры, муж младшей сестры отца; *куйочук* — муж внуки.
- Катын* — жена, *сайин* — жена, *куну* — другая жена моего мужа (во втором лице).
- Бала (боло)* — сын, сын младшего брата, сын сына, сын или дочь сестры отца жены, сын или дочь сестры жены, сын или дочь сестры матери, кузены и кузины; *болочук* — сын или дочь сестры жены.
- Уул* — младший брат мужа, сын.
- Кыз* — дочь, дочь сына и т.д.
- Небара* — внук, внучка; *човоро* — правнук, правнучка.
- Туп* — старший сын; *ортончу* — средний сын; *кенже* — младший сын; *кенже кыз* — младшая дочь.
- Кариндаш* — младшая сестра, младшая сестра отца, дочь младшего брата, дочь младшего брата отца.
- Сиңде* — дочь брата мужа, младшая сестра; *кайин сиңде* — младшая сестра мужа.
- Балдыз (бал улдыз)* — младшая сестра жены, младшая сестра отца жены; *балдызчак* — дочь брата жены.
- Жиен* — сын или дочь сестры, сын или дочь дочери, сын или дочь сына сестры, сын сестры отца; *жиенчер* — дочь сестры, дочь сестры отца; *жиен келинчек* — жена моего жиен; *жиен куйо* — муж моей жиенчек; *тоочор* — сын или дочь жиенчер.
- Жизде* — муж старшей сестры, муж старшей сестры отца; *тай жизде* — муж сестры матери.
- Жаңа (-ида)* — жена старшего брата, жена брата мужа, жена старшего брата отца; *кайин жаңа (жеңе)* — жена брата отца жены, жена старшего брата жены.
- Келин* — жена младшего брата, жена сына, жена младшего брата отца, жена младшего брата жены; *келинчак* — жена внука.
- Бажа* — мужья двух сестер (свояки) , муж сестры отца жены; *авысын* — жены двух братьев (свояченицы).
- Куда* — отец жены сына, отец мужа дочери, брат жены отца, брат мужа дочери, брат отца жены сына, брат отца мужа дочери; *чоң куда* — дед жены сына по мужской линии и т.д.; *кудагый* — мать жены сына, мать мужа дочери, жена старшего брата жены.
- Колукту* — невеста (*колтук* — подмышки, т.е. невеста ходит под мышкой у жениха).
- Өгөй ата* — отчим; *өгөй ана* — мачеха; *өгөй бала* — пасынок; *өгөй кыз* — падчерица; *сроосус* — незаконный ребенок.
- Родственные отношения.** Если племянник по женской линии будет просить у своего дяди лошадь или что-нибудь другое, и тот не даст, то племянник имеет право утнать эту лошадь, и она будет считаться его.
- Пословница.** *Ердин уш журт вар:* биринчи — өз эли, еккинчи — кайини, учинчи — тайи, т.е. “У мужчины три группы родственников: первая — собственный род, вторая — родственники по жене, третья — родственники по матери”.

СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ

Зарождение любой семьи начинается со свадьбы. Изучением свадебной обрядности у среднеазиатских народов занимались многие исследователи¹. Свадебная обрядность каратегинских киргизов пока оказалась вне поля зрения ученых. И хотя свадебный ритуал каратегинских киргизов имеет много общих черт с таковым у киргизов вообще, думается, он будет небезынтересен для читателя, тем более, что в нем имеются и отличия, обусловленные длительным соседством с каратегинскими таджиками.

Свадьба у каратегинских киргизов в 50-е годы XX в. (как, впрочем, у всех народов Советского Союза) сохраняла лишь отдельные черты традиционной свадебной обрядности, да и то часто в измененном виде. Трансформации свадебного ритуала (как и любого другого) способствовало много факторов, и главное — это изменения в быту, обусловленные переходом киргизов к оседлости (в далеком прошлом), и условия жизни в советский период. Утере многих элементов традиционного свадебного ритуала содействовало и появление (часто насаждение) новой общесоветской свадебной обрядности, и прямые запреты советских властей проводить свадьбы "по-старому". Наконец, давнее соседство с таджиками, смешанные браки привели к тому, что в киргизских свадьбах появились элементы таджикской обрядности (и наоборот). При этом, естественно, в районах, где больше таджикского населения, в обрядах преобладают черты таджикской свадьбы, там же, где больше киргизов, наоборот, больше черт киргизской обрядности. Кроме того, в каждом селении, в каждой семье имеются свои особенности в проведении этого важнейшего праздника в жизни человека.

Свадьба — это не просто красочный праздник, а один из главных этапов в зарождении новой семьи. От того, как она пройдет, зависит в значительной степени будущее этой семьи, так как все свадебные обряды носили характер магических действий, направленных на обеспечение счастья, благополучия и появление многочисленного потомства в данной семье, а также служили оберегами от злых сил.

Одним из первых этапов свадебного обряда является выбор невесты и сговор между родителями будущего жениха и невесты. Выбором невесты для сына у каратегинской, как и у других групп киргизского народа, занимался отец, который при этом советовался только с мужской частью своей родни. Ни с женой, ни с матерью не советовались и с их мнением не считались. Если же отца не было (умер), то выбором невесты занимались родственники со стороны отца (тоже, по-видимому, мужская их часть). Кстати, роль отца в выборе невесты и в сватовстве была главенствующей у большинства тюркских

народов Средней Азии и Южной Сибири². Пожалуй, только у северных хорезмских узбеков главная роль при выборе невесты и в сватовстве отводилась матери и вообще женщинам³ (правда, договор о калыме все же заключали мужчины), что свидетельствует о еще неизжитых элементах матриархата.

Первый этап свадебного обряда — стговор (переговоры о вступлении в брак и его условиях) в целом мало отличался от подобного этапа у других народов Средней Азии⁴. Правда, у киргизов, в том числе и каратегинских, и у казахов (но не у узбеков-сартов, не у таджиков) стговор или сватовство состоял из двух частей: предварительные переговоры и собственно сватовство⁵. Первый этап сватовства, по мнению Н.П. Лобачевой, — отголосок брака похищением, который имел место в эпоху перехода от “материнско-родовых к патриархальным отношениям”⁶.

Сначала в дом намеченной невесты, если не было колыбельного стговора, посылалась неофициальная разведка (*куучи*), которая должна была выяснить у отца девушки, можно ли надеяться на положительный ответ, если послать сватов. Если отец невесты был согласен, он назначал день, когда можно было приходиться с официальным сватовством (любой день недели⁷).

В кишлаке Сары-Кендже в назначенный день утром в качестве официальных сватов отправлялись 2—3—4 старика, родственники или друзья, или даже соседи отца жениха⁸. Никаких подношений при этом не несли. Их основная задача была договориться о размерах калыма. Сватов, конечно, угощают. Причем, в 50-е годы угощение зависело от состоятельности стороны невесты. Резали барана или козленка и угощали отварным мясом — главным угощением скотоводческих народов. Но если не было того и другого, то угощали слоеными лепешками, обжаренными в масле (*каттама*) или затирухой, сваренной в молоке и залитой маслом (*орогон*). Оба последних блюда заимствованы, конечно, у каратегинских таджиков.

Один из сватов прочитывает молитву (*фатиха*), и помолвка, казалось бы, должна считаться завершенной, ибо у северных киргизов помолвка не проводилась как отдельное мероприятие. Положительно закончившееся сватовство, по сути, было и официальной помолвкой. Именно с этого момента начиналась у них выплата калыма и добрачные свидания помолвленных⁹. Но у каратегинских киргизов помолвка, похоже, имела продолжение в виде промежуточного между сватовством и свадьбой обряда смотрин невесты стороной жениха. Этот этап сопровождался обильным угощением, обменом подарками, различными, соответствующими случаю, обрядами. Назывался он днем “надевания платья” (*кейнек кигъзу*) и был своего рода закреплением сватовства (ср. у тувинцев обряд

между сватовством и свадьбой назывался *туктеп*, что означает “закреплять”¹⁰).

Кстати, у других групп южных киргизов (киргизов Ошской области, памирских киргизов и киргизов Синьцзяна), по наблюдениям С.М. Абрамзона, тоже существовал такой промежуточный акт между сватовством и свадебным пиром, который проводился очень пышно и являлся собственно помолвкой. По предположению Н.А. Кислякова, он был заимствован у соседних оседлых народов, таджиков и узбеков, и назывался так же, как и у них, *пата-той*¹¹.

Обряд “койнок кигъзу” и форму проведения его каратегинские киргизы заимствовали, скорее всего, у каратегинских таджиков, у которых он являлся собственно помолвкой, поскольку именно после него родители невесты объявляли, что “такие-то взяли нас в родню”¹². Правда, у каратегинских таджиков в этом обряде участвовали в одних районах мужчины, в других — женщины¹³, у каратегинских же киргизов — только женщины.

Итак, в назначенный для обряда “койнок кигъзу” день мать жениха в сопровождении ближайших родственниц отправляется в дом невесты, куда бывают приглашены также женщины-родственницы невесты. Мать жениха, кроме подарков, которые будут перечислены ниже, везет угощение, называемое “олобо быжы”¹⁴. Все мясо (и голова, и ножки, и курдюк) свежезарезанного барана¹⁵, разделанного на строго определенные части (*мучө*), варят в котле. Легкие предварительно наполняют молоком, вскипяченным с маслом. Кишки начиняют мелкой затирухой (*быжы*), жаренной в масле и разведенной в воде. Варят и печенку, и сердце. Все это в остывшем виде складывается в хурджин и зашивается. При этом вначале к отверстию хурджина пришивается кольцо из плоской пластинки серебра (*күмүш шакак*), а затем уже отверстие зашивается. Таким образом, к невесте везут всего сваренного барана; в доме жениха остается только шкура.

Невесте везут также два платья, сатиновое и атласное, один шелковый или шерстяной платок, одну пару серебряных серег работы местных мастеров, по форме напоминающие каплю (*Сомсоко сырга*) или же серьги со спиральными висюльками (*шалдырак кулак сырга*), привозимые из Ферганы. Кроме того, раньше привозили коралловое ожерелье в две нитки с серебряными бусами и серебряным рублем посередине. Для матери невесты тоже везут два платья, сатиновое и атласное. Сестрам невесты и невесткам — по одному платью, а если есть возможность, и платки. Отцу невесты, братьям ее и дядьям привозят халаты и тюбетейки. Если обе стороны живут не в большом достатке, то ограничиваются указанными подарками невесте и ее матери. Причем матери дают или одно платье, или один платок.

В дом невесты первой входит самая старшая из прибывших женщин. Перед входом обе стороны (*кудагыйлар* — сватки) обсыпают друг друга мукой (обсыпание мукой, как известно, во время свадебной обрядности характерно вообще для земледельческих народов, каковыми являются и каратегинские таджики¹⁶). Невеста убегает и прячется в другом помещении своего дома или же в той части комнаты, которая называется *очак баши* “у очага”. Гости усаживаются на основной суфе, и их начинают угощать чаем. После чая гости требуют, чтобы к ним привели невесту. Ее приводит старшая сестра или жена брата. Невеста стоит, опустив глаза.

Первой подходит к невесте и целует ее в лоб и щеку одна из родственниц жениха. Причем эта женщина могла быть замужем только единожды. Затем подходят и целуют невесту и другие женщины, в том числе и будущая свекровь. После этого мать жениха или жена его брата надевают на невесту привезенные платья, ожерелье и серьги.

Для угощения гостей режут барана или козла (в семьях победнее ограничиваются угощением катгамой, дугоба и др.). Курдюк и печенка режутся на мелкие кусочки и на блюде или подносе подаются гостям. Каждая гостья берет по кусочку того и другого.

Следует оговориться, что в традиционном мировоззрении тюрков печени и курдюку отводится особая роль. Печень считалась одним из важнейших центров организма и выполняла, помимо прочих функций, функцию воспроизводства, поскольку принадлежала “к анатомическому низу, связанному в мировоззрении их с плодородием и воспроизводством”¹⁷. К анатомическому низу относился, а значит, имел отношение к воспроизводству и курдюк. Кстати, курдюк, или задняя часть туши, являются одним из значений общетюркского слова *кут*. Другие значения этого слова — жизненная сила, мощь, дух, счастье, удача, благодать, оберег¹⁸. Не случайно в свадебной обрядности среднеазиатских народов постоянно фигурируют печень и курдючное сало, нарезанные ломтиками, которые обязательно едят одновременно. Ими скреплялись свадебные договоры, как, например, в нашем случае, а также у северных киргизов, казахов и др.¹⁹, ими угощаются на собственно свадебном пире уже в наше время.

Но вернемся к нашему обряду “надевания платья”. После печени и курдюка гостям подают мясо, нарезанное на определенные куски. Голова, самая почетная часть туши, подается старшим женщинам. Затем в чашах подается бульон, который едят, накрошив в него лепешки (преимущественно тонкие). За смотрины невесты каждая гостья кладет деньги, которые разбираются присутствующими родственниками невесты.

В свою очередь мать невесты надевает на мать жениха платье, халат (*чапан*) и платок. Потом она кладет перед матерью жениха

несколько отрезов на платье. Мать жениха или раздает все отрезы приехавшим с ней женщинам (может быть, не всем, а некоторым, по своему усмотрению), или все забирает себе, что, конечно, осуждается. После этого гости расходятся, ночевать не остаются.

Второй этап свадебного обряда — собственно свадьба (*той*) устраивается через год, два, три года, после выплаты калыма. Калым выплачивается преимущественно в виде скота. У состоятельных людей калым включает верблюда, коня, две пары рабочих волов (*икки кош огуз*), 20—30 голов мелкого скота. Но в целом калым должны были возглавить девять голов крупного скота²⁰. Даже самый бедный киргиз давал в качестве калыма 10—15 голов скота, причем перечень начинался с коня (*ат баштаб*), у состоятельных он начинался с верблюда (*төө баштаб*). Бедняки, естественно, брали девушек из бедных семей и калым платили сообразно своим средствам. “Но случаев, когда человек не мог накопить средства для женитьбы, здесь не было”, — говорили в кишлаке Сары-Кендже.

Часть калыма шла на проведение свадьбы, что особенно ярко видно из следующего перечня калыма, даваемого уже в советское время. Это как бы доля жениха в свадебных расходах. Итак, в кишлаке Балх давали 25 тысяч рублей (в 50-е годы это были большие деньги), пять баранов, одну корову, пять мешков муки, три мешка сахара, одну флягу растительного масла, одну флягу топленого масла, 15 коробок (больших) конфет, 20 платьев атласных, 10 платьев крепдешиновых, до 60-ти отрезов и т.д.

Следует оговорить, что калым стороне жениха обязательно помогала собрать вся родня. То же самое имело место и у северных киргизов: после сговора и определения калыма отец жениха обходил родственников, прося дать скот для калыма²¹. И те обязаны были дать кто лошадь, кто быка, кто овец, чем помогали справиться с непосильными для одной семьи расходами.

В подготовке приданого, в свою очередь, тоже принимали участие все родственники невесты. Этот обычай многими исследователями рассматривается как пережиток древнего универсального принципа перераспределения доходов и распределения расходов в родовой (территориальной) общине²², по которому все члены общины обязаны принимать участие, в том числе и материальное, в подготовке и проведении различных семейных мероприятий.

Особую статью общих (со стороны жениха и со стороны невесты) расходов на свадьбу были подарки (и угощение) родственникам с обеих сторон, которые делались на протяжении всего свадебного цикла, начиная со сватовства и кончая приездом молодой в аул мужа. Эти подарки (и отдаривания) родственникам, сохранившиеся в пережиточной форме у ряда народов мира²³, тоже, видимо, были частью

института распределения расходов и перераспределения даров между всеми членами данной родственной группы, символический смысл которого давно забыт. Вспомним, например, обязательное распределение отрезков тканей, полученных матерью жениха во время обряда "надевания платья", между всеми приехавшими с нею женщинами. Если мать жениха оставляла все себе, это осуждалось. Подобные примеры распределения расходов и перераспределения даров мы увидим и в дальнейшем.

Мимоходом заметим, что к этому же явлению относится, видимо, и обычай, записанный в кишлаке Сары-Кендже. Когда односельчане видят, что к кому-то приехало много верховых гостей, то соседи устраивают коней у себя (по 1—2), поят их, кормят. А потом сами идут к соседу, у которого гости, и приносят на блюде какое-нибудь угощение.

После выплаты калыма, что порой растягивалось на год и более, сторона жениха у каратегинских киргизов давала невесте сый (букв. "подарок") в виде отрезков тканей. Отец невесты по приглашению отца жениха едет к нему в сопровождении своих близких (около 15 всадников) забрать этот сый. По этому поводу в доме жениха закалывается баран и устраивается угощение. Кстати, у алтайцев (*алтай киж*) сый в советское время — это небольшой подарок (кольцо, перстень, пуговица для наконечника украшения и т.п.) приглашенной девушке от юноши, но еще не жениха, в знак гарантии своей верности. У теленгитов такой дар назывался *белек*²⁴.

Из тканей сый шьется вся одежда невесте (платья, халаты и пр.), постельные принадлежности. Кроме тканей, в сый входили нитки для шитья, вата для халатов и одеял, а также ряд предметов туалета: поясной платок, цветастый, окаймленный бахромой или три метра черного или красного сатина на поясной платок; 1—2 головных платка, шелкового и шерстяного; сапожки или ичиги с галошами; шерстяные узорной вязки чулки (*жураб*) и пр. Правда, по словам одного из информаторов из кишлака Кара-Кендже, калым ограничивался 20-ю головами скота, и никакого сый сторона жениха не давала. Но, думается, что в ряде районов сый со временем стали включать в состав калыма. А на то, что значительная часть калыма уходила на подготовку приданого, указывали многие информаторы. На это имеются сведения и в литературе²⁵.

Вся одежда и постельные принадлежности из тканей сый шьются в доме невесты, но не в день свадьбы, как у таджиков, а заблаговременно, в промежуток от дня получения сый до дня свадьбы (примерно в течение месяца). При этом шьют и вышивают не только мать и родственники невесты (сестры, невестки, тетки), но и сама невеста. Обращаем на это внимание потому, что по наблюдениям Ф.А. Фи-

ельструпа, невеста у северных киргизов не принимала участия в шитье свадебной одежды, чтобы ее не заподозрили в желании выйти замуж²⁶.

Как только сторона невесты заканчивала шитье, она старалась негласно узнать, закончила ли приготовления к свадьбе сторона жениха. При положительном ответе официально посылают сказать отцу жениха, чтобы приезжали на свадьбу.

В составе приданого (жүк — букв. “вьюк”) невесты в Джиргатальском районе были записаны самые разные сведения, что в целом естественно. В районах, где киргизы жили по соседству (чересполосно) с таджиками, приданое киргизки по своему составу приближалось к таджикскому, в районах с преобладанием киргизского населения — приданое, по возможности, было традиционным. Известно, например, что юрта, обязательно входила в состав приданого практически у всех скотоводческих народов. И это свидетельствовало, по мнению исследователей, о сохранении пережитков матрилокального поселения²⁷. Именно в этой юрте, которую давал отец невесты, должна была прожить жизнь супружеская пара. Так, по записям на летовке на высокогорных пастбищах, преимущественно в киргизской среде в состав приданого даже в 50-е годы входила юрта. В Кошое же, большом селении сельсовета Джиргаталь, где киргизы издавна живут по соседству с таджиками, юрта в состав приданого дочери не входила. Но сыну (не дочери) строили дом (признак перехода к патрилокальному браку), как у соседей-таджиков. Однако в том же Кошое в приданом обязательно имелась уже совершенно ненужная узорная тесьма, сшитая из кусков красной и белой кошмы, для украшения юрты с наружной стороны (*тогого жияк*) как отголосок того, что когда-то юрта входила в состав приданого.

В большом селении Майдон-терак того же сельсовета Джиргаталь, если девушку-киргизку выдавали замуж за таджика, то в приданое обязательно входила *супра* (кожаная скатерть, на которой таджички разделявают тесто) и *рафида* (круглая плоская подушка, на которую женщины во время печения кладут сырую хлебную лепешку, прилепляемую к стенке очага), если же выдавали за киргиза, то эти предметы, обязательные для таджикской семьи, не входили в состав приданого. Кошмы и ковры домашнего изготовления — обязательную принадлежность киргизского быта — в кишлаке Майдон-терак тоже могли уже не давать, так как кошмы здесь уже не валяли, ковров не ткали. А на джайлау в недавнем прошлом в приданое входило до четырех ворсовых ковров (*гилем*), вышитый ковер (*тикме*: вышивкой покрывали кошму или мешковину из верблюжьей шерсти — *таар*, в крайнем случае, дерюгу из хлопчатой бумаги) и, конечно, кошмы. Правда, в 50-е годы для приданого часто покупали фабричный ковер.

В приданое каратегинской киргизки обязательно входили ватные одеяла (*жорган* или *көрпө*) с шелковым (*агаркак*, *патимон аллас*) или другим верхом, узкие длинные подстилочные одеяла (*төшөк*), подушки, набитые ватой (*жастык*) в количестве 3—4—6—9, в зависимости от состоятельности (наружная половина наволочки у них обязательно или лоскутная, или вышитая, или комбинированная), ковровая подушка, набитая соломой (*чавадан*). Между прочим, как бы ни была бедна невеста, но если в ее приданом не было чавадана и 2—3-х подушек с лоскутными наволочками, это считалось предосудительным (*аиб*). Так, невестка одного из информаторов в Джиргатале, метиска, росла без отца (киргиза). А поскольку мать ее была таджичка, у девушки не было чавадона. И она вынуждена была перед замужеством сделать чавадон не из ковровой наволочки, а из вышитой. Кстати, в 50-е годы так делали многие.

В приданое входили и ковровый чупал для одежды (*кош-жавык*), и вышитые сумочки для зеркала (*көзгү-кап*), подвесная полка (*кош жавык*), вышитые прихватки и масса других предметов быта, которые необходимы в хозяйстве, вплоть до вздержек для мужских штанов и завязок на чапаны. Естественно, качество и количество даваемых вещей определялись состоятельностью родителей невесты. Правда, шиновку из чия, оплетенную шерстяными нитками, которой в юрте отделяют кухню от остальной части, давали невесте редко.

В приданое обязательно входил свадебный занавес (*көшөгө*), за которым невеста пряталась во время свадебного пира, а после свадьбы он отделял ложе молодых. Кошого, как известно, выполнял и функцию оберега²⁸. Не случайно, его делали лоскутным²⁹. Лоскутки для кошого и джастыков мать собирала чуть ли не со дня рождения девочки. Изготавливается же кошого матерью и невесткой уже после помолвки, когда шьется и вышивается все необходимое для невесты. В советское время для этой цели часто покупали сюзане (*орочо*).

Естественно, что в приданое входила и вся одежда для невесты как свадебная, так и повседневная (все новое), и ювелирные украшения. В советское время в приданое стали входить и такие вещи, характеризующие современную эпоху, как холодильник, стиральная машина, телевизор, шифоньер, буфет, а порой и полный мебельный гарнитур (в зависимости от состоятельности).

Раньше отец девушки, независимо от того, богатый он или бедный, должен был обязательно дать дочери лошадь, на которой она отправлялась в дом мужа, и полное верховое снаряжение, по возможности хорошее³⁰. Отполированное или покрытое лаком седло (*сыр ээр*) для дочери привозили из Ферганы или других мест. Попона (*терлик-тукум*), верх которой был из бархата или вышитого сатина, а подкладка из белой кошмы, украшалась бусами (*мончок*). Покры-

вало на шею лошади с отверстиями для глаз и ушей (*ат чал*) обычно делалось лоскутным. В приданое невесты входили также вышитая легкая летняя попона, обычно из домотканой материи из верблюжьей шерсти (*дыкак*); зимняя попона, верх которой был из грубой домотканой материи таар, а низ — из кошмы (*ороло*); вышитый потник (*тура-салма*); вышитый потник из черной кошмы (*ширдак*); покрывало на шею и голову лошади с отверстиями для ушей (*зилпуш*); покрывало на седло (*копчук*). Особое же внимание в девичьем приданом уделяли плетке (*камчи*). Ее чаще всего привозили из Кашгара. Ручка плетки была обычно из таволги³¹ и обвивалась серебряной или медной проволокой. Такую плетку обычно называли *зымдырдаган* (букв. “обвитая проволокой”; от *зым* — “проволока”). Существовала даже поговорка: *Ат алгыпча анжам ал*, т.е. “Прежде чем покупать лошадь, купи седло со всеми принадлежностями”. Если в приданом были верблюды, то, само собой разумеется, давалось и снаряжение для верблюдов: сетка с кистями на шею верблюда (*төө чал*), повод для верблюда, также украшенный кистями (*төө буйла*) и т.д.

Как уже говорилось, каждая семья при подготовке приданого исходила из своих возможностей. Размеры его (как и размеры калыма) зависели от степени состоятельности родителей невесты. Но в целом оно по ценности уступало калыму, хотя были случаи, когда оно превышало калым. Как говорили в сельсовете Ляхш, отец невесты нередко считал делом своей чести (*намус*) выдать дочь с большим приданым, чтобы об этом шла молва. Так, вещи богатой невесты выючились на три верблюда и сверху покрывались коврами с кистями на концах³².

Выше уже говорилось, что калым и приданое — две стороны одного явления: распределения материальных расходов при проведении такого дорогостоящего мероприятия, как свадьба. И потому они должны быть и были равноценны³³. Со временем, когда калым стал восприниматься как плата за невесту, появилась и тенденция к превышению калыма над приданым. У туркмен, например, стали запрашивать калым в два раза больший, чем фактически давали за невесту³⁴, чтобы показать, как дорого стоит их дочь. У каратегинских же киргизов были записаны данные о том, что девушки часто боялись выходить замуж из-за того, что их могли дешево оценить, т.е. дать недостаточно большой калым за них.

У киргизов, как и у других тюркских народов, за дочерью давали не только приданое — *сеп* (одежду, украшения, постельные принадлежности, юрту, домашнюю утварь и т.д.), но и выделяли ей ее долю наследства — *энчи*, которая состояла преимущественно из скота³⁵. В недавнем прошлом так было и у каратегинских киргизов, судя по тому, что информаторы называли в составе приданого и определенное количество скота. Но к 50-м годам приданое и доля в наследстве по-

теряли четкие очертания, и все стало называться единым словом *жук*, тем более, что скот невесте практически уже не давали.

У многих народов в прошлом приданое — это личные вещи молодой, на которые не имел права муж (как и его родня)³⁶. У тувинцев, например, в случае развода жена могла забрать его с собой. У русских Западной Сибири в случае смерти жены приданое делилось между детьми, а при отсутствии детей возвращалось в “род” ее отца. В семье свекра невестке также выделялась ее доля имущества³⁷. Это свидетельствует о том, что женщина в этих обществах еще не потеряла свою относительную независимость. Она имела свою долю, а значит, определенные права в своей семье (роде) и приобретала соответствующие права в семье мужа, хотя главенствующая роль, конечно же, принадлежала мужчине (отцу, свекру, мужу).

Свадьбы устраивались обычно осенью. По мнению А.Т. Толеубаева, это было связано не только с хозяйственно-экономическими причинами (и скот был жирен, и уменьшались хозяйственные заботы, что в последнее время, кстати, считается наиболее важной причиной). Но человек — часть природы, часть животного мира. И, как весь животный мир, человек предпочитал вступать в брак осенью, чтобы потомство появилось и успело подрасти в теплое время года (весна, осень)³⁸. Но каратегинские киргизы еще отмечают, что в месяц сафар, который считается у народов Средней Азии самым тяжелым месяцем, свадьбы не устраивают. А в месяц рамазан, в течение которого соблюдается мусульманский пост (*ураза*), устраивать свадьбы можно. Не устраивают свадьбы и во вторник³⁹.

В день свадьбы (по записям в больших селениях сельсовета Ляхш Сары-Кендже и Кара-Кендже), которая у каратегинских киргизов (как, впрочем, и у киргизов других территорий, и у других народов Средней Азии⁴⁰) совершается преимущественно в доме невесты (что, по мнению исследователей, является пережитком матрилокального брака), родственники жениха начинают с утра собираться в его доме. К вечеру все бывают в сборе. Гостей угощают, чем могут. Затем незадолго до захода солнца все переезжают в дом невесты во главе с родителями жениха.

Жених, если он из этого же кишлака, остается в своем доме до самого вечера. И только вечером в сопровождении дружков (*куёв жолдаш*), которых бывает от трех до двадцати, украдкой перебирается в один из ближайших к дому невесты домов, чтобы никто из родственников невесты не увидел его. По обычаю избегания женихом родственников невесты, который вступает в силу сразу же после помолвки⁴¹.

Родственники невесты приезжают на свадьбу тоже по приглашению. Те из них, что живут далеко, приезжают вечером, до приезда

родственников жениха. Те же из них, кто живет близко, приходят с утра, чтобы помочь.

Мужчин и женщин угощали в 50-е годы отдельно, хотя раньше мужчины и женщины угощались вместе. Если свадьба проводилась на летовке, то ставили три юрты: для мужчин, для женщин и для кухни. Если в селении, то женщины располагаются в доме невесты, мужчины — на веранде (*долон*). В зимнее же время мужчины принимаются в доме ближайшего соседа.

Соседи не только предоставляют свое помещение, но помогают и тем, что приносят, в случае необходимости, посуду, подстилочные одеяла и пр. Кроме того, как мужчины, так и женщины несут еду для угощения гостей⁴².

Угощение, которое подается в доме невесты, обычно бывает прислано женихом. За 2—3 дня до свадьбы сторона жениха отправляет в дом невесты две головы скота, предназначенных к закланию (*сойиш*): двух баранов (лучший вариант) или барана и козла, или же барана и двухлетнего бычка. Пригоняют их два мальчика — подростки лет по 13—15, братья или племянники жениха. Дженге — наставница невесты — загоняет животных к себе в хлев и не выпускает (если ей удастся заметить мальчиков). Мальчики сообщают отцу жениха о постигшей их неудаче. Он дает мальчикам деньги или отрез на платье для передачи их дженге. Та, получив выкуп, отпускает животных, и мальчики благополучно пригоняют их в дом невесты. Это одна из многочисленных свадебных игр, где со стороны невесты участвуют женщины, а со стороны жениха — мужчины, символизирующих в рудиментарной форме борьбу матрилокального и патрилокального браков⁴³.

Если отцу невесты не понравились бараны, он отправляет их обратно со словами, что баран худой, что гостей будет много, и угощения может не хватить, что сват хочет опозорить его перед всеми и т.д. Такие скандалы бывали часто, и отец жениха вынужден был заменить скотину.

Режет и свежует животное отец невесты, брат или дядя. Варят в том доме, где сидят женщины. Если варят двух баранов, то мясо одного из них подается мужчинам, а мясо другого — женщинам. Мясо разных животных (например, барана и козленка) смешивают, а потом подают мужчинам и женщинам. Курдюк и печень барана нарезаются на мелкие кусочки и подаются гостям обеих групп. Голова барана подается мужчинам, а козленка или бычка — женщинам. Бульон тоже смешивается и подается обеим группам гостей в соответствующее время.

При разделывании туша делится на строго определенные куски по суставам — муча⁴⁴. Более почетным гостям подается по одному муча, молодым — более мелкие куски. Вначале подается бульон —

шорпо, заправленный луком, перцем, кинзой, затем мясо. Но перед бульоном с мясом подаются чай, сладости и прочее угощение: бурсаки, каттама, яйца, сахар, хава, урюк, орехи, ягоды тута и т.д.

К приходу гостей невеста прячется за занавес — кошого, где сидит с подружками, девушками и молодухами. Хотя до этого, когда в доме было лишь несколько родственников, она ходит совершенно свободно и участвует в приготовлении к свадьбе. В этот вечер заправилами свадьбы бывают две дженге — родственницы невесты. Одна чаще всего бывает женой старшего брата или дяди по матери невесты, а другая — более дальняя родственница. Дженге выбираются из женщин молодых или средних лет, бойких и острых на язык. Роль дженге на свадьбах очень большая. Будучи наставницей невесты, она принимала участие в самых ответственных моментах свадебной церемонии⁴⁵. Более того. Это лицо, несущее особую ответственность за охрану невесты от враждебных сил и сопровождавшее ее всюду. Даже в первую брачную ночь дженге находилась поблизости⁴⁶.

Перед началом угощения гостей дженге в сопровождении других женщин отправляются разыскивать жениха. Дружки прячут жениха в зимнее время в хлеву или еще где-нибудь, а летом жених находится просто в поле недалеко от дома или в ближайшей рощице. Дружки выходят навстречу женщинам и ложными указаниями запутывают их, заставляя долго искать жениха. Наконец жених отыскивается, и его с дружками ведут к дому невесты, толчками и щипками заставляя их петь.

У входа в дом требуют у жениха выкуп на право войти. Получив его (в 50-е годы — 100—150 рублей), они проводят жениха на почетное место (*төр*), и все они выстраиваются у стены лицом к гостям: в центре жених, справа и слева по одной дженге и по равному числу дружек. Жених и дружки стоят, сложив руки на груди (правая рука на левой), а дженге стоят, опустив руки. Дженге заставляют дружек петь или танцевать. Того же, кто не поет и не танцует, дерут за уши. Следует отметить, что раньше киргизы не танцевали. Танцевать стали под влиянием соседей-таджиков. Причем танцы ничем не отличаются от таджикских. Танцуют как мужчины, так и женщины, но только на свадьбах.

В прошлом, как говорят информаторы, дженге в мужскую гостевую комнату не заходили, а петь дружек заставляли гости. Песни поют лирические, посвященные своей возлюбленной — девушке или молодой женщине. Если возлюбленная далеко, и ее родственники не присутствуют, то в песне могли даже упомянуть имя любимой. Но чаще в песне называют вымышленное имя, созвучное имени любимой девушки (женщины). Воспевают и жену свою, если женятся по любви. И даже коня своего.

После песен дженге просят сесть жениха, но он не садится. Тогда дженге говорят: *Бир малынды оптик*, — что означает освобождение жениха от обязанностей делать дженге в данный момент подарки. После этого жених и дружки садятся. Дженге приносят чай и угощение: боурсаки, каттама, яйца, сахар и пр. Жених и дружки встречают их в знак почтения стоя, сложив руки на груди и приветствуя их (*саллям*). Садятся только после разрешения сесть. И так при каждом входе дженге жених и дружка встают почтительно, правда, уже не приветствуют.

Дженге на свадьбе обслуживают только жениха и дружек. Для обслуживания гостей выделяются специальные люди — есаулы (*жасаул*). Дружки в промежутках между угощениями (чай со сладостями, бульон, мясо) поют сидя. Раньше пели обязательно под аккомпанемент комуза. В 50-е годы, когда собирался материал, пели и без него. На женской половине, по записям в Кара-Кендже, тоже поют и танцуют, а по записям в Сары-Кендже, не поют и не танцуют.

Жених ничего не ест и все угощение передает дружкам, а те не только уплетают за обе щеки, но и суют его в карманы, а также передают другим гостям. Сами дженге тоже едят, сидя по обем сторонам от жениха. После их особенно сильных настаиваний жених начинает есть, но очень немного. Невесте и ее подружкам, сидящим за занавеской, тоже передают поесть.

Другой вариант угощения жениха записан в Кара-Кендже. После того, как угостят гостей, мать невесты, ее сестры и жены братьев несут в блюдах каттама, боурсаки, сладости, яйца, плов и т.п. жениху с дружками. Дружки едят и разбирают оставшееся, а жених, его ближайшие друзья, родственники бросают в блюда деньги. Этот обряд называется *тавак кылдык*, т.е. “подали блюдо”.

В связи с изменением уровня жизни в советское время довольно часто стали упрощать проведение свадьбы, этого дорогостоящего мероприятия. В частности, мужчин стали угощать в чайхане (своеобразном среднеазиатском клубе), а женщин — в доме невесты. Аксакалы — организаторы тоя — стали делать все, чтобы сократить расходы и избежать ненужных затрат. В частности, они возражали против того, чтобы вареное мясо привозили и гости, поскольку для угощения вполне хватало того мяса, что готовилось в доме устроителей свадьбы.

Во время свадьбы (как, впрочем, и на других торжествах) были различные развлечения, в том числе стрельба на скаку по шару (мочевой пузырь крупного рогатого скота, наполненный водой), доставание монеты зубами из котла, наполненного смесью воды и муки и др. К 50-м годам почти исчезла (видимо, из-за дороговизны мероприятия) национальная игра *улак*, или *көкбөрү* (козлодранье), которая устраивалась стороной невесты. Причем, по записи в селении

Сассык-булак, при козлодрании было обязательно преодоление водной преграды: начинали игру на одной стороне реки, а завершали на другой. Река выполняла роль границы, разделявшей территории двух партий. Победители в козлодрании съедали тушу сами. Почти исчезло в советский период и такое любимое раньше развлечение как скачки.

В кишлаке Гулама (сельсовет Джайлган) информаторы говорили, что козлодрание устраивали только по случаю обрезания сына, рождения первого внука, но не по случаю свадьбы. В связи с этим вспоминается запись, сделанная С.С. Губаевой в Ферганской долине, о том, что пир по случаю обрезания сына — гораздо более важное мероприятие, чем свадьба. Возможно, поэтому у некоторой части каратегинских киргизов козлодрание, довольно дорогостоящее мероприятие, устраивалось только по особо важному случаю, а именно рождению (появлению) еще одного мусульманина. Но это, конечно, более поздняя точка зрения.

Пока угощаются и веселятся, начинает светать. Гости, приехавшие издалека, остаются ночевать. Остальные уходят. Уходит и жених. Если он из этого же кишлака, то идет домой, если живет далеко, то идет ночевать к родственникам или друзьям.

Утром оставшиеся гости и ближайšie соседи и родственники собираются в доме невесты на завтрак. После завтрака начинается процедура бракосочетания (*нике байланады*), которая носит традиционный мусульманский характер. Невеста по-прежнему сидит за занавесом, а жених находится в помещении среди гостей-мужчин. После молитвы двое мужчин, близких родственников невесты (*тага* — “дядя” и *ойа* — “старший брат”), в качестве свидетелей отправляются к невесте выпросить у нее согласие на брак. Она долго не дает его, плачет. Ее начинают уговаривать и родители, сердятся. Если невеста по-прежнему молчит, мать может даже пройти за занавес и ударить дочь по голове. Наконец невеста дает согласие. Брат и дядя идут скорее к мулле, который сидит около жениха, и сообщают о согласии невесты. Жених произносит формулу принятия в жены такую-то, дочь такого-то. При этом он клянется, что не будет жену обижать, ругать и даже перечисляет примерные ругательства, которыми он не будет ее ругать.

После прочтения *нике* жениху и невесте дают испить воду из одной чаши, над которой прочтена молитва, и мулла закрепляет брак молитвой. Присутствующие женщины тоже дают своим детям испить воды из этой чаши, так как считается, что она избавляет от коклюша и вообще дает благодать. В советское время *нике* устраивалось за несколько дней до загса. Но в связи с тем, что участились разводы, в 50-е годы регистрацию брака в загсе стали откладывать даже на полгода после проведения *нике*.

После нике родственницы жениха во главе с его матерью идут поздравлять невесту. Первой подходит мать жениха и целует ее в лоб. Затем она достает из-за пазухи тонкую лепешку, в которую завернуты мясо и сало, и проводит по волосам девушки по обе стороны от пробора (*чач кармак*), вплетает в них серебряные украшения. За свекровью подходят и другие женщины и целуют невесту, некоторые делают ей подарки или дают деньги (*корумдук* — букв. “за смотрины”). В это время дженге подшучивают друг над другом и целуются.

После нике отец невесты дарит жениху комплект одежды, а дженге наряжают его. На голову жениха надевают тюбетейку, а потом наматывают большую белую чалму. Надевает жених белые бязевые штаны, вздержка которых бывает из белого шелка, а концы ее (длиною до 50 см) имеют вышивку и кисти из разноцветных шелковых ниток. Завязки белого джегде (длинная рубашка с разрезом для пупа), окантованного красным, также украшены кистями и бусами. Поверх джегде надевают чапан — ватный халат из бекасама, ад-раса или пашаи. Затем надевают *тон* — верхний халат из золотканой парчи (*зар кымкал*). На ноги жениху надевают род чулок из кошмы (*пайпак*). Верхняя часть этих чулок отделялась красным или черным бархатом и украшалась вышивкой. Поверх этих чулок надевали сапоги (*отук*).

Вечером дня нике в доме невесты собираются только самые близкие родственники с обеих сторон и ближайшие соседи. Дженге выводят невесту из-за занавеса и усаживают у очага (*очак баши*), а за занавесом стелют постель молодым (*төшөк салар*). Дженге, стелившей постель, жених дает 70 рублей (*төшөк басты*). Жениха усаживают на постель и его старшая сестра осыпает его монетами (*танга чачады*). Младшие сестры невесты собирают их.

2—3 дженге несут сначала на одеяле (раньше на белой кошме) жениху невесту, а ее младшую сестру. Он снимает ее с одеяла. Потом уже несут ему невесту, которую он тоже снимает с одеяла. Дженге показывает жениху лицо невесты через зеркало (*көзгө мнен көрүндүк*), за что он дает дженге 100 рублей. После того, как жениха с невестой оставляют на брачном ложе, все уходят. Остается только одна дженге (вспомним, что дженге оберегает невесту постоянно до переезда ее в дом мужа и даже во время первой брачной ночи).

Перед первой брачной ночью резали барана или козленка, и одна из женщин легкими зарезанного животного била молодых, усадив их спинами друг к другу и накрыв халатом. Подобный обряд зафиксирован и у других групп киргизов⁴⁷. Делают это для того, чтобы оградить молодых от несчастий и обеспечить им плодovitость. Кстати, легкое затем бросают собаке, чтобы у молодых было столько детей, сколько

щенят у собаки. Возможно, этот обычай связан с общим культом барана, козла, даровавшим плодородие. Но, кроме того, по представлениям тюрков, легкое — один из важнейших органов, который связан с дыханием. А без него нет жизни⁴⁸. А коль так, возможно, бьют молодых легкими для того, чтобы обеспечить жизнеспособность как новой семьи, так и будущего потомства.

После бракосочетания и первой брачной ночи молодая жила в доме своих родителей от одной недели до года, во всяком случае, до первых родов, так как рожать в отчем доме считалось предосудительным. Правда, в 50-е годы многие киргизы стали перевозить молодую в дом мужа в день свадьбы. Под влиянием ли таджикских обычаев или изменившихся социально-экономических условий, сказать трудно. Скорее всего, под влиянием обоих факторов.

После помолвки (*фатиха*) жених не посещает невесту даже тайно, хотя у северных киргизов этот обычай был широко распространен⁴⁹. После бракосочетания жених в доме невесты на брачной постели за занавесом находится в течение трех суток. Затем он уезжает к себе и возвращается через три дня с мелкими подарками для молодой и вареным мясом одного барана. Только после этого он тайно, но с ведома дженге посещает свою жену в течение всего времени пребывания ее в доме родителей. Подобное свидетельство матриликального брака в пережиточной форме характерно было и для северных киргизов, и для многих других народов⁵⁰.

Итак, по истечении определенного срока новобрачная должна ехать в анл мужа. Она надевает на себя всю одежду. При этом вся она (включая платки, обувь) должна быть ненадеванной. Все ношенные вещи остаются в родительском доме. Только крайне бедные надевают под низ нового платья ношеное. Богатая невеста надевает до 5–6-ти платьев, бедная — не менее двух. Сверху надевается шелковое платье, а под низ — из цветастого сатина (*лас*) или из красного сатина (*кзыл сатин*). Сверху надевают один ватный халат из красного бархата или из бекасама или агаркак.

Штаны надевают одни. Шелковые штаны в этих краях не носят, считая, что это грешно. А вообще женщина обычно имеет не более двух штанов: одни стирает, другие носит. Хотя нередко женщина, стирая их, обходится сама без оных. Впервые невеста надевает и головной убор замужней женщины: *калак* (белый тюрбан) с чач-кепом⁵¹. Лицо невесты закрывали специальной сеткой (*өз джапкыч*), сплетенной из белой шелковой пряжи, которая служила своего рода оберегом от злых духов. Молодежь 50-х годов считала уже, что сетка — признак стыдливости невесты.

В селении Кара-Кендже при переезде в дом мужа на молодую надевали не тюрбан, а большой вышитый платок (*дуруя жоулук*) и ли-

цевую занавеску и сажают ее на лошадь. Причем едет она сама, а не на поводу, как у таджиков. Может быть, это признак большей самостоятельности киргизской женщины по сравнению с таджикской. При выезде из родительского дома молодая плачет. Приданое невесты раньше перевозили на лошади или верблюде, в зависимости от объема его. В советское время стали перевозить на машине, как, впрочем, часто и невесту.

В доме мужа молодой подавали в пиале молоко с маслом. Она обмакивает мизинец и облизывает его, а в молоко опускает кольцо, которое берет женщина, подавшая молоко. Магня белого цвета, как известно, играла у многих народов, в том числе и тюркских, большую роль в свадебной обрядности и символизировала пожелание светлой и благополучной жизни. Кроме того, молоко считалось аналогом оплодотворяющей жидкости. У хакасов даже существовал шаманский обряд излечения бесплодных женщин молоком⁵².

Когда молодая впервые входит в дом мужа, она кланяется очагу и проходит в дом. Это несколько упрощенный обряд *отко кирды* (букв. "вошел в огонь"), который совершался при первом приезде в дом мужа. Кланяясь очагу (а у северных киргизов, как и у других народов тюрко-монгольского мира, бросая сало в очаг, брызгая молоком, молочной водкой), невеста как бы просила защиты и покровительства у духа огня в новом для нее доме и тем самым приобщалась к семье (роду) мужа.

Затем молодая садится, и на ее подол с одной стороны сыпят просо или ячмень, чтобы была плодovitой, а с другой стороны, кладут камень, чтобы была тяжела, может, чтобы прочно сидела в новом доме. В течение одного года невестка не выходила на улицу. Некоторое время избегала свекра и деверей. Через определенное время дарила им поясные платки или тибетейки и только после этого переставала избегать их.

Раньше молодая жена приезжала в дом своих родителей только спустя год. Затем срок этот сократился до 2—3-х месяцев. К 50-м годам она и вовсе посещает отчий дом чуть ли не через месяц после переселения в дом мужа.

В селении Сары-Кендже был записан и такой свадебный обычай, характерный и для таджиков. Перед проводами молодой в дом мужа с ее стороны делаются следующие приготовления. Один сундук (а в 50-е годы чаще чемодан) наполняют угощением для родственников молодого. Называется это *келин-кечик*. В сундук (чемодан) кладут токачи, боурсаки, сахар, урюк, сушеные яблоки, тут, вареные яйца, в пиалах тар-халва. Одним словом, всякие сладости и вкусные вещи, но только не горькие, чтобы не навлечь горькую участь для молодой. Кроме того, кладут нитки, простые и шелковые, для вышивания.

Поверх всего кладется одна подушка, и сундук запирается. Все это укладывает кто-либо из родственниц молодой или ее мать⁵³.

Этот сундук открывают лишь на следующее утро, после того как новобрачную привезут в дом мужа. Открывает сундук и передает ключ матери новобрачного только мать молодой (если ее нет, то жена брата или жена дяди или старшая сестра), как бы передоверяя счастье своей дочери, ее будущий достаток и благополучие свекрови. Мать жениха отдает подушку, лежавшую сверху, пожилой родственнице, угощение и нитки раздает присутствующим женщинам, а пиалы остаются в ее доме.

Кроме этого сундука, сторона невесты привозит хурджин, наполненный вареным мясом (мясо одного барана с курдюком и печенью, но без головы, ножек и внутренностей), лепешками, токачами и боурсаками. Если нужно было ехать далеко, то отверстие хурджина зашивалось, если близко, то не зашивалось. Этот обряд, возможно, был заимствован у соседей-таджиков⁵⁴. И скорее всего, представляет собой (в том числе и у таджиков) одну из сторон пережиточной формы древнего принципа перераспределения доходов того или иного рода, общины, характерного для доклассового и раннеклассового общества, о чем писалось выше.

Многие запреты для невестки в доме мужа, имевшие место в прошлом, бытуют и сейчас. Новобрачная не имеет права называть по имени не только свекра и свекровь, но даже братьев и сестер мужа, причем не только тех, кто старше ее, но и тех, кто младше. *Эй, кыз! Эй, бала!* — обращается она к ним (“Эй, девочка! Эй, мальчик!”). Если кто-либо спрашивает имя указанных лиц, невестка может называть это только в том случае, если данное лицо не присутствует. А в селении Кошой говорили, что новобрачная может называть по имени только тех родственников мужа, которые родились после ее переезда в дом мужа. Даже друга своего мужа невестка называет не по имени, а словом *аяш*. Впрочем, и он называет жену своего друга *аяш*.

Отношение к невестке в доме мужа вообще было сдержанным. Во всяком случае не очень старались демонстрировать свою любовь и близость даже в 50-е годы. Так, у секретаря колхоза в Сары-Кендже, молодого человека, комсомольца, недавно вернувшегося из армии, в период сбора материала тяжело болела беременная жена. Но он не посылал за врачом, так как стеснялся того, что люди будут говорить: вот, мол, он любит свою жену и заботится о ней. Или в семье Шариповых в Джиргатале сын, работавший в то время секретарем райкома комсомола (отец — киргиз, мать — таджичка), вернулся из трехдневной командировки. Вся семья (родители, сестра, муж сестры) шумно его встретила. Только молодая жена не подошла и не поприветствовала, а даже сделала вид, что не видит его. Таков обычай.

И еще об одном обычае, имеющем отношение к свадебной обрядности, хотелось бы сказать. Это так называемый *куёв кармаш* (буквально “ловля жениха”). В прошлом он был довольно распространен и устраивался ежегодно в аиле молодухи при посещении его новобрачным. Причем устраивался он не только в первые годы после свадьбы, но и в последующие. Например, отцу нашего информатора Юлдашева А. из селения Кошой было 50 лет, когда ему устроили очередной *куёв кармаш*. Сущность этого обряда заключается в “пленении” зятя и в последующем взаимном угощении. Устраивается этот небольшой праздник обычно летом, на джайлау. Зачинателями и устроителями бывают обычно молодые и средних лет женщины, дженге. Установив, что есть чем угостить и что подарить зятю, они говорят ему: *Биз сизни кармаймиз* (“Мы вас берем в плен”). Зять отвечает: *Шерик чакрайын* (“Давайте, я позову дружков”). И тут же покупает или одалживает барана и передает его родственникам жены, чтобы они зарезали и приготовили его.

Обычно варят мясо без лука и других приправ (*хале-шорпа*). Кроме того, зять припасает два—три отреза ткани для подарков дженге. Родственники жены тоже готовят зятю подарки: халат, рубашку, штаны, тюбетейку. После этих приготовлений дженге нападают на зятя и его друзей, стараясь облить водой, обсыпать мукой и золой. Бывает много веселья и смеха. После этого зять и его спутники проходят в юрту тестя. Собирается и весь аил. Женщины приносят различные лакомые блюда. Все, включая и барана, съедается собравшимися.

Как известно, киргизы четко делятся на две группы, северных и южных, которые различаются не только составом входивших в них племен, но и элементами материальной и духовной культуры, обычаями и обрядами. Особенности материальной и духовной культуры южных киргизов (опшских, алайских, памирских, кашгарских и картегинских), их обычаев и обрядов в значительной степени объясняются соседством их с издавна оседлым земледельческим населением (узбеками-сартами, таджиками, уйгурами). Свадебная обрядность каратегинских киргизов, в которой немало заимствований из культуры каратегинских таджиков, является еще одним подтверждением этого.

¹ В частности, О.А. Сухарева, С.М. Абрамзон, А. Джумагулов, Г.П. Васильева, Н.А. Кисляков, Н.П. Лобачева, Х.А. Аргынбаев и др. Часть литературы будет приведена в сносках.

² Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков. М.; Л., 1958. С. 78 и др.; Он же. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969. С. 100; Есбергенов Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразования в городском быту каракалпаков. Нукус, 1973. С. 52—53; Толеубаев А.Т. Реликты

- доисламских верований в семейной обрядности казахов. *Алма-Ата*, 1991. С. 15; *Потапов Л.П.* Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. С. 234 и др.
- ³ *Кисляков Н.А.* Очерки... С. 140; *Лобачева Н.П.* Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков) // СЭ. 1981. № 2. С. 40. У узбеков-кипчаков невесту выбирала мать, тетки, замужние сестры, но сватами были мужчины (*Шаниязов К.Ш.* К этнической истории узбекского народа: Историко-этнографическое исследование на материалах кипчакского компонента. Ташкент, 1974. С. 309).
- ⁴ *Лобачева Н.П.* К истории сложения свадебной обрядности (на примерах комплексов свадебных обычаев и обрядов народов Средней Азии и Казахстана) // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. См. там и соответствующую литературу.
- ⁵ Там же. С. 146–147, 167.
- ⁶ Там же. С. 148.
- ⁷ У каракалпаков “счастливым” для сватовства днем была среда (*Есбергенов Х., Атамуратов Т.* Указ. соч. С. 50), у казахов такими днями были среда и четверг (*Толубаев А.Т.* Указ. соч. С. 15).
- ⁸ У памирских киргизов отец непосредственного участия в сватовстве не принимал (*Кисляков Н.А.* Очерки... С. 115), у северных же киргизов, судя по записям *Ф.А. Фиельструпа*, отец принимал активное участие в сватовстве (*Фиельструп Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века). М., 2002. С. 20, 21).
- ⁹ *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 231; *Кисляков Н.А.* Очерки... С. 116; *Фиельструп Ф.А.* Указ. соч. С. 22, 50.
- ¹⁰ *Потапов Л.П.* Указ соч. С. 236.
- ¹¹ *Кисляков Н.А.* Очерки... С. 116.
- ¹² *Нурджанов Н.* Свадьба // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1976. Вып. 3. С. 31.
- ¹³ Там же. К сожалению, форма проведения этого обряда у каратегинских таджиков не приведена.
- ¹⁴ *Олобо* (кирг.) кушанье из легкого овцы, наполненного молоком и маслом и сваренного в воде. *Олобо быжы* (кирг.) колбаса из мелко рубленного и поджаренного мяса с рисом или мукой.
- ¹⁵ Баран, как известно, у народов Средней Азии и Казахстана — сакральное существо. Заклание его и вкушение его мяса желательно во всех особо важных случаях.
- ¹⁶ *Лобачева Н.П.* Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана // Домусульманские верования и обряды в Средней Азии. М., 1975. С. 324.
- ¹⁷ *Львова Э.А., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество (Далее: Традиционное мировоззрение...). Новосибирск, 1989. С. 70.
- ¹⁸ *Юдахин К.К.* Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 431, 452; Традиционное мировоззрение... С. 72–73.
- ¹⁹ *Кисляков Н.А.* Очерки... С. 101, 115 и др.; *Толубаев А.Т.* Указ. соч. С. 17.
- ²⁰ Магическое число “9” фигурирует в свадебном церемониале у всех народов Средней Азии и Казахстана и должно было, видимо, приносить удачу, счастье, благополучие. Счет калыма вообще шел “девятками” и называлось *тогуз/токкыз* (девять), *токкызлык* (*Юдахин К.К.* Указ. соч. С. 741; *Кисляков Н.А.* Семья и брак... С. 142; *Он же.* Очерки... С. 103, 108, 118, 140 и др.; *Абрамзон М.С.* Указ. соч. С. 220; *Есбергенов Х., Атамуратов Т.* Указ. соч. С. 57;

- Нурджанов Н. Указ. соч. С. 32; Лобачева Н.П. Свадебный обряд... С. 44, 49; Толеубаев А.Т. Указ. соч. С. 33—34 и др. работы.
- 21 Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 22.
- 22 Сухарева О.А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 28; Абрамзон С.М. Указ. соч. С. 218—219; Люшкевич Ф.Л. Традиции межсемейных связей узбекско-таджикского населения Средней Азии (к проблеме бытования калыма и других патриархальных обычаев) // СЭ. 1989. № 4. С. 58—68.
- 23 См., например: Шлыгина Н.В. Свадебная обрядность прибалтийско-финских народов в конце XIX — начале XX в. // СЭ. 1991. № 2. С. 104.
- 24 Тадина Н.А. Формы заключения брака и ритуальное поведение у кожных алтайцев. Вторая половина XIX — начало XX в. // ЭО. 1992. № 4. С. 54.
- 25 См. литературу по этому вопросу в работах: Абрамзон С.М. Указ. соч. С. 222; Нурджанов Н. Указ. соч. С. 37—38 и другие работы.
- 26 Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 35.
- 27 Бонч-Осмоловский Г. Свадебные жилища турецких народностей. Л., 1926. С. 109; Кисляков Н.А. Очерки... С. 74; Абрамзон С.М. Указ. соч. С. 221; Лобачева Н.П. Различные обрядовые комплексы... С. 310; Потапов Л.П. Указ. соч. С. 241; Толеубаев А.Т. Указ. соч. С. 23; Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 38, 39.
- 28 Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 17, 81.
- 29 Как известно, лоскутные изделия (одеяла, наволочки, детские рубашечки, свадебные занавеси и т.п.), или *курок* (букв. "составленный из кусочков") распространены были в Средней Азии не случайно. Они, во-первых, служили оберегом от глаза, а во-вторых, считалось, изделия из кусочков способствуют плодородию и вообще умножению. Например, у новорожденных будет так много детей, скота и имущества, как много кусочков в свадебной занавеси, наволочке на подушке и т.д. (магия по сходству). Чаще всего куроки делали из тех кусков ткани, которые раздавались на различных семейных торжествах и которые считались обладающими магическими свойствами. Подробнее о куроках см.: Писарчик А.К., Хамиджанова М.А. Узорные изделия из кусочков материи // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970. Вып. 2. С. 203—224. В советское время изделия из кусочков ткани часто заменялись изделиями с вышивкой.
- 30 См. об этом: Абрамзон С.М. Указ. соч. С. 221.
- 31 По качеству древесины второе место после таволги занимал *иргай* (кизильник).
- 32 Подобные сведения приводит и С.М. Абрамзон (Абрамзон С.М. Указ. соч. С. 222).
- 33 См. об этом: Люшкевич Ф.Д. Указ. соч. С. 82—83.
- 34 Васильева Г.П. Туркмены-нохурли // ТИЭ. 1954. Т. XXI. С. 194—201; Овезбердыев К. Материалы по этнографии туркмен-сарыков Пендинского района // ТИИАЭ АН ТуркмССР. Ашхабад, 1962. Т. VI.
- 35 Потапов Л.П. Указ. соч. С. 237 и др.; Абрамзон С.М. Указ. соч. С. 221—222; Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 35.
- 36 См., например: Потапов Л.П. Указ. соч. С. 237, 249, 262; Миненко Н.А. Взаимоотношения супругов в русских крестьянских семьях Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в. // СЭ. 1978. № 2. С. 74.
- 37 Потапов Л.П. Указ. соч. С. 237, 249, 262; Миненко Н.А. Указ. соч.
- 38 Толеубаев А.Т. Указ. соч. С. 21; Традиционное мировоззрение... С. 19.
- 39 У северных киргизов несчастливыми для свадьбы днями были вторник, пятница и суббота (Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 32). У каратегинских таджиков не-

- счастливыми для сближения между новобрачными считались время в ночь на субботу, вторник и среду (*Нурджанов Н.* Указ. соч. С. 53). Сафар — второй месяц мусульманского лунного календаря, рамазан — девятый месяц.
- 40 *Абрамзон С.М.* Указ. соч. С. 233; *Фиельструп Ф.А.* Указ. соч. С. 33; *Кисляков Н.А.* Очерки... С. 109 и др.; *Лобачева Н.П.* Различные обрядовые комплексы... С. 304, 306, 309. В этих работах приведена и литература по вопросу.
- 41 *Кисляков Н.А.* Очерки... С. 187 и др.
- 42 О пережитках древнего принципа распределения расходов и перераспределения доходов см. выше.
- 43 О пережитках борьбы матрилокального и патрилокального браков см.: *Абрамзон С.М.* Указ. соч. С. 234, 235 и др.; *Кисляков Н.А.* Очерки... С. 160 и др.; *Лобачева Н.П.* Различные обрядовые комплексы... С. 313 и др. (В этих работах приведена и литература по вопросу).
- 44 По древним поверьям тюрков, кость — одна из основ жизненной силы человека и животных, и их нельзя разрубать. Ибо, если разрубить кости дикого или домашнего животного, то они перестают водиться. И чтобы дикие и домашние животные не переводились, надо сохранять в целостности костяк разделываемого животного. Кстати, не только тюрки, но и многие другие народы верят, что целые, не разрубленные кости со временем обрастают мясом, и животное возвращается к жизни, что приводит, естественно, к увеличению поголовья. Напротив, уничтожение костей приводит к сокращению добычи животных в будущем (*Фрэзер Дж.* Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980. С. 587; Традиционное мировоззрение тюрков. С. 56—69). Этим объясняется обязательное разделывание туши строго по суставам в Средней Азии.
- 45 Наиболее полно о функциях дженге (янга) сказано в статье: *Лобачева Н.П.* Сверстники и семья // СЭ. 1989. № 5. С. 87—94.
- 46 *Снесарев Г.П.* Указ. соч. С. 82.
- 47 *Кисляков Н.А.* Очерки... С. 120; *Фиельструп Ф.А.* Указ. соч. С. 28.
- 48 Традиционное мировоззрение. С. 80—91.
- 49 *Абрамзон С.М.* Указ. соч. С. 226.
- 50 Там же. С. 235—236.
- 51 Здесь термин *эзечек* для обозначения белого тюрбана не бытовал. Как любезно нам сообщила Н.П. Лобачева, у северных киргизов *эзечек* молодуха должна была надевать лишь после рождения первого ребенка. Сразу же после свадьбы ей надевали на голову *шөүкөлө* — богато украшенную конусообразную шапку молодой женщины.
- 52 Традиционное мировоззрение... С. 74.
- 53 *Нурджанов Н.* Указ. соч. С. 49—50.
- 54 Там же.

ОБРЯДЫ, СВЯЗАННЫЕ С РОЖДЕНИЕМ И ВОСПИТАНИЕМ ДЕТЕЙ

Об обрядах, связанных с рождением и воспитанием детей, написано немало, в том числе и по народам Средней Азии¹. Каратегинские киргизы остались в этом плане вне поля зрения. Наш небольшой полевой материал² призван в какой-то мере восполнить этот пробел, хотя многое, конечно, покажется читателю знакомым, поскольку одни

обряды, связанные с рождением ребенка, характерны для многих народов мира, другие — характерны для тюрко-монгольских народов, в том числе и киргизов, третьи — для мусульман.

К 50-м годам, когда собирался материал, многие обряды у каратегинских киргизов, естественно, были забыты. Беременные женщины находились на учете в женских консультациях и выполняли предписания врача, рожали чаще всего в родильных домах. Но кое-что из старой обрядности во многих семьях сохранилось. И эти реликты представляют интерес.

Срок беременности у каратегинских киргизов, как, впрочем, и у многих других народов, определялся в 9 месяцев, 9 дней, 9 часов и 9 минут³. В тех семьях, где была возможность, беременную женщину с 4—5 месяцев освобождали от тяжелой работы. Если же такой возможности не было, женщина работала до последних дней. В колхозе беременную женщину освобождали от непосильной работы по справке врача. Будущая мать не должна была заходить в дом, где в данное время был покойник, ибо, по поверью, пуповина могла свиться (*киндик бурулиб кетади*). Если по каким-либо причинам ребенок рождался раньше положенного срока (более чем на 10—15 дней), то его подвешивали в чем-то теплом (зимней шапке, одеяле и т.п.) к кереге юрты для “дозревания”, во всяком случае, у северных киргизов⁴. Вполне возможно, что так было раньше и у каратегинских киргизов. Снимали ребенка только для кормления и перепеленания. При этом ребенок не должен был касаться земли, видимо потому, что он не касается земли в утробе матери.

При приближении родов женщина просила мужа привести бабу-повитуху (*эмчи*), называя последнюю по имени, например, *Альча кампирни апкель*, т.е. “Приведи бабу Альча” (селение Сары-Кендже). Если роды происходили в юрте, то роженица садилась на корточки⁵ в центре юрты, держась руками за *бакан* (жердь, поддерживающая *чангарак* — дымовое отверстие в юрте). Если роды происходили в доме, то роженица садилась на корточки у очага, лицом к нему и держалась руками (*кармашиб*, букв. “ухватившись”) за очаг.

Повитуха садилась на корточки позади роженицы, брала руками ее за талию и помогала. Две другие женщины (кто-либо из близких родственниц: мать, свекровь или еще кто-либо) поддерживали роженицу под мышки. Перед этим одна из этих женщин (не повитуха) держала чашку с мукой над головой роженицы, другая разбивала над этой чашкой кусок соли, приговаривая: *Умай знанинг хакига* (букв. “В долю Матушки Умай”). Затем чашка с мукой и солью отдавалась повитухе.

В 50-е годы XX в. на бабу-повитуху смотрели, прежде всего как на специалиста в своем деле и только. Но раньше роль повитухи в ро-

дильных обрядах была гораздо большей. Как очень точно определили авторы серии “Традиционное мировоззрение тюрков”, на принимающую роды повитуху смотрели как на земного дублера Матушки Умай⁶ — покровительницы рожениц и младенцев, которая незримо присутствует при родах, помогая младенцу появиться на свет, а затем оберегает его в течение всего колыбельного периода (до трех лет). Не случайно, именно повитухе отдают у каратегинских киргизов долю Матушки Умай (чашку с мукой и солью), а северные киргизы, по материалам Ф.А. Фиельструпа, дают повитухе шкуру и грудину зарезанного в честь рождения ребенка барана⁷ (шкура, как известно, является одной из сакральных частей животного, а грудинная часть — одной из самых престижных частей). У многих же тюркских народов без повитухи и рожать было нельзя, ибо без покровительства богини Умай, в данном случае без участия в родах ее дублера — повитухи — результат мог быть непредсказуемым.

Именно повитуха проводит первые две—три ночи с роженицей, чтобы обезопасить ее от нападений *албарсты* (демонического существа в образе старухи, вредящего роженице и ее младенцу; антипод Матушки Умай). Именно она показывает новорожденного во время праздника в честь рождения ребенка (*жентек*), получая за это разные мелкие подарки (*корумдук*, букв. “за смотрины”). И наконец, именно ее, пользующуюся почетом и уважением, называли у тюркских народов, в том числе и у киргизов, не иначе как Киндик эне (букв. “Мать пупка”)⁸. И не столько потому, что перерезала пуповину именно она, хотя это важный момент. А, думается, потому, что имя Киндик эне, видимо, было синонимичным Умай эне.

Отпавшую пуповину каратегинские киргизы хранили дома. И не случайно. По представлениям многих народов мира, в том числе и тюркских, пуповина, как и послед (см. о последе ниже), была вместилищем души ребенка, жизненной силы его⁹. Пуповина была и одним из символов Матушки Умай (наряду с луком и стрелами, веретеном, раковиной каури, бронзовой пуговицей, бараньими астрагалами — альчиками)¹⁰. И потому многие народы хранили отпавшую пуповину дома, подвешивали в мешочке к колыбели ребенка, считали, что она приносит счастье. И верили, пока будет в целостности и сохранности пуповина, будет жив и здоров ребенок¹¹. Пуповина, таким образом, служила оберегом.

Отношение к последу было подобным, поскольку, как уже было сказано, в нем также пребывает дух-хранитель ребенка или часть души ребенка. И от сохранности плаценты также зависели здоровье, жизнь, судьба ребенка¹². Не случайно, у древних тюрков послед назывался “умай”, как звалась и богиня — покровительница рожениц

и младенцев¹³. Одни народы считали плаценту матерью ребенка¹⁴, другие — братом или сестрой¹⁵, древние тюрки считали плаценту сакральным двойником его¹⁶. Так или иначе, отношение к последу было более чем уважительное и для пущей его сохранности старались закопать ее в укромном месте, часто даже в доме, у порога, в куче золы у очага или у срединного столба в помещении¹⁷. Турки Турции закапывали его в хлев, чтобы увеличить плодородную силу скота¹⁸ и т.д. Но некоторые народы предпочитали, чтобы послед был съеден собакой, так как в этом случае в дальнейшем у роженицы должно было быть так много детей, как щенков у собаки¹⁹. Именно так, видимо считали и каратегинские киргизы, которые чаще всего бросали послед собаке, обязательно самке, хотя нередко и закапывали его, обычно подальше от юрты. Правда, хорезмские узбеки и хакасы бросали послед собаке только в том случае, если в семье постоянно умирали дети, поскольку, согласно их поверьям, злые силы не смогут отнять послед, а значит и ребенка у собаки²⁰.

Как было сказано выше, если каратегинская киргизка рожала в доме, то она держалась за очаг. И это не случайно. Культ огня и его вместилища — очага (и дымохода) был известен многим народам. Огонь не только охранял и очищал от всего вредоносного, не только даровал счастье, благополучие, потомство, но и был покровителем человека, семьи. И потому огню, очагу, дымоходу приносили жертву салом, жиром, молоком в определенные периоды жизни, чтобы заполучить его покровительство. Более того, тюркские народы отождествляли огонь с богиней — покровительницей рожениц и новорожденных, называя его “Умай эне”²¹. Таким образом, роженица у каратегинских киргизов, держась за очаг, как бы просила помощи у богини Умай эне, а при трудных родах приносила жертву ей (в данном случае огню) в виде сала, масла.

На помощь покровителя рассчитывала роженица и тогда, когда держалась за бакан при родах в юрте. Столб в центре юрты, дома — сакральная часть жилища. Он символизирует собой “священное дерево”, “мировое дерево” и просто дерево, которое является символом жизни, благополучия, помогает родить и выкормить детей и имеет еще массу других функций²². У семиреченских киргизов, по материалам Ф.А. Фиельструпа, роженица держалась за длинный кол, воткнутый в землю²³. Алтайки рожали, ухватившись за дерево или шест, установленный рядом с очагом, который называли *Каин эне*, т.е. “Матушка береза”. Так же, держась за дерево, рожали долганки²⁴. А хакасы березовый шест, который муж роженицы заносил в юрту через дымовое отверстие и устанавливал одним концом на землю, называли *алтын теек*, т.е. “золотая коновязь”²⁵ или “золотая палка”. А между прочим, по представлениям карачаевцев, “алтын та-

як” — это ничто иное, как палка божества Чоппа, “демиурга”, “творца” жизненного начала, покровителя плодородия²⁶.

Словом, дерево береза, березовый шест, просто шест или бакан — все это суть символы божества, которое, как и Матушка Умай, должно было помочь роженице и появлению на свет младенца, а также уберечь их от злых духов.

При трудных родах каратегинские киргизы, помимо принесения жертвы очагу, устраивали так называемое *худои* — жертвоприношение и угощение для односельчан и близких. Жертвенное животное (барана, козу, курицу) трижды обводили вокруг роженицы (обычно одна из родственниц), затем разрезали ухо животного и кровью его мазали правую ногу роженицы, а также давали ей подержаться рукой за ногу животного. Затем это животное резали, варили из него суп и угощали соседей. Если не было даже курицы, угощали соседей постной лапшой или давали хлеб, деньги.

При трудных родах каратегинские киргизы звенели еще и уздечкой. Уздечкой звенели и таджики долины Хуф, якобы потому, что духов пугало железо, имеющееся в уздечке²⁷. Но этому обычаю можно дать и другое объяснение. По представлениям некоторых народов, лошадь — потомок дива²⁸. Звон уздечки должен был, видимо, свидетельствовать о присутствии поблизости от роженицы лошади. А раз так, нечисти помельче, которая могла навредить роженице и младенцу, можно не беспокоиться²⁹.

При рождении девочки у каратегинских киргизов присутствующие били по котлу (*казан кагады*), при рождении же мальчика мулла произносил *азан* (призыв к молитве у мусульман). Чем объясняется такое неравноправие, пока неясно, ибо у турков Турции *азан* спешат прочесть на ухо любому новорожденному, и мальчику, и девочке, чтобы шайтан не успел завладеть душой ребенка. Причем произносят *азан* до того, как перережут пуповину³⁰.

О рождении ребенка каратегинские киргизы извещают ближайших родственников и тут же начинают готовить кисель из *талкана*. Талкан готовят заблаговременно следующим образом: пшеницу варят в соленой воде, сушат на солнце, жарят в котле без масла, а затем уже толкут или мелят. Для приготовления киселя готовый талкан кладут в котел, туда же кладут масло и заливают кипятком. Прибывшие соседи и родственники тут же едят этот кисель, вырывая друг у друга, устранивая в шутку драки. Этот обряд называется *талаши-казан* (букв. “драка за казан”). Между прочим, этот обряд не отмечен ни у северных киргизов, ни у каратегинских таджиков, ближайших соседей рассматриваемой нами группы киргизов.

Если отец новорожденного состоятельный человек или ребенок долгожданный, то в день рождения ребенка или на третий день после

рождения при наречении имени, а порой и гораздо позже устраивают угощение — той для соседей и родственников, который называется *жентек*.

В течение трех дней после родов роженицу кормят так называемым *зрик-ов-атала*: жареную докрасна муку заливают водой и кипятят, получается кисель. По истечении трех дней роженице дают зрик-ов-атала без воды — жареную муку заливают маслом. Роженица должна выпить этого блюда целую *касу* (суповую чашку) даже через силу. Не заставляют пить только тех женщин, чей организм считается обладающим горячительными свойствами. Такой женщине дают лапшу со сколотиной или кислым молоком и урюком (*орик-атала*). Для приготовления последнего урюк толкут в ступе вместе с косточками, разводят в воде, процеживают и жидкость наливают в лапшу.

В течение 40 дней родильница очень мало ест хлеба (в первые три дня его и вовсе нельзя было есть), совсем не пьет пресного молока и вообще старается не есть охлаждающую пищу, а питается преимущественно айраном и аталой. Мяса ест тоже мало. Примерно так же кормят роженицу и таджики Каратегина³¹. А вот киргизы Семиречья, по материалам Ф.А. Фиельструпа, в первый день дают роженице кипяченое молоко, на второй день — чай, на третий — кашу из проса (*тару*), на четвертый — муж режет барана и кормит жену мясом³².

Чилля (т.е. первые 40 дней после родов, когда мать и дитя считаются наиболее уязвимыми, и потому посещения посторонних нежелательны) у каратегинских киргизов в 50-е годы уже строго не соблюдалась. В первый и последующие дни к роженице с поздравлениями приходят односельчане: женщины, мужчины, дети. Единственное исключение: женщины, которые родили в одном и том же месяце, не должны были видеть друг друга. Считалось, что если эти, недавно родившие женщины взглянут друг на друга, то дети их будут страдать от болячек. Чтобы этого не произошло, соседки, родившие в одном месяце, совершают обряд "лизания соли" (*туз жалашады*): садятся у арыка спиной друг к другу, закрыв лицо головным платком. Третья соседка подносит каждой из них на ладони соль и дает каждой лизнуть ее, остаток соли выбрасывают в арык.

Каждый проходящий навестить роженицу приносит какой-нибудь подарок: ткань на рубашечку, платок, деньги и т.д. Нередко подарок бывает совсем незначительным. Соседки несут и дастархан с аталой и лепешкой. Обратное в дастархан ничего не кладут. Если в доме есть кому вести хозяйство, то роженица остается в постели до истечения 40-дневия. Если же вести хозяйство некому, то роженица спустя неделю меняет платье и приступает к исполнению повседневных домашних дел.

Новорожденному в течение первых 40 дней дают 1—2—3 раза в день сливочное масло. Иногда вместо сливочного масла дают сосать вареное курдючное сало. Мать начинает кормить младенца грудью спустя три дня после родов, предварительно искупавшись и надев чистое платье. По истечении 40 дней ребенка кормят только грудью и не подкармливают до года, если у матери достаточно молока. Молоко матери до 40 дней считается ууз (молозиво). Бывает и так, что на одном материнском молоке ребенка держат и до двух лет, т.е. до тех пор, пока ребенок не начинает есть сам³³.

Ребенка подкармливали кашей из рисовой муки на молоке. Кроме того, пекли тонкие лепешки в котле, сушили их, толкли в порошок и хранили в мешочке. Из этой муки тоже делали кашу на молоке или сливках. Давали ребенку и лапшу, но чаще всего подкармливали чем попало. Более того, в 50-е годы во многих домах Джиргаталя дети росли почти без молока, из-за отсутствия в хозяйстве собственных коров и вообще без специальной дополнительной пищи.

Детскую обрядность условно можно разделить на два цикла. Первый относится преимущественно к младенческим годам, к тому периоду, когда ребенок особенно подвержен болезням и разным напастям. И все эти обряды несут охранительную функцию, играют роль оберега. Второй цикл — это обряды инициационного характера, т.е. несущие функцию перевода ребенка из одной возрастной группы в другую, изменяющие статус ребенка. Тому и другому циклу обрядов в прошлом практически у всех народов придавалось большое значение. Но к 50-м годам у каратегинских киргизов истинный смысл многих обрядов стерся, видоизменился и даже вовсе исчез и часто воспринимался лишь как красивый обычай, оставшийся от прошлого. Потому нередко объяснения информаторов типа: “Так делали наши предки”.

Рассмотрим каждый из этих циклов.

Обряды охранительного цикла совершаются с момента рождения ребенка до исполнения ему трех лет (некоторые из них мы рассмотрели выше). Если дети в семье не выживают, то очередному новорожденному мажут губы желчью беркута, когда дают ребенку масло. Довольно распространен не только у киргизов, но и у других народов среднеазиатского и алтайско-сибирского регионов обычай заранее договоренной “кражи” младенца, а затем “выкупа” его родителями. Новорожденного из семьи, где дети умирали, не показывая матери, уносили в дом многодетной женщины, которая ухаживает за ним в течение трех дней и при этом кормит ребенка сливочным маслом и сахаром.

На четвертый день (у северных киргизов и через три дня, и через год, и даже после достижения ребенком зрелого возраста³⁴) мать ребенка, искупавшись и надев чистое платье, в сопровождении свекро-

ви отправляется “покупать” ребенка. При этом на одну чашу весов кладут ребенка, на другую сыплют пшеницу, ячмень или кизяк. Семиреченские киргизы “покупают” ребенка за девять пустячных предметов из домашнего обихода (нож, шило, волосяная мочалка для мытья казана и т.д.)³⁵, а каратегинские таджики тоже взвешивают, насыпая на одну чашу весов пшеницу³⁶. В том и другом случае родители как бы показывали злым духам, что покупка малоценная, а потому она (т.е. ребенок) не стоит их внимания³⁷.

В доме подставных родителей мать впервые кормит младенца грудью. Иногда, чтобы еще больше ввести в заблуждение злых духов, она кормит сначала щенка, а потом ребенка. Так же поступали и ягнобки, если у них постоянно умирали дети³⁸. Подставные родители дарили младенцу рубашечку. Если были в состоянии, как оговаривали информаторы. Семиреченские киргизы тоже давали младенцу рубашечку или даже скотину, хотя опять-таки далеко не всегда³⁹. Но, думается, что подставные родители обязательно должны были что-то дать “проданному” ребенку. Ибо, выступая в качестве “настоящих” родителей, они обязаны были дать ему его “долю” наследства. Поскольку же истинный смысл этого обычая забылся даже к 20-м годам прошлого века, то не все информаторы отмечали это.

Когда приносили “купленного” ребенка домой, то пропускали его предварительно между ногами трех старух, стоявших одна за другой в проходе от двери до суфы. Делали это опять-таки, чтобы ввести в заблуждение злых духов. Пропускание между ног — это имитация нового рождения ребенка. Причем у долго проживших и скорее всего многодетных женщин. У семиреченских киргизов, у казахов “купленного” ребенка пропускали под коленом именно многодетной старухи, у которой не умирали дети, или между ногами девяти женщин⁴⁰. Описанный обряд находится в одном ряду с подобной гомеопатической магией, бывшей у многих народов мира, начиная с древних греков и до наших дней. Его совершали для возвращения к жизни человека, считавшегося мертвым, или при необходимости усыновления⁴¹, как в нашем случае.

Ребенку, пропущенному между ногами трех старух, каратегинские киргизы давали имя Учкамбир (букв. “Три старухи”). Обычно же “купленному” ребенку давали имена Сатигуль (букв. “Купленный цветок”) девочке и Сатыпалды (букв. “купил”) мальчику.

Одним из способов сохранить ребенка было и посвящение его мазару. Существовал этот обычай, видимо, у всех народов Средней Азии. М.Р. Рахимов рассматривает его как пережиток древнего обряда “пожертвования”⁴². Так, у информатора Орман-ага из селения Кара-Кендже умерло девять сыновей. Десятого он решил сохранить во что бы то ни стало. С этой целью он оставил ему кокиль (локон)

на затылке и посвятил его Святому Хазрати-Бурху. Когда сын подрос, он с ним ездил на мазар Хазрати-Бурха в Вахию и там с жертвоприношениями отрезал локон сына.

Были и другие способы уберечь ребенка в семье, где умирали дети. У информатора Равшана Шодиева умерло четверо детей. Трое сыновей умерло чуть ли не в течение 12 дней, по-видимому, от туберкулеза легких. Умерла взрослая дочь. В период сбора материала у него было две дочери, 7-ми и 6-ти лет, и семимесячный сын Турсун (букв. "Пусть живет"). К чапану мальчика пришиты амулеты и связки деревянных бус. Бусы вырезаны из боярышника двоюродными братьями мальчика, которые жили недалеко от Ферганы. Кроме бус и амулетов, к левому плечу чапана Турсуна пришит маленький ситцевый мешочек (*хурджин*). Оказывается, таких хурджинов было три, по одному на каждом плече и один на спине, но мать через некоторое время оставила только один. Хурджины пришивают к одежде тех детей, которых вымолили, выклянчили у Бога. В эти хурджины люди, знающие этот обычай, кладут что-нибудь: деньги, сахар, алычк и т.д. Эти вещи берет мать и считается, что ребенок, собирая подаяние, кормит свою мать. Таким образом, высказывается пожелание, чтобы ребенок дорос до такого возраста, когда он начнет кормить свою мать.

Этого мальчика не укладывали в обычную колыбель, так как предыдущие дети, лежавшие в такой колыбельке, умирали. Для него специально был сооружен гамак из волосяного аркана, двух палочек и одеяла. Кроме того, мать, уверенная в том, что предыдущие дети умерли от сглаза, решила этого ребенка держать в менее привлекательном виде, в грязной, старой одежде. Чтобы уберечь от сглаза, содержали детей невымытыми, в грязной одежде практически все народы Средней Азии, и не только⁴³. Шили детям и специальные так называемые "нищенские" халатики (*талао чапан*) из вертикальных полос разного цвета, выпрошенных у родственников и близких людей, опять-таки чтобы уберечь ребенка от сглаза (см. вклейку).

Для оберега ребенка от сглаза на спинку ватного халатика у каратегинских киргизов пришивался и амулет (тумар), часто — несколько амулетов. Амулет представлял собой небольшой прямоугольник (по-видимому, из картона или бумаги с заклинаниями, написанными на них), обшитый плотной материей. Висел этот прямоугольник на железных цепочках. К прямоугольнику были пришиты несколько прядей из шерсти яка (по материалам Ф.А. Фиельструпа, к халатику ребенка пришивается и вовсе кусочек хвостика яка⁴⁴), кусочек окрашенной в красный цвет волчьей кости и высушенный волчий глаз, зашитый в маленький мешочек. Шерсть должна была предвещать здоровье, тем более шерсть с такого сакрального места, как хвост (о сакральности хвоста см. выше), а волчья кость и волчий глаз свя-

заны, видимо, с пережитками древнетюркского культа волка. От всех этих предметов якобы бежит нечисть (*кара качады*).

Рубашечки и халатики маленьких детей не подрубали до рождения следующего ребенка, чтобы не прекратить способность женщины рожать.

Как уже было сказано, обряды оберегающего свойства были особенно необходимы ребенку в период от рождения до трех лет, т.е. в колыбельный период. Ведь и Матушка Умай охраняет младенца в течение именно этого времени. Обряды же инициационного цикла сопровождали ребенка практически от рождения до его полного взросления. При этом в младенческий период они часто переплетались с обрядами оберегающими.

Начнем с одного из первых, на наш взгляд, инициационных обрядов — купания новорожденного. Каратегинские киргизы, как и киргизы других регионов, купали младенца в первый раз на третий день после рождения и надевали при этом рубашечку с горизонтальным воротом, сшитую из старой материи, чаще всего из старой рубашки старших детей. Эту рубашечку называли *ит койнак* (букв. "собачья рубашечка") и надевали сначала на собаку, а затем на ребенка. Делалось это для того, чтобы или обмануть злых духов, или чтобы все несчастья, предназначенные ребенку, перешли на собаку, или чтобы передать ребенку плодовитость собаки⁴⁵. На темечко ребенку клали вату, а потом повязывали головку платком из старой мягкой ткани. Поясницу ребенка перевязывали каким-нибудь шнурком или тесемкой.

Второе купание совершалось только на 40-й день, причем сопровождалось оно специальным обрядом: купали в 40 ложках воды, заменяли старую рубашечку (*ит койнак*) на новую, сшитую по покрою взрослых людей, и специально испеченные 40 маленьких лепешечек разносили в 40 домов, завернув их в старую рубашечку (*ит койнак*).

Подобный обряд был и у семиреченских киргизов, только купали ребенка в 41 ложке воды с солью, а 40 лепешечек раздавали собравшимся гостям⁴⁶. Киргизы Атбашинского района раздавали 40 лепешек детям и надевали на младенца рубашечку, сшитую из 40 лоскутков, которые собирали в соседних домах⁴⁷. Специальный обряд, посвященный первому купанию ребенка, был и у других народов⁴⁸. Все это приводит к мысли о том, что первое купание ребенка носило не столько очищающий, сколько ритуальный характер (сравним, таджики Каратага купали ребенка через три дня, если он родился чистым, и в тот же день, если он родился грязным⁴⁹).

Появление ребенка на свет было, по существу, отторжением его от мира природы и "приобщением его к миру людей". Купание же (т.е. обращение к водной стихии, в которой ребенок пребывал в утро-

бе матери) как бы возвращало его на какой-то момент к породившей его природе⁵⁰ с тем, чтобы облегчить, может быть, его переход в новую для него ипостась, в новую стадию, в мир людей. Не случайно, именно в этот день, т.е. в 40-дневие, каратегинские киргизы сбивали и родовые волосы (*карын чач*), которые опять-таки были из иного состояния ребенка.

Любопытно, что, по мнению таджиков долины Хуф, именно через 40 дней “животный дух”, который составлял до сего времени душу ребенка, уступает место “человеческой душе”. По этому поводу делали большое угощение для односельчан, на ребенка надевали новую одежду⁵¹. А в Шугнани и Рушани по истечении 40 дней тело новорожденного покрывали порезами на спине и груди, чтобы удалить “мертвую” кровь⁵² (или “животную” кровь, кровь другого, природного, мира).

Вообще число 40, характерное для семейной обрядности (родильной, поминальной) многих народов мира, по мнению авторов книги “Традиционное мировоззрение тюрков Сибири”, является “количественно-качественным показателем состояния переходности”⁵³. Именно через 40 дней роженица переходит из состояния сакральной “нечистоты” в обычное свое состояние; через 40 дней младенец, как и его мать, становятся менее уязвимыми; через 40 дней душа умершего окончательно рвет с этим миром и отлетает в мир иной и т.д.

Исходя из всего сказанного, думается, что купание младенца через 40 дней в 40 ложках воды, сопровождавшееся раздачей 40 лепешек в 40 домов и заменой первой рубашечки (*ит койнак*) на новую, сшитую из 40 лоскутков, собранных в 40 домах, а также бритьем родовых волос носило ритуальный, инициационный характер. Только после этого обряда могли показывать младенца, пребывавшего уже в новом качестве, посторонним. Хотя повторяем, что у каратегинских киргизов в 50-е годы значение многих обрядов были забыты и чилля (40-дневие) уже не соблюдалось.

Замена “собачьей рубашечки” (*ит койнак*), которая скорее всего была одним из символов “животного” мира, на рубашечку “мира людей” также имела инициационный характер, поскольку способствовала переходу младенца из одного состояния в другое, переходу его в следующую стадию, на новую ступень. Кстати, у персов первая одежда ребенка, которая представляла собой просто кусок белой ткани, называлась “рубашкой воскресения из мертвых” и была на ребенке в течение суток⁵⁴. Название станет понятным и логически оправданным, если помнить, что согласно архаическому мировоззрению, круговорот, существующий в природе, предполагает рождение, достижение зрелости, смерть, а затем новое рождение, или возрождение, и т.д. всего живого, в том числе и человека, точнее, души его⁵⁵. Возро-

ждаясь в каком-нибудь младенце, душа умершего практически “воскресает из мертвых”, т.е. является в этот мир из потустороннего мира, мира мертвых, что и фиксируется специальной одеждой, “рубашкой воскресения из мертвых”, символом того мира.

Часто день ритуального купания малыша на 40-й день совпадал у каратегинских киргизов с первым положением его в колыбель⁵⁶. Колыбель для первенца покупали или заказывали у мастера родители роженицы. Мать родильницы также снабжает колыбель всеми необходимыми принадлежностями. Вместе с колыбелью она привозит и 10 кг талкана, 5—10 кг топленого масла, вареное мясо одного барана. Вместе с бабушкой приходят (приезжают) ближайшие родственницы роженицы. Собираются родственницы и со стороны отца новорожденного, и односельчанки. Все они приходят с подарками для младенца, которые кладутся в колыбель.

Пожилая женщина по имени Таджи (сама она таджичка, а муж киргиз) поведала о своей заветной мечте. Ее младшая дочь родила уже второго ребенка, а Таджи еще не подарила колыбели для внучат, так как поссорилась со сватьей, т.е. свекровью своей дочери. Люди упрекали Таджи: “Ты делаешь колыбель не ради сватьи, а ради своей дочери. Ты должна это сделать”. Теперь старуха мечтает явиться в дом сватьи с шиком, с дорогими подарками. Она рассчитывает иметь деньги осенью (один из сыновей нанялся на время летних каникул вместе со своим отцом к геологам, чтобы подзаработать; да и старший сын обещал дать денег) и поехать в Душанбе, чтобы самой выбрать там лучшие шелка и атласы для оборудования колыбели и для подарков дочери, зятю и сватье. Кстати, у каратегинских таджиков колыбель тоже обязаны приносить родители родильницы. Эту их обязанность называли “долгом страшного суда” (*карзи киёмат*)⁵⁷.

Положение в колыбель сопровождалось обычно празднеством (*бешик той* — букв. “праздник колыбели”). Собравшихся угощают чаем с баурсаками, лепешками токач, сладостями. Затем подают баранину и *шорво* (бульон или суп). После угощения все прочитывают молитву и высказывают благопожелания (*дуа беради*). Всем присутствующим раздают подарки, в том числе раздается и часть подарков, принесенных самими гостями. Ближайшим родственницам роженицы отец новорожденного дарит отрезы на платье (*сарпайы* — вид дорогой ткани).

После угощения ребенка укладывают в колыбель (матрасик колыбели набивают созревшими семенами конского щавеля, чтобы было мягко, как говорят информаторы) несколько родственниц, закрывают колыбель чехлом (*бешик жабу*), а затем сверху рассыпают конфеты, сахар, баурсаки, зерна или семена растений (*чачила чачады*). Дети и женщины собирают сладости и тут же съедают их, чтобы

получить частичку благодати. Женщины делают это, возможно, с тайным желанием сделать такой же бешик той. Желательными днями для укладывания в колыбель считались понедельник и четверг. Совершенно нежелательным для этого обряда был вторник, как и у таджиков Каратегина⁵⁸. И вообще следует отметить, что обряд положения в колыбель у каратегинских киргизов проходил так же, как и у их соседей-таджиков.

У семиреченских киргизов, по материалам Ф.А. Фиельструп, бешик той проходил несколько иначе. В колыбель ребенка укладывали и через 40 дней, и через 2—5 дней. Но перед непосредственным положением ребенка в колыбель многодетной старухе подносили на блюде топор, пять альчииков и баурсаки. Старуха сначала клала в люльку топор, чтобы ребенок был крепок как топор. Затем в колыбель кладут альчиики, чтобы ребенок мог хорошо в них играть⁵⁹, сыпали баурсаки. При этом старуха качает колыбель и спрашивает: “Онз бы? (Правильно ли?)”. Кто-нибудь из женщин отвечает: “Онз! (Правильно!)”. Окуривали колыбель дымом арчи для изгнания злых духов, бросали в огонь сала: приносили жертву очагу, т.е. Матушке Умай (как уже говорилось, огонь тоже называли “Матушка Умай”). И только после этого, все убрав, укладывали в колыбель младенца⁶⁰.

К обрядам инициационного цикла относится и обряд имянаречения, который к 50-м годам практически исчез из жизни каратегинских киргизов. Известно, какую роль играло имя у многих народов мира⁶¹. Для тюркских народов, как и для многих других, наречение имени было “основной формой моделирования социального статуса”⁶². Алтайцы, например (впрочем, не только они), старались дать имя младенцу в первый же день, ибо человека без имени преследовала нечистая сила⁶³. Так как младенец с получением имени “навсегда расстается с безличьем и асоциальностью”⁶⁴, это событие отмечалось с большой торжественностью.

Но, как уже было сказано, важность этого события к 50-м годам многими уже не осознавалась. Имянаречение у каратегинских киргизов превратилось в очень обыденную процедуру. Специальный той в честь наречения имени мало кто устраивал⁶⁵. Если рождался мальчик, то обычно на третий день после рождения приглашали 2—3-х мужчин и мулу. Последний после соответствующей молитвы и давал имя по своему выбору. *Китабка караб*, — говорили информаторы, т.е. “глядя в книгу”.

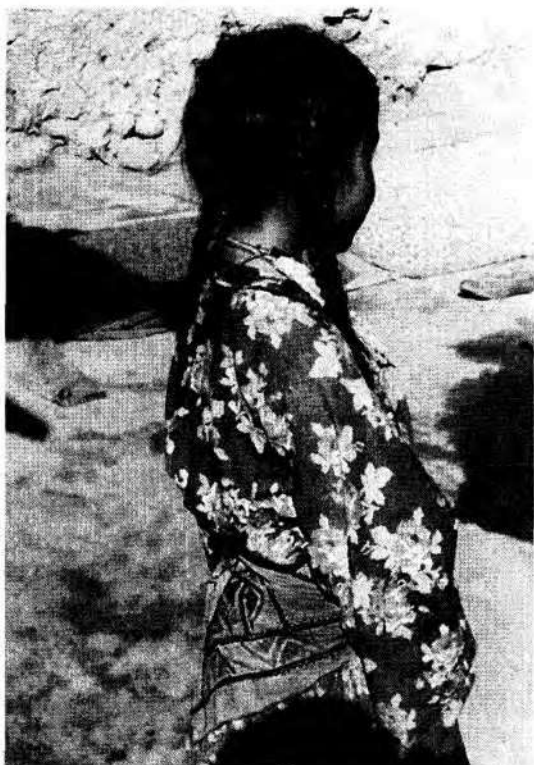
Раньше имя давал один из уважаемых членов общины, старик. Причем, как писал Ф.А. Фиельструп, “на что упадет взгляд старика, то и будет именем”. Он в своих полевых записях приводил по этому поводу и очень выразительную сартовскую поговорку: “Если у

киргиза ребенок рождается в степи, назовут степью, в горах — горою”⁶⁶. Впрочем, у многих кочевых народов был обычай называть ребенка первым попавшимся на глаза предметом. Таким образом ребенок как бы терялся среди окружающих его предметов и становился невидимым для злых духов. Но соседство джиргатальских киргизов с таджиками несколько усилило роль муллы в обряде имянаречения.

Бедные родители даже при рождении сына не приглашали муллу. Девочке и вовсе имя давали обычно сами женщины и никаких молитв при этом не читали. Просто говорили: “Пусть имя будет такое-то, Аллах Акбар!”. Значение имянаречению придавали только в том случае, если дети в данной семье умирали. Девочке в таком случае давали имя Турсун-гуль, а мальчику — Турсун-Али или Турсун-ходжа (от *турсун* — букв. “пусть живет”). Если же рождались одни девочки, то давали имя Буруль (букв. “повернись”, видимо, в сторону мальчика) или Джульча (букв. “подвинься” и дай место мальчику). Если ребенок не первый, то имя ему давалось созвучное именам старших детей. Мальчиков, родившихся в четверг, обычно называли Ильяситдин или Наджмитдин (неясно, почему).

Первая стрижка волос — еще один этап в социализации ребенка. Удаление родовых волос как бы окончательно отделяла ребенка от утробного мира и приобщала к миру, в котором ему отныне придется жить. По представлениям многих народов мира в древности, состриженные волосы (и ногти), как и послед, и отпавшая пуповина (см. выше), находятся в симпатической связи с их владельцем. И от того, в чьих руках и в каком состоянии они находятся, зависит судьба ребенка. В связи с этим состриженные волосы тщательно прятались: хранились в доме, подвешивались на дереве или закапывались в укромном месте, подшивались в воротник одежды младенца и т.д. Первые волосы доверяли стричь только самым близким родственникам. В честь этого важного события совершали соответствующие обряды и устраивали торжества⁶⁷.

У семиреченских киргизов родовые волосы в начале XX в. сбривали бритвой через 40 дней после рождения ребенка. У ошских киргизов брили родовые волосы только в годовалом возрасте. При этом отец посылал ребенка к старшим родственникам, и каждый из них, отстригая немного, давал подарок (жеребенка или теленка)⁶⁸. У каратегинских киргизов к 50-м годам XX в. этот важный этап в социализации ребенка уже значительно упростился и часто проводился без специальных торжеств. Впервые волосы ребенку стригли, как уже говорилось и через 40 дней, и в шесть месяцев, и в годовалом возрасте, в зависимости от количества волос на голове, и даже в три—четыре года.

Способ заплетания косичек у девочек. Сел. Кошой. 1957 г.
(Фото Б.Х. Кармышевой)

Девочкам рано начинают заплетать косички. Если волос на голове немного, то девочке заплетают шесть косичек: по две с каждого бока и две сзади. Если волос не много и не мало, то заплетают по три косички с каждого бока и четыре сзади. Если волос много, то заплетают с каждой стороны по четыре косички и десять косичек сзади.

Про беззубых младенцев каратегинские киргизы говорят: *Аузда бир тыш жок, дунуйо мнен иши жок* (букв. "Во рту нет ни одного зуба, и нет ему [младенцу] никакого дела до вселенной"). И, видимо, не случайно. Появление первого зуба — это следующий этап во взрослении ребенка, и по этому поводу тоже устраивали небольшое торжество. Приглашались ближайšie соседки, варилась коча — жидкая похлебка из мятой (но не дробленной) пшеницы⁶⁹ с пахтаньем или чакой. Женщины приносят подарки ребенку: рубашечки, тубетейки, деньги. Около ребенка кладут плетку (камчи), тесло (теша), книгу и гадают. Если ребенок потянется к кнуту, то будет скотоводом, если

потянется к теслу, будет мастеровым, если к книге — учителем (в прошлом, видимо, говорили, что будет муллою).

Первый выпавший зуб также отмечали угощением — *мушек той*. Выпавший зуб бросают собаке, завернув в лепешку и приговаривая при этом: *Балта тишиң өзинга, теша тишиң менга бер*, т.е. “Зубы, как топор, оставь себе, а зубы, как тесло, отдай мне”⁷⁰.

До того времени, пока дети не начинали ходить, каратегинские киргизки носили их на спине, во время работы привязывая их к спине своим поясным платком, а в холодное время прикрепляя к спине с помощью подвернутого подола ватного халата. Когда же ребенку исполнялся год, и он начинал делать первые шаги, совершали обряд “перерезания пут”. Резали скотину, приглашали родственников и соседей на угощение. Связывали ребенку ножки (как путают лошадей), собирали 7—9 мальчиков и увозили их за версту от аула, где пускали наперегонки. Призом служило то, что оставалось на блюде после угощения взрослых. Победителю давали нож, и он перерезал путы ребенку.

Этот обряд был известен алтайцам, сибирским татарам, казахам и другим народам⁷¹ и знаменовал собой также один из этапов перехода ребенка в следующую возрастную категорию. Несколько иначе проходил он у каратегинских таджиков, но смысл его был тот же. Мать ребенка готовила угощение и приглашала несколько женщин и детей. После еды одна из женщин проводила ножом на земляном полу длинную черту, которая, видимо, должна была символизировать дорогу жизни. По этой черте водили ребенка с соответствующими приговорами. По обе стороны черты сыпали разные сласти, которые подбирали присутствующие здесь дети⁷². Этот обряд несколько схож с алтайским обычаем, когда родственники, заметив первые попытки ребенка пойти, старались острием ножа сделать несколько надрезов на земле между ножками⁷³.

Так ребенок начинал свое самостоятельное шествие по миру. Но путь этот был долог и нелегок. У каратегинских киргизов о маленьких детях, которые начали ходить существует поговорка: *Жетга кыргынча баш жерга токмок болад* (букв. “Пока [ребенок] не достигнет определенного возраста, голова [его] будет молотком для земли”, т.е. ребенок постоянно будет падать и ударяться головой о землю).

Не можем удержаться, чтобы еще раз не связать обряд “перерезания пут” с другим обрядом, который будет совершен уже в конце жизненного пути ребенка. После смерти его (теперь уже старика) ему свяжут ноги опять так же, как путают лошадей, чтобы они не бродили. Сделают это для того, чтобы человек, пришедший в этот мир “неходячим” (для чего, собственно, и совершали обряд “перерезания пут”, чтобы помочь “неходячему” младенцу перейти в статус “ходя-

чих”, т.е. людей), ушел в мир иной опять же “неходячим”, поскольку способность ходить — это один из признаков человека этого мира, а не того. Когда же он снова вернется в этот мир в лице какого-нибудь младенца “неходячим”, опять потребуется обряд “перерезания пут” и так бесконечно, согласно закону круговорота жизни, существующего в природе.

К обрядам инициационного цикла относится, конечно, и обрезание, появившееся у народов Средней Азии вместе с исламом. Проводится этот обряд у всех мусульман примерно одинаково, разве что имеются некоторые этнические и локальные особенности. Этот обряд сопровождается обычно большим тоем. У узбеков Ферганской долины пир по поводу обрезания (*суннат той*) бывает обычно по масштабам большим, чем свадьба.

Обрезание у каратегинских киргизов проводят чаще всего, когда ребенку исполняется 7—8 лет, желательнее не больше девяти. Но Ф.А. Фиельструп приводит примеры, когда обрезание у северных киргизов делали и в три года, и в 6—8 лет, и в 11—12⁷⁴. Если в семье 2—3-е детей, достигших соответствующего возраста, то им всем обрезание каратегинцы устраивали в один день. Бывало и так, хотя и редко, что бедный человек присоединяет своего сына к подобному мероприятию у богатого родственника. Но, как правило, даже самый бедный человек старается найти скотину для заклания и устроить той по этому поводу.

Обычно это мероприятие устраивается весной или осенью, чтобы жара или холод не ухудшили состояние ребенка. Выбирают для этого и хороший день — четверг или пятницу.

Рано утром приглашаются все, кого семья считает нужным пригласить. Девушек не приглашают. К полудню гости собираются. Близкие родственники приносят виновнику торжества подарки в виде рубашечек, халатиков, курток, тюбетеек и поясных платков. Их отдают отрезами на платье. После угощения гости расходятся. Козлодранья каратегинские киргизы не устраивали (а семиреченские, по материалам Ф.А. Фиельструпа, устраивали⁷⁵).

Если той небольшой, и гости расходятся засветло, то операцию производят в тот же день. Несколько стариков и усто (обычно парикмахер, один на несколько кишлаков; в нашем случае один — на два кишлака, Кара-Кендже и Сары-Кендже) остаются в доме хозяина. На небольшую площадочку во дворе насыпается чистая и размельченная глина. Мальчика (обрезаемого) сажают на эту глину. Ноги несколько сгибают в коленях. Чтобы отвлечь его внимание, ему говорят, что его только готовят к операции, а производиться она будет в другой раз. На колени ему ставят блюдо с сушеными фруктами, конфетами, сахаром баурсаками, в виде фигурок животных: волка, верблюда, ба-

рана, коня. Один баурсак имеет форму ружья. Мальшу говорят: “Бери ружье, стреляй!” И в это время делают операцию. Рану посыпают глиной и золой растения чаер (*чайыр* — возможно, дягель высокогорный или ферула высокогорная). Кстати, таджики и узбеки посыпают золой от сгоревшей ваты или тряпки. Дня через три рана заживает.

Родители, имеющие соответствующий достаток, одевают ребенка в новую одежду и укладывают на новые одеяла (опять-таки обряд инициационного цикла). Оперировавшему (*усто*, т.е. “мастер”, *чочок кесар*, т.е. “специалист по обрезанию”) родители мальчика преподносят несколько отрезков материи на халаты, зимние и летние, и тюбетейку.

Местное население различает два вида конечной плоти: *бусурман чочок*, когда она легко обнаруживается, и *пурук чочок*, когда ее трудно обнаружить, и требуется предварительный массаж и многократное посыпание глиной и золой. Бывает, что эта процедура длится даже целый год. Таджики Каратегина при такой очень короткой крайней плоти только слегка надрезали ее, чтобы “над ребенком прошла бритва ислама”⁷⁶. А делают они обрезание в таком возрасте, когда ребенок в состоянии будет почувствовать действие “бритвы ислама”⁷⁷.

В былые времена, по рассказам информаторов, состоятельный человек, когда сыну исполнялось 7—8 лет, дарил ему коня в полной верховой сбруе. В этот день устраивали той и наряжали виновника торжества во все новое, что было отголоском обряда инициационного цикла — первое сажание ребенка на лошадь. К 50-м годам у каратегинских киргизов этот обряд, конечно, исчез, так как дарить коня в полной сбруе люди были уже не в состоянии. Но раньше это был обязательный обряд как еще один этап в социализации ребенка.

Вот как описывает проведение этого красивого обряда у северных киргизов (в частности, у племени солто) в начале XX в. Ф.А. Филельструп. “Мальчика у киргизов солто сажают на лошадь в первый раз в 3—4 года. Отец его режет барашка или лошадь. Готовят баурсаки, урюк, кишмиш. Лошадь седлают айырмачем (*айырмач* — детское седло. — Б.Х., С.Г.). Посадив мальчика, дают ему хурджин вареного мяса. Перед посадкой и всадника, и лошадь обсыпают баурсаками и пр. Лошадь идет на поводу у кого-либо из родственников-мужчин, также едущего верхом. Они посещают ближайшие аулы родственников и оканчивают эти посещения в один день. Спутник-водитель раздает мясо по кибиткам, выбирая куски, соответствующие положению хозяина кибитки. Раздача производится, не слезая с коня. Одариваемые мясом отдаривают маленького всадника принадлежностями конского убранства”⁷⁸.

К взрослой жизни ребенка готовили не только (а в наши дни даже не столько) инициационные обряды, но и игры, которые расши-

ряли диапазон возможностей маленького человечка. Игры эти развивали координацию движений, глазомер, ловкость рук и ловкость вообще, физическую силу, память, быстроту реакции, находчивость, красноречие и т.д., т.е. все те качества, которые должны были пригодиться во взрослой жизни. Игры были как общие для мальчиков и девочек, так и отдельные. Дифференцированные игры готовили детей к взрослой жизни непосредственно мужской или женской: например, игра в куклы. Приведем некоторые из игр каратегинских киргизов.

Мишык-чичкан — игра в “кошки-мышки”. По-видимому, распространилась в советское время через школу. *Тов-ойнау* — лапта. *Чикилик* — чижик, играют мальчики и девочки. *Ашык* — игра в альчики, играют мальчики. *Курчак* — игра в куклы, играют девочки.

Апл-тап кара куш — группа играющих детей, обычно подростки, разбиваются на две партии. Один из первой партии закрывает руками глаза одного из второй партии. Другой играющий из первой партии подходит и щелкает водящего по лбу и садится на место. Водящему открывают глаза, и он должен угадать, кто щелкнул, если отгадает, то уводит того в свою партию. Если нет, то сам присоединяется к враждебной партии.

Чар-чар терек — дети разбиваются на две группы и становятся в две шеренги на некотором расстоянии, взявшись за руки. Дети одной группы вызывают кого-либо из второй: *Чар-чар Терек, Айхан деген эр керек*, т.е. “Чар-чар тополь, нам нужен мальчик по имени Айхан”. Тот бежит и пытается разорвать цепь. Если ему удастся, он уводит любого из этой группы. Если же не удастся, то остается сам.

Чакмак таш (букв. “кремень”) — игра в камушки. Играют и мальчики, и девочки. Почти все варианты игры начинаются с подбрасывания всех пяти камней на тыльную сторону руки.

Карагай соп-соп (букв. “одинокая-одинокая ель”) — все играющие дети держатся за подол друг друга, а один лежит в стороне и изображает волка. Все перепрыгивают через волка. Первый берет в рот палочку и передает ртом же в рот другого, и так до конца. Последний бросает палочку на пол. Волк спрашивает: “Где моя мать?”. Ему отвечают: “В нашем доме шьет шубу”. “Что приготовили покушать?”. “Жирную пищу”. “А мне оставили?”. “Собацьи отбросы тебе оставили”. После этих оскорбительных слов “волк” кидается ловить детей.

До 6-ти лет дети свободны от постоянной работы, но время от времени их привлекают принести что-нибудь, подать, посидеть с малышом, покачать люльку. С 6-ти лет дети уже более систематически привлекаются к работе по дому: нянчат детей, заваривают чай, подме-

тают двор (причем и мальчики, и девочки), пригоняют овец, коз, участвуют в уходе за гостями, а именно подают дастархан, воду для мытья рук до и после еды, приносят сладости, айран, чайник, пиалы и т.д. Мальчики помогают отцу в выпасе овец, их поимке, особенно на джайлау.

В главе при интерпретации некоторых обрядов мы делали акцент в основном на обрядах охраняющего, оберегающего цикла и цикла инициационного. И ничего не было сказано об идее плодородия в детской обрядности.

Но следует иметь в виду, что большинство обрядов жизненного цикла многофункционально, т.е. играет роль и охранительную, и инициационную и обеспечивает будущее плодородие ребенка. Так, первое купание ребенка имело функцию не только ритуального очищения, не только инициационную роль, но и оплодотворяющую. Вспомним, что в Средней Азии богиня плодородия Анахита тесно связана с водной стихией⁷⁹. Да и у других народов вода (а также дождь, снег) в обрядах жизненного цикла способствовали будущему плодородию⁸⁰. Матрасик в колыбели, который набивали семенами конского щавеля, обсыпание колыбели не только сладостями и монетами, но и семенами, зернами также служили пожеланием будущего плодородия. Рубашечка из 40 лоскутков опять-таки не только охраняла от злых духов, не только символизировала переход из одного состояния в другое, но, по поверьям, должна была обеспечить и будущее плодородие ребенка⁸¹.

¹ Часть существующей литературы приведена в сносках к главе.

² Этот материал собран Б.Х. Кармышевой в 50-е годы XX в.

³ См. например: *Фиельсбург Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М., 2002. С. 70; *Рахимов М.Р.* Рождение и воспитание ребенка // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1976. Вып. 3. С. 64.

⁴ *Фиельсбург Ф.А.* Указ соч. С. 69–71.

⁵ Такое положение (полусидя или на коленях), как отмечает С.И. Ванштейн, является древним обычаем, зафиксированным еще в XIII в. у монголов (*Ванштейн С.И.* Тувинцы-тоджинцы. М., 1961. С. 139). Видимо, оно было характерно для всего тюрко-монгольского мира. И между прочим, это одна из самых удобных поз при родах, что признает даже современная медицина.

⁶ *Львова Э.А., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С.* Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество (Далее: Традиционное мировоззрение ...). Новосибирск, 1989. С. 152. О Матушке Умай см. также: *Дыренкова Н.П.* Умай в культуре турецких племен // *Культура и письменность Востока.* Баку, 1928. Кн. 3; *Бутанаев В.Я.* Культ богини Умай у хакасов // *Этнография народов Сибири.* Новосибирск, 1964; *Древнетюркский словарь.* Л., 1969. С. 611; *Абрамзон С.М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л., 1971. С. 275–280; *Потапов А.П.* Умай – божество древних тюрков в свете этнографических данных // *Тюркологический сбор-*

- ник. 1972. М., 1973 и др. Во всех перечисленных работах приведена и обширная литература по вопросу.
- ⁷ Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 66.
- ⁸ Там же. С. 65, 91.
- ⁹ Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии. М., 1980. С. 52; Традиционное мировоззрение ... С. 166.
- ¹⁰ Там же. С. 151.
- ¹¹ Фрэзер Дж. Указ. соч. С. 51–52; Бутанаев В.Я. Культ богини Умай... С. 211; Потапов Л.П. Очерки народного быта тувинцев. М., 1969. С. 267, 268; Есбергенев Х., Атамуратов Т. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1973. С. 145; Чвырь Л.А. Опыт анализа одного современного обряда в свете древневосточных представлений // Средняя Азия, Кавказ и зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 125; Дьяконова В.Н. Детство в традиционной культуре тувинцев и теленгитов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. А., 1988. С. 153; Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 65.
- ¹² Фрэзер Дж. Указ. соч. С. 51–52.
- ¹³ Древнетюркский словарь. С. 611.
- ¹⁴ Бутанаев В.Я. Воспитание маленьких детей у хакасов // Традиционное воспитание детей у народов Сибири. А., 1988. С. 212.
- ¹⁵ Традиционное мировоззрение ... С. 159.
- ¹⁶ Фрэзер Дж. Указ. соч. С. 32; Серебрякова М.Н. Традиционные институты социализации детей у сельских турок // Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней Азии. М., 1983. С. 42.
- ¹⁷ Фрэзер Дж. Указ. соч. С. 51–52; Литвинский Б.А. О древности одного среднеазиатского обычая // КСИЭ. 1958. Т. XXX. С. 32–33; Традиционное мировоззрение ... С. 66; Потапов Л.П. Очерки... С. 267; Троицкая А.Л. Первые сорок дней ребенка (чилля) среди оседлого населения Ташкента и Чимкентского уезда // В.В. Бартольд. Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927. С. 352; Троицкая А.Л. Рождение и первые годы жизни ребенка таджиков долины Заравшана. По материалам среднеазиатских экспедиций АН СССР в 1926–1927 гг. // СЭ. 1935. № 6. С. 116; Абрамзон С.М. Рождение и детство киргизского ребенка // СМАЭ. 1949. Т. XII. С. 101; Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 91; Кисляков Н.А. Семья и брак у таджиков. По материалам конца XIX — начала XX в. М.; Л., 1959. С. 51; Есбергенев Х., Атамуратов Т. Указ. соч. С. 136–137; Бутанаев В.Я. Воспитание... С. 211–212; Толсубаев А.Т. Реликты доисламских верований в семейной обрядности казахов (XIX — начало XX в.) Алма-Ата. 1991. С. 69; Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 65.
- ¹⁸ Серебрякова М.Н. Указ. соч. С. 42.
- ¹⁹ Троицкая А.Л. Рождение и первые годы... С. 116; Пещерева Е.М. Свадьба в ремесленных кругах Каратага // Семья и семейные обряды у народов Средней Азии и Казахстана. М., 1978. С. 62.
- ²⁰ Снесарев Г.П. Указ. соч. С. 93; Бутанаев В.Я. Воспитание... С. 212; Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 65.
- ²¹ Токарев С.А. Ранние формы религии. М., 1964. С. 256–263; Дыренкова Н.П. Брак, термины родства и психические запреты у киргизов // Сб. этнолог. мат. док. Л., 1927. № 2. С. 140; Потапов Л.П. Очерки... С. 242; Абрамзон С.М. Киргизы... С. 232; Галданова Г.Р. Культ огня у монголоязычных народов и его отражение в ламаизме // СЭ. 1980. № 3. С. 94–100; Жуковская Н.Л. Очага культ // Религиозные верования. Свод этнографических понятий и терминов. М., 1993. С. 147–148.

- 22 Фрэзер Дж. Указ. соч. С. 129—141; Фрейдберг О.А. Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936. С. 72; Львова Э.Л., Октябрьская И.В., Сагалаев А.М., Усманова М.С. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Пространство и время. Вещный мир. Новосибирск, 1988. С. 32, 58—60.
- 23 Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 65.
- 24 Традиционное мировоззрение... С. 148, 149.
- 25 Бутанаев В.Я. Воспитание... С. 207.
- 26 Каракетов М.Д. Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев. М., 1995. С. 3, 15, 80.
- 27 Андреев М.С. Таджики долины Хуф (верховья Аму-Дарьи) // ТИИАЭ АН ТаджССР. Сталинабад, 1953. Т. VII. Вып. 2. С. 55.
- 28 Рахимов М.Р. Указ. соч. С. 79.
- 29 О магической роли лошади (жеребца) при родах см. также: Сухарева О.А. Мать и ребенок у таджиков // Иран. Л., 1929. С. 112; Чвырь Л.А. Опыт анализа... С. 136; Толеубаев А.Т. Указ. соч. С. 66.
- 30 Серебрякова М.Н. Указ. соч. С. 41.
- 31 Рахимов М.Р. Указ. соч. С. 67.
- 32 Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 65.
- 33 По мусульманским законам матери запрещается отнимать ребенка от груди без разрешения мужа до двухлетнего возраста (Лэйн Э.У. Нравы и обычаи египтян в первую половину XIX в. М., 1982. С. 84).
- 34 Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 72—74, 76 и др.
- 35 Там же.
- 36 Рахимов М.Р. Указ. соч. С. 82—83.
- 37 Л.А. Чвырь придерживается иной точки зрения. Она считает, что в данной ситуации "покупаемый" ребенок отождествляется с зерном, символом жизни и плодородия (Чвырь Л.А. Опыт анализа... С. 130).
- 38 Пещерева Е.М. Указ. соч. С. 70.
- 39 Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 72—76.
- 40 Там же. С. 72; Толеубаев А.Т. Указ. соч. С. 73. Чвырь Л.А. Опыт анализа... С. 137.
- 41 Фрэзер Дж. Указ. соч. С. 24—25.
- 42 Рахимов М.Р. Указ. соч. С. 83.
- 43 Лэйн Э.У. Указ. соч. С. 86.
- 44 Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 76.
- 45 См. об этом и Абрамзон С.М. Рождение и детство... С. 101; Есбергенов Х., Атамуратов Т. Указ. соч. С. 149; Толеубаев А.Т. Указ. соч. С. 75.
- 46 Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 67.
- 47 Абрамзон С.М. Рождение и детство... С. 119—120.
- 48 Снесарев Г.П. Указ. соч. С. 92; Кисляков Н.А. Семья... С. 57; Традиционное мировоззрение ... С. 160.
- 49 Пещерева Е.М. Указ. соч. С. 63.
- 50 Традиционное мировоззрение ... С. 159, 160.
- 51 Андреев М.С. Указ. соч. С. 73—74.
- 52 Там же. С. 71.
- 53 Традиционное мировоззрение ... С. 162.
- 54 Хедаят С. Нейрангистан // Переднеазиатский этнографический сборник. М., 1958. (ТИЭ. Т. 39). С. 267.
- 55 См. об этом Губаева С.С. Путь в Зазеркалье (Похоронно-поминальный ритуал в обрядах жизненного цикла) // СЭС. 2001. Вып. IV. С. 166; Она же. Инициационные обряды в погребально-поминальном ритуале // ЭО. 2005. №6; Кар-

- мышева Б.Х., Губаева С.С. Обряды, связанные с рождением и воспитанием детей у каратегинских киргизов // СЭС. К 100-летию со дня рождения О.А. Сухаревой. 2006. Вып. V.
- 56 Обряду положения новорожденного в колыбель у таджиков посвящена статья: Чывырь Л.А. Опыт анализа...
- 57 Рахимов М.Р. Указ. соч. С. 70.
- 58 Там же.
- 59 Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 68–69.
- 60 Вспомним, что альчики (бараньи астрагалы) являются одним из символов Матушки Умай, и альчики клали в колыбель, скорее всего для того, чтобы они охраняли младенца. Алтайцы, например, привязывали связку альчиков вместе с пуповиной к колыбели (Традиционное мировоззрение. ... С. 60).
- 61 Фрэзер Дж. Указ. соч. С. 277–296; Никонов В.А. Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М., 1970; Он же. Имя и общество. М., 1974.
- 62 Традиционное мировоззрение ... С. 170.
- 63 Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. Горно-Алтайск, 1981. С. 81, 88.
- 64 Традиционное мировоззрение ... С. 168.
- 65 У каратегинских таджиков имянаречение в 50-е годы тоже проходило без особых церемоний, хотя раньше в честь этого события закалывали козу или барана (Рахимов М.Р. Указ. соч. С. 67).
- 66 Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 77, 78.
- 67 Фрэзер Дж. Указ. соч. С. 263–270; Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936. С. 60; Сухарева О.А. Указ. соч. С. 154; Андреев М.С. Указ. соч. С. 91; Потапов Л.П. Очерки... С. 271–272; Традиционное мировоззрение. ... С. 172–175; Толеубаев А.Т. Указ. соч. С. 76–77.
- 68 Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 78–83.
- 69 Каратегинские таджики тоже готовили похлебку из пшеницы с добавлением фасоли, гороха, чечевицы. Но при этом пшеницу толочь в ступе было нельзя, чтобы не отделилась шелуха. Иначе зубы у ребенка будут кривыми (Рахимов М.Р. Указ. соч. С. 86).
- 70 Подобный обряд существовал у многих народов мира (Фрэзер Дж. Указ. соч. С. 50).
- 71 Абрамзон С.М. Рождение и детство... С. 131; Есбергенов Х., Атамуратов Т. Указ. соч. С. 156; Толеубаев А.Т. Указ. соч. С. 79; Бутанасов В.Я. Воспитание... С. 217; Традиционное мировоззрение. II. С. 135; Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 84.
- 72 Рахимов М.Р. Указ. соч. С. 75–76.
- 73 Шатинова Н.И. Указ. соч. С. 85–87.
- 74 Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 85–86.
- 75 Там же.
- 76 Рахимов М.Р. Указ. соч. С. 93.
- 77 Там же. С. 90.
- 78 Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 84.
- 79 Снесарев Г.П. Указ. соч. С. 231–233.
- 80 Литвинский Б.А. Памирская космология (опыт реконструкции) // Страны и народы Востока. М., 1975. Вып. 16. С. 253.
- 81 О магии плодородия в обрядах жизненного цикла см. Чывырь Л.А. Опыт анализа...; Она же. Три "члала" у таджиков // Этнография Таджикистана. Душанбе, 1985; Губаева С.С. Указ. соч. С. 169–171.

ПОГРЕБАЛЬНО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ

Оплакивание

Сары-Кендже. Кара-Кендже

Как только человек умер, его раздевают и кладут на сено¹ в доме, на суфе головой на север. Подвязывают нижнюю челюсть, связывают ноги² и накрывают покойника халатом из бекасама или парчи. Покойник, лежащий на суфе, отгораживается (от остального мира. — С.Г.) кошого или какой-нибудь тканью³. После этого начинается оплакивание.

Жена, мать, дочери, сестры сидят на суфе вокруг покойника. Жена у изголовья покойника, остальные с боков, и громко причитают особым образом (*ирдайды*). Женщины надевают траурные платья (любых цветов, кроме белого и красного), снимают все украшения. Жена умершего расплетает волосы и причитает, раздирая лицо до появления крови; иначе осудят. Если жена не царапает свои щеки, с осуждением говорят: *Эжасы бетка тырнак салмады* (т.е. "Жена не касалась ногтями своего лица". — С.Г.). Другие близкие женщины (мать, сестра, дочери) причитают и плачут, тоже раздирая лицо до крови, но волос не расплетают. Жена покрывает голову синим платком, остальные женщины остаются в белых платках (повседневных).

Каждая вновь пришедшая женщина проходит на суфу и садится рядом с женой, обнимает ее правой рукой за шею и тоже начинает оплакивать. Она или ограничивается одной только вдовой, или обходит всех сидящих. После этого пришедшая отходит и садится в стороне, а члены семьи продолжают оставаться на своих местах.

Мужчины сидят на полу, в проходе, в том же помещении. Каждый вновь пришедший проходит и садится, некоторое время оплакивает, затем прочитывает молитву и выходит во двор, где и стоит до конца оплакивания.

Оплакивание продолжается полтора—два часа. После этого организаторы похорон посылают 5—6 человек (в зависимости от числа собравшихся — от 3-х до 10-ти человек) для рытья могилы.

При оплакивании жена мужа называет *кырчыным*⁴, мать сына — *кулунум*⁵, сестра брата — *окам* ("брат мой"), сестра сестру — *эжам*, *синглим* ("сестра, сестренка"), дочь отца — *отам* ("отец мой"), дочь мать — *знам* ("мама моя").

Заплачки, как и песни, называются *ыр*. Говорят: *Зайып ырдайды*, т.е. "Жена оплакивает", или *Кыз ырдайды* — "Дочь оплакивает". Оплакивают только женщины и девушки. Женщины оплакивают в течение 1—2-х лет. При этом только тогда, когда приходит

или приезжает кто-либо, кто еще не был в доме после смерти оплакиваемого.

Примеры заплачек

Жена оплакивает мужа:

Сайлып сакал чыгылек,
Санаттой мирза, кырчыным.
Санатка башынг кошылган,
Керилип мурут чыгылек.
Кенгешкой мирза, кырчыным,
Кенгешка башынг кошылган

Ушел в неопределенном направлении (?)
Мудрый господин, кырчыным.
Голова твоя приобщилась к славе.
Кокетливо подкрутив усы,
Мой советник, господин, кырчыным.
К обществу приобщился ты.

Заплачки записаны от двоюродной сестры Шодиева Равшана, женщины 37-и лет, очень бойкой вдовы, дочери известного богача. Отец ее умер, когда она была подростком. Тогда она еще не умела причитать. Тетя заставляла ее плакать и причитать, повторяя за ней. Чтобы девочка плакала, тетя щипала ее. Потом приехала семья ее нареченного жениха. Ее будущая свекровь была мастерица причитать. Она (будущая свекровь) встала, оперлась о бока, потом подхватила правой рукой голову своей будущей невестки (голова девочки оказалась просунутой под ее правую руку) и начала причитать низким голосом. Она восхваляла умершего, его богатство, его кочевки, его одежду, коня и т.д., вплоть до мелочей, посуды, например.

Өтик кийген путуга
Өктөм өткөн журтуга.
Булгар кийген путуга
Мырза бир өткөн журтига.

Эшиктен төргө гилеминг,
Эланига жеткен шленинг.
Капшиттан төргө глеминг
Халкынига жеткен шленинг.

Алтыннан чачвак бош таштап,
Аргымак мнен көч баштап.
Көмөштан чачвак бош таштап,
Коликты мнен көч баштап.

Алтыннан соккон сойканни
Азанга канытып салайын?

Надел на ноги сапоги.
Непокорный ушел в свой юрт.
Надев на ноги сапоги из юфти,
Ушел господин в свой юрт.

От двери до тора (почетного места) твой ковер (лежит).
Твоему племени хватило угощения.
От левой стороны юрты до тора твой ковер.
Твоему народу хватило угощения.

Набросив на голову (коня) золотые кисти,
Сев на аргамака, возглавив перекочевку.
Набросив на голову (коня) серебряные кисти,
Сел на аргамака и возглавил перекочевку.

Золотые пластинки,
подвешиваемые к большим

Апайлап (азизлап) бакан
балаңды
Атасыз кандай багайын?

серьгам (свисающим на шею и
грудь),
Как одеть мне во время траура?
С любовью воспитываемого
ребенка
Как мне вырастить без отца?

Кара-Кендже

Жена умершего в Кара-Кендже все три дня оплакивания сидит, опустив голову и спустив платок на глаза. Пришедших выразить соболезнование обслуживают родственницы. Верной женой, действительно оплакивающей смерть мужа, считается та, которая в течение целого года не ходит в гости и вообще старается меньше выходить из дому, говоря: "Он лежит в темной могиле, а мне полагается сидеть в темной комнате"⁶.

Джиргаталь

Когда умирает пожилая женщина и остаются у нее дочери, уважавшие и любившие умершую при ее жизни, то они берут зеркало и передают его кому-либо из женщин. Эта женщина открывает лицо умершей, подносит ей зеркало и снова закрывает лицо покойницы. Она же получает это зеркало и еще что-нибудь в придачу⁷.

Своеобразных "танцев" вокруг покойника (как у каратегинских таджиков) и его коня, оплакивания коня, как это бывает у локайцев, у джиргатальских киргизов нет⁸.

Обмывание. Саван

Сары-Кендже

Для почтенных людей могила роется с *лахатом*⁹, называемом здесь *сагана*¹⁰, а для простых людей могила представляет собой простую яму (для женщин глубиной по грудь, для мужчин — по пояс, а для детей — примерно по колено роющим) — *жарма*. Яма покрывается жердями, сеном и закидывается землей.

После того, как могила вырыта, одного из рывших могилу посылают сообщить об окончании работы.

Как только сообщают о том, что могила вырыта, все оплакивающие выходят из помещения, где лежит покойник. Остаются только трое обмывальщиков и один человек, готовящий саван.

Обмывают на створке двери, один конец которой приставляется к суфе, а другой конец несколько опущен к абризу. Обмывают обычно родственники¹¹. Им потом отдаются личные носильные вещи покойного. Тому, кто готовит саван, дают деньги или мануфактуру (*кездеме*).

Саван называется *актык*. Некоторые пожилые люди покупают себе заранее на саван белой бязи или марлю. Но это не обязательно. Обертывание в саван производится следующим образом. В доме на декуне стелют *намазлык*¹², а на него — саван: для мужчины в три слоя, а для женщин — в пять слоев. Женщине сначала обертывают чресла. Этот кусок называется *бельдамли*. Второй слой покрывает от верха груди до низа колен, третий слой бывает еще длиннее, а последним обертывают тело с головы до ног и еще остается напуск сверху и снизу для завязывания. Голову женщины и расплетенные волосы предварительно обертывают отдельным куском ткани. На макушке и в ногах саван собирается и завязывается. Когда покойника укладывают в могилу, то завязки развязывают. Если в повседневной жизни одежда запахивается справа налево, то саван — слева направо, и наоборот¹³. При недостаточной ширине ткани для обертывания покойника (*материал узок*), к нему пришивают дополнительный кусок.

Если человек умер вечером и его вынуждены оставить на ночь, то женщины (члены семьи) остаются около него и продолжают сидеть. Если очень захотят спать, то спят сидя, прислонившись друг к другу¹⁴. Светильники (*чирог*) при этом горят всю ночь в 2—3-х местах¹⁵.

Похороны

Обмытого и одетого в саван покойника переносят с декуна на носилки (*кят*)¹⁶ на *намазлыке*¹⁷, накрывают тем же халатом, которым он был накрыт сразу после смерти. Мужчины выносят носилки из дому и ставят их на ровное открытое место. Прочитывают *жума намаз*¹⁸ и несут покойника хоронить. Дети умершего идут вслед за носилками, опираясь на палки (*посохи*)¹⁹. Носилки на кладбище несут не на плечах, а в опущенных руках. На кладбище носилки ставят на край могилы. Глава семьи, потерявшей своего члена, снимает халат, которым был накрыт покойник. Два человека берут покойника — один за плечи, другой за ноги — и осторожно спускаются с ним в яму, где и укладывают его в нишу, если она есть, или просто на дно ямы. Развязывают завязки на саване²⁰, под голову подкладывают чалму (как мужчине, так и женщине), лицо открывают и поворачивают к кибле, т.е. в сторону Мекки, где находится мусульманская святыня Кааба (на юго-запад).

Все присутствующие участвуют в закидывании могилы землей. После этого прочитывают молитву и все отправляются обратно в дом, откуда был вынесен покойник. Могилу закрывают колючками или обмазывают ее глиной. В головах вбивают жердь. На могилу молодой женщины, девушки или юноши ставят высокий шест (3—3,5 м) с раз-

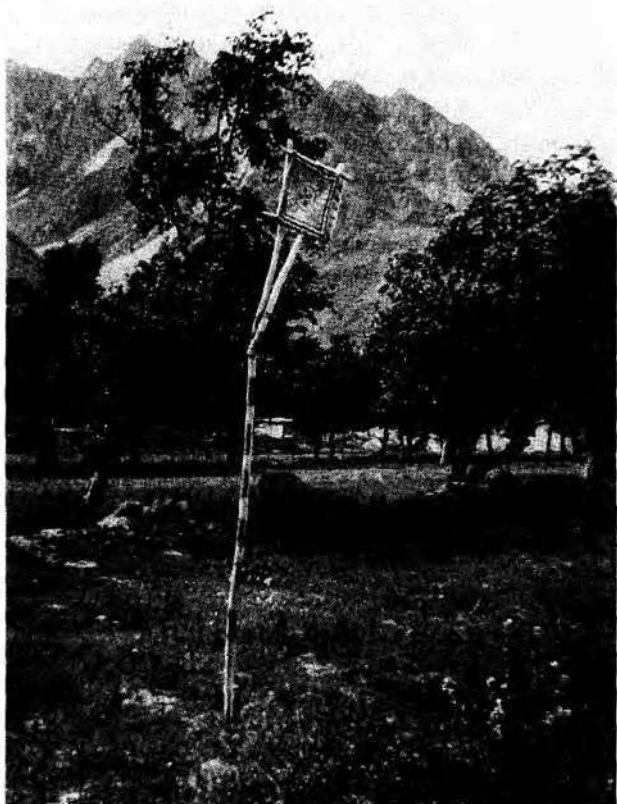
вилкой на конце. Сами жерди украшали, снимая кору через определенные промежутки. Развилка соединяется перекладиной, на которую натягивается небольшая (25 × 25 см) квадратная вышивка, обрамленная бахромой. Узоры те же, что и на других вышитых предметах и коврах (Джиргаталь). На могилах старых и авторитетных средних лет мужчин в прошлом ставили шест с хвостом яка на конце и говорили: *Алам бай-лайтир*²¹ (Сары-Кендже, Кара-Кендже). В Балхе ставят шест с хвостом яка и белой тканью, на одной стороне которой вышивали павлина (*таус*), на другой — имя умершего. Если умер молодой, то вышивали голубя: *Кафтар булиб учип кетди*, т.е. “Улетел, как голубь”²².

Раньше вырезали из дерева, поскольку не было железа, пятерню и голубя. Изображая пятерню, говорили: *Арман ичида кетди, эки кол тобасида кетди* (т.е. “Ушел из мира, не достигнув того, чего желал, ушел с сожалением в обеих руках”. — С.Г.). По другому мнению, пятерня на могиле означала, что покойник уходит с пустыми руками, ничего не взяв с собой (*Курук кол кетип боради. Хеч наrsa олип кетмаган*). При этом приводят информаторы легенду об Александре Македонском, тело которого возили в гробу по всем завоеванным странам. Рука Македонского была высунута из гроба. Говорили, что если разгадают, почему высунута из гроба рука, то она сама уберется в гроб. Один мудрец якобы сказал: *Курук кол кетияпды* (“Уходит с пустыми руками”), т.е. “Столько завоевал, но ничего с собой не смог забрать”. — С.Г.)²³.

Погибшим в автокатастрофе сейчас иногда на одной стороне ткани на надмогильном шесте изображают павлина, на другой стороне — машину. Е.М. Пещерева видела в Каратегине на могилах киргизов куроки²⁴. Некоторые могилы бывают огорожены и называются они *мукрат*.

Все присутствующие на кладбище участвуют в закидывании могилы землей. После этого прочитывают молитву и все отправляются обратно в дом, откуда вынесен покойник.

По возвращении всех с кладбища хозяин дома раздает всем присутствующим мужчинам деньги — по 3—5—10 рублей, смотря по средствам. Женщинам тоже дают деньги, но меньше. Угощают всех. Этот обычай называется *таджийя*. Если умерла женщина, то женщинам раздают всякие мелкие вещи вроде ниток, кусочков ткани и пр., которые женщины еще при жизни копят, называя это *олумтугу*²⁵. Угощение же называется *уй халайлаймиз* (?)²⁶. После этого собравшиеся расходятся по домам, за исключением близких родственников и соседей. Близкие ночуют в доме покойника до трех ночей. Для полного чтения Корана (*Куран хатим*) в первую ночь приглашаются 2—3 муллы. За работу им дают или деньги, или скот, или мануфактуру.

Шест с вышивкой на могиле. Сел. Кошой. 1957 г. (Фото В.И. Юрлова)

Если человек умер ближе к вечеру, то хоронят его на другой день. В таком случае члены семьи и родные в эту ночь не ложатся спать, а проводят ее у изголовья покойника.

Кара-Кендже

После похорон три ночи подряд жгут светильники и ближайšie родственницы и соседки, преимущественно пожилые женщины, проводят всю ночь в разговорах. Мужчины остаются ночевать только в первую ночь, когда читывается Коран.

Джиргатаь

Каждый кишлак имеет свое кладбище, где и хоронят его жителей. Обычая возить покойника на родовое кладбище нет. Женщину-покойницу хоронят на кладбище кишлака мужа, а не перевозят ее в род-

ной кишлак. Только в том случае, если человек умер в пути или будучи в гостях, или в чужом кишлаке по делу, да притом не очень далеко от дома, труп его перевозят для погребения в кишлак, где он живет постоянно²⁷.

Аччик-Алма

Перевозка умерших вдали от родины в прошлом не имела места, а ныне наоборот привозят своих умерших в эти места, поскольку развита техника. Хоронят на общем кладбище, независимо от принадлежности к разным родам.

Баалх

Детей хоронят на общем кладбище, но обычно ближе к входу. Здесь ишан и его жена похоронены у дороги, чтобы каждый прохожий мог за них помолиться.

Урочище Джайлау Секи

Выше по речке, где расположено это урочище, есть ущелье Дара, а еще выше — речка Сар-булак. В этом ущелье и на джайлау у речки Сар-булак есть два больших мазара двух "святых" (азиз). Вокруг этих мазаров выросли кладбища. Если на джайлау кто-либо умирает и на пути находится один из указанных мазаров, то покойника хоронят у того мазара, который стоит первым. Считается недопустимым неуважением к этим "святым" пронести покойника мимо. Если покойник умер на джайлау, расположенном ниже этих мазаров, то его хоронят на кладбище кишлака.

Так как здесь очень оживленные связи с Алайской долиной (Чонг-Алай) и с Ферганой, то бывают случаи, что человек умирает в пути. Если человек умер до того, как повстречался в пути (на Фергану или Алай) первый крупный кишлак, то его труп привозят назад и хоронят на кладбище родного кишлака. Если же человек умер уже на Алае или в Фергане, то там и хоронят.

Очищение

Кара-Кендже

Все вещи умершего (одежду и постель, которых касалось тело его) стирают в день похорон (после похорон). Стирают родственницы. Несколько дней спустя приглашают обмывальщиков, угощаются и отдают им носильные вещи умершего, а постели оставляют себе.

Все члены семьи, вернее, живущие в доме умершего, должны вымыть головы. Лица, бывшие в доме умершего в тот момент, когда он "расставался с душой", должны в тот же день искупаться, иначе молитва их будет недозволенной. Женщины, попавшие в дом умершего в момент агонии, тоже должны вымыть голову в тот же день²⁸.

Балх

День смерти (*ельган кун*) отмечают трапезой. Независимо от того когда состоятся похороны. По возможности режут скот²⁹.

Сары-Кендже

На третий или седьмой день женщины, родные умершего, идут на кладбище к могиле (*бейит башига* — “к голове могилы”). Этот обряд называется *бейит бекитмок* (букв. “закрыть могилу”). Здесь раздают присутствующим женщинам мясо, хлеб или баурсаки, смотря по средствам. Умеющие читать молитву прочитывают ее и все возвращаются домой.

В течение трех дней в доме готовится угощение для приезжающих отовсюду с соболезнованиями. Приносят и соседи хлеб, лапшу и т.п. При появлении каждого нового лица мать, жена и другие близкие начинают причитать и плакать.

Кара-Кендже

Близкие родственники и соседи бывают в доме три дня. Если к умершему относились с большим уважением, то посещают его дом в течение 5—6 дней. Мужчины приходят утром, неся с собой лепешки и чай, и завтракают в доме умершего. Днем приходят бесконечные посетители, которые не смогли быть на похоронах. Родственники покойного уезжают на четвертый день верхом на лошадях и всю дорогу до самого дома причитают (*ырдайды*).

По возможности, в каждый четверг или пятницу (если не успели в четверг) семья покойного в течение 1—2-х лет и даже более устраивает небольшие поминки. Богатые режут скотину, козленка, например, но чаще варят просто постную лапшу (*атала*)³⁰. Поминки, которые устраивают на 20-й или 40-й день, называются *кырктыгын сындыру*. В этот день режут скот смотря по средствам (баран, коза, корова). Через нарочного приглашают, опять-таки по средствам, свой кишлак, или два кишлака или весь Ляхш. Приглашаются как женщины, так и мужчины. Поминки на 40-й день устраиваются только по взрослому покойнику (девочкам старше 9-ти лет и мальчикам старше 12-ти лет). Есть еще поминки, которые называются *худои*. Они устраиваются или сразу после поминок на сороковой день, или спустя год и даже два.

Траура придерживаются до года, но уже на 20-й день в доме умершего может устраиваться свадьба.

Балх (1988)

Устраивают следующие основные поминки (*маарака*): *уштин* (*учуси*) — третий день, *кыркы* — сороковины, *жылдыг* — годовщины

на. На поминки третьего дня режут корову, овец. Оставшееся после трапезы угощение (мясо, лепешки, сладости) забирают с собой. Ничего не должно оставаться на дастархане.

Сороковины проводят и раньше, чаще на 20-й день, считая день и ночь за два дня. Иногда проводят и на 15-й день. Делается это потому, что приезжие родственники остаются в доме покойного до проведения этих поминок, а это, разумеется, обременительно. Режут тоже корову, овец. Приглашают весь кишлак и родственников, включая свойственников из других кишлаков (в Кара-Кендже родственники и односельчане приходят без приглашения). Когда варят мясо, внутренности не кладут целиком, а разрезают.

На годовщину режут корову и овец. Дочь и невестки надевают белые платья в знак снятия траура. До года носят синее. И синие одежды, и белые одежды приносят на поминки. Когда завершают проведение годовщины, мужчины и женщины идут на кладбище, где читают Коран, обходят могилу и возвращаются (*курон укиб, бир катар айланиб, туриб кетадилар*). Жена, сестры, мать на рассвете (*сахарда*) идут на могилу, ставят светильники (*чираг*). Сейчас вешают фонарь, а в прошлом — плошку с керосином и фитилем. Годовщину проводят и на 8—9-м месяце, смотря по обстоятельствам. “Шариат не догма, а поясной ремень: худой затягивает, а богатый — расширяет”, — говорят информаторы.

Богатые устраивали на поминки скачки (*пайга*) на короткое расстояние и на длинное (от Алая до Гарма). Победителям давались призы: 1) верблюд, 2) кобыла, 3) бык, 4) медная посуда из Кашгара. Устраивали и козлодранье (*улак*). От одного до десяти дней варили мясо.

Поминки при жизни

Гулама

Поминки при жизни не часто, но устраивают. Например, отец Раимбека дважды устраивал себе поминки. Каждый раз на них расходовалось 1,5 тысячи рублей (резали телку-двухлетку или 4 барана и т.д.). Считалось, что поминки при жизни более богоугодны (*савоб*), чем поминки после смерти.

В Джангане даже был случай, когда человек выкопал себе могилу, лег в нее и закрыл дверь (? — С.Г.)³¹. Но в Гулама, по словам информатора Исламбобо Суранова (в 1988 г., когда была сделана запись, ему было 70 лет), при нем случаев предварительного выкапывания себе могилы не было.

А вот как провел свои поминки отец Исламбобо Суранова. Сначала он созвал аксакалов и других уважаемых людей кишлака на мас-

лахат (совещание). Он сказал пришедшим, что, хотя знает, что сыновья устроят ему поминки должным образом после его смерти, ему хотелось бы провести их сейчас. Затем он объявил, сколько скота намечено им для заклания и какие кишлаки хотел бы пригласить (Дувана, Аччик-Алма, Кчи-Кармык и некоторые другие). Собравшиеся одобрили его намерение, распределили обязанности (оповещение приглашаемых, выпечка лепешек, обслуживание во время трапезы и т.д.) между односельчанами, назначили день проведения поминок. Людей из других кишлаков приглашали на разное время на 4 часа, на 6 часов и т.д. После трапезы люди прочитывали молитву и расходились.

Джайлау

Устройство поминок (*худои кылыш*) самому себе, т.е. при жизни, распространенное явление. Обычно их устраивает бездетный человек или если дети его живут далеко, и нет уверенности, что они подоспеют к похоронам и поминкам. Проводят поминки самому себе при жизни еще и в том случае, если человек знает, что материальные возможности детей невелики, и они не смогут провести поминки должным образом.

Проведение поминок при жизни не связано с достижением человеком возраста пророка (63-х лет). Этот день могут вспомнить, сказать об этом родным и друзьям и ограничиться этим, не устраивая трапезы и других обязанностей по этому поводу.

Траур

Джиргатай

Траурные цвета — синий и черный. В знак траура женщины снимают украшения, на голове носят обычный белый платок из марли, но с бахромой из черных ниток. Мужчины носят черную тибетейку без узоров. Траур носят в течение года.

Сары-Кендже

В знак траура сын умершего или отец надевают черный халат и синюю чалму, вернее, небольшой кусок материи с преобладанием синего узора, но не красного. Женщины снимают все украшения, надевают траурные платья (всех цветов, кроме белого и красного³²).

Жена носит траур по мужу год и более. Год спустя кто-либо из ближайших родственников снимает с нее траур.

¹ У других групп киргизов покойника укладывают на клевер, поверх которого стелили новую белую ткань (Баялиева Т.Д. Донсламские верования и их пережитки у киргизов. Фрунзе, 1972. С. 68). В Ферганской долине кладут на люцерну. У таджиков Каратегина покойника укладывают на чистой подстилке в прохладном

- месте на земле (*Писарчик А.К. Смерть. Похороны // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1976. Ч. 3. С. 123*). Сено у тюркских народов широко использовалось во всех обрядах жизненного цикла и символизировало, видимо, будущее плодородие новорожденного, только что созданной молодой семьи и, как ни странно, покойного. Ибо человек, как частица природы, подчиняется, по мнению человека родового общества, общей природной закономерности: умереть, чтобы вновь воскреснуть, возродиться. Умерший человек должен будет возродиться во внуках, братьях, сестрах или в растительном и животном мире. (См. об этом: *Фиельструп Ф.А. Из обрядовой жизни киргизов начала XX века. М., 2002. С. 176–177. Примеч. 25. Там же приведена литература*).
- ² У таджиков Каратегина и у сартов Ферганы связывают вместе большие пальцы ног (*Писарчик А.К. Указ. соч. С. 122; Кармишева Б.Х. Арханческая символика в погребально-поминальной обрядности узбеков Ферганы // Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. М., 1986. С. 141*). Об интерпретации обычая связывать ноги (большие пальцы ног) покойника см.: *Губаева С.С. Путь в Зазеркалье (Похоронно-поминальный ритуал в обрядах жизненного цикла) // СЭС. 2001. Вып. IV. С. 167; Она же. Инициационные обряды в погребальном ритуале // ЭО. 2005. № 6. С. 134*.
- ³ Обряд объясняется, видимо, необходимостью уберечь покойного от недобрых взглядов, злых духов (см. об этом: *Губаева С.С. Путь в Зазеркалье. С. 168*).
- ⁴ Кырчын — мелкий кустарник, ива-бредина; перен. “молодой паренек”; “кырчыным” — так называет мать умершего в молодости сына, причитая о нем (*Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 497*). Каратегинские же киргизы, видимо, так называют мужа при оплакивании.
- ⁵ *Кулунум* — от *кулун* — жеребенок-сосунок; ласк. “мой милый” (*Юдахин К.К. Указ. соч. С. 443*).
- ⁶ Это трансформированный обряд табу на людей в трауре, в частности вдов. В период траура у многих народов вдова как бы уходила в мир мертвых со своим супругом. Выражалось это в надевании одежды наизнанку во время траура, снятии украшений, расплетении кос, как это делалось покойницам. Она не имела права общаться с кем-либо, заниматься хозяйством, ходить в гости, принимать гостей и т.д. Подробнее см. об этом: *Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 177–178. Примеч. 33 (там же приведена и литература)*.
- ⁷ Наличие зеркала в обрядах жизненного цикла как символа счастья, плодородия, увеличения жизненных сил и т.п. было характерно для потомков древнеземледельческих ираноязычных народов Средней Азии. Об обрядах с зеркалом в свадебном ритуале см., в частности: *Лобачева Н.П. Свадебный обряд как историко-этнографический источник (на примере хорезмских узбеков) // СЭ. 1981. № 2. С. 39 и др.; Она же. Что такое свадебный обряд (опыт изучения брачно-свадебной обрядности) // СЭ. 1995. № 4. С. 57. Наличие зеркала в киргизской обрядности — видимо, таджикское влияние.*
- ⁸ Не было, видимо, у каратегинских киргизов в рассматриваемое время, в отличие от других групп киргизов, и символического изображения покойного во время траура в виде куклы (крестовины, подушки и др., одетых в одежды покойного) — тул (См. об этом: *Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 178–179. Примеч. 39*). Хотя каратегинские таджики, если человек умер на чужбине (например, погиб на войне), вместо отсутствующего покойника делали при оплакивании куклу из одежды умершего. И все соответствующие обряды совершали вокруг нее (*Писарчик А.К. Указ. соч. С. 126*).
- ⁹ *Лахат* — боковая ниша в могиле, куда укладывают покойника.

- ¹⁰ *Сазана* — родовой мавзолей, надгробие.
- ¹¹ У соседей, таджиков Каратегина, мужчин обмывают специальные обмывальники. Только в некоторых кишлаках их обмывают родственники. Женщин везде обмывают родственницы (*Писарчик А.К. Указ. соч. С. 129*).
- ¹² Молитвенный коврик.
- ¹³ Все наоборот, т.е., как в Зазеркалье, производится и омовение покойника, и вывешивание на обозрение изнаночной стороной одежды покойного, и многое другое, связанное со смертью (о принципе Зазеркалье в погребально-поминальном ритуале см.: *Губаева С.С. Путь в Зазеркалье. С. 165–166*).
- ¹⁴ Хотя в принципе спать ни в коем случае не должны, ибо женщины, считается, должны охранять ночью покойника от злых духов (См.: *Губаева С.С. Путь в зазеркалье. С. 168; Фиельструп Ф.А. Указ соч. С. 175. Примеч. 14*).
- ¹⁵ Светильники играют ту же охранительную функцию (*Губаева С.С. Путь в Зазеркалье. С. 168*).
- ¹⁶ По записям Б.Х. Кармышевой, носилки каратегинские киргизы называли *кят*, носилки с покойником — *табут*.
- ¹⁷ Явное влияние ислама, ибо у северных киргизов, по наблюдениям Ф.А. Фиельструпа, покойника переносили на носилки на кошме (*Фиельструп Ф.А. Указ соч. С. 104, 105*).
- ¹⁸ *Жума намаз* — пятничная молитва. Скорее всего, читают *джанова* — заупокойная молитва.
- ¹⁹ Об обычае опираться на посох во время оплакивания и похорон см.: *Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 172; Примеч. 2*. Там же приведена литература.
- ²⁰ Это отголосок древнего обряда вручения покойника земле, известного многим народам мира (*Литвинский Б.А. Семантика древних верований и обрядов памирцев // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье. М., 1981. С. 92–93*. Там же приведена литература).
- ²¹ То есть “Связал Вселенную” ? — С.Г.
- ²² По записям А.К. Писарчик, каратегинские таджики связывают голубя с представлениями о душе (*Писарчик А.К. Указ. соч. С. 152*).
- ²³ По мнению А.К. Писарчик, у каратегинских таджиков изображение руки на надгробных жердях свидетельствуют о том, что человек умер с неисполненными желаниями, с горечью. И встречаются эти изображения не часто (*Писарчик А.К. Указ соч. С. 153*). В сноске к этому свидетельству А.К. Писарчик со ссылкой на А.А. Бобринского приводит сведения о том, что изображение ладони — эмблемы шиизма — широко распространены в наскальных рисунках припамирских народов. Встречаются они и оттиснутыми на сырой еще штукатурке у входа в шугнанские жилища и на стенах каратегинских помещений. Прикреплять к надгробным шестам изображения воробьев, голубей тоже будто бы шнитский обычай (*Писарчик А.К. Указ. соч. С. 192. (Сноска 164, 165)*). Нет сомнения, что каратегинские киргизы стали прикреплять к надгробным шестам изображения голубей и пятерни под влиянием каратегинских таджиков, так как у других групп киргизов, в частности у северных, такого обычая не было.
- ²⁴ Куроки — узорное изделие из кусочков ткани у народов Средней Азии, помимо других функций, имели и функцию оберега (О куроках см.: *Писарчик А.К., Хамиджанова М.А. Узорные изделия из кусочков ткани // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970. Вып. 3. С. 203–224. Об охранительной магии в погребально-поминальной обрядности см.: Губаева С.С. Путь в Зазеркалье. С. 167–169*).
- ²⁵ Букв. “Узелок смерти” (?)
- ²⁶ Букв. “Очищение дома”.

- ²⁷ Раньше, до революции, обычай захоронения умерших сородичей только на родовом кладбище строго соблюдался. Во всяком случае, у других групп киргизов. См., например, об этом у Т.Д. Баялиевой (*Баялиева Т.Д. Указ соч. С. 86*).
- ²⁸ У каратегинских таджиков поминки по поводу очищения дома проводят на третий день: режут скотину ("проливают кровь"), делают угощение, на которое приходят только мужчины. Женщины в этот день моют головы и стирают одежду покойного (которую потом отдают обмывальщикам), кошму, одеяла. Только в кишлаке Джавони (Нижний Каратегин) в этот день головы не моют. Очевидно, это делается раньше, как, вероятно, и в Ляхше, где угощение первого дня называется *саршӯён*, т.е. "мытьё головы". (См. об этом: *Писарчик А.К. Указ. соч. С. 157*). Женщинам, моющим голову на третий день после смерти (всем обитательницам дома и пришедшим или приехавшим из других мест близким родственницам), называемым *саршу*, в день очищения давали суп из печени и сердца закланного для поминок животного, что должно было "остудить сердце", облегчить боль от утраты. (См. там же). В Ферганской долине ритуальная стирка одежды устраивается в день поминок третьего или седьмого дня (*Кармышева Б.Х. Арханчская символика... С. 151*).
- ²⁹ У северных киргизов поминки первого дня назывались кара *ош* (букв. "черная трапеза") См.: *Баялиева Т.Д. Указ. соч. С. 90*. У таджиков угощение первого дня дается и до похорон в день смерти или на другой день (если хоронят на другой день), считая, что с этим медлить нельзя (*Писарчик А.К. Указ. соч. С. 156*).
- ³⁰ Поминки по четвергам характерны для южных киргизов (*Баялиева Т.Д. Указ. соч. С. 90*).
- ³¹ Поминки при жизни устраивают и в Ферганской долине, и в Самаркандской области, в Ташкенте и на Памире (*Кармышева Б.Х. Арханчская символика... С. 163—164*) и даже с рытьем себе могилы (*Моногарова Л.Ф. Материалы по этнографии язгулемцев // СЭС. 1959. Вып. II. С. 84*).
- ³² У других групп киргизов красный цвет в траурной одежде допускается (*Баялиева Т.Д. Указ. соч. С. 35; Фиельструп Ф.А. Указ. соч. С. 126 и др.*).

РЕЛИГИОЗНЫЕ ПЕРЕЖИТКИ В СЕМЕЙНОЙ ОБРЯДНОСТИ

Как и у других народов Средней Азии, ислам у каратегинских киргизов был пронизан реликтами домусульманских верований, которые, по справедливому замечанию С.М. Абрамзона, характеризовались сложностью и многостадийностью¹. Шариатские корни, однако, в Каратегине укоренились более прочно, как это наблюдается среди южных киргизов вообще, по сравнению с северными группами киргизов.

Исследования советских этнографов, в частности Г.П. Снесарева, показали, что в наши дни реликты доисламских верований значительно медленнее и труднее изживаются, чем пережитки самого ислама. Выявлены причины этого явления: сохранение некоторых пережитков общинных отношений, способствующих живучести религиозных верований, а также доисламских верований, причем преимущественно в семейном быту².

Материалы, собранные среди каратегинских киргизов, подтверждают это мнение.

Кальта-булак (1952)

По словам 64-летнего старика, в дореволюционное время каждый кишлак, даже самый маленький, имел свою мечеть. Мечети обычно имели такую планировку: *айван*, который назывался *доланом*, и там снимали кауши перед тем, как войти внутрь; *алоу-хона*, где проводили вечера, ночевали путники и т.д.; *хонака*, где молились.

Муллы бывали из самих киргизов. Большинство из них учились в медресе Бухары. Были медресе и в Джиргатале, где учеников обучали "большие домулло". Отдавали детей своих в школу все жители кишлаков, включая будто бы и бедняков. Девочки и мальчики обучались в одном помещении, но на разных суфах. Обучал мулла обе группы одновременно. Обучение заканчивалось чтением *чор-китоба* и *хафтияка*.

Джайлау Секи

Ишаны (пиры) здешних киргизов были из Вахию, из Хазрати Бурха. Теперь будто бы они сюда не приходят, так как ушли в Афганистан.

Кошой

Ишаны тут были все из таджиков, в частности, выходцев из Хаита. Из киргизов ишанов не было.

Г.Е. Грум-Гржимайло поехал на Кичи-Карамук, проехал Катта-Карамук и остановился по ту сторону перевала Джирге. Остался посмотреть празднование первого дня Рамазана, о чем сделал запись: "Уже накануне потянулись киргизы соседних аулов мимо нас в ставку амина³. Самое пестрое сборище. Мужчины, женщины, дети, кто на чем, вперемежку. Некоторые не имеют даже быка, на которого могли бы усесться, плетутся сзади пешком. Но сегодня угощаются только одноаульцы. Главное же пиршество — завтра. К утру этого дня толпа увеличивается. Отовсюду спешат еще пешие, конные. Ржание коней, рев верблюдов, мычание быков — шум стоголосный стоит теперь там, где разостланы уже рядами ковры. Все ждут приглашения, чтобы усесться. Наконец, уселись рядами; почетные у почетных. А слуги и голь на конце, где кто хотел, но тоже рядами. Слуги амина сначала обнесли воду в кумганах (для мытья рук. — С.Г.), потом после краткой молитвы, произнесенной заезжим муллою, мясо, сало, кислое молоко и кумыс.

Теперь пир уже кончен. Кто думает пососать на досуге оставшуюся у него кость, прячет ее к себе за кушак, другие бросают их тут же. Обносится еще раз вода, говорится затем еще раз молитва, и киргизы встают, благодарят угостившего их так роскошно амина и стремясь бросаются к своим лошадям. Различными путями несутся потом они к сборному пункту, точно боясь туда опоздать. А там уже приготовлены скаковые кони на призы и тут же готовятся к известной игре — кок-бури."⁴

МАЗАРЫ

Джиргаталь (1952)

По дороге из Джиргатала в Кальта-булак и Кошой слева от дороги, т.е. к северу, на гребне горы имеются камни в виде склоненных человеческих фигур. Местное население считает их окаменевшими чильтанами — *кырк чильтан* (сорок чильтанов, т.е. сорок существ, якобы незримо живущих среди людей и обладающих сверхъестественной силой). В давние времена, когда напали враги на здешние ме-

ста, несколько ишанов и мулл ушли в горы и стали там молиться и просить Бога, чтобы он не отдал их в руки врагов и превратил в камни. Там, в горах будто бы имел у них и дом, и даже закром. В закроме хлеб будто бы превратился в мелкий песок.

Немного не доходя до Кошоя, высоко на склоне гор растут несколько деревьев. Из называют *Кыз-терек* (букв. "девичий тополь"). Существует предание, что когда-то во время одной из войн несколько девушек кишлаака убежали в горы и там, чтобы не попасть в руки врага (бека), умолили бога превратить их в деревья.

Как те камни, так и эти деревья являются местом поклонения. Чильтаны особенно усердно посещаются бездетными женщинами. Женщина, задумавшая идти на поклонение, печет лепешки или жарит катламу. Взяв лепешки (*катламу*) и лоскут белой материи, отправляется к чильтанам. Всем, кто встречается на пути, она дает по одной лепешке. При подъеме на гору она отрывает узенькие ленты от ткани и привязывает их на все кусты, которые встречаются ей на пути. Если женщина достойна того, чтобы чильтаны вняли ее просьбе, то ей по дороге попадаются хорошие животные (*жакшы жан* — буквально "хорошие души") — верблюды, овцы и т.п. Но если чильтаны хотят показать женщине, что не принимают ее просьбу, то попадаются нехорошие животные (*жаман жан* — букв. "плохие души") — змеи, собаки и т.д.

Иногда пришедшие на поклонение остаются ночевать у подножия камней. Человек, просьбу которого чильтаны хотят выполнить, видит хорошие сны.

Выше Ак-сая есть место Шутур-санг. Названо так потому, что там имеется камень, на котором видны следы босых ног человека и ног, обутых в чоруки.

Многие примечательные местности здесь связаны с именем Али. Есть мазар где-то около Тупчака; там есть камень со "следом коня Али".

Дамбрачи

По словам Хафиз-раиса, Дамбрачи назван так потому, что около кишлаака в 400—500 м к западу от него, есть мазар некоего Хазрати Ходжан Нагарачи. Он относится якобы к тому же разряду, что и Хазрати Бурх и Ходжа Султан.

Кошой

Женщины при всяких недугах или других случаях (в первую очередь, при бездетности) посещают скалы Чильтан и Мазар-терак, зажигают там светильники и молятся (*чирак койиб, сыйиниды*).

Наиболее известными в этих краях мазарами являются Шаимардан, Бурх, Кырк-чильтан, Ходжай-топ и Алтын-мазар. К далеким мазарам отсюда ходят довольно редко. Наиболее близким мазаром для здешних киргизов является мазар Кырк-чильтан, скалы на гребне горы в виде склоненных человеческих фигур.

БЕРОВАНИЯ

Джиргатал (1952)

Здесь нет представления о Деви чильчач, но есть вера в существование Алмасты (Албарсты). Алмасты представляется в виде небольшого существа женского пола с длинными волосами. Как и в представлениях других среднеазиатских народов, Алмасты прежде всего вредит роженицам и новорожденным.

Чтобы сохранить жизнь новорожденных, родители, дети которых не живут, "продают" своего ребенка. Затем "покупают" его, расплачиваясь с "продавцом" новой одеждой.

Сары-Кендже (1952)

Женщины носят у ворота треугольные амулеты (*тумары*), прикрепленные с помощью английской булавки.

К мутовке маслобойки тоже привязан у хозяйки тумар.

Если растет зуб, то полагается носить на шее кусочек свинца на хлопчатобумажной нитке или шнурке. Молодая женщина в Джиргатале носила свинцовую пломбу.

Каоа-Кендже

На Ляхше, в низменной части, есть небольшие болотца. На них много птиц размером с галку. Здешние жители называют их *балыкчи каракуз* (букв. "рыболов черноглазый"), так как вокруг глаз у них имеется черный ободок. Существует поверье, что если кто поймает эту птицу, то кто-либо из близких, находящийся вдали, вернется. По словам Хайри (нашей хозяйки, женщины 37 лет) она однажды в годы войны поймала одну такую птицу, и через 2,5 месяца вернулся муж, бывший в трудовой армии.

Почти все внутренности волка, особенно же половой орган, считаются целебными от всяческих духовных и физических недугов. Когда однажды муж Хайри убил волка и еще полуживого привез домой, то соседи дальние родственники разобрали кусочки внутренностей. Кожу вокруг заднего прохода волка (*берининг кәти*) вырезают, варят, счищают от мездры, затем пишут на коже соответствующую молитву.

Мужчины носят эту кожу с собой в виде ладанки. Считается, что это благоприятствует его делам. *Эркакнин жולי очилади* (т.е. "Путь этого мужчины открывается" — С.Г.), — говорят информаторы.

Женщины применяют половой орган волка при заговоре для избавления от соперницы. Если одна из жен хочет, чтобы муж прогнал вторую, то она маленький кусочек полового органа волка дает мужу вместе с пищей. По словам Хайри, в тот самый раз, когда муж ее убил волка, одна знакомая из Кушагбы послала человека с убедительной просьбой дать ей кусочек полового органа волка. Через несколько дней мы услышали, что соперницу этой женщины муж прогнал.

Кошой

Существует обычай вскрывать могилу недавно умершего, чтобы посмотреть, не прикусил ли покойник свой саван или свой язык или не нашел ли большой палец одной ноги на большой палец другой.

Биби Сешанбе здесь не очень популярна. "В Рисоля она есть", — говорит мастер в Птеу-куле. Одна женщина каждый вторник устраивает зиафат в честь Биби Сешанбе, угощая стариков мясом зарезанной курицы. А вообще в честь нее женщины устраивают угощение. Они приглашают сирот (девочек) и вдов. Делают курут-аталя (похлебку с курутом). Угощение устраивают раз в год (осенью или весной).

¹ Абрамзон С.М. Киргизы в их этногенетических и историко-культурных связях с народами сопредельных стран. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Л., 1968. С. 30.

² Снесарев Г.П. Реликты доисламских верований и обрядов у узбеков Хорезма. М., 1969. С. 18—20; Этнографические очерки узбекского сельского населения. М., 1969. С. 288—289.

³ Лицо выборное — старшина, в административном отношении ничтожная личность.

⁴ Грум-Гржимайло Г.Е. Очерки припамирских стран // Изв. РГО. 1886. Вып. 2. Т. 22. С. 85—86. По записям Б.Х. Кармышевой, в Алтын-Мазаре и Терс-Агарской части Заалая живут киргизы и гальча. То же население и в пройденной ею территории каратегинских владений (только самые верхние части).

ПРОЧИЕ ОБЫЧАИ И ОБРЯДЫ

Киргизы при определении стран света становились лицом на север, а не на восток, как древние тюрки, и не на юг, как монголы¹.

Джиргаталь (1954)

Старики и старухи не вытирают рук после мытья, считая это *мокрух*². После умывания вытирают.

Когда приносят хлеб в дастархане и разворачивают дастархан, старший из присутствующих гостей разламывает немного хлеба, а потом сам хозяин продолжает ломать лепешки и раскладывать их по дастархану.

Надевшего новое платье поздравляют словами: “*Кут болсын*” (“Пусть будет счастье!”). Отвечают: “*Кулдук!*”

Кара-Кендже (1954)

Аеш-ата — так называют наша хозяйка старика Урмана, так как он был другом (*дос*) ее свекра.

Если женщины дружат, то называют друг друга *бача*, а если дружат мужчины, то называют друг друга *досым*. Дружба закрепляется и обнародуется приглашением друг друга в гости, закланием барана в честь друга, обменом подарками в виде одежды (*Сырпайлашып, кой сойшып, дос боладылар*³). Однако нередко такая дружба из-за недовольства подарками переходит в ссору. Недаром существует поговорка: *Досынг тобо доо*. (“В голове друга претензии”, — С.Г.). Поэтому предпочитают дружбу без торжественных обязательств, при посещениях друг друга просто угощают лапшой. Называются такие приятельские отношения *атала-дос* (букв. “похлебочный друг”. — С.Г.).

Про двух человек женщины говорили: *Худоны ортага койиб, Курканны (Коран) ортага койиб, кучаклашыб, дос бога*. (Буквально “Взяв в свидетели Бога, положив между собой Коран, обнялись и стали друзьями. — С.Г.).

Если видеть во сне себя голым, то все грехи с тебя снимаются.

Сары-Кендже (1954)

Вторник называют *кара сешанбе* (черный вторник) и в этот день не устраивают никакие торжества и свадьбы, не стирают, не моют голову и не кроят одежду. Стирать и мыть голову во вторник считается грехом, так как в этот день Хазрат Биби Сешанбе варит лапшу и печет лепешки для душ умерших. Если же кто-либо будет мыть голову или стирать в этот день, то существует поверье, что брызги от воды стирающей или моющей голову попадут на сурфу, а волосы, которые выпадут после расчесывания, будут наматываться на разливательную ложку. Обычно одежду стирают в четверг или пятницу, а голову моют во все дни недели, кроме вторника. Таким же, как вторник, приносящим несчастья, считается месяц сафар. В этот месяц не устраивают свадьбы. В течение этого месяца нельзя из дому давать соль, муку и огонь.

Голову киргизки моют так: намазывают ее кислым молоком или пахтаньем, прочесывают гребнем, а затем смывают теплой водой.

Ногти стригут по средам. Состриженные ногти не выкидывают, а подбирают, заворачивают в вату и прячут в расщелину стены. В огонь бросать ногти нельзя, чтобы не воспалились и не болели пальцы на руках бросившего в огонь ногти.

У киргизов существует обычай: когда односельчане видят, что к одному из соседей приехало много верховых гостей, то идут туда забрать коней к себе, по одному, по два, чтобы накормить и напоить их. А потом сами идут к соседу, у которого гости, и приносят на блюде какое-нибудь угощение.

Гостям их галоши подаются (в дом входят, снимая галоши), ставя их рядом, носками от декуна, чтобы было удобно их надевать при выходе из комнаты.

Дувана (1988)

Для того, чтобы лавина (*көчки*) не снесла дом (если такая опасность есть), ставят торчком ярмо (*моюн турук*) и к нему прикрепляют Коран (*каламудла*). Лавина должна в этом случае изменить направление.

Если кто-нибудь входит в юрту (имеется в виду гость), все соседки приносят айран.

Змей не трогают человека, пока сам человек их не тронет. Змей бывает мало там, где пасется скот, так как скот топчет их ногами.

Балх (1988)

Умерший чужестранец считается шахидом.

Со стороны Каабы не разрешается перевозить умершего и похороненного чужестранца (*мусалир*) на восток. И сейчас не перевозят. Здесь как-то был перенесен труп человека издалека в кошме, но такие случаи редки.

Одежду кроят в четверг и понедельник.

Голову женщины не моют во вторник, среду (и таджики, и киргизы). Есть поверье. Что если вымоешь голову во вторник, во время обмывания покойника пойдет кровь прямо на доску с покойником.

Джайлау (1988)

От сглаза для детей делают черно-белый шнур, который надевают на шею. При этом белую нитку крутят в одну сторону, черную — в другую. Вешают на шею и боярышник (*дулона*).

¹ Бартольд В.В. Киргизы. Исторический очерк // Бартольд В.В. Соч.: в 9-ти т. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 477.

² *Мокрух* (*макүрөө*) — то, что не одобряется, не рекомендуется религиозным законом, но и строго не воспрещается.

³ Букв. "Обменявшись подарками в виде одежды, зарезав барана, становятся друзьями".

ВРАЧЕВАНИЕ

Джиргатал (1952, 1954)

Если болит поясница, то к ней прикладывают и привязывают горячую лепешку из пресного теста — *көмөч*, испеченную на поду очага. Для лепешки берется семь ложек муки из семи домов, затем добавляется еще нужное количество муки из своего дома и месится тесто на масле и молоке.

Многие болезни здесь лечатся старухами путем *дам салмок*¹.

Сало сурков и барсуков считается целебным и является лечебным средством. Также целебными считаются сало и желчь медведей. Лекарством от легочных болезней считаются мясо и желчь уларов. Желчь разводится в горячей воде и принимается внутрь.

Чем больше хранилось медвежье сало, тем более целебным оно считается. Сало сурка, пролежавшее в земле несколько лет, по силе становится равно салу медвежьему.

У киргизов распространено понятие о *кинна* ("злоба"). *Кинна кирган* — говорят они, т.е. "вошла злоба" в кого-нибудь от нехорошего взгляда недоброжелателя. Чтобы вывести кинна, нужно передать ее собаке. Выходит кинна из человека в виде усиленной зевоты.

Молодая женщина Алма-хан — дочь Шариповой Джигде — температурит второй день. У нее болит живот и ее тошнит, так как она беременна. Но мать считает, что ее сглазили, и второй уж вечер перед сном выводит кинна — берет три кусочка лепешки и водит ими по животу дочери. Алма-хан начинает усиленно зевать. Затем мать кидает эти кусочки хлеба собаке, чтобы сглаз перешел к последней.

Кара-Кендже (1954)

Есть болезнь, которая называется *чыгу*². На теле больного после высокой температуры появляется белая сыпь в виде водянистых пузырьшков. Средством от этой болезни является перламутр, пластинки которого нанизываются в ожерелье вместе с бусами. Перламутр трут о камень и образовавшийся порошок пьют. Это ускоряет полное появление сыпи, а последнее ведет к выздоровлению.

Сары-Кендже (1952)

Мяту (*жалпуз*) прикладывают детям при воспалении легких (?)

Дамбрачи (1952)

Растение *рауз* употребляется как лекарство для изгнания газов из кишечника (*жель куады*).

Джайлау Орта-бель (1954)

На раны натягивали легкое собаки.

Волчья печень, высушенная и превращенная в порошок, идет на лечение болячек, болезней полости рта у детей и для выведения глистов (посыпают в задний проход).

Гулама (1988)

Недалеко от этого кишлака есть месторождение соли. Есть также целебный холодный сероводородный источник Шипа-булак. Считают, что он помогает от чесотки, но им сейчас не лечат. В прошлом же больных чесоткой обводили вокруг мазара Зык, который есть на джайлау.

При укусе змеи, скорпиона отчитывали или, найдя ужалившего скорпиона, берут его щипцами или еще чем-нибудь и держат над огнем. Тогда яд у человека уходит.

Бусы из косточек боярышника и амулет (верхняя часть черепа коня ?) используют от глаза.

ГИГИЕНА

Кара-Кендже (1954)

У киргизов, как вообще у мусульман, женщины растительность соответствующих мест выщипывают. По словам жительницы селения Хайри, в книгах будто бы сказано, если растительность эта будет длиннее ресниц, то это грех.

КОСМЕТИКА

Джиргаталь (1952)

Ногти красят хной женщины и дети (и мальчики, и девочки). Для этого здесь употребляют не порошок, как в городах, а растение. Толкут его стебли и добавляют квасцы.

Кара-Кендже (1954)

Киргизки очень любят употреблять различные кремы для лица и белила с румянами. Молодые женщины подводят брови, теперь нередко карандашом. Вообще-то издавна подводили брови каменными палочками — *усмо-таш*⁴. Эти блестящие черные камни, по словам женщин, привозят из Мургаба и Иссык-Куля.

ЛЕЧЕНИЕ ЖИВОТНЫХ

Гулама (1988)

*Жолокчи*⁵ — человек, которому при рождении обмазывали кровью клеща нижнюю губу. Если ребенок при этом останется жив, то потом он получит возможность убивать клещей, обрызгивая их водой из своего рта.

Информатор Ислам бобо Суранов, 70-ти лет, сам был свидетелем того, как джолокчи в Ферганской долине заговором изгонял клещей из овец. Информатор пас там овец, и вдруг они сталидохнуть от клещей. У него сдохло четыре овцы. Тогда Ислам бобо отыскал джолокчи и попросил его изгнать из овец клещей. Джолокчи спросил, сколько он заплатит. Ислам бобо ответил, что овцы совхозные (или колхозные), и если он спасет овец, то руководство без всяких слов заплатит, сколько надо. Тогда джолокчи пошел на ферму, попросил принести ведро воды, прочитал над ней молитву (заговор) и дунул несколько раз (*дам салды*). Потом, набрав воду в рот, обрызгивал овец изо рта. Затем стал брызгать на них и руками. Через некоторое время клещи стали выпадать из овец. Сотни выпавших клещей поползли по стене и полу. Джолокчи заночевал на ферме и на другой день повторил процедуру, после которой на полу образовался целый слой клещей: они лежали, подняв лапки.

Путала — болезнь овец, при которой их морда отекает (опухает), *мык котыр*⁶. Чтобы их вылечить: 1) водили их к мазару; 2) водой того же веса, что и Коран (взвешивали на двухчашечных весах), обрызгивали овец.

У коз была болезнь, называвшаяся *маак*, при которой у них чернели легкие. Для лечения резали большую козу, вынимали легкие и вешали на солнце. При этом появлялась надежда, что остальные козы останутся здоровыми.

У лошадей есть болезнь *тели*⁷. Лошадь ложится, мотает головой, опухает селезенка. Болезнь проходит, если шевелить ножом (*пчак кымырласа*).

ПОЧИТАЕМЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Кылджуджай

Говорили, что верблюд — это святилище (*туя-мазар*). Но вместе с тем на него возлагалось очень много работы: на верблюда грузили поклажу 2—3-х лошадей, запрягали его в омач и пахали землю. Верблюжья шерсть широко использовалась для изготовления лучших вещей: дастарханы, чекмени, попоны для лошадей коврики для намаза и т.п.

Беркут — тоже почитается. Его желчь употребляли в качестве лекарства. В первую очередь, желчь беркута давали небольшими порциями сумасшедшим. Давали желчь и новорожденным в семьях, где дети не выживали. Считалось, что если когти беркута вделать в серебро и это украшение прикрепить к спинке верхней одежды мальчика, то он будет огражден от всякой нечистой силы (джинов и пари).

¹ *Дам сал (дем сал)* — отчитывать больного, заговаривать, произносить заклинания, заколдовывать (Юдахин К.К. Киргизско-русский словарь. М., 1965. С. 191).

² *Чыгу*, точнее, *чыгуу* — оспа (там же. С. 881).

³ *Рау* — съедобное дикорастущее растение (см. "Пицца").

⁴ *Усмо-таш* — букв. "красящий камень" (от *усмо* — "травянистое растение, соком которого красили брови", *таш* — "камень").

⁵ *От жолок* — клещ.

⁶ *Мык котыр* — название кожной болезни овец, чесотка, парша.

⁷ *Тели* — название болезни лошадей, при которой скрючивает корпус, и лошадь начинает крутиться (Юдахин К.К. Указ соч. С. 721).

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ. РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Общественный быт киргизов Каратегина, одного из самых глухих уголков Восточной Бухары, отличался большой застойностью, патриархальностью, с одной стороны, и господством религиозной идеологии, с другой. Центром общественной жизни каждого селения была мечеть с *алоу-хоной*¹, как это наблюдалось и у каратегинских таджиков. Религиозные и семейные праздники были основными проявлениями общественной жизни.

В настоящее время центрами общественной жизни в кишлаках являются правление колхоза, сельский совет, клуб, школа и особенно чайхана. В чайхане обсуждаются и решаются все вопросы, касающиеся как хозяйственной, так и культурной жизни кишлака, а также проведения семейных праздников и т.д. Чайхана выполняет и функции агитпункта. Но в целом досуг колхозников оставляет желать лучше-

Чайхана. Слева — трибуна. Сел. Кошой. 1957 г. (Фото Б.Х. Кармышевой)

го. При школах и сельсоветах имеются не очень богатые библиотеки. Кинопередвижки, судя по записям в Кара-Кендже, в селения не приезжают. Артисты за все послевоенные годы приезжали всего 1—2 раза. Поэтому по-прежнему одним из существенных проявлений общественной жизни являются семейные праздники, отмечаемые всем колхозом, а то и районом, с гостями из соседних районов. На смену религиозным праздникам пришли революционные праздники, которые, однако, все еще не вытеснили первые.

Балх (1954)

В кишлаках были алоу-хона, вернее, мечеть имела две части: ханака — молеельня, внутренняя часть мечети; алоу-хона.

Твбчак (1950)

У киргизов в кишлаках были мечети и мехман-хана². Они представляли собой алоу-хона таджиков. И теперь в кишлаках есть чайханы, где мужчины проводят целые дни. При этом каждый несет еду, что может.

В Джиргатале в дореволюционное время было несколько мечетей. У одной из них большой потолок поддерживался очень большими столбами. Во время землетрясения стены рухнули, а потолок, поддерживаемый столбами, устоял. Восстановили стены и превратили в чай-

хану, которая действует, как старые алоу-хона, только зимой. Внутри поставили печку — бочку из-под бензина с замазанным самоваром.

Кошой (1954)

Мужчины утром обычно завтракали в мечети, вернее, в алоу-хона. Каждый нес с собой что-нибудь (аш с хлебом) и после утреннего намаза все вместе завтракали. Если бывал приезжий, остановившийся в мечети, тоже завтракал со всеми. В зимнее время все холостые мужчины жили в мечети, обедали и ужинали там же. Для отопления мечети существовала очередь (*наубат*).

Сары-Кендже (1954)

Компания, каждый участник которой по очереди угощает остальных мясом, мясной пищей, называется здесь *арпана* (иран. *эргэнэ*). Это то же, что и *шерне*. Так называется и само угощение. Полноправным членом компании может быть каждый житель кишлака, женатый и имеющий двух—трех детей³.

Аргуч — танцы (на литературном киргизском языке — *бий*) у здешних киргизов существуют и ничем не отличаются от местных таджикских⁴. Танцуют как мужчины, так и женщины, и только на свадьбах.

Комыз — домбра с тремя струнами. Струны делаются из козых кишок.

Тамбир — здесь так называют ферганский дутар. Привозят из Ферганы. Очень распространен здесь. *Дутаром* здесь называют обычную домбру, которая встречается здесь только у таджиков, да и то изредка.

Ооз комыз — обычный губной кобуз.

Шильвиди (1954)

Хайри говорила, что когда она была девушкой, у нее была домбра, которую она даже носила с собой и играла на улице.

Во многих домах здесь имеется дутар, который называется здесь тамбир. Мелодии почти не отличаются от узбекских.

Лжиогатаь (1952)

Дутар встречается почти в каждом доме. Домбра маленькая, наоборот, встречается редко. Также в каждом доме встречается дойра.

Таг-теке — марионетка в виде горного козла. Заставляют ее прыгать под кобуз.

Устраивают бой кекликов. А перепелок не держат.

Балх (1988)

Во время свадьбы и других торжеств были различные развлечения, в том числе стрельба на скаку по шару (коровий мочево́й пузырь).

наполненный водой), скачки (сейчас они совершенно отсутствуют), доставание зубами целкового из котла, наполненного жидкой мучной болтушкой.

¹ Бука. “комната с очагом , где готовится пицца”. Но это своего рода клуб, где мужчины собирались в зимнее, вернее, в свободное от сельскохозяйственных работ время, для совместного досуга.

² Своего рода гостиницы, помещения для приезжих.

³ Подробнее о мужских компаниях см. *Кисляков Н.А.* Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло // ТИАЭА. 1936. Т. 10. Сер. Этнография. С. 115–119; *Фиельструп Ф.А.* Из обрядовой жизни киргизов начала XX в. М., 2002. С. 233–238.

⁴ До революции у киргизов своих ташцев не было. (*Юдахин К.К.* Указ. соч. С. 133).

ФОЛЬКЛОР

ПЕСНИ

Песня джигита к возлюбленной

Кара-Кендже (1954)

Бөг аралап, гүл үздің,
Баланы мунча күйгүздың.

Жигда аралап, гүл үздің.

Жигитты мунча күйгүздың.

Атындан соккан оймогың,
Оймогың боун жойбогың

Айчилик кетип келгичем,
Күйдүриң (көңүль) өзип койбогың.

Күмүштон саккан оймогың,
Оймогың боун жойбогың.
Күнчүлик кетип кельгичем,
Күйдүриң өзип койбогың.

Асман эгиз, жер тала (дала)
Акзрек (агзрек, зирак) койның
гүльхана.

Гүльхана сениң, койныңа.
Бир кеча жатар күн кана?

Жоргого путың арт дейм.
Жоуругуң маңа сат дейм,
Жоуругуң манга сатпасаң,
Жолдо жүрүп, дат дейм.

Көлүкка путың арт дейм,

Күлькүңдо маңа сат дейм.
Күлькүңдү маңа сатмасаң,
Күндү жүрүп, дат дейм.

Оймогың сынса, мытайн.

Оносом кант деп ухтайн?
Шакагиң сынса мыктайн.

Санасам кант деп ухтайн?

Идя по саду, ты рвала цветы,
Как ты возбудила (любовной
страстью) парня.

Идя по зарослям лоха, ты рвала
цветы.

Но, лох черноглазый, как ты
возбудила парня.

Твой наперсток сделан из золота.
Не рви шнурок, на котором он
висит.

Пока я, уехав надолго, вернусь,
Подожди меня (приблизительный
перевод — С.Г.)

Твой наперсток сделан из серебра.
Не рви шнурок на котором он висит.
Пока я, уехав надолго, вернусь,
Подожди меня (приблизительный
перевод — С.Г.).

Небо высоко, земля равна.
Твоя грудь — цветник.

Где та ночь, чтобы поспать
На твоей груди — цветнике.

Садись на иноходца, говорю.
Продай мне свой характер, говорю.
Если не продашь мне свой характер,
Буду жалобно кричать, идя по
дороге.

Садись на вьючное животное,
говорю.
Продай мне свой смех, говорю.
Если не продашь мне свой смех,
Каждый день буду жалобно
кричать.

Если сломается твой наперсток,
починю.

Когда ласкают тебя, как я усну?
Если сломается твое кольцо,
починю.

От тоски как я усну?

Песня женщины к возлюбленному

Көнчеликта бантим бар.

Көп ойнашка шартым бар.

Чынчалакта бантим бар.

Чын ойнашка шартым бар.

Адырга баккан кой семиз.

Аклын, болса, ойнап-куль.

Айделе келвейт онсегиз.

Күнгүйга баккан кой семиз.

Коңлиң, болса, ойнап-куль.

Конделе кельвейт онсегиз.

Чий баркуттан көрпөчөм.

Чыдавайман, көрвөсөм.

Чын паркыңа жатармин,

Чын ажал жетип өлвөсөм.

Карадан мениң көрпөчөм.

Кайгырам, сени көрвөсөм.

Хадырыңа жетермин,

Казам жетип өлвөсөм.

Көзүң, пшкан карагат.

Хила волды көрвөйман.

Жөрависиз саламет.

Кылжейрен аттың, такасы,

Кыркылыптыр, яргинам.

Кылыгыңа чыдавай,

Ыр кылыпман, яргинам.

Жаңыдан алган атыңа

Жал волайын, яргынам.

Кзыл чийка бетиңа

Нур волайын, яргынам.

Куурсындай белиңа.

Кур волайын, яргынам.

На груди у меня есть украшение с амулетом и монетами.

У меня есть возможность много развлекаться.

На мизинце у меня есть украшение.

К настоящему любовнику у меня есть условия.

Вскормленный на адыре баран жирен.

Если есть у тебя ум, развлекайся, веселись.

Вновь не придут 18 лет.

Вскормленный на солнечных склонах баран жирен.

Если есть желание, развлекайся, веселись.

Никогда не вернуться 18 лет.

Мое корпчо (длинная узкая подстилка на вате. — С.Г.) из вельвета в рубчик.

Если не увижу (тебя), не выдержу.

Лягу на твою подушку с орнаментированным верхом,

Если не умру, дождавшись смертного часа.

Из простой ткани мое корпчо.

Страдаю, когда тебя не вижу.

Я добьюсь твоего уважения,

Если не настанет мой смертный час.

Твои глаза, как спелая черная смородина,

Не вижу уже давно.

Это не добавляет мне здоровья.

Подковы твоего рыжегривого коня стерлись, любимый.

Не выдержав твоего характера (твоих выходок),

Сочинила я песню, любимый.

Твоего нового коня

Хочу быть гривой, дорогой.

На твоём румянном лице

Хочу быть лучом света, дорогой.

На твоей стройной (как стержень птичьего пера) талии

Хочу быть поясом, дорогой.

Кашка атка таккан тумарын,
Какшатады сениң кумарың.
Боз атка таккан тумарын,
Боздатад сениң кумарин.

Ойлонтад сениң заманың,

От жалым болып тамамын.
Кайда йам босаң, аман бол,
Угулса болот хабарың.

Алыскы жерде турасың,
Хат жазып хабар сураймын.
Жазган бир хатка жавап жок,
Сарсана болып кураймын.

На лошадь со звездочкой на лбу
привязан твой амулет.
Заставляя страдать от любви.
На серую лошадь привязан твой
амулет
И заставляет горько плакать твою
любовь.

Вспоминая время, проведенное с
тобой,
Воспламеняюсь, как огонь (пламя).
Где бы ты ни была, будь здоров.
Будет услышана твоя весточка.

Ты живешь в дальних краях.
Я прошу, пиши мне письма.
На мои письма нет ответа.
Желтею и сохну от этого.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ

Каа-Кендже (1954)

Тоо тоовга жетмайды,
Адам адамга жетади.

Молды оттоуга,
Адамзатти иззатка.

Ойнош оттан кзык,
Сууп кетса, покταν сассык.

Малыңны миң кылама,
Хишиңни миң кылың.

Талайлу мнен талашма,
Тай минган мнен жарышма.

Бир колдан тоош чыкмайды,
Эки колдан тең тоош чыгады.

Мал эгасы мнен,
Баш миясы мнен.

Сабы-Кендже (1954)

Бир кунга туз ичкайга
Мың кунга салам.

Бегиче келгенче (жеткенче)
Белиңни беш жерден сындырам.

Дамбрачи (1954)

Ай жор,
Аман жор.

Гора с горой не сходятся,
Человек с человеком сходятся.

Скоту — подножный корм,
человеку — почет и уважение.

Любовник (-ца) жарче огня,
А если разлюбит, зловоннее дерьма.

Не копи богатство (скот),
Копи людскую дружбу.

С имеющим поле (степь) не спорь,
С сидящим на коне не тягайся.

От одной руки хлопка не будет,
От двух рук появится хлопок.

Скот со своим хозяином,
Голова с мозгом.

Тому, кто пил (ел) соль один день
Приветствие (слава) на тысячу
дней.

Пока ты доберешься до своего бека,
Я сломаю твою поясницу в пяти
местах.

Путешествуй по миру,
Путешествуй благополучно.

Джиогаталь (1954)

Сен салада, мен сала,
Атка токум ким сала.

Ат алгыча
Анжам ал.

Нассия куйруктан
Нах өпкө жакшы.

Ат хоро болса,
Берды Худай.
Хатын хоро болды,
Берды Худай.

Сынган мойнды
Суулган кычы кесмайды.

Ойо бөлакдинг
Гөри бөлөк.

Көйлагиниң, өри кыска,
Кзымызниң, өри узак.

Джаилган (1954)

Көп жашаган не билет?
Көпни көрган шу билет.

Джайлау (1954)

Асман алыс, жер катты.
Ольмай жөрады экансыз.

Сыпайгарчиликниң, тизеден нон
болсо.
Белиден кан.

Урушкан мнан урушаман,
Алышкан мнан алышаман.
Хар бириниң, коныштарның,
Аты башка.

Кошой (1957)

Беш кол барабар эмас.
Сөкка сүт куйгандай
Ёкши келипти.

И ты молодец, и я молодец,
Но кто же будет седлать коня,

Прежде, чем купить лошадь,
Купи сбрую.

Лучше обещанного курдюка
Наличное легкое.

Если конь оказался прожорливым,
Это дал Бог.
Если жена прожорлива,
Это дал Бог.

Сломанную шею
Закаленный меч не берет (режет).

У кого особые мысли,
Особая и могила.

У ее платья подол короткий
У нашей дочери подьем далекий (не
скорый). (Замечание Б.Х. Кармы-
шевой: "Не знаю, по какому поводу
говорятся эти слова: когда наряжают
невесту или вообще, когда надевают
на ребенка новое платье").

Что знает тот, кто много жил?
Знает тот, кто много видел.

Небо далеко, земля тверда.
Поэтому будем жить, не умирая.

У церемонных (постоянно кланяю-
щихся. Может быть имеются в виду
чиновники. — С.Г.) хлеб на коленях,
кровь на поясице (т.е. они кормятся
постоянным коленопреклонением и
поклонами. — С.Г.).

С драчуном дерусь,
С задирой задираюсь.

У каждой стоянки свое имя.

Пять пальцев руки не одинаковы.

Получилось так хорошо, как если бы
налили молоко в просо (пословица,
употребляемая обычно для образного
показа примирения).

АНЕКДОТЫ

Кошой (1957)

Некий человек ехал со своим отцом на одной лошади. Он сидел сзади и думал: "Интересно, когда умрет мой отец. Как только узнаю о смерти отца, то продам (видимо, лошадь) за пять кг шашлыка и наемся" (Атам качан өлөр экак. Атамнинг өларини билсам, чакса 5 кг кевакка сотиб, еар эдим).

СЛОВА

Кара-Кендже (1952)

Пут — нога, *аш* — лапша, *тамбур* — южн. тамбур (четырёхструнный щипковый музыкальный инструмент), *дутар* — южн. дутар (двухструнный щипковый музыкальный инструмент), *мурза-терек* — пирамидальный тополь, *бака-терек* — обычный тополь, *жылвэз* — снежный барс, *аңыр* — атайка, красная утка, *торпок* — теленок от шести месяцев до года, *кавымак* — стегать, *аво* — обращение к старшему мужчине, *эже* — обращение к старшей женщине, *Ука* — обращение к младшему мужчине, *карымдашым* — обращение к младшей женщине, *куат* — ласковое обращение к младшим, *маталь* — пословица.

Дамбрачи (1954)

Баи бармак — большой палец, *сөмөй* — указательный палец, *ортон* — средний палец, *аты жок* — безымянный палец, *чынчалак* — мизинец.

Шильвили (1954)

Жомок — сказка, *чыгу* — оспа, *учук* — пузырьки на губах (на пример, при лихорадке).

Кара-Кендже (1954)

Кара басты — когда снятся кошмары.

Кара-Шоро (1954)

Кайт — упрямый, *төльгу (кумалак)* — катышек (овечий, козий или верблюжий помет), кругленькие камешки

Джаилган Секи (1954)

Заиб — жена, *тең* — ровесник, *сусар* — куница, *тоок* — курица, *кык* — южн. несслежавшийся овечий помет, навоз

Джайлау Орта-бель (1954)

Жоганчи — шорник, *чарың усто* — сапожник, *конушу* — сосед, *чалыш* — метис (например, отец — киргиз, а мать — таджичка).

Лжиргатаь (1952)

Дикак — вышитая легкая летняя попона. Она обычно делается из домотканой материи из верблюжьей шерсти

Оромо — зимняя попона, стеганая, верх из грубой домотканой материи *таар*, а низ из кошмы

Тура-салма — вышитый потник

Ширдак — вышитый потник (?) из черной кошмы.

Зилпуш — покрывало на шею и голову лошади (оставляются отверстия для ушей)

Көпчүк — покрывало на седло

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КАРАТЕГИНСКИХ КИРГИЗОВ¹

Киргизы в Каратегине живут в настоящее время, как уже говорилось, в его верхней части, граничащей с Алайской долиной. Однако данные письменных источников и народных преданий, обобщенные Н.А. Кисляковым², а также материалы по истории каратегинских селений, собранные Гармской этнографической экспедицией Института истории им. Ахмада Дониша АН ТаджССР, свидетельствуют, что Каратегин лет 200–300 тому назад был весь заселен киргизами и только постепенно таджики, пришедшие преимущественно с бассейна рек Оби-хингоу и Яхсу, оттеснили киргизов на восток³.

Первое упоминание о пребывании киргизов в Каратегине относится, как известно, к первой половине XVI в. Это — сообщение неизвестного автора сочинения “Жизнеописание Ходжа Мухаммад Шарифа”, об отказе киргизов, живших в то время в Каратегине, платить херадж Абд ал-Латиф-султану (сыну могущественного правителя чагатаида Абд ар-Рашид-хана), о захвате первым семей и скота киргизов, о разгроме киргизами отряда Абд ал-Латиф-султана и убийстве его самого⁴.

Ко второй половине того же XVI в. относится сообщение Хафиз-и Таныша о том, что в самом начале 1576 г. киргизские войска, двинувшись из Каратегина, вторглись в Гиссар и дошли до Денау, но были отогнаны войском Абдул-Мумина, сына Абдулла-хана⁵.

Третье сообщение — это приведенное В.В. Бартольдом известие Махмуда ибн Вали о том, что в конце 1635 — начале 1636 г. через Каратегин прибыли в Хисар (Гиссар) 12 тысяч семейств киргизов под началом 12 представителей, которые были приняты узбекским ханом в Балхе⁶. Примечательно, что до сих пор у киргизов Каратегина сохранились предания о пребывании их предков в Гиссаре, Кулябе и Балхе.

Оттеснение с Каратегина киргизов таджиками происходило, как уже говорилось, в большинстве случаев мирно и постепенно. Обычно

таджики нанимались к богатым киргизам в работники и обрабатывали их земли. А со временем приобретали участок для себя, обзаводились семьей или перевозили семьи из родного кишлака и оставались жить. Нередко таджики нанимались в киргизские кишлаки в качестве имама. Из таджиков же были и ишаны, селившиеся в киргизских кишлаках. Значительно реже таджики основывали новые селения. Местные жители рассказывают обычно лишь об одном крупном вооруженном столкновении киргизов с таджиками. Киргизы, двигаясь под натиском таджиков вверх по долине Сурхоба, остановились у перевала Акмойнок вблизи одноименного селения (таджикское название Сайрун). Тут произошла битва, завершившаяся перемирием. По условиям этого перемирия киргизы не должны были спускаться ниже Акмойнока, а таджики — подниматься выше этого перевала. На месте перемирия будто бы впоследствии возник кишлак Яраш (в переводе с тюркского "перемирие"). Однако это событие не приостановило притока таджиков в Верхний Каратегин.

Наряду с оттеснением киргизов таджиками происходили и ассимиляционные процессы. В зависимости от конкретных условий в одних селениях киргизы постепенно поглощались таджиками, а в других, наоборот, таджики растворялись среди киргизов. В наши дни двузъичие и смешанные браки — массовое явление. В 1988 г. в Джиргатальском районе было всего 50 кишлаков (включая райцентр), из них 18 киргизских и 8 таджикских. В остальных селениях эти два народа живут вместе. По данным местного статистического управления, на 1-е января 1988 г. всего жителей в районе было 39341 человек, из них примерно 70% (точных сведений нет) составляли киргизы, 30% — таджики.

Обучение в школах ведется на родном языке, а в кишлаках со смешанным населением — на языке преобладающей национальности. Но нередко в киргизских школах бывают таджикские классы и наоборот. Учителя киргизских школ — местные люди, окончившие педагогические училища и институты в Душанбе, Оше, Фрунзе. Иногда для преподавания киргизского языка и литературы в старших классах приглашают учителей из Киргизии. Районная газета выходит на двух языках.

Совместное проживание киргизов и таджиков в кишлаках, смешанные браки, естественно, вели к сближению хозяйственного уклада населения Джиргатальского района, ибо именно в хозяйственной сфере межэтнические контакты были особенно тесными. Этому способствовали и особенности природно-климатических условий Верхнего Каратегина. Различия в хозяйственном укладе носили не этнический, а локальный характер и были следствием как многообразия

ландшафтов горной местности, так и специфических климатических условий высокогорья и сезонной изолированности.

Одной из основных отличительных особенностей хозяйственного уклада населения Верхнего Каратегина была непосредственная зависимость скотоводства от земледелия: ввиду недостаточности, а нередко и полного отсутствия зимних пастбищ, поголовье скота в каждом хозяйстве зависело от количества кормов, заготавливаемых на зиму. Возможности большинства хозяйств были в этом отношении весьма ограниченными, поэтому здесь практически не было крупных скотовладельцев. Сложности зимнего выпаса скота состояли в обильном выпадении снега зимой и опасности схода снежных лавин. Расширение земледелия у киргизов привело к формированию того же типа комплексного хозяйства, который был характерен и для горных таджиков: а именно "очагового" поливного и богарного земледелия в среднегорном и высокогорном ярусах в сочетании со стойлово-яйлажной формой скотоводства и промыслами.

Унификация хозяйственного уклада привела к сходству и семейно-бытового уклада: укреплению у киргизов большой патриархальной семьи. Киргизы заимствовали у таджиков дома припамирского типа⁷. Таджики же по достоинству оценили киргизскую юрту в качестве летнего жилья. На летовках, неудобных для установки юрты, и таджики, и киргизы пользовались горнотаджикскими постройками из камня (*дельвох/дивлох*).

Жилище припамирского типа широко бытовало в Джиргатальском районе еще в 1954 и 1957 гг., когда мы проводили свои исследования. Но уже начали распространяться и дома нового типа, сходные с равнинными. Причиной исчезновения первых, как справедливо считает А.К. Писарчик, стал распад большой патриархальной семьи⁸. Окончательное исчезновение таких домов было ускорено разрушительными землетрясениями 1949, 1974 гг. Ныне преобладает прямоугольный в плане многокомнатный дом с остекленной верандой и двускатным шиферным покрытием над плоским потолком. Летние жилища указанных выше типов бытуют и теперь.

Убранство дома киргизов и таджиков в наши дни почти не имеет различий. Украшением парадной комнаты служат сложенные стопкой вдоль одной из стен ковры, паласы, кошмы, ватные одеяла, а также подушки с вышитым краем. Это — киргизская традиция: приданое хозяйки, перенесенное из юрты в стационарное жилище. Если супруги молодые, то на боковых стенах бывают развешаны украшенные вышивкой и шелковой бахромой свадебные занавески. Цветовая гамма и орнамент вышивок традиционно киргизские, но нередко проглядывает и таджикское влияние. Различие в убранстве проявляется в деталях: у киргизов присутствуют ворсовые ковры и паласы

собственного производства. Есть различия и в технике изготовления узорных кошм.

Совместное проживание в кишлаках, смешанные браки при крепости пережитков общинных традиций послужили благодатной почвой для формирования сходных обрядов и обычаев. Различия проявляются опять-таки лишь в деталях. Например, если таджик женится на киргизке, то мать невесты, приравливаясь к таджикскому обычаю, к приданому дочери добавляет кожаную скатерть для разделки теста и стеганую на пладах репейника круглую плоскую подушку, которая служит для прикрепления хлебной лепешки к раскаленной стенке тандыра. Если же таджикка выходит замуж за киргиза, то эти предметы отсутствуют в приданом.

В общественной жизни до сих пор играют большую роль пережитки горнотаджикской традиции мужских собраний в алаухона при мечети⁹. Правда, ныне функции алаухона выполняет чайхана. Ее сооружают и содержат на средства участников сборищ. Еще одно проявление общественной жизни, но уже из киргизской традиции — конноспортивные состязания с тушей козла (*улак*). Поскольку при этой игре в основе деления на партии лежит родоплеменной принцип, то таджики причисляются к тому киргизскому племени, представители которого живут вместе с ними в одном кишлаке. Если кишлак чисто таджикский, то жители его причисляются при игре в улак к тому из соседних кишлаков с киргизским или смешанным населением, с которым издавна установились обязательства взаимного участия в проведении семейных обрядов.

Джиргатальский район в своем этнокультурном развитии издавна испытывает мощное воздействие Ферганской долины, куда после завершения полевых работ отправлялись на заработки киргизы и особенно таджики. А в наиболее трудные годы отходники и вовсе переселялись туда вместе с семьями¹⁰. Уже в советское время киргизы вынуждены были неоднократно переселяться в южные районы Ферганы: в годы басмачества, в годы коллективизации и голода, в годы войны и еще в начале 1950-х годов, когда проводилось "добровольное" переселение горцев в самые знойные южные районы Таджикистана для возделывания хлопка на землях нового орошения.

На юг переселились и отчасти закрепились там в основном таджики, а киргизы в большинстве своем самовольно переселились в Фергану и отчасти на Памир, в Мургабский район. Некоторые кишлаки вовсе обезлюдели. Многие семьи пробыли в тех краях не одно десятилетие и все же вернулись в свои родные горы. Например, в совершенно опустевшем киргизском кишлаке Чонкиргиз в начале 1988 г. было уже 201 хозяйство (1238 жителей), в кишлаке Балх — 91 хозяйство (535 человек), в кишлаке Гулама — 69 хозяйств (516 че-

ловек) и т.д. Возвращались и из Южного Таджикистана. Так, несколько лет тому назад вернулись оттуда несколько семей таджиков. Они основали кишлак Обчака на левом берегу Сурхоба, напротив Джиргаталя. Теперь в этом кишлаке 19 хозяйств (164 человека).

В результате длительных и тесных контактов населения Джиргатальского района с Ферганой многие киргизы и таджики (особенно мужчины старшего и среднего возраста) свободно владеют узбекским, чему способствует и близость к узбекскому языку южнокиргизских говоров. Влияние Ферганы сказалось также на costume, пище, этикете и т.д.

Вместе с тем, начиная особенно с послевоенных лет, с каждым годом возрастало экономическое, политико-административное и культурное воздействие на Верхний Каратегин и столицы Таджикистана Душанбе, в том числе через средние и высшие учебные заведения. Кроме того, джиргатальские киргизы ощущают и влияние не только Южной, но и Северной Киргизии. Туда также каратегинские киргизы ездили учиться, получали оттуда учебники, газеты и журналы.

¹ Данный раздел является сообщением на Всесоюзной тюркологической конференции во Фрунзе в 1988 г. Написан Б.Х. Кармышевой совместно с С.И. Илюшенко на основании материалов полевых этнографических исследований Б.Х. Кармышевой (1952, 1954, 1957, 1988 гг.) и С.И. Илюшенко (1983, 1987, 1988 гг.).

² Кисляков Н.А. Очерки по истории Каратегина. К истории Таджикистана. Сталинабад, 1954. С. 30–44.

³ Немцова Р.А. Население // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1966. Вып. 1. С. 57–72; Кармышева Б.Х. Поездка к киргизам Джиргаталя в 1954 г. // ИООН АН ТаджССР. Сталинабад, 1956. Вып. 10–11. С. 25–26.

⁴ Тазкира-йи Ходжа Мухаммад Шариф // Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969. С. 235.

⁵ Салахетдинова М.А. Сведения о киргизах в “Абдулла-наме” // ИООН АН КиргССР. (История). Фрунзе, 1960. Вып. 3. Т. 2. С. 180–181.

⁶ Бартольд В.В. Таджики. Исторический очерк // Бартольд В.В. Соч.: в 9-ти т. М., 1963. Т. II. Ч. 1. С. 464.

⁷ О жилище припамирского типа см.: Писарчик А.К. Жилище // Таджики Каратегина и Дарваза. Душанбе, 1970. Вып. 2. С. 69.

⁸ Там же.

⁹ Кисляков Н.А. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло // ТИАЭА. Этнограф. сер. № 2. 1936. Т. 10. С. 115–119.

¹⁰ Губаева С.С. Горные таджики Каратегина в Ферганской долине (конец XIX — начало XX в.) // СЭ. 1987. № 1. С. 86–94; Она же. Население Ферганской долины в конце XIX — начале XX в. (Этнокультурные процессы). Ташкент, 1991. С. 59–71.

СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ ТЕРМИНОВ

Аво — обращение к старшему мужчине

Аврез — см. **ташнау**

Агач (жагаш, жагач) — дерево, деревянный

Агач (жагач) устасы — плотник

Агаркак (акаркак) — подушелковая ткань кустарного производства; шелковая ткань с белым утком и черной основой

Адип — подрубка на одежде из другого материала

Адыр — холмистая местность, холмистое предгорье

Айван — терраса, веранда

Айран — квашеное молоко, слегка разбавленное водой

Азан — призыв к молитве у мусульман

Аксакал — седобородый; старейшина

Ак сурп — белый мадаполам

Актык — саван; белизна

Ак чадар — полосатый палас из хлопчатобумажной пряжи

Ала бакан — сучковатый шест, служащий вешалкой в юрте; мотив орнамента киргизской вышивки

Ала кеиз (ывырай кеиз) — кошма с узорами

Алача — полосатая бумажная материя кустарного, а позднее фабричного производства

Албарсты (алмасты) — демоническое существо в образе старухи, вредящее роженице и новорожденному

Алгау (алгоо) — молочная артель; взаимопомощь в сельском хозяйстве, выражающаяся в предоставле-

нии друг другу скота для обработки земли или в оказании друг другу помощи своим трудом

Аллас — атласная ткань

Алоу-хона (аловхона) — комната с очагом, где готовится пища; своего рода клуб, где мужчины собираются для совместного досуга (обычно в зимнее время)

Амальдор — чиновник (букв. "имеющий дело — амаль")

Ая — яма, промоина, обрыв; провал в снежнике, из которого выбраться невозможно

Ацыр — атайка, красная утка

Арбоб (арбап) — господин, повелитель

Аргуч (бий) — песня; танец

Аркак — челнок ткацкого станка; уток

Аркалык — серебряное наконечное украшение

Аркан — веревка

Арпа — ячмень

Арпана (эрпәнэ) — см. **шерне**

Арс — горностаий

Арча — дровяной можжевелник

Арык жер — истощенная земля от частого использования ее без удобрений

Асый — жеребенок в пять лет

Ат — лошадь, конь

Ат жабу — попона (от **ат** — лошадь, **жабу** — покрывало)

Ат жаптык — конская сбруя

Ат кулак — конский щавель

Ахта-хона — конюшня

Аты жок бармак — безымянный палец
Аш — пища, плов, лапша; поминки
Ашхана — кухня; женская часть юрты
Аш-тахта — доска, на которой раскатывают сочень для лапши и рожут лапшу (размер примерно 20 × 100 см)
Аяк — чашка, чаша
Аяк-кап — сумка для деревянной посуды
Бадам — миндаль
Бадрав — поперечная балка айвана
Бадыра — обрешетина потолка; тонкие жерди, идущие на обрешетину потолка
Байга (пайга) — скачки
Бакан — см. Туртук
Бака-терек — обычный тополь
Балта — топор
Балыш — подушка прямоугольная на одного человека
Бастырма — навес; трехстенный хлев с одной открытой стороной; навес для верблюдов
Баш бармак — большой палец
Баштык — сумка, мешок, торба
Беде (жоничка) — люцерна, клевер
Бейит — могила
Бекасам — вид ткани кустарного производства
Белдампа — часть савана: кусок ткани, которыми обертывают чресла женщины
Белдемчи — женская распашная набедренная одежда типа плахты
Бешатар — пятизарядное ружье
Бешпик-той — праздник колыбели
Блерик — браслет
Боз — белый, серый (о масти коня)
Борчок — фартук для маленьких девочек
Босого — порог, дверная рама
Босого баш — верхняя перекладина дверного косяка; притолока
Боу — сноп
Бурсак (боорсак) — обжаренные в масле (жире) кусочки теста
Бөз — бязь, мата
Бөрү — волк

Буддай — пшеница
Бутуш — (буквально “складка”) название шва; подгиб
Буза — опьяняющий напиток из проса или кукурузы
Бузи сази — эта сторона реки
Бурчак — горох
Бутка — каша
Васса — обрешетина потолка (небольшие бруски, разрубленные вдоль ствола пополам, укладываемые поперек потолочных балок)
Гажар — вид безворсового ткачества
Гажари (терме гилем) — палас с узорами
Гажери — тканая тесьма
Газмол — ткань
Галбир — решето
Гала — хлеб в зерне; посевы хлебных злаков
Галлагоу — молотьба зерна ногами животных
Ганжур — чулан
Гантек — маленькая, длиной около 40 см, скалка для раскатывания тонких лепешек
Ганчур — кладовка
Гжим бахмал — жатый (мятый) бархат
Гилем — ворсовый ковер
Горум — камнепад, осыпь крупных камней
Гөң (коң) — козий или овечий помет, кизяк, навоз
Гунон — жеребенок по третьему году жизни
Гылыч — часть ткацкого станка — доска для сближения ниток
Дака — тонкая белая ткань; марля
Далан (далаан, айван) — передняя, сени, прихожая
Дамбол — незрелый ячмень
Дарбаза — ворота
Дарча — дверца.
Дастак — поперечные жерди на потолке
Датха (датка) — одно из высоких званий в Кокандском и Бухарском ханствах; одной из обязанностей датха было докладывать хану жалобы подданных данного района

Дектир (кур-дектир) — склон, ограниченный с одной стороны обрывом

Дельвак (дельвох) — хижина из камней

Догкаш-челек — ведро для сколотины

Дос (дост) — друг

Дуг (дог) — сколотина

Дуваал — глинобитный или кирпичный забор

Дуваалкаш — специалист по возведению стен

Дулона — боярышник

Дуо (дуба, дува) — молитва с пожеланием благополучия; благословение

Дуруя (дороя) — белый платок, один угол которого вышит двухсторонней гладью

Дутар (тамбыр) — так здесь называют обычную домбру; двухструнный щипковый музыкальный инструмент

Жаак — бок

Жабык баш — тканая ковровая полоса, идущая внутри юрты; предмет декоративного оформления юрты

Жаван — сундук на низеньких ножках и с выдвижной передней стенкой

Жагач (ш) калыш — деревянные галоши.

Жагач усто — плотник

Жагач эгар (эар) — деревянное седло

Жайган-аш атаала (аш) — лапша, заправленная сколотиной

Жайлау — летнее пастбище

Жайнамаа — молитвенный коврик

Жалпыз (жалпуз) — мята

Жан — душа; бок, сторона

Жан жагаш — дверной косяк

Жангал — заросли леса

Жарма — могильная яма

Жастык — подушка, большая, длинная, прямоугольная, на двоих

Жегде — длинная стариковская рубаша без воротника и с разрезом до пупа; легкий халат без подкладки

Жеек (жняк, зняк) — тесьма

Желбау (желбоо) — веревки (две), служащие для укрепления юрты во время ветра

Желка — легкая верхняя мужская одежда на подкладке и без стежки

Жеце (жеца) — жена старшего брата по отношению ко всем родственникам мужа; старшие родственницы невесты, которые руководят ее проходами в дом жениха

Жентек — праздник в честь рождения ребенка

Жибек (жбек) — шелк; шелковый

Жилврэ — снежный барс

Жоганчи — шорник

Жоулук (жоолук) — платок

Жорган — ватное одеяло

Жөлөк — клещ

Жума намаз — пятничная молитва

Жураб (джураб) — шерстяные узорчатые чулки

Журт — место, где ставится юрта

Жүк — груз, выюк

Жүл — ворсовое ткачество; ковровый

Загара (загра) — лепешка из смеси различной муки

Занб — жена

Зароб — сыворotka

Зеби-гардон — свободно висящее ожерелье

Зель (жель)-жемини — юган кормовой

Зерав — продольная балка, остающаяся на стене и вмазанная в нее

Зергер — ювелир

Зиофат (зюпат) — угощение

Золумчи — резник

Зор очак — большой очак

Зыгыр — лен-кудряш

Зылф — локоны ушей

Ийик — веретено

Илме, илме шибеге — вязальный крючок; тамбурный шов

Иради — сорт пшеницы, который хорошо растет без полива

Ит-тамак — ожерелье из нескольких нитей, плотно прилегающее к шее

Ичак — кишки

Ички үй — внутренняя часть дома; женская половина дома

Иштан — штаны из легкого хлопчатобумажного материала

Кавиш (кауш) — кожаные галоши
Кавымок — стегать
Казан — котел
Казан карматыч — прихватки для казана
Казий — судья, судивший по законам шариата
Казык — кол, колышек
Кайирма жака — отложной воротник
Кайрак — богарные земли
Кайт — упрямый
Кайчи-кап — футляр для ножиц
Кайшит — мужская часть юрты
Какма — вид безворсового ткачества; полосатый палас
Какыр — твердая, не плодоносная земля
Калак — женский тюрбан
Калак — совок для углей; доска для раскатывания теста, деревянная мешалка
Кааами — хлопчатобумажная ткань с пропущенными полосками красного или синего цвета
Каала — голова
Каалак — мужской головной убор из сукна или светлого хлопчатобумажного материала
Калыб — колодка
Калыш — гадоши
Кальта-тай — жеребенок по второму году жизни
Камар — кожаный пояс, ремень
Камзор (камзул) — жилетка без рукавов
Камчи — плетка
Канат — (буквально “крыло”); складывающиеся решетки, из которых собирают круглую стену юрты
Кап — мешок, сумка
Капа — дом; кишлак
Капкыр — шумовка
Кара басты — так говорят, когда снятся кошмары
Караган — караганнык, желтая акация
Кара-мол — крупный рогатый скот
Кара-үй — юрта, в которой проходила повседневная жизнь семьи, где готовили пищу

Карбоc — вид хлопчатобумажной ткани
Карчыга — часть туши (от ребер до ляжек)
Карын — желудок
Карындашым — обращение к младшей женщине
Карыш (карш) — мера длины, равная расстоянию между концами раздвинутых большого и среднего пальцев; пядь
Касатарош — мастера по выделке деревянной посуды
Катта-кур — большие платки, нередко с бахромой для подпоясывания
Каттама (катлама) — слоеные лепешки, жареные в масле
Кат-хода — щедрый человек
Катын жака — (буквально “женский воротник”) вертикальный разрез на груди женского платья
Кахдан — помещение для хранения корма для скота
Кашат — подгиб
Каши — передняя лука седла
Кашик — ложка
Кашик-кап — сумка для ложек
Кеадеме — мануфактура
Кемеге — очаг в хижине, сложенный из камней
Кементай — кошемный чекмень
Кереге — круглая решетчатая стена юрты
Кыла чаар — форель
Кник — горный козел
Кийиз — кошма
Китабча-жака — (буквально “воротник-книжечка”) — горизонтальный ворот детской одежды с разрезом на плечиках или на одном плече вдоль него
Кичкене очаг — маленький очаг
Комыз — домбра с тремя струнами
Кол орок — серп
Кол челек — подойник
Колтык — подмышки
Комыз — домбра с тремя струнами
Конушу — сосед
Коптал — бока, полки седла
Коргон — хутор
Коса — чаша для жидких блюд

Косатарош — мастера по выделке деревянной посуды
Кочкар-муниз — рога барана; мотив киргизского орнамента
Кочкорок — полость
Кош жавык — ковровые полочки в юрте, на которые ставили женские тюрбаны
Көбүргөн — дикий лук
Көйнөк — рубашка, женское платье
Көз — глаз
Көзө — кувшин
Көзги кап — сумка для зеркала
Көк — зеленый, незрелый
Көк — кожаные ремешки; кожаная сшивка для керете
Көкбөрү — см. улак
Көк тал — селезенка
Көмөч — лепешка, печеная в горячей золе
Көмөч казан — чугунная жаровня с крышкой и ручкой для печения лепешек в горячей золе
Көраң — вороной (о масти лошади)
Көрпө (жорган) — ватное одеяло
Көрпө — шкурка ягненка
Көч көмөч — масляная лепешка, не жареная
Көчкы (көчкү) — обвал (в горах); лавина
Көчө (көжө) — похлебка из дробленого зерна
Көшөгө — занавес, свадебный занавес
Кроу — узкий валик глины между широкими слоями пахсы
Куат — ласковое обращение к младшим
Кудагый — сватья
Куза — кувшин
Куздуу шакак (жуздук шакак) — кольцо из широкой пластинки с камнем или монетой вместо камня
Куйма кулок — человек с хорошей памятью (буквально "все вливается в ухо")
Куйрук — хвост
Кулак сырга — ушные серьги, серьги
Кулач — размах рук; мера длины, равная расстоянию между концами вытянутых в стороны и находящихся в

горизонтальном положении рук; маховая сажень

Кунак — итальянское просо
Кундуз — выдра
Кур (чарчи) — поясной платок
Курак — лопата
Куроу — овчарня
Курут — сушеный сыр
Курутов — похлебка, приправленная растертым курутом; питье из воды с разведенным в ней курутом
Курчоу — веревка, стягивающая цилиндрическую часть юрты
Куурай — курай; составная часть названия многих травянистых растений.
Күйөв — жених
Кыштау (кыштоо) — зимнее пастбище
Кызгаалдак — дикий мак, мак-самосейка
Кык — неслежавшийся овечий помет, навоз; топливо из навоза в виде спрессованного кирпичика
Кыл-эльгек — сито, плетеное из конского волоса
Кымран — кумыс из смешанного молока: кобыльего, верблюжьего, коровьего
Кымыз — кумыс
Кымыздык — горлечко
Кыргак — кромка
Кыргыз уй — юрта
Кыркы — сорокадневие
Кюагю-кап — сумка для зеркала
Кят — погребальные носилки
Лаблау — свекла
Лас — сатин
Лахат — боковая ниша в могиле, куда укладывают покойника
Лобня — фасоль
Лой-бель — длинная узкая лопата с острым концом и краем для резания глины и подачи последней при возведении ганнобитной стены
Мазар — место поклонения и паломничества (обычно у могилы святого)
Макка — кукуруза
Манап — представитель верхушки феодально-родовой знати, который

не имея личной собственности, жил за счет управляемого им населения и распоряжался его собственностью; одни манапы управляли несколькими родами, племенами, а другие — только частью волости. Поэтому по значимости манапы делились на несколько категорий

Маска — сливочное масло

Махси (масти) — ичиги, мягкие сапожки

Махсидуз — сапожник

Мерверит (мервет) — жемчуг

Мехман-хана — комната для гостей; помещение для приезжих (своего рода гостиница)

Миния таяк — охотничье копье

Мир — бек

Мидоу — сурепка

Моку — старинная обувь: короткие сапоги с острым носком и подошвой на рантах из телячьей или козьей кожи

Молдо жака — ворот, представляющий собой небольшой вырез без застежки

Молдо койнок — рубаша с вырезом молдо жака

Мончок — бусы

Моюн турук — ярмо

Мукрат — огороженная могила

Мурза-терек — пирамидальный тополь

Мучо — часть тела, туши

Мык (тока) — гвоздь

Накчегер — щипцы для углей

Намаз — молитва.

Намазлык — молитвенный коврик

Нан — лепешка, хлеб

Нан-тахта — доска, на которой делают лепешки

Нике (никох) — бракосочетание

Нимча — легкий халат без подкладки

Нургуч — скалка для раскатывания сочени для лапши

Оби — поливные земли

Оврез (ташнау)

Огуз — вол

Озанг — железные “кошки” для ходьбы по льду

Ойдуз — яма

Ойма-кенз (ширдак) — шивная кошма

Омач — соха

Ооз комыз — губной кобуз

Өпкө — легкое

Өргөө — юрта для гостей; свадебная юрта

Өрмөк — ткацкий станок

Орогон — затируха

Ортон бармак — средний палец

Отормо — большое решето

Өтүк — сапоги

Охангар (темир усто) — кузнец

Пайги — проход в жилом помещении между двумя суфами

Пайпак — чулки из тонкого войлока

Пайтава — портянки, стеганые чулки.

Панджара — деревянные решетки на окнах, сетка

Папык — кисточка

Парага — половинки поленьев, которыми застилают потолок

Патир — толстые лепешки из кислого сдобного теста

Пахса — один слой ганны в глинобитной стене

Пахта шым — ватные штаны

Песелей — варежки

Пешдалан (пешталан) — терраса, веранда, навес перед домом

Пиала-кап — сумка для чашек

Пилта — стежка между верхом и подкладкой, в которую пропускается легкий шнур из ваты

Пир — духовный покровитель, мифический патрон; учитель

Пойги (от тадж. **пойгох**) — углубление у входа в помещение, в котором входящие оставляют обувь

Постун (пустин) — шуба

Потиха — благословение

Пуль — продольная балка айвана

Пурчак (буурчак) — горох

Пустак — выделанная шкура

Пут — нога

Пчен — сено

Пышты — (буквально “спелый”) же-ребенок в четыре года

Пштак — вид сыра, похожий на прессованный творог

Раис — председатель.

Рафида — подушка, набитая головками репея, используемая для наклеивания лепешек на стенки горячего тандура

Раша — межа

Саан — дойный (о скоте); доение; предоставление во временное пользование молочного скота за отработку

Саба — кожаный сосуд для жидкостей

Сабо — колотушка

Сагак — ожерелье из кораллов

Сагана — родовая мавзоль, надгробие; здесь: могила с **лахатом**

Саз — болото

Сайгач — подставка для светильника из стеблей травы

Салам — буквально "приветствие"

Салла — мужская чама

Саман — рубленая солома

Саманхона — сарай

Самын — мыло; **кара самын** — черное мыло

Санжиг (тундукниң санжиги) — рубовый ступенчатый свод из накладываемых друг на друга четырех квадратных рам. Весь свод называется тундук — дымоход (т.е. так же, как дымоход в юрте)

Сары тал — желтая ива

Саудагар — торговец

Севет (сават) — корзина

Седеп — перламутр, перламутровая пуговица

Секьчак — подставка под "вьюк" вдоль всей стены **тор**

Сель — бурные потоки дождевых вод или вод от таяния снега

Семиз жер — жирная, плодородная земля

Сеп — приданое

Серы — небольшой навес из циновки для сушки курута, фруктов

Ситора — круглая металлическая блюдка

Сок — жареное пшено

Сомой бармак — указательный палец

Стринка — хлопчатобумажная диагональ

Сугум — место впадения потока в большую реку

Суннат-той — пир по поводу обрезания

Суна (суфа) — глинобитные нарвы в жилом помещении. Поверхность ее полируют камнем

Супра (суфра) — круглая кожаная скатерть, на которой просеивается мука и разделяются лепешки

Суруп — мадаполам

Сурхак — сорт пшеницы, нуждающийся в поливе

Суусар — кунджа

Суу — вода; узор в виде пунктира

Суу бакан — коромысло

Суу мончок — бусы из нескольких ниток бисера

Сый — подарок

Сыпар — деревянное пахотное орудие с чугунным наконечником

Сырга — серьги

Таар — сукно

Табак (тавак) — блюдо (первоначально деревянное)

Тавак — задняя лука седла; посуда

Тавак кап — сумка для посуды

Тай — жеребенок до года

Так (тек) — ниша в суфе или стене

Такья — тюбетейка

Тал — ива

Талкан — толокно

Там (там-уй) — дом, в том числе и глинобитный

Тамбаша — (буквально "верх дома") плоская крыша

Тамбыр — так каратегинские киргизы называют ферганский дутар

Танга — серебряная монета

Тандур (тандыр) — печь для выпекания лепешек

Таразы — весы

Тару (тары) — просо

Тар-халва — блюдо из муки, масла и молока

Тасма — тесьма

Тахта — доска

- Ташнау (аврез)** — углубление в полу против дымохода, куда стекает вода во время умывания
- Таш-табе** — (букв. “каменная сковорода”) плоский камень, нагреваемый на костре, на котором пекут лепешки
- Текче** — настенная висючая пауза для хранения женского головного убора элечек, украшенная вышивкой
- Тельпек** — мужской головной убор, сшитый мехом внутрь; старушечья шапка из овчины, сшитая мехом внутрь
- Темир устоси (охангар)** — кузнец
- Темир челек** — металлическое ведро
- Тенг** — ровесник
- Телчиген** — название шва, похожего на мелкую наметку, стежка пунктиром
- Тердик (терлик)** — потник, чепрак для верхового коня
- Терек** — тополь
- Терме** — вид безворсового ткачества. Таким ткют полосы для юрт (двухстороннее)
- Теша** — тесло
- Тешик** — отверстие
- Тик жака (буума жака)** — стоячий воротник
- Тикме** — вышитый ковер
- Тоголок** — домотканая тесьма из черной шерсти
- Той** — пир, пиршество, празднество
- Токоч (тукач)** — лепешки разной формы
- Токум** — потник; часть вышитого чепрака под женское седло
- Тольгу** — катышек (овечий, козий или верблюжий помет), круглые камешки
- Токой** — тугайник; заросли кустарника часто смешанного с камышом по поймам рек, озер, болот
- Тон** — ватный халат
- Тоо** — верблюд
- Тоок** — курица
- Топ** — семейно-родственная группа
- Топчи** — пуговица
- Тор** — сети
- Торкы-альгек** — сито из соответствующей хлопчатобумажной ткани
- Торпок** — теленок
- Торы** — гнедой (о масти коней)
- Төр** — стена против входа в юрту, помещение; почетное место, передний угол
- Төөнөч** — фибула
- Төшөк** — подстилочное одеяло
- Төшөкча** — лоскутное небольшое одеяло для подстилки и для укрывания холостым
- Туз хаалта** — мешочек для соли
- Тулга (толга)** — тренога
- Тулум** — бурдюк
- Тумар** — амулет; мотив орнамента киргизской вышивки
- Тура-кур** — кушак длиной в 4–5 м
- Турк кой** — киргизская овца
- Туртук (бакан)** — столбы в жилище, поддерживающие потолок (крышу)
- Тухум** — яйцо
- Түшкнийиз** — настенный вышитый ковер
- Түндүк (төндүк)** — верхний деревянный круг остова юрты, служащий дымоходом; мера длины; нитки с низанными на нее бусами
- Түндүк жабу** — кусок кошмы, закрывающий дымоход в юрте
- Уджра** — дом нового типа
- Уй-хома** — хлев для коров
- Улак** — козлодранье; конное состязание, участники которого верхом на конях вырывают друг у друга тушу козленка или теленка
- Улар** — горная индейка
- Умач (умоч)** — затируха, род мучной похлебки
- Умач-атала** — жидкая похлебка на воде, заправленная сколотиной
- Уро** — яма для хранения зерна
- Урюк** — абрикос, абрикосовое дерево
- Усто** — мастер
- Устон калон** — старший мастер
- Устун** — потолочная балка, матица; столб, бревно
- Уу** — охота
- Ууз** — молозиво
- Уук** — гнутые жерди, которые образуют покатую кровлю юрты

Учук — пузырьки на губах (например, при лихорадке; герпес)
Ушку — сверло
Уй — дом старого типа; дом; комната
Уй-бакан — жердь для поднятия **чангарака**

Фатиха (потиха) — благословение; помолвка

Хазрат, хазрати, святой
Хампа — закром (ларь) глиняный
Ханака — молельня, внутренняя часть мечети
Хас — сухая трава
Хашаки кой — беспородная овца
Хашар — помочь
Хирман — ток
Хисор койы — гиссарские овцы
Хоу — скирда
Худон — поминальное угощение
Хумек — старинная обувь: ичиги из шкуры крупного рогатого скота, лошадей или горных козлов мехом наружу
Хурджин — переметная сумка

Чавадан — ковровая подушка, набиваемая ватой или, чаще, сеном или соломой; ковровый мешок для одежды
Чаваты (чапаты) — тонкие лепешки
Чагалек — яма для разведения костра, которым обогрели дома памирского типа
Чайдон — металлический кувшин с ручкой и носиком для кипячения чая
Чай халта — мешочек для чая
Чайнак кап — футляр для чайника, украшенный вышивкой
Чака — густая масса, остающаяся после процеживания скототины
Чака-курут — высушенный сыр, полученный из чаки
Чак-чау (чах-чуб) — мутовка для сбивания масла
Чалкан — крапива
Чальш — метис
Чангарак (чангарак) — гнутые палочки, вставляемые крест-накрест в тундук

Чанач — сумка для хлеба
Чанаш чарык — меховые чулки из овчины, сшитые мехом внутрь
Чанар — примитивная борона из хвоста или колючего кустарника
Чапкы — русская коса
Чара — большая чашка
Чарчи-кур — кушак длиной в 1,5–2 м
Чарың усто — сапожник
Чач — волосы
Чач-кеп — часть женского головного убора в виде чепца с хвостом
Чекч (чеккич) — приспособление для накалывания лепешек перед печением (пучок перьев или проволочек, воткнутых в деревянный пестик)
Челек — чедро
Чельпек (чальпак) — тонкие лепешки, обжаренные в масле
Чекмень (чеккен) — халат, сшитый из домотканого сукна из овечьей, верблюжьей, козьей шерсти
Чеш — опоясывание провянной кучи зерна
Чигина — сани-волокуши
Чий — высокая жесткая степная трава, стебли которой идут на изготовление циновок; циновка из чия
Чий бахмал — вельвет
Чилля (чилде) — сорок самых холодных или сорок самых жарких дней в году; первые 40 дней после родов; сороковины
Чилли бахор — весеннее сорокадневие (с 18 марта по 30 апреля)
Чойорма — решето (d = 37 см)
Чоль — степь
Чомич — половник
Чорук — старинная обувь: сапоги кустарного производства из козьей кожи с подошвой из воловьей кожи
Чукуру — ремень
Чыгуу — оспа
Чын седеп — настоящий перламутр (перламутровые пуговицы, пластинки)
Чыңчалак бармак — мизинец
Чырак (чырог) — светильник

Ша (шо) — правитель

Шакак — кольцо из широкой пластинки с узором на наружной поверхности в виде горизонтальных параллельных линий

Шакар — щелок

Шаламбет — мучной кисель

Шерие (шериние) — мужская компания, собирающаяся в **алоу-хона**, каждый участник которой по очереди угощает остальных мясной пищей. Так же называется и само угощение

Шик — загон для овец

Шидви (шилби) — жимолость, волчья ягода

Шипанг — навес

Шиш кевек — шацалык

Шо — см. **Ша**

Шогирд — ученик

Шорво (шорпо) — мясной бульон или суп

Шувок — польнь

Шуру (чин-шуру) — кораллы

Шуушаң (жуушаң) — ножницы для стрижки овец

Шүдгөр — земля под паром

Шым — верхние штаны

Шырдак или **ойма кийиз** — сшитый в два слоя войлок с нашитыми узорами

Ысбыл — узор в виде меандра

Ыскыт — кант

Ычкыр — вздержка на штанах

Эгау (турпу) — напильник

Эже — обращение к старшей женщине

Элак (эльгек) — сито

Элечек — белый тюрбан замужней женщины

Эмчи — повитуха

Этту жер — мясистая земля

Эшик — дверь

Эрчи — седельники

Юндук (саман) арпа — ячмень с пленчатыми семенами, дающий много соломы и отрубей

Якандуз — узкое подстилочное одеяло

Ялангач (кок) арпа — ячмень с голыми зернами зеленоватого цвета

Яхтак (жегде) — легкий халат без подкладки

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН — Академия наук
ИООН — Известия отделения общественных наук
ИРГО — Императорское Русское географическое общество
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
РГО — Русское географическое общество
СМА — Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии
СМАЭ — Сборник Музея антропологии и этнографии
СЭ — Советская этнография
СЭС — Среднеазиатский этнографический сборник
ТИАЭА — Труды Института археологии, этнографии и антропологии АН СССР
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии
ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР
ТКАЭЭ — Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
ЭО — Этнографическое обозрение

ОГЛАВЛЕНИЕ

Б.Х. КАРМЫШЕВА И ЕЕ ТВОРЧЕСТВО.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	19
Задачи исследования.....	19
Историография и источники.....	20
НАСЕЛЕНИЕ.....	21
Краткие географические сведения.....	21
Расселение киргизов в Каратегине.....	24
История кишлаков.....	36
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ.....	47
Скотоводство.....	49
Земледелие.....	59
Разделение труда.....	64
Меры веса.....	65
ПОДСОБНЫЕ ПРОМЫСЛЫ.....	67
Домашние промыслы.....	67
Охота.....	78
Отходничество.....	79
МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА.....	81
Поселения.....	82
Усадьба.....	84
Жилище. Утварь.....	86
Пища.....	120
Одежда и украшения.....	137

ОБЩЕСТВЕННЫЙ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ	179
Социальные отношения	179
Семья и семейная обрядность	186
Родственные связи	186
Свадебные обряды	189
Обряды, связанные с рождением и воспитанием детей	210
Погребально-поминальные обряды	233
ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ	246
Религиозные пережитки в семейной обрядности	246
Прочие обычаи и обряды	250
Врачевание	253
Общественная жизнь. Развлечения	256
Фольклор	260
ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ РАЗВИТИЕ КАРАТЕГИНСКИХ КИРГИЗОВ	266
СЛОВАРЬ МЕСТНЫХ ТЕРМИНОВ	271
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	281

Кармышева Б.Х.

Каратегинские киргизы / Б.Х. Кармышева ; [отв. ред. С.С. Губаева, С.Н. Абашин] ; Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН. — М. : Наука, 2009. — 284 с. — ISBN 978-5-02-036759-3 (в пер.).

Монография посвящена историко-этнографической характеристике небольшой группы киргизов, проживавших совместно с горными таджиками в одном из районов Таджикистана, Каратегине, до конца XX в. После распада СССР каратегинские киргизы были вынуждены переселиться на свою историческую родину из-за межнациональной розни, охватившей этот регион, как и другие территории бывшего Советского Союза. Книга представляет интерес в первую очередь потому, что сведений об этой группе киргизов в этнографической литературе немного. В работе рассмотрены история заселения Каратегина киргизами, их расселение, занятия, материальная и духовная культура, общественный и семейный быт, фольклор. Приведен словарь местных терминов.

Для этнографов, историков, востоковедов и более широкого круга читателей.

Научное издание

Кармышева Балкис Халиловна

**КАРАТЕГИНСКИЕ
КИРГИЗЫ**

Утверждено к печати

Ученым советом

Института этнологии и антропологии

им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Российской академии наук

Заведующая редакцией Н.А. Петрова

Редактор Н.В. Коваленко

Художник В.Ю. Яковлев

Художественный редактор Т.В. Болотина

Технический редактор В.В. Лебедева

Корректоры

А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова, А.В. Морозова,

Т.И. Шеповалова

Подписано к печати 09.04.2009

Формат 60×90^{1/16}. Гарнитура Академическая

Печать офсетная

Усл. печ. л. 18,0 + 1,1 вкл. Усл.кр.-отт. 19,6. Уч.-изд.л. 22,0

Тираж 800 экз. (РГНФ – 300 экз.). Тип. зак. 1462

Издательство «Наука»

117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru

www.naukaran.ru

ППП «Типография «Наука»

121099, Москва, Шубинский пер., 6

**АДРЕСА КНИГОТОРГОВЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ
ТОРГОВОЙ ФИРМЫ "АКАДЕМКНИГА" РАН**

Магазины "Книга-почтой"

- 121099 Москва, Шубинский пер., 6; (код 495) 241-02-52
Сайт: www.LitRAS.ru E-mail: info@LitRAS.ru
197110 Санкт-Петербург, ул. Петровзаводская, 7 "Б"; (код 812)
235-40-64 ak@akbook.ru

**Магазины "Академкнига" с указанием букинистических отделов
и "Книга-почтой"**

- 690002 Владивосток, Океанский проспект, 140 ("Книга-почтой");
(код 4232) 45-27-91 antoli@mail.ru
620151 Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, 137 ("Книга-почтой");
(код 343) 350-10-03 kniga@sky.ru
664033 Иркутск, ул. Лермонтова, 289 ("Книга-почтой"); (код 3952)
42-96-20 aknit@irlan.ru
660049 Красноярск, ул. Сурикова, 45; (код 3912) 27-03-90 akademkniga@bk.ru
220012 Минск, просп. Независимости, 72; (код 10375-17) 292-00-52, 292-46-52,
292-50-43 www.akademkniga.by
117312 Москва, ул. Вавилова, 55/7; (код 495) 124-55-00
(Бук. отдел (код 495) 125-30-38)
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12; (код 495) 932-74-79
127051 Москва, Цветной бульвар, 21, строение 2; (код 495) 621-55-96 (Бук.отдел)
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90; (код 495) 334-72-98
105062 Москва, Б. Спасоглинищевский пер., 8 строение 4; (код 495)
624-72-19 (Бук. отдел)
630091 Новосибирск, Красный проспект, 51; (код 383) 221-15-60
akademkniga@mail.ru
630090 Новосибирск, Морской проспект, 22 ("Книга-почтой");
(код 383) 330-09-22 akdmp2@mail.nsk.ru
142290 Пушкино Московской обл., МКР "В", 1 ("Книга-почтой");
(код 49677) 3-38-80
191104 Санкт-Петербург, Литейный проспект, 57; (код 812) 272-36-65 ak@akbook.ru
(Бук. отдел)
199034 Санкт-Петербург, Васильевский остров, 9-я линия, 16; (код 812) 323-34-62
(Бук. отдел)
634050 Томск, Набережная р. Ушайки, 18; (код 3822) 51-60-36
akademkniga@mail.tomsknet.ru
450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10 ("Книга-почтой"); (код 3472) 23-47-62,
23-47-74 UfaAkademkniga@mail.ru
450025 Уфа, ул. Коммунистическая, 49; (код 3472) 72-91-85 (Бук. отдел)

Коммерческий отдел, Академкнига, г. Москва
Телефон для оптовых покупателей: (код 495) 241-03-09
Сайт: www.LitRAS.ru
E-mail: info@LitRAS.ru
Склад, телефон (код 499) 795-12-87
Факс (код 495) 241-02-77

*По вопросам приобретения книг
государственные организации
просим обращаться также
в Издательство по адресу:
117997 Москва, ул. Профсоюзная, 90
тел. факс (495) 334-98-59
E-mail: initsiat@naukaran.ru
www.naukaran.ru*

1 3 1 1 3 8

Б. Х. КАРМЫШЕВА

КАРАТЕГИНСКИЕ КИРГИЗЫ

ISBN 978-5-02-036759-3

9 785020 367593

НАУКА